ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

П.Ф. Никулин

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТРОЙ КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ НАЧАЛА XX в.

Под редакцией
д-ра ист. наук В.П. Зиновьева

Настоящее издание вышло в свет
при поддержке РГНФ (грант № 0801-64105 а/Т)
и аналитической ведомственной целевой программы
«Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 годы)»

Томск
2009

УДК 94(571.1)20
ББК 63.3(2)52
Н 65

Рецензенты:
д-р ист. наук А.Н. Жеравина
д-р ист. наук Ю.В. Куперт

Никулин П.Ф.
Н65 Экономический строй крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX в. / Под ред. В.П. Зиновьева. – Томск: «ТМЛ-Пресс», 2009. – 384 с.

ISBN 5-91302-072-3

В монографии рассматривается хозяйственный строй западносибирской деревни начала XX столетия. Основное внимание в работе уделено оценке экономической природы и глубины модернизации крестьянского хозяйства региона, а также определению главных особенностей его эволюции. Монография основана на системном структурно-функциональном анализе и методике математического моделирования данных массовых источников – Томского губернского сельскохозяйственного обследования 1901 г. и Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г.

Для специалистов в области аграрной истории, а также всех интересующихся историей дореволюционной России.

УДК 94(571.1)20
ББК 63.3(2)52

ISBN 5-91302-072-3

© П.Ф. Никулин, 2009
© Изд-во «ТМЛ-Пресс», 2009

Светлой памяти моих родителей
Фёдора Васильевича и
Лукерии Максимовны

ОТ АВТОРА

Сибирь всегда была опорным краем России. На ее просторах в полной мере выразился созидательный потенциал русского народа, формировавший национальные альтернативы исторического развития страны. Решающая роль в этом региональном процессе принадлежала сибирскому крестьянству. Основой жизни крестьянина являлась его трудовая хозяйственная деятельность. Особенно ярко творческий потенциал сибирского земледельца проявился в начале XX столетия – в годы бурного развития рыночно-капиталистических отношений. Это вызывает большой научно-исторический интерес к крестьянскому хозяйству региона. Наиболее актуальна проблема его внутренней природы и модернизационного потенциала. Она закономерно встала в центре внимания автора данного исследования. Работа основана на подворных материалах всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. и Томской губернской сельскохозяйственной переписи 1901 г.

Честь открытия нового массового источника по аграрной истории Западной Сибири принадлежит сотруднику Государственного архива томской области Валентине Алексеевне Бузановой. В научно-историческую жизнь его ввел заведующий кафедрой отечественной истории Томского государственного университета профессор В.П. Зиновьев. Автор глубоко признателен им.

Большую благодарность хочу выразить доценту факультета информатики Василию Петровичу Леонову, который оказал неоценимую помощь в математико-статистической обработке на ЭВМ первичных данных обследования 1901 г.

Глубоко признателен своим учителям профессору Николаю Васильевичу Блинову и академику Ивану Дмитриевичу Ковальченко, определившим аграрно-крестьянское направление моих научно-исследовательских интересов.

Выражаю благодарность дружному коллективу кафедры отечественной истории Томского государственного университета, которая поддержала мою работу над темой и всемерно способствовала ее завершению.

Слова признательности хочется сказать в адрес товарищей и коллег, которые в разное время оказали мне помощь и поддержку в работе над монографией, – Л.И. Бородкину, А.В. Бочарову, А.А. Бондаренко, А.А. Говоркову, Е.Е. Дутчак, А.Н. Жеравиной, Н.А. Ивановой, Т.Ф. Изместьевой, Е.А. Ким, С.Л. Кинёву, А.Н. Котлярову, В.М. Кулемзину, Ю.В. Куперту, Э.Л. Львову, Н.И. Майорову, Л.А. Никулиной, А.Н. Попову, С.И. Толстову, С.Ф. Фоминых, Э.И. Черняку, В.В. Шевцову.

Автор сердечно благодарен жене, Татьяне Викторовне Юрковой, за моральную поддержку и огромную практическую помощь.

ВВЕДЕНИЕ

В начале XX в. Россия была преимущественно аграрной страной. Стержнем ее исторического развития являлась социальная, культурная и экономическая модернизация. В центре экономической модернизации находилось крестьянское хозяйство, которое давало 90% валовой и около 80% товарной сельскохозяйственной продукции и служило основой социальной культуры большинства населения России. В данной связи изучение экономического и социокультурного развития российской деревни является важнейшей предпосылкой формирования современной концепции истории страны. Это закономерно предопределяет научную значимость и актуальность исследовательского интереса к крестьянскому хозяйству.

Изучение истории земледельческого хозяйства России предполагает исследование общего и особенного в форме, содержании и уровне развития его отдельных территориальных подразделений. Значительный интерес с этой точки зрения представляет крестьянское хозяйство Западной Сибири – крупнейшего восточного региона страны. Главная особенность аграрной эволюции Сибири в том, что она представляла чисто крестьянский тип развития. Он осуществлялся в благоприятных для земледельцев условиях: включенности в общероссийский рынок, отсутствия помещичьих хозяйств, относительной земельной свободы, интенсивных крестьянских переселений, укреплявших влияние традиционной общинной культуры. Изучение экономики западносибирской деревни дает возможность построить социокультурную концепцию самостоятельной, внутренне обусловленной крестьянской экономической модернизации начала XX в.

В настоящее время на первый план сибиреведческих аграрных исследований выдвинулась ключевая проблема выяснения внутреннего содержания, форм и степени рыночной модернизации традиционного крестьянского хозяйства региона, определения его социокультурной, экономической природы и основных направлений дальнейшей эволюции. Она попрежнему недостаточно разработана. С целью выяснить причины сложившегося положения и современное состояние исследуемой проблема-

тики обратимся к историографии крестьянского хозяйства Западной Сибири конца XIX – начала XX в.

Исследование экономического строя западносибирской деревни начала XX в. прошло дореволюционный, советский и постсоветский этапы развития[1].

Дореволюционная историография. В дореволюционный период было положено начало широкому фактическому и концептуальному изучению крестьянского хозяйства Западной Сибири конца XIX – начала XX в. В крестьяноведческой историографии этого времени в целом утвердилась концепция некапиталистической трудовой (устойчивой к рынку) природы и небуржуазной эволюции земледельческого хозяйства региона. Решающий вклад в ее формирование внесла народническая историческая литература. Руководствуясь первоначально либерально-народнической идеей общинно-трудового патриархального характера крестьянского хозяйства, неонародническая историографическая традиция в 10–20-х гг. XX в. выработала концепцию его общинной, натурально-мелкотоварной, потребительской природы и кооперативно-артельного пути эволюции.

Аналогичных взглядов на крестьянское хозяйство региона придерживались и представители других немарксистских направлений аграрной историографии: вышедшие из либерально-народнической парадигмы сибирские областники, либеральные исследователи и авторы официально-государственной исторической традиции. Они расходились лишь в видении перспектив планируемой экономической эволюции деревни: областники – в кооперировании земледельческих хозяйств в рамках автономной Сибири; либералы – в совершенствовании систем земледелия, росте переселений; государственники – в индивидуализации хозяйства и развитии крупнокрестьянских капиталистических предприятий арендного типа.

На рубеже XIX–XX вв. в изучении аграрно-экономического развития Сибири сложилось принципиально новое марксистское направление. Главный вклад в его формирование внес В.И. Ленин. Он разработал концепцию буржуазно-рыночной природы крестьянского хозяйства, теорию двух путей его капиталистической эволюции и социального разложения деревни на классы капиталистического общества.

Советская историография (20–80-е гг. XX в.). Марксистско-ленинская концепция стала основой советской историографии крестьянского хозяйства Сибири начала XX в. Главным итогом ее развития явилось соз-

[1] Историографию проблемы см. в гл. 1 настоящей работы.

дание целостной научной концепции экономического развития западносибирской деревни в начале XX в. Центральное место в ней занял тезис об утверждении в сельском хозяйстве края капиталистических отношений и мелкобуржуазной природе социально-экономического строя крестьянского хозяйства. Развитие рыночно-капиталистических отношений, согласно сложившейся концепции, обусловило социальное разложение сибирской деревни на классовые группы сельских пролетариев и полупролетариев (бедняков), мелкотоварных производителей-середняков и сельской буржуазии. Очень важным компонентом советской аграрно-крестьянской доктрины стало положение о преобладании в Сибири фермерского типа буржуазной аграрной эволюции.

Советская аграрная историография внесла огромный вклад в изучение экономики сибирской деревни начала XX в. Ее самым важным, непреходящим достижением стала концепция развития крестьянского хозяйства региона по пути товарно-денежных, рыночных отношений и фундаментальное положение о господстве мелкотоварного уклада, являвшегося основой экономической деятельности земледельца. Вместе с тем аграрно-крестьянская историографическая традиция советского периода несла в себе ряд органических противоречий, вызванных особенностями марксистской методологии. Главным недостатком советской аграрной концепции являлось наличие методологически не разрешенного противоречия между декларируемым положением о буржуазной природе земледельческого предприятия и традиционным характером его материально-технической базы и хозяйственной культуры крестьянина.

Современная, постсоветская историография (1990–2000-е гг.). Крушение советской политической системы создало предпосылки для нового витка развития российской исторической науки. Это потребовало переосмысления теоретико-методологических основ исторического исследования. В результате к настоящему времени ведущие позиции занял социокультурный подход, рассматривающий историю как процесс развития и взаимодействия социальных субъектов и систем. Крестьянское хозяйство в рамках данного подхода выступает в качестве экономической формы традиционной крестьянской культуры. Хозяйствующим субъектом является крестьянская семья.

В постсоветский период первое место в аграрном сибиреведении заняло изучение главных социокультурных условий, факторов и отдельно рассматриваемых сторон экономической эволюции западносибирской деревни. В центре внимания исследователей оказались общинное само-

управление, социальные и хозяйственные традиции, ментальность, а также общинный и семейно-трудовой механизмы воспроизводства и передачи традиционных ценностей, норм поведения и хозяйственного опыта сибирских крестьян. Очень широко изучались социально-демографические аспекты хозяйственного развития западносибирской деревни второй половины XIX – начала XX в. и социокультурные факторы процесса крестьянских переселений. Существенное внимание аграрники уделили исследованию крестьянской кооперации в сибирском крае.

Интенсивные научные исследования проблем экономического развития западносибирской деревни конца XIX – начала XX в. заложили общие основы для формирования современной аграрно-крестьянской концепции. Начало ее конкретно-исторической разработке положили целостные исследования земледельческого хозяйства. Большинство исследователей полагают, что в Западной Сибири в начале XX в. преобладали входившие в общину семейно-трудовые, мелкотоварные (некапиталистические, небуржуазные[1]) крестьянские дворохозяйства. Они включались в систему современных рыночно-капиталистических отношений кооперативным путем. В деревне, по мнению сибиреведов, также сложилась небольшая группа выделившихся их общей массы крупных предпринимательских дворов, развивавшаяся по фермерскому (капиталистическому) пути.

Вместе с тем специальные исследования крестьянского хозяйства начала XX в. оказались малочисленными. Работы 90-х гг. XX в. основывались на марксистской методологии. Более поздние – современные – социально-культурные исследования крестьянского хозяйства охватывают очень широкое время (включая феодальную или советскую эпохи). Экономика сибирской деревни рассматриваемого периода характеризуется в них в самых общих чертах или описательно. Специальное социокультурное изучение внутреннего строя крестьянского хозяйства региона начала XX в. на предмет исследования его экономической природы, глубины модернизации и особенностей эволюции до сих пор не проводилось. Поэтому выдвинутая сибиреведами концепция модернизации семейно-трудового, патриархально-мелкотоварного потребительского характера хозяйства западносибирской деревни вплоть до настоящего времени мало разработана и недостаточно обоснована. Очень существенной причиной системной незавершенности аграрно-крестьянской концепции является

[1] Не подчинявшиеся капиталистическому рынку.

также информационная ограниченность источниковой базы и слабая эффективность используемой описательной методики.

Таким образом, современная концепция хозяйственного строя и эволюции западносибирской деревни начала XX в. по-прежнему находится в стадии формирования и активных исследований. В первую очередь необходимы более широкое и детальное изучение природы внутреннего строя крестьянского хозяйства и дальнейшая разработка проблемы его рыночной модернизации и социокультурной эволюции. В связи с большой актуальностью данные аспекты рассматриваемой проблемы оказались в центре внимания автора настоящей работы.

Целью данного исследования является определение внутренней социокультурной и экономической природы крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX в. и выяснение формы, содержания и степени его экономической модернизации.

Для достижения поставленной цели были решены следующие задачи:

1. Определены источники, методология и методика исследования внутреннего строя крестьянского хозяйства региона.

2. Выявлены размеры и уровень производственно-технической базы, семейно-трудовые ресурсы, общее состояние и основные тенденции развития крестьянского хозяйства.

3. Установлены степень, формы включенности в рыночно-капиталистические отношения и рыночные структуры хозяйства в различных социальных группах крестьянства.

4. Определены социокультурная и экономическая природа процесса воспроизводства хозяйства, земельной аренды и использования наемного труда в крестьянских дворах различных социальных групп.

5. Раскрыта социально-экономическая природа предпринимательства в зажиточных крестьянских хозяйствах региона.

6. Установлены формы, содержание и глубина модернизации внутреннего строя хозяйства в различных группах крестьянских дворов.

7. Определены основные особенности и тип эволюции крестьянского хозяйства Западной Сибири в начале XX в.

Хронологические рамки исследования составляет единый с точки зрения аграрно-экономического развития Сибири начальный период XX столетия (1900–1917 гг.). Данное время, связанное с развитием сельского хозяйства Западной Сибири в составе всероссийского товарно-капиталистического рынка, стало главным этапом в процессе модернизации дореволюционного крестьянского хозяйства края. Осовременивание

традиционного хозяйственного строя сибирской деревни начала XX в. происходило в достаточно благоприятной обстановке: в условиях отсутствия помещичьих хозяйств и организованных государством массовых крестьянских переселений и землеустройства. Поэтому в рассматриваемый период сформировались главные черты, формы, особенности и перспективы модернизации крестьянского хозяйства Западной Сибири, воплотившей в себе чистый крестьянский тип аграрной эволюции России.

Территориальные рамки исследования охватывают Западную Сибирь. В начале XX столетия в нее фактически входили Тобольская и Томская губернии, а также Омский и Петропавловский уезды Акмолинской области, заселявшиеся русскими крестьянами. В Западной Сибири были расположены примерно 70% крестьянских хозяйств всей Сибири. Ее территория представляет все основные природно-географические, социально-экономические зоны и социокультурные условия Сибири.

Методология исторического исследования включает в себя фундаментальные предпосылки – подходы и принципы, а также систему взаимосвязанных общенаучных и специально-научных, исторических методов[1]. В основу настоящего исследования положен общий *социокультурный подход*. Его сущность – в понимании единства социальности и культуры, которое формируется в процессе человеческой деятельности. Духовная и материальная культура выступают в данном единстве как содержание и источник социального развития. Общество состоит из социальных групп. Отдельная социальная группа участвует в общественном развитии как самостоятельный социокультурный субъект, который руководствуется корпоративной и общей системой духовных ценностей, норм и «программой деятельности». Социальная история, согласно социокультурной парадигме, является целостно-системным процессом развития и взаимодействия составлявших общество социальных групп и функциональных структур (экономика, духовная культура, политическая организация и др.). Общая культура обеспечивает социокультурный баланс социальных и функциональных структур и целостность общества. Общество предстает перед исследователем как саморегулируемая (органическая) социокультурная сис-

[1] См.: *Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования. 2-е изд., доп. М., 2003; *Методологические* проблемы истории: Учеб. пособие. Минск, 2006; *Методологический* синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы. М., 2005; *Бочаров А.В.* Основные методы исторического исследования: Учеб. пособие. Томск, 2006; *Поршнева О.С.* Междисциплинарные методы в историко-антропологических исследованиях: Учеб. пособие. Екатеринбург, 2005 и др.

тема. Крестьянское хозяйство было частью ее экономической структуры. В социально-культурном плане оно выступало как экономическая форма традиционной крестьянской культуры. Крестьянин (крестьянская семья) являлся самостоятельным хозяйственным субъектом.

Очень важной стороной методологии исторического познания, выражающей общие черты общенаучных и специфически-исторических методов, являются принципы научного познания – объективности, системности, историзма и ценностного подхода.

Принцип *объективности* обеспечивает получение истинного знания об изучаемой исторической реальности. Он предполагает всесторонний подход к рассматриваемым историческим фактам и явлениям; опору на существующее знание; комплексное применение различных научных методов и творческое, заинтересованное отношение к процессу. Принцип *системности* ориентирует исследователя на раскрытие целостности сложного исторического явления во взаимосвязи и взаимодействии всех его частей и элементов с учетом его места в системах более высокого порядка. Принцип *историзма* предполагает изучать любое явление в его генезисе, развитии и конкретно-исторической обусловленности, учитывая истоки и факторы предшествующей историографической разработки анализируемой проблемы. Принцип *ценностного* подхода раскрывает пристрастное, субъективно-ценностное отношение историка к изучаемому явлению прошлого. Он требует от исследователя учитывать и ограничивать ценностную сторону своих суждений о событиях, ее влияние на отбор фактов и всемерно соблюдать принцип объективности исследования. Историк также должен принимать во внимание ценностно-мировоззренческие аспекты работ других исследователей при анализе историографии по изучаемой проблеме.

Принципиально новые возможности для исследования путей и форм эволюции крестьянского хозяйства в динамичных условиях Сибири начала XX в. открывает активно разрабатываемый в настоящее время *синергетический подход*. Это теоретико-методологическое направление рассматривает общественные явления как открытые неравновесные социальные системы, развивающиеся в условиях интенсивного обмена энергией и веществом со внешней средой. В таких системах под воздействием внешней среды наблюдается согласованное поведение ее подсистем-процессов и возрастает самоорганизация. Это ведет к повышению их неустойчивости и хаотичности. Неравновесная система переходит в критическое состояние (точка бифуркации), в котором в непредсказуемой борьбе альтернатив вы-

зревает и побеждает новое стабильное качество системы (изменяется ее самоорганизация). В стабильной фазе открытая система эволюционирует на основе адаптационных механизмов до новой точки бифуркации. В целом синергетический подход рисует историку картину нелинейного, неустойчивого, вероятностного, многовариантного и непредопределенного исторического процесса, которая дает исследователю реальную методологическую основу для определения и анализа альтернатив и стадий развития.

Существенную роль в современной научно-исторической методологии играет *междисциплинарный подход*. Он создает возможность исторического синтеза достижений, концепций, моделей, категорий и понятий других социальных наук о прошлом в фокусе человеческой индивидуальности и в русле социокультурного подхода формирует предпосылки к воссозданию общественного человека как субъекта истории. Большое значение в плане осуществления интердисциплинарного синтеза в настоящей работе имело применение результатов и концептуальных положений экономики, социологии, экономической социологии, социальной психологии, культурологии, социальной антропологии, этнографии, исторической этнологии, исторической информатики и математической статистики.

Научная историческая методология представляет собой сложную систему взаимосвязанных и взаимопроникающих методов философско-логического, общенаучного и специально-научного уровня.

Философско-логические методы являются основой мышления. К ним относятся анализ и синтез, индукция и дедукция, аналогия и сравнение, моделирование и обобщение.

Общенаучные методы характеризуют определенные стороны научно-познавательной деятельности и направлены на решение исследовательских задач. Они делятся на общие логические приемы (обобщение, сравнение, абстракция), эмпирические методы (применение, описание, наблюдение, эксперимент) и методы теоретического исследования: формализация, идеализация, мысленный эксперимент, системный подход и системный анализ, математические методы, моделирование, методы восхождения от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному, исторический и логический.

Специальные исторические методы представляют собой различные комбинации общенаучных методов, направленные на изучение исторического объекта. К основным общеисторическим методам принадлежат историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический, историко-системный и диахронный.

Историко-генетический метод предполагает изучение явлений прошлого в их конкретно-историческом развитии. Его использование позволило в наибольшей степени приблизиться к действительной истории экономического развития крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX столетия. *Историко-сравнительный*, или *компаративный*, метод дал возможность выявить общее и особенное в процессе рыночного развития крестьянских хозяйств земледельческой и скотоводческой специализации и различных социальных групп. *Историко-типологический* метод предоставляет исследователю средства для определения общего в пространственных группах исторических явлений или возможность выделить однородные стадии в их развитии. Он позволяет выяснить наиболее типические по уровню социально-экономического развития земледельческие и скотоводческие волости Западной Сибири и создает основу для моделирования внутреннего строя крестьянского хозяйства.

Центральное место в методологии настоящего исследования занял *историко-системный* метод, который направлен на углубленный целостный анализ явлений исторической реальности и изучение природы и внутренних механизмов, внешних факторов функционирования и развития общественно-исторических систем. Всестороннее использование данного метода в системно-структурном и структурно-функциональном планах в сочетании с количественными методами позволило определить внутреннюю экономико-культурную природу крестьянского хозяйства региона начала XX в., а также выяснить внутренние и внешние факторы его модернизации.

При исследовании, кроме опубликованных источников, использовались неопубликованные письменные документы, хранящиеся в фондах Российского государственного исторического архива (РГИА), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Государственного архива Томской области (ГАТО), Государственного архива Омской области (ГАОО), Государственного архива г. Тобольска (ГАТ) и Центра хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК).

Источники разделены на четыре видовые группы:

1. Статистические и описательно-статистические материалы.
2. Делопроизводственная документация.
3. Периодическая печать.
4. Научно-публицистические работы, очерки и путевые записи.

В основу настоящего исследования положены **массовые статистические источники**. Они отражали различные явления прошлого через их

количественную сторону. Во второй половине XIX – начале XX в. статистические исследования проводились в форме переписей (единовременных обследований) и текущего (ежегодного) статистического учета. В результате сформировались две группы статистических материалов: *основная статистика*, охватившая опубликованные и архивные (первичные) сведения переписей, и *текущая статистика*, представленная ежегодными публикациями сводных данных.

При исследовании крестьянского хозяйства наибольший интерес вызывают материалы переписей. В единовременных обследованиях земледельческое хозяйство изучалось как целостно-системный объект во взаимосвязи всех его компонентов и сторон. Единицей учета (описания) являлся крестьянский двор. Информация о земледельческих хозяйствах по определенной программе собиралась очень надежным экспедиционным способом. Текущий статистический учет обычно осуществлялся методом сбора обобщенной (сводной) информации об отдельных, изолированных сторонах крестьянского хозяйства (посевы, скот, товарная продукция и т.д.) в масштабах больших административных и экономических образований и поэтому отражал лишь общие социально-экономические условия его существования и развития. Информация собиралась путем рассылки анкет, на вопросы которых обязательно отвечали административные чины или добровольные корреспонденты. Качество сведений, собранных добровольцами, зависело от густоты корреспондентской сети. В Западной Сибири сеть добровольных корреспондентов была достаточно представительной на губернском и уездном уровнях.

Общая источниковедческая оценка материалов того или иного статистического обследования хозяйственного строя сибирской деревни предполагает выявление статистического учреждения, выяснение целей, задач, единиц учета и программы обследования, установление методов сбора информации и определение отражаемых данным источником компонентов, сторон крестьянского хозяйства (программы) и социально-экономических отношений в деревне.

Общее направление и содержание статистических источников определялось социальными функциями, целями и задачами создавшей их системы статистических учреждений. Использованные в настоящей работе количественные источники относятся к двум главным организационным направлениям российской системы статистического учета: *государственной статистике* и *статистике общественных и научных организаций.*

Главную роль в формировании корпуса статистических источников по истории крестьянского хозяйства Сибири конца XIX – начала XX в. играла система государственного учета. **Аграрная государственная статистика** рассматриваемого периода делилась на **общегосударственную и ведомственную** отрасли.

Общегосударственный статистический учет осуществлял Центральный статистический комитет (ЦСК) при МВД. На губернском уровне необходимую информацию собирали губернские статистические комитеты. Первичные сведения им подавали волостные правления, являвшиеся организационной основой местной волостной статистики.

Томский губернский статистический комитет провел в 1901 г. уникальную для Сибири общегубернскую сельскохозяйственную перепись. Ее целью являлась оценка общего состояния крестьянского хозяйства в связи с поразившей сельское хозяйство региона засухой. Перепись охватила практически все дворохозяйства губернии. Информация собиралась анкетно-административным методом, путем рассылки ведомостных бланков в волости. Волостные правления получали необходимые сведения из волостных книг и от сельских старост. Таким образом, подворная перепись 1901 г. явилась общегубернским сводом текущих данных волостной статистики. Ее программа включала сведения о населении двора, числе семейных работников, количестве рабочего и продуктивного скота, размерах посевов, запасах хлеба и сена. Подворные данные обследования находятся в Государственном архиве Томской области в фонде губернского правления (Ф. 3). Они сохранились практически полностью и охватывают примерно 250–300 тысяч крестьянских хозяйств губернии[1].

Значительный интерес для исследователей крестьянского хозяйства Западной Сибири представляют материалы Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. и Всероссийской и поземельной сельскохозяйственной переписи 1917 г.

Всероссийская сельскохозяйственная перепись 1916 г. была проведена Особым совещанием по продовольствию с целью учета продовольственных, кормовых и сырьевых ресурсов для улучшения снабжения армии и городского населения. В ходе обследования в Сибири были подворно переписаны население, семейные работники, сроковые и годовые наемные рабочие, тягловый и продуктивный скот, надельная и арендованная пашня и посевы. Сводные сибирские данные обследования обнародованы

[1] Подробный источниковедческий анализ сведений переписи 1901 г. дан в разделе 2.1.

в общероссийской публикации[1] и ряде местных изданий[2]. Достоинством западносибирских материалов является наличие большого массива подворных карточек (до 350 тыс. единиц), хранящегося в фонде Томского переселенческого района (ГАТО. Ф. 239).

Программа сельскохозяйственного обследования 1916 г. была относительно ограниченной, поэтому Временное правительство в связи с подготовкой аграрной реформы организовало новую, более широкую перепись, включив в ее программу обширный земельный раздел. В ходе Всероссийской поземельной и сельскохозяйственной переписи крестьянских хозяйств в 1917 г. были учтены население, семейные работники, наемные рабочие, скот, посевы, сельскохозяйственный инвентарь, промыслы, землевладение и землепользование. Комплекс имеющихся западносибирских материалов переписи составляют общероссийские[3] и местные публикации[4] сводных данных и достаточно представительный массив подворных карточек, которые хранятся в фонде Алтайской губернской земской управы Центра хранения архивного фонда Алтайского края (Ф. 233) и фонде Томского переселенческого района ГАТО (Ф. 239).

Сведения сельскохозяйственных переписей 1901, 1916 и 1917 гг. сопоставимы по главным показателям. Они в целом вполне представительно отражают основные компоненты – семейно-трудовые ресурсы и материально-техническую базу – крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX в. На их основе можно изучать общее состояние, уровень и тенденции развития земледельческих хозяйств. Ценность отмеченных материалов основной общегосударственной статистики заключается в наличии обширных комплек-

---

[1] См.: *Предварительные* итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года: (По подсчетам, произведенным местными переписными учреждениями). Вып. 3: Степной край, Сибирь и Дальний Восток: Поуездные, погубернские и порайонные итоги. Пг., 1917.

[2] См.: *Итоги* сельскохозяйственной переписи 1916 г. в Акмолинской области. Омск, 1916; *Алтайско-Томская* часть Сибири по данным сельскохозяйственной переписи 1916 года: Материалы с.-х. переписи, собранные и разработанные под руководством и ред. В.Я. Нагнибеды. Томск, 1927.

[3] См.: *Погубернские* итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по 57 губерниям и областям // Труды ЦСУ. 1923. Т. 5, вып. 1; *Поуездные* итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по 57 губерниям и областям // Там же. Вып. 2.

[4] См.: *Предварительные* итоги сельскохозяйственной переписи 1917 года по Тобольской губернии. Общинные хозяйства: Поуездные и погубернские итоги и некоторые выводы, из полученных переписью данных. Тобольск, 1918. Вып. 6; *Поволостные* итоги некоторых основных экономических данных Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 года по Алтайской губернии. Барнаул, 1919; *Сборник* статистических материалов по уездам, округам и районам в границах бывшей Томской губернии за 1917, 1924 и 1925 годы. Томск, 1928. С. 182–197.

сов сохранившихся первичных подворных карточек. Подворные данные дают возможность произвести социальную группировку земледельческих дворов, системно исследовать внутренний социальный и производственно-технический строй хозяйства сибирского крестьянства, определить его социокультурную, экономическую природу и направление эволюции.

Из материалов основной общегосударственной статистики можно также отметить опубликованные сведения военно-конских переписей 1908 и 1912 гг. В них есть данные о числе крестьянских хозяйств и количестве лошадей в Западной Сибири[1].

Текущая статистика ЦСК учитывала численность сельского населения, площади посевов, валовые сборы хлебов и количество скота. Наибольший интерес для сибиреведов среди публикации ее данных представляет специальный сборник «Статистический ежегодник России», издававшийся с 1911 г. (с 1904 по 1910 г. «Ежегодник России»). Очень информативны комплексные сборники, изданные по материалам общей государственной статистики в советское время[2]. В 1910 г. ЦСК через волостные правления собрал сведения об обеспеченности крестьянских хозяйств в России сельскохозяйственными орудиями[3]. Сведения текущей статистики ЦСК страдают преуменьшением данных.

Очень большой комплекс текущей сельскохозяйственной информации имеется в ежегодных «Обзорах» Акмолинской области, Тобольской и Томской губерний, представлявших собой статистические приложения к губернским отчетам. В них помещались погубернские и поуездные сведения о сельском населении, посевах и сборах хлебов, рабочем и продуктивном скоте, промыслах, маслодельческих заводах, переселенческом деле и землеустройстве.

Ведомственная статистика изучала крестьянское хозяйство Западной Сибири для решения практических задач правительственной аграрной политики, связанной с землеустройством, а также подготовкой, организацией и проведением земледельческих переселений[4].

---

[1] См.: *Статистика* Российской империи. СПб.; Пг., 1910–1914. Т. 72: Военно-конская перепись 1908 г. СПб., 1910; Т. 83: Военно-конская перепись 1912 г. Пг., 1914.

[2] См.: *Сельское* хозяйство России в XX веке: Сб. статистико-экономических сведений за 1901–1922 гг. М., 1923; *Статистический* сборник за 1913–1917 гг. // Труды ЦСУ. 1921. Т. 7, вып. 1.

[3] См.: *Сельскохозяйственные* машины и орудия в Европейской и Азиатской России в 1910 г. СПб., 1913.

[4] Подробнее о ведомственной статистике крестьянского хозяйства Сибири см.: *Горюшкин Л.М.* Источники по истории крестьянства и сельского хозяйства Сибири во второй половине XIX – начале XX в.: Учеб. пособие. Новосибирск, 1988. С. 17–25.

В 1886–1890-х гг., в связи с подготовкой землеустройства сибирского населения на казенных и кабинетских землях, Министерство государственных имуществ и главное управление Алтайского округа провели обширное обследование экономического быта крестьян и инородцев Западной Сибири. Основными единицами учета и описания являлись двор, селение и волость. Статистико-описательные результаты обследования опубликованы в многотомных «Материалах» и отдельных сборниках[1]. В них очень много внимания уделено поселенному описанию и характеристике общинного землепользования, производственной базы хозяйства (тягловый скот, инвентарь, системы земледелия и скотоводства), его рабочих ресурсов земледелия, скотоводства, промыслов. Существенное место в данных публикациях занимает информация о внешних рыночных условиях земледельческого хозяйствования, развитии в крестьянском хозяйстве товарного производства и системы товарно-денежных отношений. В отдельных выпусках есть подробные внутриселенные группировки дворов по площади посевов и количеству голов скота. Из аграрно-экономических обследований Алтая можно также отметить сплошное хозяйственно-статистическое описание 55 (из 57) волостей Алтайского округа, осуществленное Н.А. Вагановым в 1882 г.[2]

Текущую статистику в Министерстве земледелия и государственных имуществ (с 1905 г. Главное управление землеустройства и земледелия)[3] вел Отдел сельской экономии и сельскохозяйственной статистики. Комплексная ежегодная информация о сельском хозяйстве страны публиковалась в «Сборнике статистико-экономических сведений по сельскому

---

[1] См.: *Материалы* для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. СПб., 1888–1889. Вып. 1–22; *Материалы* по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Ялуторовского округа Тобольской губернии. М., 1897. Т. 1; *Крестьянское* землепользование и хозяйство в Тобольской и Томской губерниях: по исследованиям чинов Министерства государственных имуществ. СПб., 1894; *Материалы* по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Бийском округе. Барнаул, 1898–1901. Вып. 1–4; *Материалы* по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Томском округе. Барнаул, 1899. Т. 1, вып. 1–2; Т. 2, вып. 1–4.

[2] См.: *Ваганов Н.А.* Хозяйственно-статистическое описание крестьянских волостей Алтайского округа. СПб., 1886. Ч. 1–4. Подробнее см.: *Горлова И.Д.* Материалы комиссии Н.А. Ваганова как источник для характеристики крестьянской общины на Алтае // Крестьянская община в Сибири XVII – начала XX в. Новосибирск, 1977. С. 229–236.

[3] В 1894 г. Министерство государственных имуществ было преобразовано в Министерство земледелия и государственных имуществ. На его базе в 1905 г. было образовано Главное управление землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ). В 1915 г. ГУЗиЗ преобразовано в Министерство земледелия.

хозяйству России и некоторых иностранных государств. Год первый – год десятый» (СПб.; Пг., 1908–1917). Она основывалась на сообщениях добровольных корреспондентов и сведениях различных ведомств. В данных сборниках публиковались сведения о сельском населении, посевных площадях и сборах продукции растениеводства, кормах, состоянии скотоводства, ценах на сельскохозяйственную продукцию и ее перевозках, поденной плате на рабочие руки и производстве сельскохозяйственных машин и орудий.

Статистический отдел Алтайского округа вел текущий сельскохозяйственный учет, который освещал природные и рыночные условия земледельческого производства в течение сельскохозяйственного года: условия произрастания и урожай хлебов и трав, положение скотоводства, цены на рабочие руки, продукцию земледелия и животноводства. Обобщенные сведения добровольных корреспондентов публиковались в ежегодных «Сельскохозяйственных обзорах Алтайского округа за 1896–1905 годы» (Барнаул, 1897–1908).

Ведомственные аграрно-статистические обследования проводило также Министерство путей сообщения. Они были направлены на изучение производительных сил сельского хозяйства и возможностей товарного производства крестьянских хозяйств, расположенных в зоне влияния Сибирской железной дороги и Обского водного пути[1].

В системе ведомственной аграрно-крестьянской статистики конца XIX – начала XX в. ведущую роль играла *переселенческая статистика*. В годы Столыпинской земельной реформы она фактически заняла место общей сельскохозяйственной статистики Западной Сибири.

В 70-х – первой половине 90-х гг. XIX в. статистику переселенческого дела на казенных землях вело Министерство государственных имуществ (с 1894 г. – Министерство земледелия и государственных имуществ). С образованием Переселенческого управления в 1896 г. статистика земледельческих переселений перешла в его ведение. Первоначально Переселенческое управление входило в состав МВД. В конце 1905 г. оно, в связи с началом аграрных преобразований, было передано

[1] См.: *Материалы* по обследованию районов Сибирской железной дороги: Животноводство. Томск, 1904–1905. Вып. 1–2; *Труды* Комиссии по исследованию района Туркестан-Сибирской железной дороги. СПб., 1909. Ч. 2; *Очерк* развития и деятельности Сибирской железной дороги за время с 1901 по 1910 г. по данным, изготовленным для Омской выставки 1911 г. Томск, 1912; *Район* железной дороги Томск – Енисейск в экономическом отношении. Пг., 1914; *Материалы* по экономическому исследованию внутренних водных путей. Пг., 1916. Отд. 2: Сельское хозяйство в Алтайском округе.

Главному управлению землеустройства и земледелия. На местах, в Западной Сибири, статистический учет переселенческих хозяйств вели Статистические отделы Акмолинского, Тобольского и Томского переселенческих районов.

Официальную переселенческую статистику в первую очередь интересовало экономическое положение переселенцев, поселившихся на казенных землях Западной Сибири. С этой целью в 1893–1894 гг. были проведены обследования хозяйств новоселов, водворившихся в регионе в течение 15 последних лет. Обследованием было охвачено 100 переселенческих поселков в Тобольской губернии, а также 82 поселка и несколько десятков приселений к старожильческим деревням в Томской губернии. Информация собиралась путем поселенного опроса и сплошной подворной переписи. В опубликованных материалах обследования[1] даны сведения о хозяйственном положении переселенцев в местах выхода и водворения, землепользовании, растениеводстве, скотоводстве, промыслах, аренде и наемном труде. В томской публикации есть экономические группировки дворов.

В 1903–1904 гг. Переселенческое управление обследовало в рамках общероссийской выборочной переписи обследовало свыше 10 тыс. переселенческих хозяйств типичных поселков Западной Сибири[2]. В ходе данного обследования, наряду с производственными и трудовыми компонентами домохозяйств, были описаны бюджеты 42 типических дворов. Аналогичная, но более широкая по объему и программе перепись была проведена в 1911–1912 гг.[3] В Западной Сибири она охватила более 20 тыс. хозяйств. Подворная программа описания включала население, количество семейных работников, наем, землевладение и землепользование, посевную площадь, скот, промыслы, постройки и инвентарь, хозяйственное положение на родине и в Сибири. На каждое селение также составлялся посе-

---

[1] См.: *Материалы* для изучения быта переселенцев, водворенных в Тобольской губернии за 15 лет (с конца 70-х гг. до 1893 г.). М., 1895–1897. Т. 1–2; *Кауфман А.А.* Хозяйственное положение переселенцев, водворенных на казенных землях Томской губернии, по данным произведенного в 1884 г. подворного исследования: В 2 т. СПб., 1895–1896. 1895. Т. 1, ч. 1; 1895. Т. 1, ч. 2; 1896. Т. 1, ч. 3; 1896. Т. 2, ч. 1.

[2] См.: *Материалы* по обследованию переселенческого хозяйства в Степном крае, Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях. СПб.: Изд. Переселенческого управления, 1905–1906. Ч. 1, вып. 19, 24; Ч. 2, вып. 32; Ч. 3, вып. 33.

[3] См.: *Сборник* статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Сибири. Материалы по обследованию типичных переселенческих поселков, собранные и разработанные под руководством и редакцией В.К. Кузнецова. СПб., 1912–1913. Вып. I–V.

ленный бланк в котором описывались общие земельные, хозяйственные и торгово-рыночные условия. Томская часть общесибирского обследования (18 772 хозяйства) проводилась в случайно отобранных переселенческих поселках по более широкой программе, разработанной В.Я. Нагнибедой. Кроме того, по 14 237 дворам в подворный бланк переписи дополнительно были включены обобщенные бюджетные показатели. Подробному бюджетному обследованию подверглись 90 типичных хозяйств. Полные результаты обследования переселенческих дворов Томской губернии обнародованы в двухтомном местном сборнике[1]. В публикациях итогов обследований 1903–1904 и 1911–1912 гг. есть группировки хозяйств по времени водворения, посеву и рабочему скоту. Недостатком переписей является недостаточная представительность полученных сведений, обусловленная завышением критериев экономической типичности при отборе поселков и средних бюджетных дворов.

В ходе осуществленных Переселенческим управлением статистических работ 1911–1912 гг. в Западной Сибири отличился Статистический отдел Томского переселенческого района, руководимый В.Я. Нагнибедой[2]. Его деятельность выделялась высоким методологическим уровнем, самостоятельностью и вниманием ко всем категориям крестьянских хозяйств в Томской губернии. Первая местная перепись была проведена еще в 1909 г. Обследованию подверглись переселенческие хозяйства на таежных участках[3]. В 1909 и 1910 гг. под руководством В.Я. Нагнибеды было изучено экономическое положение непричисленных переселенцев[4]. В течение 1910–1913 гг. в ходе двух переписей томский статистический отдел описал экономическое состояние инородческого и старожильческого населения Нарымского края и Причулымья[5].

---

[1] См.: *Сборник* статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губернии. Уезды: Барнаульский, Каинский, Томский и Мариинский: Материалы по исследованию переселенческих хозяйств, собранные и разработанные под руководством и редакцией В.Я. Нагнибеда. Томск, 1913. Вып. 1–2.

[2] См.: *Нагнибеда* Василий Яковлевич // Профессора Томского университета: Биографический словарь. Томск, 1998. Т. 2. С. 307–308.

[3] См.: *Хозяйственное* положение переселенцев на таежных участках Томской губернии: Материалы обследования 1909 г. Томск, 1910.

[4] См.: *Нагнибеда В.Я.* Неприписанные переселенцы в Томской губернии в 1909 году // Вопросы колонизации. 1911. № 9. С. 225–250; *Он же*. Неприписанные переселенцы Томской губернии в 1910 году: (Итоги повторной переписи) // Вопросы колонизации. 1912. № 11. С. 283–298.

[5] См.: *Нарымский* край: Материалы статистико-экономического исследования 1910–1911 гг., собранные и разработанные под руководством и редакцией В.Я. Нагнибеда. Томск,

Кульминацией местной исследовательской работы отдела в области основной статистики стало выборочное подворное обследование хозяйств старожилов и приселившихся к ним переселенцев, осуществленное в 1912–1913 гг.[1] Оно охватило 6 023 хозяйства приселившихся переселенцев, старожилов и неприписанных крестьян Барнаульского, Каинского, Томского и Мариинского уездов. Помимо традиционных данных о землевладении, землепользовании, посевах и скоте, программа переписи включила подробные сведения об усовершенствованном инвентаре, промыслах, аренде пашни и сенокосов, наемном труде. Несомненным достоинством обследования стало отдельное описание типических бюджетов 21 двора. Опубликованные материалы переписи сгруппированы по размеру посева и для переселенцев – по времени водворения. В общем, данная перепись, несмотря на некоторую завышенность социально-экономических критериев отбора типических волостей, старожильческих селений и бюджетных дворов, является достаточно представительным источником для изучения традиционных экономико-культурных основ и развития системы товарно-денежных отношений в крестьянском хозяйстве Западной Сибири начала XX столетия.

В Томском переселенческом районе статистические работы также вела гидротехническая партия. Из ее исследований необходимо, прежде всего, отметить перепись 2494 дворов переселенцев и старожилов Каинского и Барнаульского уездов, проведенную в 1915 г. с целью определить влияние войны на хозяйственную жизнь крестьян[2].

Очень важным направлением статистической работы Переселенческого управления являлась текущая статистика. Она велась на основе сообщений добровольных корреспондентов. Начало ей было положено еще в период деятельности управления в составе МВД. За время с 1903 по 1905 г. были изданы три ежегодных сборника[3]. В этот период были соз-

---

1927; Экономическое положение населения Причулымского края б. Томской губернии: Материалы подворного статистического исследования 1912–1913 гг., собранные и разработанные под руководством и редакцией В.Я. Нагнибеда. Томск, 1927.

[1] *Переселенцы*, приселившиеся к старожилам, и старожилы Алтайско-Томской части Сибири: Материалы статистико-экономического исследования, собранные и разработанные под руководством и редакцией В.Я. Нагнибеда. Томск, 1927.

[2] См.: *Современное* крестьянское хозяйство в районе осушительных работ Томской гидротехнической партии. Томск, 1916.

[3] См.: *Краткий* обзор степного края и 4-х сибирских губерний в сельскохозяйственном отношении за летний период. СПб., 1903; *Краткий* обзор степного края, Тургайской области, Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерний в сельскохозяйственном отношении. 1904 год. Летний и осенний период. СПб., 1905; *Краткий* обзор степного края,

даны основы программы и корреспондентской сети текущей переселенческой статистики. В 1913 г. Переселенческое управление восстановило и усовершенствовало ежегодный статистический учет, придав ему более широкий системный характер. Новая программа регулярного сельскохозяйственного учета была заложена сборником «Обзор сельскохозяйственной жизни заселяемых районов Азиатской России за 1913 год» (СПб., 1914). Она включала в себя сбор информации об урожае трав и заготовке сена, сборе и обеспечении населения хлебом, условиях и формах найма работников, ценах на рабочие руки, земельной аренде и арендных ценах, состоянии скотоводства и маслоделия, рыночных условиях и ценах на сельскохозяйственные продукты, перевозке грузов по Сибирской железной дороге. Статистические отделы переселенческих районов Западной Сибири издавали по данной программе более подробные местные сборники текущих сельскохозяйственных сведений[1]. Томский статотдел в годы Первой мировой войны издавал статистико-экономические бюллетени[2]. В них публиковались ежегодные сельскохозяйственные обзоры, материалы о жизни переселенческого населения, сведения официальной волостной статистики, данные о развитии кооперации в губернии и информация о проводившихся единовременных обследованиях.

Статистика общественных организаций. На рубеже XIX–XX вв. существенный вклад в изучение крестьянского хозяйства Западной Сибири внесли местные общественно-научные организации: «Общество любителей исследования Алтая» и «Томское юридическое общество».

С.П. Швецов в 1894 г. по поручению «Общества любителей исследования Алтая» провел обследование переселенческих хозяйств, водворенных на участках Алтайского округа. Оно осуществлялось с целью изучения земельного, экономического и социального положения переселенцев и охватило

Тургайской области, Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерний в сельскохозяйственном отношении. 1905 год. СПб., 1906.

[1] *Сельскохозяйственный* обзор Акмолинской области за лето и осень 1913 г. Омск, 1914. Вып. 2; *Сельскохозяйственный* обзор Тобольской губернии за 1913–1914 сельскохозяйственный год. Тобольск, 1915; *Сельскохозяйственный* обзор Тобольской губернии за 1914–1915 сельскохозяйственный год. Тобольск, 1916; *Урожай* хлебов и трав в Томской губернии в 1913 г. (по сообщениям корреспондентов стат. отдела). Томск, 1913; *Сельскохозяйственный* обзор Томской губернии за 1913 год. Томск, 1914; *Урожай* хлебов и трав в Томской губернии в 1914 год в сельскохозяйственном отношении. Томск, 1915; *Обзор* Томской губернии за 1914 год в сельскохозяйственном отношении. Томск, 1915; *Виды* на урожай хлебов и трав в 1915 году. Томск, 1915; Обзор Томской губернии за 1916 год в сельскохозяйственном отношении. Томск, 1921.

[2] См.: *Статистико-экономические* бюллетени. Томск, 1915–1917. № 1–7.

133 поселка Барнаульского, Бийского и Кузнецкого округов. В его ходе были описаны селения и их обеспеченность земельными угодьями, состав населения, формы землепользования (в том числе аренда земли), земледелие, скотоводство, промыслы и торговля. Много внимания было уделено изучению применения наемного труда в связи с рабочим и потребительным составом дворохозяйства. В первом выпуске опубликованных результатов переписи крестьянские хозяйства сгруппированы на переселенческие причисленные; непричисленные; переселенческие старожильческие и старожильческие. Внутри данных групп переселенцы разделены по времени водворения. Второй выпуск содержит описания обследованных селений[1]. По материалам настоящего обследования можно исследовать процесс социокультурной и экономической адаптации переселенцев к сибирским условиям и изучать традиционно-общинную хозяйственную культуру алтайских крестьян.

В 1905 г. экспедиция Томского юридического общества провела обследование крестьянского хозяйства и маслоделия в Барнаульской волости (5983 двора)[2]. Волость была описана по программе переписи 1897 г. В нее были включены землепользование, земельная аренда, земледелие и скотоводство, орудия и сельскохозяйственные машины (на конной тяге), промыслы, наем. Большое место было отведено описанию хозяйственной деятельности крестьян в связи с маслоделием и ее влияния на развитие крестьянской экономики в различных группах. Однородность программ переписей 1905 и 1897 гг., а также сопоставимость их сведений с данными сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 гг. создали возможность для оценки динамики хозяйственных процессов. С данной целью в публикации обследования все дворы поделены на 2 части: живущих в Барнаульской волости 8 и более лет и проживавших менее 8 лет. В каждой из них хозяйства разбиты на 6 групп по количеству рабочих лошадей и на 8 групп по числу коров и величине посева. Использовался также метод комбинационных группировок. Большим достоинством публикации являются бюджетные сведения по 70 хозяйствам и подробные данные о маслоделии в Томской губернии. Материалы обследования дают возможность изучать общее состояние хозяйства, развитие товарно-денежных отношений и процесс воспроизводства хозяйства в различных экономических группах западносибирского крестьянства.

---

[1] См.: *Швецов С.П.* Материалы по исследованию мест водворения переселенцев в Алтайском округе: Результаты статистического обследования в 1894 году // Алтайский сборник. Барнаул, 1899. Т. 4. Вып. 1–2.

[2] См.: *Экономическое* исследование маслоделия в Сибири. Харьков, 1906.

В статистических материалах по истории крестьянского хозяйства Западной Сибири конца XIX – начала XX в. существенное место занимают многочисленные *справочные и описательно-статистические издания.* Их отличают широта и обобщенность сообщаемой информации. В данном аспекте особенно выделяются издававшиеся местными статистическими комитетами «Памятные книжки» губерний (областей)[1]. В них публиковались сведения о населении, землевладении, колонизационном фонде, сельском хозяйстве, маслоделии, кооперации и торговле сельскохозяйственной продукцией. Переселенческое управление издавало справочники для ходоков, переселенцев и чиновников колонизационного ведомства, в которых описывались природные и земельные условия сибирских губерний и характеризовались местное земледелие, скотоводство, цены на аренду, скот и сельскохозяйственные продукты[2]. Весьма содержательными были специальные справочные материалы по сибирскому маслоделию и кооперации, изданные местными официальными и общественными организациями[3]. Очень много аграрной информации имеется в общесибирских торгово-промышленных справочниках[4].

В целом корпус имеющихся аграрно-статистических источников конца XIX – начала XX в. представляет крестьянское хозяйство Западной Сибири достаточно полно и целостно. Текущая статистика вполне достоверно описывает природно-географические, земельные и социально-рыночные условия его функционирования и развития. Материалы единовременных обследований объективно отражают основные компоненты и части крестьянского хозяйства региона: население, рабочие ресурсы,

---

[1] См.: *Памятная* книжка Акмолинской области на 1914 год. Омск, 1914; *Памятная* книжка Тобольской губернии на 1913 год. Тобольск, 1913; *Памятная* книжка Томской губернии на 1914 год. Томск, 1914 и др.

[2] См.: *Справочная* книжка по Акмолинскому переселенческому району на 1912 год. СПб., 1912; *Справочная* книжка по Тобольскому переселенческому району на 1912 год. СПб., 1912; *Справочная* книжка по Томскому переселенческому району на 1912 год. СПб., 1912; *Описание* Тобольской губернии. Пг., 1916; *Мамырин Г.* Краткие сведения о Томской губернии. 2-е изд. Полтава, 1903; *Томская* губерния: Статистический очерк / Сост. В.Я. Нагнибеда. Томск, 1917; Сведения о земледельческой полосе Сибири: справочное издание Переселенческого управления. СПб., 1901; *Материалы* по земельному вопросу в Азиатской России. Пг., 1918. Вып. 4: Итоги переселенческого дела за Уралом с 1906 по 1915 гг. и др.

[3] См.: *Справочная* книжка по маслоделию для Западной Сибири на 1900 г. Тобольск, 1900; *Указатель* маслодельных заводов по Томской губернии / Сост. на основании данных за 1911 г. Новониколаевск, 1912; *Календарь* сибирской кооперации 1917 г. Томск, 1916; и др.

[4] См.: *Сибирский* торгово-промышленный календарь на 1898 г. Томск, 1898; *Вольский З.Д.* Вся Сибирь: справочная книга по всем отраслям культурно-торговой и торгово-промышленной жизни. СПб., 1908; и др.

землепользование, производственно-техническую базу, земледельческое производство. Эти сведения дают возможность изучать традиционную экономическую основу, товарно-денежную систему хозяйствования и общее состояние крестьянского хозяйства региона.

Вместе с тем большинство выявленных статистических источников показывают только отдельные категории крестьянских хозяйств (чаще различные разряды переселенческих) либо не представительны в территориальном или социально-экономических аспектах. Опубликованные данные переписей имеют сводный характер и часто не содержат нужных социальных и экономических группировок домохозяйств. В них отсутствуют подворные сведения, необходимые для глубокого и детального исследования хозяйственного строя западносибирской деревни. Первичную информацию содержат только архивные материалы Томской переписи 1901 г. и Всероссийских сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 гг. Они полны в территориальном плане, отражают все категории крестьянских хозяйств региона и сопоставимы по основным показателям. Томские материалы сельскохозяйственных обследований имеют полный комплекс необходимых сводных и подворных данных. Все это дает возможность на их основе охарактеризовать общее состояние и внутренний социально-экономический строй крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX в. – его социокультурную и экономическую природу и глубину модернизации.

Делопроизводственные материалы. Делопроизводственные источники – это текущая документация, издаваемая различными государственными, экономическими и общественными организациями (учреждениями) с целью управления собственной и общественной деятельностью. Делопроизводственная документация, таким образом, с одной стороны, отражает деятельность субъекта управления (учреждения), с другой – внешние черты и содержание управляемого объекта. Предметом настоящей источниковедческой характеристики является текущая документация государственных учреждений и общественных организаций, в той или иной степени способствующая раскрытию социально-экономических условий, общего состояния и внутреннего строя крестьянского хозяйства Западной Сибири, рассмотренных на основе подворных материалов переписей 1901 и 1916 гг. Делопроизводственные материалы по теме делятся на опубликованные и неопубликованные. Прежде остановимся на *опубликованных документах*.

Первоочередной интерес вызывают всеподданнейшие доклады чиновников о состоянии государственных земельных и переселенческих

дел в Сибири, представляемые императору[1]. В них много сведений о хозяйственном положении переселенцев и старожилов, полученных на основе личных наблюдений и от местных чиновников. Очень много обобщенной информации о сельском хозяйстве, общем состоянии экономики западносибирской деревни и землеустройстве в регионе имеется в отчете ГУЗиЗ за 1909–1913 гг.[2] Более подробные, поволостные, сведения о землеустройстве, необходимые для анализа внутреннего строя крестьянских хозяйств типичных районов, дают публикации итогов деятельности Алтайского округа[3].

Из опубликованных делопроизводственных документов государственных учреждений определенное значение для настоящей работы имеют отчеты правительственных агрономов[4]. Наряду с характеристикой организационно-хозяйственной деятельности в них помещались сведения о господствовавших в крестьянском хозяйстве региона системах земледелия и скотоводства, описывались закреплявшиеся в зажиточных дворах инновации, а также отмечалось развитие маслоделия и кооперации.

В 1903–1904 гг. были опубликованы универсальные по широте социального отражения крестьянского хозяйства западносибирские тома тру-

---

[1] См.: *Ермолов А.С.* Всеподданнейший доклад министра земледелия и государственных имуществ по поездке в Сибирь осенью 1895 г. СПб., 1896; *Прибавление* к всеподданнейшему докладу министра земледелия и государственных имуществ по поездке в Сибирь осенью 1895 г. СПб., 1896; *Куломзин А.Н.* Всеподданнейший отчет по поездке в Сибирь для ознакомления с положением переселенческого дела. СПб., 1896; Всеподданнейший доклад министра земледелия и государственных имуществ по поездке в Сибирь летом 1898 г. СПб., 1899; *Записка* Председателя Совета министров и Главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Сибирь и Поволжье в 1910 г.: Приложение к всеподданнейшему докладу. СПб., 1910.

[2] См.: *Итоги* работ за последнее пятилетие (1909–1913 гг.): Отчет Главного управления землеустройства и земледелия. СПб., 1914.

[3] См.: *Обзор* деятельности Алтайского округа за пятилетие 1911–1915 гг. Барнаул, 1916; *Цифровые* данные по учету сельскохозяйственного населения при поземельном устройстве Алтайского округа. Барнаул, 1916.

[4] См.: *Скалозубов Н.Л.* Сельское хозяйство в Тобольской губернии: (Извлечение из отчета за время с 1 мая по 1 сентября 1894 г.). СПб., 1895; *Окулич И.К.* Отчет правительственного агронома Томской губернии за 1899 г. Департаменту земледелия. Томск, 1900; *Отчет* правительственного агронома по Томской губернии Департаменту земледелия за 1902 г. Томск, 1903; *Краткий* отчет об агрономических исследованиях и мероприятиях в Азиатской России в 1908 г. СПб., 1909; *Труды* третьего губернского агрономического совещания в гор. Тобольске, 24 мая – 3 июня 1911 года. Тобольск, 1911. Ч. 1–2; *Краткий* обзор деятельности правительственной агрономической организации в Сибири в 1911 г. СПб., 1912; *Дунин-Горкавич А.А.* Состояние сельского хозяйства на Тобольском Севере в 1912 г.: Доклад шестому Тобольскому агрономическому совещанию, 13–20 февраля 1913 г. Тобольск, 1913.

дов местных комитетов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности[1]. В работе комитетов участвовали чиновники, специалисты, ученые и общественные деятели. Наряду с рассмотрением традиционных вопросов, касавшихся оценки состояния землепользования, систем земледелия, скотоводства и развития традиционных отраслей крестьянского хозяйства, участники совещаний проанализировали состояние и перспективы товарного производства. Много внимания было уделено развитию товарно-денежных отношений в зажиточных домохозяйствах, отрицательному влиянию торгово-ростовщического капитала и социально-психологическим аспектам товарного хозяйствования в деревне.

С практической, рыночно-экономической стороны рассматривался строй западносибирской деревни начала XX столетия в делопроизводственных материалах общественно-экономических союзов: съездов деятелей молочного хозяйства, представителей учреждений мелкого кредита и кооперации, губернских и областных сельскохозяйственных съездов[2]. Особое внимание крестьянскому хозяйству было уделено в делопроизводственной документации общественных организаций региона: Западно-Сибирского общества сельского хозяйства, Курганского, Омского и Томского отделов Московского общества сельского хозяйства[3]. Главное место в них занимали вопросы экономического состояния и развития ведущих отраслей местного земледельческого хозяйства.

Существенное место в комплексе делопроизводственных источников занимают опубликованные документы, связанные с подготовкой, организацией, проведением и разработкой Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. К ним относятся материалы Особого совещания по продовольственному делу, решения, постановления совещаний и съездов земских и переселенческих статистиков, общероссийские и сибирские

---

[1] См.: *Труды* местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1903–1904. Т. 53: Тобольская губерния. 1903; Т. 54: Томская губерния. 1904; Т. 57: Степной край. 1903.

[2] См.: *Труды* съезда молочных хозяев и деятелей по молочному хозяйству в г. Кургане при выставке продуктов маслоделия Западной Сибири в 1901 г. Томск, 1902; *Журналы* заседаний съезда деятелей сельского хозяйства в г. Омске, 1–12 августа 1911 г. Омск, 1912; *Труды* сельскохозяйственного и кооперативного съезда в г. Омске, 2–16 января 1916 г. Омск, 1917. и др.

[3] См.: *Отчет* о деятельности Западно-Сибирского общества сельского хозяйства с 16 марта 1901 г. по 1 января 1904 г. Томск, 1904; *Отчет* о деятельности Западно-Сибирского общества сельского хозяйства за время с 1 января 1905 г. по 1 января 1911 г. Томск, 1911; *Отчет* о деятельности Курганского отдела Московского общества сельского хозяйства за 14 лет его существования (1897–1910 гг.). Курган, 1911; *Отчет* о деятельности Омского отдела Московского общества сельского хозяйства за 1910 – 1915 гг. и первой Западно-Сибирской выставке 1911 г. Омск, 1916; и др.

инструкции, программа центральной разработки первичных сведений переписи[1]. Эти публикации позволяют произвести источниковедческую оценку всего комплекса материалов обследования по Западной Сибири и обеспечить полную разработку методологических и методических основ исследования внутреннего строя крестьянского хозяйства региона по подворным данным переписей 1916 и 1901 гг.

Из *неопубликованной делопроизводственной документации* наибольшее значение для настоящего исследования имеют две группы материалов. Первую группу составляют документы, характеризующие земельные, внутриэкономические и торгово-рыночные условия развития крестьянского хозяйства в избранных типических волостях (северо-западная часть Барнаульского уезда). Особый интерес в данном аспекте представляют данные Переселенческого управления (РГИА. Ф. 391) о работе землеустроительных партий в Западной Сибири в 1901 – 1905 гг.[2] и материалы о землеустройстве крестьян Томской губернии на казенных и кабинетских землях[3]. Прямые данные о землеустройстве крестьянских хозяйств селений типических волостей содержатся в «Ведомости землеустроенных по закону 31 мая 1899 года селений Барнаульского уезда»[4]. Подробные общеволостные данные о состоянии земледельческих хозяйств в избранных волостях имеются в «Ведомости о фабриках и заводах по городу Барнаулу и уезду его за 1911 год», являвшейся частью отчета уездного управления за 1911 г. (фонд Томского губернского статко-

---

[1] См.: *Обзор* деятельности Особого совещания для обсуждения мероприятий по продовольственному делу 17 августа 1915 г. – 17 февраля 1916 г. Пг., 1916; *Дополнение* к обзору деятельности Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу за полугодие 17 февраля – 17 мая 1916 года. Пг., 1916; *Труды* I-го всероссийского сельскохозяйственного съезда в Киеве 1–10 сентября 1913 г. Киев, 1913–1914. Вып. 1, 3; *Труды* Совещания земских и городских статистиков 21–23 ноября 1915 г. в Москве. М., 1915. Вып. 1; *Резолюция* съезда статистиков. созванного Главными комитетами Всероссийского земского и городского союзов 5–7 марта 1916 г. М., 1916; *Инструкция* по производству Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года. Пг., 1916; *Протоколы* Сибирского областного совещания статистиков переселенческого управления, состоявшегося 13–21 мая 1916 г. в Иркутске. Томск, 1916; *План* организации Всероссийской сельскохозяйственной переписи в Томской губернии. Томск, 1916; *Техническая* инструкция по производству сельскохозяйственной переписи в Томской губернии. Томск, 1916; *Инструкция* по производству Всероссийской сельскохозяйственной переписи в Тобольской губернии. Омск, 1916; *Программа* центральной разработки материалов Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года. Пг., 1917 и др.

[2] РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 743, 829.

[3] Там же. Оп. 4. Д. 1515; Оп. 5. Д. 75; Оп. 6. Д. 9, 17, 45, 76; Оп. 10. Д. 9, 22, 33.

[4] Там же. Оп. 4. Д. 1515; ЦХАФ АК. Ф. 229. Оп.1. Д. 677.

митета ГАТО). В ней даны сведения о населении, количестве хозяйств, промыслах и торгово-промышленных заведениях, посеве и сборе хлебов, скотоводстве, ценах на хлеб и скот, ярмарках и ценах на рабочие руки[1]. Рассмотренные материалы в целом создают дополнительные предпосылки для более взвешенной и объективной интерпретации моделей внутреннего строя крестьянского хозяйства, построенных на подворных данных переписей 1901 и 1916 гг.

Во вторую группу архивных делопроизводственных документов входят материалы, которые характеризуют организацию и проведение переписи 1916 г. в России и Западной Сибири: постановления, журналы Особого совещания по продовольствию и съезда земских статистиков (16–18 апреля 1916 г.), материалы Сибирского областного совещания статистиков Переселенческого управления, инструкции, отчеты инструкторов переписных районов и участков о проведении, ходе обследования, отношении населения[2] и контрольных переписях. Эти материалы являются основой для оценки качества подворных данных сельскохозяйственной переписи.

Периодические издания. Периодические издания выражали интересы и позиции различных политических, экономических групп (союзов) правящего класса и интеллигенции и публиковались с целью распространения их влияния и управления социальными, экономическими и культурными процессами. Используемые в настоящем исследовании газеты, журналы и периодические сборники можно разделить на общественно-политические и специальные, сельскохозяйственные издания.

К группе общественной периодики принадлежали либеральные общесибирские и губернские газеты: «Сибирская жизнь» (Томск), «Сибирский листок» (Тобольск), «Жизнь Алтая» (Барнаул) и журнал «Сибирские вопросы» (СПб.); областническое издание «Восточное обозрение» (СПб., Иркутск). Крестьянское хозяйство в них рассматривалось с позиций партийно понимаемых интересов общества и крестьянства. Основное внимание сибирская пресса конца XIX – начала XX в. уделяла текущему состоянию и развитию производительных сил, товарного производства в старожильческом и переселенческом хозяйстве, а также землеустройству крестьян. Общественные издания всемерно пропагандировали расширение инноваций в земледельческих хозяйствах, поддерживали развитие маслоделия и кооперации, сообщали о ценах на

[1] ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 320.
[2] РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 108; ГАРФ. Ф. 6809. Оп. 1. Д. 69; ГАТО. Ф. 239. Оп. 13. Д. 3–5; ГАТ. Ф. 580. Оп. 1. Д. 984, 985; Ф. 417. Оп. 1. Д. 674; ГАОО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 7.

сельскохозяйственную продукцию, освещали ее вывоз и сбыт на российском и мировом рынках.

Из сельскохозяйственных периодических изданий в настоящем исследовании привлекались «Вестник сельского хозяйства» (журнал Московского общества сельского хозяйства), «Нужды западносибирского сельского хозяйства» (журнал Омского отдела МОСХ), «Сибирское сельское хозяйство» (журнал Западносибирского общества сельского хозяйства), «Алтайский крестьянин» (журнал Кооперативного союза кредитных и ссудно-сберегательных товариществ) и, кроме того, уже рассмотренные ранее периодические сборники Переселенческого управления «Вопросы колонизации» и «Статистико-экономические бюллетени» (Томский переселенческий район), освещавшие процесс переселения и положение переселенческих хозяйств в Сибири.

Журналы сельскохозяйственных обществ, кооперативных организаций и союзов отражают их практическую социально-культурную и экономическую деятельность, которая была направлена на вовлечение земледельческих хозяйств в общероссийскую народнохозяйственную систему и превращение крестьян в полноправных участников цивилизованных рыночных отношений. Очень много места на страницах изданий занимали материалы о состоянии производственной базы, систем полеводства и животноводства в крестьянском хозяйстве, а также информация, отражавшая изменения посевных площадей, поголовья рабочего и продуктивного скота, динамику развития товарного производства и вывоза сельскохозяйственной продукции. В центре внимания журналов – изучение и пропаганда инновационного опыта сельских хозяев: передовых методов земледельческого хозяйствования, приемов использования, обслуживания сельскохозяйственных машин и усовершенствованного инвентаря, новых полевых культур и пород скота, агрономических и ветеринарных знаний.

Научно-публицистические работы, очерки и записки. Определенный интерес для настоящего исследования представляют научные труды, научно-публицистические работы, очерки и путевые записки исследователей, специалистов и общественных деятелей конца XIX – начала XX в., которые основаны на собственных источниках и содержат оригинальные сведения или самостоятельно обобщенную информацию о крестьянском хозяйстве Западной Сибири. В данной связи, прежде всего, следует отметить исследования народнических авторов С.Л. Чудновского и С.Я. Капустина, выборочно описавших крестьянские хозяйства региона на осно-

ве самостоятельных или оригинальных статистических обследований[1]. Интересные сведения о хозяйственной и духовно-культурной жизни западносибирской деревни содержатся в описаниях путешествий Ф.К. Зобнина, Н.Е. Петропавловского и Н.М. Ядринцева[2]. Широкое и обобщенное освещение крестьянское хозяйство региона получило в изданиях очеркового характера[3]. Весьма информативны также специальные научно-практические работы об отдельных сторонах земледельческого хозяйствования, опубликованные в коллективных трудах местных сельскохозяйственных обществ[4]. Большую ценность имеют этнографические исследования А.С. Ермолова, М.В. Красноженовой, А.А. Макаренко, И.А. Молодых и А.П. Кулакова, Н.Л. Скалозубова, раскрывающие духовно-культурное содержание (основу) крестьянского хозяйствования[5].

---

[1] См.: *Чудновский С.Л.* Переселенческое дело на Алтае; *Капустин С.Я.* Очерки порядков поземельной общины в Тобольской губернии; *Он же.* Хозяйственный быт сибирского крестьянина.

[2] См.: *Зобнин Ф.К.* Поездка на Алтай // Живая старина. СПб., 1898. Вып. 3–4. С. 267–293; *Петропавловский Н.Е.* (Каронин Н.Е.) По Ишиму и Тоболу: Из путешествий и исследований крестьянского быта Западной Сибири // Записки Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. Омск, 1886. Кн. 8, вып. 1. С. 1–90; *Ядринцев Н.М.* Поездка по Западной Сибири и в Горный Алтайский округ // Записки Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. Омск, 1880. Кн. 2. С. 1–134.

[3] См.: *Маляревский Г.Я.* Экономические нужды средней части Тобольской губернии. Тобольск, 1907; *Научные* очерки Томского края. Томск, 1898; *Новомбергский Н.Я.* По Сибири: Сборник статей по крестьянскому праву, народному образованию, экономике и сельскому хозяйству. СПб., 1903; *Рубакин Н.А.* Рассказы о Западной Сибири или о губерниях Тобольской и Томской и как там живут люди. М., 1915;

[4] См.: *Труды* Томского отдела Императорского Московского общества сельского хозяйства. Томск, 1896–1898. Кн. 1–2; *Сборник* статей по сельскому хозяйству (полеводство, травосеяние и пчеловодство), применительно к условиям хозяйства в Томской губернии. Томск, 1913; *Труды* Западно-Сибирского общества сельского хозяйства за 1913–1915 гг. Томск, 1917. Кн. 4; и др.

[5] См.: *Ермолов А.С.* Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. СПб., 1905. Ч. 3; *Зобнин Ф.К.* Из года в год: Описание круговорота крестьянской жизни в с. Усть-Ницинском Тюменского округа Тобольской губернии // Живая старина. СПб., 1894. Вып. 1. С. 37–64; *Красноженова М.В.* Из народных обычаев крестьян деревни Покровка // Известия Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Красноярск, 1914. Т. 2. Вып. 6. С. 67–116; *Макаренко А.А.* Сибирский народный календарь в этнографическом отношении: Восточная Сибирь. Енисейская губерния. СПб., 1913; *Молодых И.А., Кулаков П.Е.* Иллюстрированное описание быта сельского населения Иркутской губернии. СПб., 1896; *Скалозубов Н.Л.* Народный календарь: Поверья, приметы о погоде и сроки сельскохозяйственных работ у крестьян Тобольской губернии // Ежегодник Тобол. губ. музея. Тобольск, 1898. Вып. 9. С. 69–80 и др.

На основе избранной источниковой базы решаются поставленные автором задачи. Первая глава посвящена характеристике российской историографии крестьянского хозяйства Западной Сибири конца XIX – начала XX в. и оценке ее современного состояния. Во второй главе рассматриваются используемые статистические источники, методология и методика изучения внутреннего строя крестьянского хозяйства региона. В третьей главе анализируется общее состояние и внутренний строй хозяйств различных социальных групп крестьянства на рубеже XIX–XX вв. – степень и формы включенности в рыночно-капиталистические отношения и социокультурный и экономический характер процесса их воспроизводства. Четвертая глава посвящена аналогичной характеристике общего состояния и внутреннего строя крестьянских хозяйств региона кануна 1917 г. Дополнительно в ней анализируется социально-экономическая сущность земельной аренды и применения наемного труда. В пятой главе оцениваются изменения в общем состоянии и внутренней структуре хозяйств, произошедшие в течение начального периода XX в., и на этой основе исследуются содержание и формы их экономической модернизации в различных группах земледельческих дворов, а также определяется значение предпринимательской системы хозяйствования в зажиточных домохозяйствах.

Глава 1

ИСТОРИОГРАФИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.

Исследование происходивших в сибирской деревне рассматриваемого периода экономических процессов прошло ряд исторически обусловленных этапов: дореволюционный, советский и постсоветский (1990–2000-е гг.).

1.1. Дореволюционная историография

Дореволюционную историографию по общественно-политическому и теоретико-методологическому основаниям можно разделить на народническое, либеральное, официально-государственное и марксистское направления.

Народническая историография. Очень авторитетное в сибиреведении народническое направление представляют публицистические и научные работы либеральных народников 80–90-х гг. XIX в. и исследователей неонароднического происхождения начала XX столетия.

В либерально-народнической литературе крестьянское хозяйство Западной Сибири конца XIX – начала XX в. рассматривалось главным образом в плане изучения крестьянских переселений и сибирской поземельной общины[1]. Детально хозяйственный строй западносибирской де-

[1] См.: *Капустин С.Я.* Современное положение крестьянства в Сибири // Восточное обозрение. 1884. 13, 27 сент.; *Петропавловский Н.Е.* (Каронин Н.Е.) По Ишиму и Тоболу: Из путешествий и исследований крестьянского быта // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Омск, 1886. Кн. 8, вып. 1. С. 1–90; *Он же*. Схема истории сибирской общины // Сибирский сборник. 1886. Кн. 2. С. 62–82; *Марусин С.* (*Швецов С.П.*) Очерк форм пользования землей у крестьян Тюкалинского уезда // Восточное обозрение. 1887. 16 апр., 7, 28 мая, 4 июня, 2 июля; *Он же.* Купля-продажа крестьянских земель в Тобольской губернии // Сибирский сборник. 1887. СПб., 1887. С. 43–54; *Швецов С.П.* Формы общинного владения на Алтае // Сборник правоведения и общественных знаний. СПб., 1893. Т. 2. С. 145–191; *Он же*. Волостная община и поземельное устройство в Сибири // Сибирские вопросы. 1905. № 1. С. 100–121; *Он же*. Крестьянская община:

ревни описан в работах С.Я. Капустина, С.Л. Чудновского, И. Овсянкина, С.П. Швецова, К.Р. Кочаровского и П.Г. Сущинского[1]. Их исследования основаны на материалах самостоятельных статистико-экономических обследований и данных официальной, волостной статистики, которые охватили хозяйства старожилов и переселенцев.

В основе народнических взглядов на крестьянского хозяйство лежало мировоззренческое положение об общинной природе крестьянской культуры[2]. «Общинный» методологический подход и добротная источниковая база исследований, обогащенная личными впечатлениями, позволили исследователям-народникам реалистично оценить общее состояние экономического строя западносибирской деревни и сформировать взвешенную концепцию единой традиционно-общинной трудовой природы крестьянского хозяйства[3]. Вместе с тем они констатировали наличие социально-имущественной дифференциации деревни (в виде деления на бес-

---

Схема ее возникновения и развития. СПб., 1906; *Пономарев С.* Сибирская община и переселение // Северный вестник. 1887. № 5. С. 60–89; *Чудновский С.Л.* Алтайская поземельная община // Северный вестник. 1888. № 9. С. 96–118; № 10. С. 188–112; № 11. С. 174–189; *Голубев П.А.* Очерки сибирской жизни // Северный вестник. 1890. № 2. С. 64–76; *Он же*. Землевладение. Земледелие. Скотоводство эпиозотии // Алтай: Историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа. Барнаул, 1890. С. 27–78; *Он же*. Оскудение Западной Сибири // На сибирские темы. СПб., 1905. С. 69–91; *Остафьев В.А.* Переселенцы в Сибири // Юридический вестник. 1891. № 5–6. С. 111–137; № 7–8. С. 397–436; *Осипов Н.О.* К вопросу о поземельном устройстве крестьян Западной Сибири: (Крестьянское землепользование и хозяйство в Тобольской и Томской губерниях) // Русское богатство. 1894. № 5. С. 52–79.

[1] *Капустин С.Я.* Очерки порядков поземельной общины в Тобольской губернии: По сведениям, собранным Западно-Сибирским отделом Императорского Русского географического общества // Литературный сборник: Собрание научных и литературных статей о Сибири и Азиатском Востоке. СПб., 1885. С. 59–113; *Он же*. Хозяйственный быт сибирского крестьянина // Там же. С. 304–322; *Чудновский С.Л.* Переселенческое дело на Алтае: (Статистико-экономический очерк). Иркутск, 1889; *Он же*. Очерки народного юридического быта Алтайского горного округа // Русское богатство. 1894. № 7. С. 25–70; № 8. С. 185–200; № 9. С. 206–224; № 10. С. 190–216; *Овсянкин И.* Колонизация и переселенческое дело // Алтай. Историко-статистический сборник… С. 327–360; *Швецов С.П.* Переселенческое движение на Алтае // Сибирский вестник. 1891. № 7. С. 21–53; *Кочаровский К.Р.* Крестьянское хозяйство и переселение (итоги размеров и результатов переселенческого движения за истекшее 30-летие) // Русская мысль. 1894. № 6. Отд. 2. С. 6–80; *Сущинский П.Г.* Экономический быт и правовые отношения старожилов и новоселов на Алтае (исследование на месте). СПб., 1898.

[2] См.: *Балуев Б.П.* Либеральное народничество на рубеже XIX–XX веков. М., 1995. С. 57–59, 257.

[3] См.: *Капустин С.Я.* Очерки порядков поземельной общины… С. 109; *Марусин С.* (*Швецов С.П.*) Очерк форм пользования землей у крестьян Тюкалинского уезда // Восточное обозрение. 1887. 2 июля; и др.

хозяйственных, бедных, средних и богатых крестьян)[1], а также многочисленные факты использования наемного труда сообщинников и непричисленных переселенцев[2].

Исследователи-народники также выявили широкое распространение в западносибирской деревне конца XIX в. систематической продажи излишков хлеба и скота, особенно зажиточными хозяевами[3]. Товаризация общинно-трудового крестьянского хозяйства являлась, по их мнению, следствием воздействия внешних социально-экономических факторов. К ним либеральные народники относили государственно-податной гнет, влияние Сибирской железной дороги, проникновение торгово-ростовщического капитала в сферу сельскохозяйственного производства, рост числа переселенцев, приносивших в Сибирь развитые товарно-денежные отношения и социально-имущественную дифференциацию, которая, согласно их представлениям, обусловливалась внешними причинами. Социальное расслоение деревни было результатом податной землеустроительной и арендно-хозяйственной деятельности государства. С.П. Швецов и С.Л. Чудновский полагали, что определенную роль в социальном расслоении играли также внутренние деревенские факторы – рост плотности населения и размеры рабочих сил семьи[4]. Они, однако, имели меньшее значение, поскольку учитывались общиной.

Товарно-денежные отношения, согласно доктрине легального народничества, на процесс социального расслоения общины серьезного влияния не оказывали[5]. Вместе с тем они способствовали проникновению в

---

[1] См.: *Чудновский С.Л.* Переселенческое дело на Алтае… С. 76–90; *Капустин С.Я.* Очерк порядков поземельной общины... С. 64–65; *Овсянкин И.* Колонизация… С. 356–357; *Марусин С.* Переселенческое движение на Алтай… С. 42.

[2] См.: *Капустин С.Я.* Очерки порядков поземельной общины… С. 64, 88–89; *Он же*. Хозяйственный быт сибирского крестьянина… С. 308–309, 311; *Кочаровский К.Р.* Крестьянское хозяйство… С. 64; *Чудновский С.Л.* Очерки народного юридического быта… С. 195–196; *Сущинский П.Г.* Экономический быт и правовые отношения старожилов и новоселов на Алтае (исследование на месте) // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XX века. Барнаул, 2007. С. 329, 332, 338.

[3] См.: *Капустин С.Я.* Очерки порядков поземельной общины… С. 86–88; *Он же*. Современное положение крестьянства…; *Марусин С.* (*Швецов С.П.*) Очерк форм пользования землей… 1887. 7 мая, 2 июля; *Он же*. Купля-продажа крестьянских земель… С. 54; *Чудновский С.Л.* Переселенческое дело на Алтае… С. 93–96, 99; *Овсянкин И.* Колонизация… С. 356–360; *Кочаровский К.Р.* Крестьянское хозяйство… С. 80; и др.

[4] См.: *Марусин С.* (*Швецов С.П.*) Очерк форм пользования землей…; *Чудновский С.Л.* Переселенческое дело на Алтае… С. 90, 93.

[5] См.: *Марусин С.* (*Швецов С.П.*) Очерк форм пользования землей…; *Он же*. Купля-продажа крестьянских земель…; *Чудновский С.Л.* Алтайская поземельная община…

общину начал индивидуализма, конкуренции и духа наживы, опасно ослаблявших коллективистские принципы крестьянской жизни[1].

В общем, в либерально-народнической историографии конца XIX в. утвердилась концепция трудовой патриархально-потребительской природы крестьянского хозяйства Западной Сибири[2]. Включенные в состав деревенской экономики товарно-денежные элементы: зарождающаяся денежная аренда земли, наем работников и продажа излишков сельскохозяйственной продукции – не образовывали самостоятельного товарного производства (уклада). Земледельческое хозяйство региона, как вытекало из реформаторской народнической доктрины, было связано с рынком только через сферу обмена. Его товарная продукция производилась в рамках семейно-потребительского патриархального производства, которое не подчинялось рыночным законам. Поэтому крестьянское хозяйство было устойчиво к разрушающему воздействию капитализма[3].

Организованное и устойчивое к рынку трудовое крестьянское хозяйство, опиравшееся на общинно-трудовую, экономическую и духовную культуру, являлось, согласно идеалам реформистского народничества, основой будущей самостоятельной эволюции сибирской деревни к социализму[4]. Важной социально-психологической предпосылкой общественного прогресса крестьянского хозяйства народнические авторы считали способность сибирского крестьянина к новаторским изменениям, предприимчивость, переимчивость и свободный хозяйственный индивидуализм[5]. Они также полагали, что образованное общество и государство,

---

[1] См.: *Петропавловский Н.Е.* (*Каронин Н.Е.*) Схема истории сибирской общины… Кн. 2. С. 79, 80; *Марусин С.* (*Швецов С.П.)* Очерк форм пользования землей… 1887. 7 мая, 2 июля; *Он же*. Купля-продажа крестьянских земель… С. 54; *Кочаровский К.Р.* Крестьянское хозяйство… С. 79, 80.

[2] Подробнее основные положения либерально-народнической концепции трудового крестьянского хозяйства см.: *Зверев В.В., Даниельсон Н.Ф., Воронцов В.П.* Капитализм и пореформенное развитие русской деревни (70-е – начало 90-х гг.) // Отечественная история. 1998. № 1. С. 157–167.

[3] *Капустин С.Я.* Очерки порядков поземельной общины… С. 109–111; *Марусин С.* (*Швецов С.П.*) Купля-продажа крестьянских земель… С. 54; *Кочаровский К.Р.* Крестьянское хозяйство… С. 80 и др.

[4] *Марусин С.* (*Швецов С.П.*) Купля-продажа крестьянских земель… С. 54; *Петропавловский Н.Е.* (*Каронин Н.Е.*) Схема истории сибирской общины… Кн. 2. С. 79, 80, 82; *Кочаровский К.Р.* Крестьянское хозяйство… С. 80.

[5] См.: *Марусин С.* (*Швецов С.П.*) Очерк форм пользования землей… 2 июля; *Петропавловский Н.Е.* (*Каронин Н.Е.*) Схема истории сибирской общины… Кн. 2. С. 82; *Капустин С.Я.* Очерки порядков поземельной общины… С. 60.

заинтересованные в сельской общине, должны были содействовать общинно-трудовому направлению хозяйственной эволюции крестьянства[1].

В начале XX в., с проведением Сибирской железной дороги, в регионе активизировался процесс развития капиталистических отношений. Трансконтинентальная магистраль связала Сибирь и Европейскую Россию в реальную социально-экономическую целостность. Часть народников, среди которых выделялись Д.А. Клеменц и Д.И. Голенищев-Кутузов (псевдоним Дм. Илимский), учитывая это, выступила против областников, выдвинувших концепцию особого развития сибирской деревни, обусловленного колониальным положением Сибири. Авторы критических публикаций показали общность культуры и единую общинно-трудовую природу хозяйства сельского населения Сибири и Европейской России. Они также отметили, что крестьянские хозяйства сибирского края и центра развивались в одинаковых условиях растущих в стране капиталистических отношений и углубления социального расслоения сельского общества[2].

Развитие современных социально-экономических отношений в России начала XX в. привело к модификации народнической системы взглядов. Неонародничество признало реальность капитализма и классового деления общества. Трудовое крестьянство было включено неонародниками в «рабочий класс». Новые объективно-экономические и теоретико-научные реалии, заключавшиеся прежде всего во всеобщем признании глубокой включенности российской и сибирской деревни в товарно-денежные, отношения, потребовали более глубокого осмысления внутренней природы крестьянского хозяйства и новых доказательств устойчивости его трудового характера. В неонародническом сибиреведении это выпало на долю известного российского экономиста Н.П. Огановского.

Как и многие из российских аграрников, Н.П. Огановский ознакомился с крестьянским хозяйством Западной Сибири в процессе изучения столыпинского переселения российских крестьян[3]. В основу его исследований были положены опубликованные материалы статистических обсле-

---

[1] См.: *Балуев Б.П.* Либеральное народничество… С. 59.

[2] См.: *Клеменц Д.А.* Население Сибири // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. СПб., 1908. С. 36–78; *Альтерно* (*Клеменц Д.А., Макаренко А.А.*). Новый сборник статей о Сибири // Сибирские вопросы. 1908. № 33–34. С. 15–28; *Илимский Дм.* (*Голенищев-Кутузов Д.И.*) Национальная политика в Сибири // Северные записки. 1916. № 2. С. 153–182; *Он же*. Материалы к вопросу о производительных силах Сибири. Томск, 1917.

[3] См.: *Огановский Н.П.* Закономерность аграрной эволюции. Т. 3: Обновление земледельческой России. Вып. 1: Население. Переселенческий вопрос. Саратов, 1914.

дований переселенческих и старожильческих хозяйств 1897, 1903–1904, 1911–1912 гг. и данные Всероссийских сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 гг.

Очень важной предпосылкой аграрных исследований Н.П. Огановского явилась дальнейшая теоретико-методологическая разработка народнической концепции трудового крестьянского хозяйства, обобщившая его опыт конкретно-экономического изучения развития аграрных отношений в России в начале XX в.[1]

Разрабатывая экономическую концепцию аграрной эволюции страны, Н.П. Огановский разделил сельскохозяйственные предприятия на крупные капиталистические (частновладельческие) и мелкие трудовые (крестьянские) хозяйства. Он также выделил не свойственный России средний, полукапиталистический (фермерский) тип, признаками которого являлись работа на прибыль и опора на семейный труд[2].

Трудовое земледельческое хозяйство опиралось на труд собственных работников и имело целью удовлетворение личных и хозяйственных потребностей семьи[3]. Земля в мелком земледельческом предприятии не являлась капиталом[4]. Семейные средства производства или производственно-техническую базу крестьянского хозяйства Н.П. Огановский, учитывая довольно высокую степень втянутости в денежные отношения, определил как капитал[5]. Крестьянское хозяйство России начала XX в. он считал смешанным – натуральным и денежным[6]. И оно все более из натурального трансформировалось в денежное[7]. Под термином «денежное хозяйство» Н.П. Огановский понимал товарное (равно – мелкое «капиталистическое») производство[8], подверженное воздействию рыночных законов стоимости и прибыльности. В то же семейное крестьянское хозяйство, имея потребительское назначение, было, согласно концепции Огановского, перенасыщено трудом и капиталом в расчете на единицу пло-

---

[1] См.: *Огановский Н.П.* Закономерность аграрной эволюции. Ч. 1: Теория капиталистического развития: Общий ход и фазисы аграрной эволюции. Саратов, 1909; *Он же*. Закономерность аграрной эволюции. Ч. 2: Очерки по истории земельных отношений в России. Саратов, 1911; *Он же*. Индивидуализация землевладения в России и его последствия. М., 1914.

[2] См.: *Огановский Н.П.* Закономерность аграрной эволюции. Ч. 1… С. 198.

[3] См.: *Он же*. Закономерность аграрной эволюции. Ч. 2… С. 537; *Он же*. Индивидуализация землевладения… С. 21, 26.

[4] См.: *Он же*. Закономерность аграрной эволюции. Ч. 2… С. 564.

[5] Там же. С. 593, 613.

[6] См.: *Он же.* Индивидуализация землевладения… С. 20, 21.

[7] См.: Там же. С. 17.

[8] См.: *Он же.* Индивидуализация землевладения… С. 20, 21, 26.

щади и содержало в себе значительный натуральный сектор производства. Это делало «потребительно-рыночное трудовое хозяйство» земледельцев устойчивым к рынку и более конкурентоспособным сравнительно с крупными капиталистическими предприятиями, имевшими меньшую производительность. В результате, трудовые земледельческие предприятия вытесняли капиталистические частновладельческие хозяйства из сферы сельскохозяйственного производства[1].

В целом Н.П. Огановский внес серьезный вклад в развитие неонароднической историографии крестьянского хозяйства Западной Сибири конца XIX – начала XX в. Он первым среди народнических авторов теоретически выделил в мелком земледельческом производстве реально существовавший уклад товарного производства и тем самым заложил основы для дальнейшего научного развития истории крестьянского хозяйства региона рассматриваемого периода. Результаты исследований экономики сибирской деревни Н.П. Огановский изложил в опубликованном курсе лекций «Народное хозяйство Сибири» (Омск, 1921).

Развитие крестьянского хозяйства Западной Сибири в начале XX в. исследователь рассмотрел в общем плане истории сельского хозяйства. Главной движущей силой аграрной эволюции края он считал значительный рост земледельческого населения[2], связанный с массовыми столыпинскими переселениями. Среди переселенцев преобладала беднота[3]. Увеличение плотности сельского населения резко ускорило развитие сельскохозяйственного производства. Особенно быстро росло товарное производство[4]. Сельское хозяйство региона развивалось, главным образом, за счет экстенсивных факторов. Вместе с этим Н.П. Огановский показал зачатки процесса интенсификации систем полеводства и скотоводства, рост применения усовершенствованного инвентаря и сельскохозяйственных машин, расширение использования наемного труда[5]. Особо он выделил устойчивое развитие молочно-товарного животноводства (ориентированного на бурно развивавшееся западносибирское маслоделие)[6],

---

[1] См.: *Огановский Н.П.* Закономерность аграрной эволюции. Ч. 2… С. 537, 593, 612–613. *Он же*. Индивидуализация землевладения… С. 20, 21, 26.
[2] См.: *Он же*. Закономерность аграрной эволюции. Ч. 2… С. 1–2; *Он же*. Народное хозяйство Сибири… С. 36.
[3] См.: *Он же*. Закономерность аграрной эволюции… Т. 3, вып. 1. С. 93, 313; *Он же*. Народное хозяйство Сибири… С. 30.
[4] См.: *Он же.* Народное хозяйство Сибири… С. 45, 54–57.
[5] См.: *Он же.* Народное хозяйство Сибири… С. 42–43, 48–49, 56–58.
[6] См.: Там же. С. 121–125.

в которое включились даже малокоровные хозяева. Многокоровные хозяева, по мнению исследователя, получали предпринимательские доходы[1]. Завершила его работу характеристика кооперативного движения в сибирской деревне[2].

Таким образом, согласно концепции Н.П. Огановского, эволюция мелкого земледельческого хозяйства Западной Сибири в начале XX столетия представляла собой процесс преобразования трудовой натурально-потребительской хозяйственной формы в семейно-трудовое, товарно-потребительское хозяйство[3]. И в изучаемую эпоху оно имело смешанную натурально-товарную потребительскую природу. Потребительская трудовая природа крестьянского хозяйства и его устойчивость к капиталистическому рынку предопределили социально-классовое единство земледельческого населения, сплотив его в «трудовое» крестьянство[4]. К классоформирующему воздействию капитализма оно было безразлично. Основой естественного, социально-трудового имущественного расслоения крестьянства Огановский полагал различия в размерах семьи. «Неоднородность семейного состава, – писал он в этой связи, – главный базис имущественной неоднородности. Сложные семьи с большим количеством рабочих… и в экономическом отношении являются наиболее мощными хозяйственными организмами»[5].

Невосприимчивое к разрушающему воздействию рынка мелкое товарно-потребительское хозяйство было тем не менее неустойчиво. Его внутрихозяйственная нестабильность, как полагал Н.П. Огановский, заключалась в противоречии между потребительскими и рыночными целями производства. Потребительская направленность крестьянского предприятия делала неустойчивым выпуск товарной продукции и обусловливала его низкую доходность[6]. В связи с этим Н.П. Огановский считал необходимым дальнейшее расширение трудовых хозяйств до размера внутренне устойчивых и прибыльных средних предприятий путем частной индивидуализации землевладения и расширения землепользования либо через объединение мелких трудовых хозяйств в выгодные им кооперативные организации и развитие массового кооперативного движе-

[1] См.: *Огановский Н.П.* Народное хозяйство Сибири… С. 123.
[2] См.: Там же. С. 114–152.
[3] См.: *Он же*. Индивидуализация землевладения… С. 26.
[4] См.: Там же. С. 11.
[5] *Он же*. Закономерность аграрной эволюции… Ч. 2. С. 593.
[6] См.: Там же. С. 613. *Он же*. Индивидуализация землевладения… С. 20.

ния[1]. Как показало его исследование, западносибирское крестьянство избрало кооперативный путь[2].

В начале XX в. в широком течении народнической экономической мысли возникло очень плодотворное направление, созданное А.В. Чаяновым, А.Н. Челинцевым, Н.П. Макаровым и другими аграрниками[3]. Развивая достижения отечественной и зарубежной экономической науки и опираясь на материалы практических работ земских статистиков, они разработали принципиально новую семейно-трудовую концепцию крестьянского хозяйства[4], которая стала фундаментальной научной основой общей народнической теории рыночной устойчивости и некапиталистической эволюции пореформенной деревни.

Ведущая роль в разработке главных идей концепции семейного трудового хозяйства принадлежала А.В. Чаянову. В основе теории А.В. Чаянова – принципиальное методологическое представление о крестьянском хозяйстве как о самостоятельном семейно-хозяйственном субъекте, преследующем свои, отличные от рыночно-капиталистических, интересы. «Задачей крестьянского трудового хозяйства, – писал он, характеризуя его цели, – является доставление средств существования хозяйствующей семье путем наиболее полного использования имеющихся в ее распоряжении средств производства и рабочей силы»[5]. Семейная система хозяйствования и опора на семейный труд делала мелкотоварное крестьянское хозяйство практически невосприимчивым к воздействию рынка и обеспечивала ему возможность устойчивого некапиталистического развития в рыночных условиях[6].

Концепция семейно-трудовой природы крестьянского хозяйства, таким образом, перевела разработку народнической теории некапиталистической эволюции экономики пореформенной российской деревни с более

---

[1] См.: *Огановский Н.П.* Закономерность аграрной эволюции… Ч. 1. С. 307. Там же. Ч. 2. С. 613, 619; *Он же*. Индивидуализация землевладения… С. 9, 13–15, 26, 32.

[2] См.: *Он же*. Народное хозяйство Сибири… С. 144–145.

[3] См.: *Чаянов А.В.* Участковая агрономия и организационный план крестьянского хозяйства // Тр. Московского областного съезда деятелей агрономической помощи населению. М., 1911. Т. 1. Первая секция. С. 35–48; *Он же*. Очерки по теории трудового хозяйства. М., 1912–1913. Вып. 1–2; *Челинцев А.Н.* Очерки по истории сельскохозяйственной экономии. СПб., 1910; *Макаров Н.П.* Крестьянское хозяйство и его интересы. М., 1917 и др.

[4] См.: *Фигуровская Н.К., Глаголев А.И.* А.В. Чаянов и его теория семейного крестьянского хозяйства // Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство: Избранные труды. М., 1989. С. 29–32.

[5] *Чаянов А.В.* Участковая агрономия и организационный план крестьянского хозяйства // Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство… С. 62.

[6] См.: *Чаянов А.В.* Очерки по теории трудового хозяйства…

общего поземельно-общинного уровня анализа на конкретный, семейно-хозяйственный уровень – в плоскость изучения субъектной организационно-производственной деятельности крестьянина, хозяйствовавшего в начале XX в. в условиях утвердившихся рыночно-капиталистических отношений. Теория семейно-трудового крестьянского хозяйства явилась высшим достижением народнической экономической мысли и стала одним из ведущих направлений дореволюционной аграрно-экономической науки России. Вместе с тем полная и целостная разработка данной теории была осуществлена А.В. Чаяновым только в 20-е гг.

Областническое направление. Очень важное место в сибирской историографии конца XIX – начала XX в. занимало вышедшее из либерально-народнической парадигмы областническое направление. Оно было основано на идее самобытности и особого пути Сибири, занимавшей в России положение эксплуатируемой колонии[1]. Существенную роль в формировании областнической идеологии сыграла разработка проблем социально-экономического развития сибирской деревни во второй половине XIX – начале XX в.[2]

Начало областнической историографии пореформенного крестьянского хозяйства Сибири положил фундаментальный сибиреведческий труд Н.М. Ядринцева «Сибирь как колония» (издано дважды: в 1882 и 1892 гг.), основанный на многочисленных документах, статистических сведениях и других видах источников[3]. Н.М. Ядринцев выступил в данном исследовании как представитель либерально-народнической общинно-трудовой концепции крестьянского хозяйства. Согласно ей единая природа земледельческих хозяйств обусловила социальную и духовно-культурную однородность сибирского крестьянства. Социальным источ-

---

[1] См.: *Шиловский М.В.* Общественно-политическое движение в Сибири второй половины XIX – начала XX века: Областники: Учеб. пособие. Новосибирск, 1995. Вып. 1; *Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Зубков К.И., Побережников И.В.* Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI–XX вв. М., 2004. С. 411–447; *Сибирь* в составе Российской империи. М., 2007. С. 302–335; и др.

[2] См.: *Шиловский М.В.* Оценка Н.М. Ядринцевым характера социально-экономического развития Сибири в 70-е – первой половине 90-х гг. XIX в. // Хозяйственное освоение Сибири в период капитализма: Историография проблемы. Новосибирск, 1988. С. 190–202; *Он же*. Областники и аграрный вопрос в Сибири на рубеже XIX – XX вв. // Сибирь в XVI–XX веках: Экономика, общественно-политическая жизнь и культура. Новосибирск, 1997. С. 131–138.

[3] См.: *Ядринцев Н.М.* Сибирь как колония: К юбилею трехсотлетия. Современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее. СПб., 1882; *Он же*. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. СПб., 1892.

ником равенства крестьянства являлась складывавшаяся поземельная община[1]. Она, по мнению Н.М. Ядринцева, формировалась в Сибири в условиях отсутствия даже зачатков капитализма[2]. Имевшееся в деревне социальное расслоение было, как считал исследователь, следствием полуфеодального административно-податного гнета и хищнической деятельности кулаков, мироедов и монополистического торгово-промышленного капитала России[3]. Дальнейшее развитие сибирской деревни представлялось Н.М. Ядринцеву как часть общего процесса формирования «народного капитала» – современного народного хозяйства страны в «истинно-народных» хозяйственных формах. Главным содержанием некапиталистической аграрной эволюции должны были стать укрепление поземельной и социокультурной общины и товарная рационализация трудового крестьянского хозяйства, осуществляемая в условиях широкой и организованной земледельческой колонизации края[4]. Экономическое развитие деревни должно происходить при всемерном содействии общества и правительства[5]. Очень важным фактором, способствовавшим будущему общественному прогрессу земледельческого хозяйства, Н.М. Ядринцев также считал положительные общественно-коллективистские и хозяйственно-самодеятельные черты в социально-психологическом складе сибирских крестьян: стремление к равенству, забота об общественном благе, переимчивость, стремление к прогрессу, сметка, самодеятельность, трудолюбие и предприимчивость[6].

В начале XX в. большой вклад в развитие областнической концепции социально-экономической эволюции сибирской деревни внесли П.М. Головачев, Н.Н. Козьмин, Д.М. Головачев и Г.Н. Потанин[7].

Позднее областничество признало развитие в сельском хозяйстве края товарно-денежных (капиталистических) отношений, связанное с прове-

---

[1] См.: *Ядринцев Н.М.* Сибирь как колония … С. 113, 120, 122, 123–127.
[2] См.: *Шиловский М.В.* Оценка Н.М. Ядринцевым… С. 199.
[3] См.: *Ядринцев Н.М.* Сибирь как колония … С. 114, 116, 118, 119, 123, 255–256, 397–403, 407–408.
[4] См.: Там же. С. 122–123, 124–127, 129, 145, 223–225, 443, 661.
[5] Подробнее см.: *Шиловский М.В.* Оценка Н.М. Ядринцевым… С. 196–200.
[6] См.: *Ядринцев Н.М.* Сибирь как колония… С. 113, 116, 120–125.
[7] См.: *Головачев П.М.* Сибирь. Природа. Люди. Жизнь. 2-е изд., испр. и доп. М., 1905; *Он же*. Экономическая география Сибири. М., 1914; *Козьмин Н.Н.* Очерки прошлого и настоящего Сибири. СПб., 1910; *Головачев Д.М.* Частное землевладение в Сибири // Сибирские вопросы. 1905. № 1. С. 122–170; *Потанин Г.Н.* Нужды Сибири // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. СПб., 1908. С. 260–294; *Он же*. Областническая тенденция в Сибири // Сборник к 80-летию со дня рождения Григория Николаевича Потанина. Томск, 1915. С. 86–113.

дением Сибирской железной дороги. Об этом, как показали основанные на текущей статистике исследования П.М. Головачева, очень ярко свидетельствовали быстрый рост товарного земледельческого производства и резкое увеличение вывоза его продукции за пределы Западной Сибири[1]. Проникновение товарно-денежных отношений в трудовое крестьянское хозяйство, согласно областническим взглядам, лишь разлагало патриархальное производство, не образуя товарно-производственного уклада. Связь земледельца с рынком осуществлялась только через обмен[2]. Это обусловило господство в сельском хозяйстве Сибири местных кулаков-мироедов, скупщиков и укрепившегося в экономике края торгового капитала Европейской России, который выражал колониальное положение края[3]. Областники также отмечали негативное влияние на экономическое развитие сибирской деревни других колониальных факторов: государственно-податного гнета и эксплуатации крестьянства сибирскими чиновниками и золотопромышленниками[4]. Воздействие данного комплекса отрицательных факторов обусловило выделение из «единого социально-экономического класса – трудового крестьянства – небольших крайних групп: кулаков и закабаленной бедноты[5].

В аграрно-крестьянской доктрине поздних областников также следует подчеркнуть важное концептуальное новшество, которое, однако, не получило развития. Они отмечали наличие в трудовом земледельческом классе небольшой прослойки зажиточных (многолошадных, многокоровных) крестьян, которые вели мелкое предпринимательское хозяйство. Но оно, в силу узости внутреннего рынка, отсутствия средств, капиталов и дороговизны труда, было неустойчивым и, не имея твердого будущего, регулярно разваливалось: крестьяне-предприниматели уходили в торгово-ростовщическую деятельность или силой неблагоприятных обстоятельств возвращались в рядовое трудовое крестьянство. Мелкое (полукапиталистическое) земледельческое предпринимательство, по мнению исследователей-областников, не имело общественной народнохозяйст-

---

[1] См.: *Головачев П.М.* Сибирь: Природа. Люди. Жизнь. С. 227, 240–241, 317–322; *Он же.* Экономическая география Сибири… С. 108–110, 121.

[2] См.: *Головачев П.М.* Сибирь: Природа. Люди. Жизнь. С. 317, 319–320; *Козьмин Н.Н.* Очерки прошлого и настоящего Сибири… С. 247–248.

Подробнее см.: *Шиловский М.В.* Областники и аграрный вопрос в Сибири… С. 132–133.

[3] См.: *Козьмин Н.Н.* Очерки прошлого и настоящего Сибири… С. 257–258, 263; *Головачев П.М.* Сибирь: Природа. Люди. Жизнь. С. 260, 317, 319, 321–324.

[4] См.: *Козьмин Н.Н.* Очерки прошлого и настоящего Сибири… С. 243, 244, 249–251, 253.

[5] См.: Там же. С. 256, 257–259, 263–264.

венной перспективы[1]. По тем же причинам в Сибири было невозможно крупное капиталистическое (частновладельческое) сельскохозяйственное предпринимательство[2].

Будущее сибирской деревни областники начала XX в. видели в сохранении общины и развитии общинно-артельных форм хозяйствования и кооперации трудовых крестьянских хозяйств. Регулирование земельных отношений в крае и текущее управление сельским хозяйством и переселенческим делом, по областническому проекту, должна была осуществлять Сибирская областная дума[3], выражающая интересы сибирского (старожильческого) крестьянства[4].

Либеральное направление. Либеральное направление в историографии крестьянского хозяйства Западной Сибири конца XIX – начала XX в. представляют работы А.А. Исаева, В. Владиславлева, А.М. Беркенгейма, В.В. Кирьякова, А.А. Кауфмана, М.Н. Соболева и М.И. Боголепова.

Исследования Исаева, Беркенгейма и Кирьякова выполнены в рамках изучения актуальной для конца XIX – начала XX в. проблемы вольной крестьянской колонизации Сибири[5]. В них на материалах обследований 80–90-х гг. XIX в. с общелиберальных позиций критически освещены водворение и отдельные стороны хозяйственного положения новоселов Западной Сибири и определены положительные направления развития переселенческого движения.

Самый крупный вклад в формирование либеральной концепции экономической истории сибирской деревни внес российский экономист-аграрник и статистик Александр Аркадьевич Кауфман. Изучение крестьянского хозяйства региона проводилось им в рамках проблем крестьянских переселений в Сибирь и формирования сибирской земельной общины, в специальных экономических работах[6]. Исследования А.А. Кауфма-

---

[1] См.: *Козьмин Н.Н.* Очерки прошлого и настоящего Сибири… С. 261–264; *Головачев П.М.* Сибирь: Природа. Люди. Жизнь… С. 240.

[2] См.: *Головачев Д.М.* Указ. соч. С. 164–165.

[3] Подробнее см.: *Шиловский М.В.* Областники и аграрный вопрос в Сибири… С. 133–136.

[4] См.: *Потанин Г.Н.* Нужды Сибири…; *Он же.* Областническая тенденция в Сибири… С. 89, 109, 111.

[5] См.: *Исаев А.А.* Переселения в русском народном хозяйстве. СПб., 1891; *Владиславлев В.* Хозяйственное положение тобольских новоселов // Русское богатство. 1896. № 6 (9) С. 102–127; *Беркенгейм А.М.* Переселенческое дело в Сибири (по личным наблюдениям и официальным данным). М., 1902; *Кирьяков А.В.* Очерки по истории переселенческого движения в Сибирь. М., 1902.

[6] См.: *Кауфман А.А.* Общинные порядки восточных волостей Томского округа и северо-западной половины Мариинского округа // Алтайский сборник / Издание общества любите-

на основаны на широком круге полноценных статистико-экономических обследований крестьянских хозяйств Западной Сибири 80–90-х гг. XIX – начала XX в., на личных наблюдениях и опыте,[1] полученном им в ходе самостоятельных статистических экспедиций. В его работе были рассмотрены крестьянское землепользование, местные системы земледелия и скотоводства, комплексы применявшихся сельскохозяйственных орудий, а также дана общая оценка размеров крестьянского производства в различных районах Западной Сибири и охарактеризованы подати и повинности крестьян.

Фундаментальный научный подход к изучению аграрных отношений и богатый жизненный опыт позволили А.А. Кауфману выработать достаточно реалистичную оценку хозяйственного строя сибирской деревни конца XIX – начала XX в. Как и реформистски мыслившие исследователи народнического направления, он пришел к трудовой концепции[2]. О трудовой природе крестьянского хозяйства, по его мнению, свидетельствовали его семейно-трудовая основа и потребительская направленность, господство экстенсивных общинных форм землепользования и систем хозяйствования, а также традиционная общинно-трудовая культура и консервативный социально-психологический строй крестьянского сознания[3].

Экономическая деятельность сибирских земледельцев была тесно связана с рынком. Однако участие в товарно-денежных отношениях, как полагал А.А. Кауфман, не изменило потребительски-трудовой сущности

лей исследования Алтая. Вып. 1. Томск, 1894. С. 90–161; *Он же*. Очерк крестьянского хозяйства Сибири. Томск, 1894; *Он же*. Крестьянская община в Сибири. По местным исследованиям 1886–1892 гг. СПб., 1897; *Он же*. Переселение и колонизация. СПб., 1905; *Он же*. Колонизация Сибири в настоящем и будущем // Сибирские вопросы. 1905. № 1. С. 177–201; *Он же*. Земельный вопрос и переселение // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. СПб., 1908. С. 79–140; *Он же*. Община. Переселение. Статистика: Сб. статей. М., 1915; *Он же*. Вопросы экономики и статистики крестьянского хозяйства. М., 1918 и др.

[1] В одной из своих статей А.А. Кауфман прямо заметил, что «черпал из жизни свои взгляды». (*Кауфман А.А.* Община. Переселение… С. 195).

[2] Сходство либеральных и либерально-народнических взглядов на крестьянство уже отмечено исследователями. См.: *Зверев В.В.* Эволюция народничества: «теория малых дел» // Отечественная история. 1997. № 4. С. 91; *Котович Л.В., Родигина Н.Н.* Самоуправление западносибирской деревни как предмет публицистического и исследовательского дискурса на рубеже XIX – XX вв. // Вопросы социальной истории России конца XVIII – начала XX в.: Сб. науч. тр. Омск, 2004. С. 31–32.

[3] См.: *Кауфман А.А.* Очерк крестьянского хозяйства… С. 7, 60; *Он же*. Русская община в процессе… С. 302; *Он же*. Земельный вопрос и переселение… С. 79, 80, 81; *Он же*. Община. Переселение… С. 194, 204–205, 207–208, 209, 293–294; *Он же*. Вопросы экономики и статистики… С. 7, 128–129, 268.

крестьянских хозяйств, включая зажиточные[1]. Поэтому товарно-рыночные отношения он исключил из круга факторов, определявших социально-имущественную дифференциацию крестьянства. Главной причиной социального расслоения сибирской деревни А.А. Кауфман считал серьезные различия в обеспеченности крестьянских семей собственными рабочими ресурсами, которые в случае нужды восполнялись наймом работников со стороны – из дворов с трудовыми излишками[2].

А.А. Кауфман изучал состояние крестьянского хозяйства Западной Сибири в плане решения жизненно важного для России конца XIX – начала XX в. аграрного вопроса и определения направления и содержания аграрной эволюции страны. Как и большинство аграрников-немарксистов, он видел истоки аграрного вопроса в стране в относительном перенаселении, проистекавшем из него малоземелье и кризисе господствовавших в деревне традиционных систем хозяйства[3].

В Сибири, как отмечал Кауфман, не было частного землевладения и сохранялся относительный земельный простор. Поэтому здесь главным выражением аграрного кризиса являлась агрикультурная отсталость крестьянского хозяйства, которая заключалась в господстве традиционных экстенсивных форм земледелия и скотоводства[4]. В связи с этим дальнейшая аграрная эволюция сибирского края виделась А.А. Кауфману как направляемый государством и культурным обществом процесс повышения аграрной и общей культуры земледельческого населения и внедрения в хозяйственный строй деревни высокотоварных и доходных интенсивных систем полеводства и животноводства[5]. Крестьянское хозяйство региона, по его мнению, было подготовлено к прогрессивному развитию. Об этом ярко свидетельствовала его быстрая техническая реорганизация, связанная с развитием маслоделия в Тобольской и Томской губерниях в начале XX столетия[6]. Большое значение Кауфман также придавал орга-

---

[1] См.: *Кауфман А.А*. Очерк крестьянского хозяйства… С. 52–54, 56–60; *Он же*. Земельный вопрос и переселение… С. 79, 111; *Он же*. Община. Переселение… С. 204–205, 282, 287; *Он же*. Вопросы экономики и статистики. С. 123, 127, 128–129, 282–283.

[2] См.: *Он же*. Община. Переселение… С. 282, 292–295, 314.

[3] См.: *Он же*. Переселение и колонизация… С. 179–185; *Он же*. Земельный вопрос и переселение… С. 79.

[4] См.: *Он же.* Земельный вопрос и переселение… С. 79–81, 84, 108–109, 118–119, 123–124; *Он же*. Община. Переселение… С. 207–209.

[5] См.: *Он же.* Переселение и колонизация… С. 199, 346, 347–348; *Он же*. Община. Переселение… С. 209–210.

[6] См.: *Он же*. Переселение и колонизация… С. 203; *Он же.* Земельный вопрос и переселение… С. 114.

низованному переселению сельского населения в Сибирь, поскольку «прогресс крестьянского хозяйства находился в прямом отношении с густотой населения и земельным утеснением»[1]. В данной связи он, исходя из своих наблюдений, неоднократно указывал на агрикультурное превосходство общинных систем сибирского землепользования над вольнозахватными, заимочными формами[2].

В созданной А.А. Кауфманом концепции недостаточно рассмотрены общие экономические условия и стороны эволюции крестьянского хозяйства Западной Сибири в начале XX в.: развитие рынка и сельского хозяйства региона, процесс вовлечения земледельцев в товарно-рыночные отношения и их влияние на внутреннюю организацию крестьянского хозяйства. Эти аспекты, опираясь на сведения текущей сельскохозяйственной (волостной) и железнодорожно-транспортной статистики, разработали профессора Томского университета М.Н. Соболев и М.И. Боголепов[3]. Главные результаты своих исследований они опубликовали в известном сборнике «Сибирь, ее современное состояние и ее нужды» (СПб., 1908), в котором выступили как создатели единой либеральной «доктрины» экономического развития Сибири в начале XX столетия.

Согласно данной концепции натуральное крестьянское хозяйство в Сибири вступило на путь развития денежных отношений с середины XIX в.[4] Построенная в середине 90-х гг. XIX в. Сибирская железная дорога соединила Западную Сибирь с общероссийским и мировым рынками[5]. Это резко ускорило процесс развития сельского хозяйства региона по пути товарно-денежных отношений: значительно выросли объемы сельскохозяйственного производства и вывоз его продукции в Европейскую Россию и за границу[6]. Увеличение объема рынка и рост спроса на про-

---

[1] *Кауфман А.А*. Переселение и община. С. 197.

[2] См.: *Он же*. Крестьянская община в Сибири… С. 261–264; *Он же*. Община. Переселение… С. 156–158 и др.

[3] См.: *Соболев М.Н.* Экономическое значение Сибирской железной дороги. Томск, 1900; *Он же*. Задачи экономической политики в Сибири // На сибирские темы. СПб., 1905. С. 240–247; *Он же*. К вопросу о реформе крестьянского управления в Сибири // Сибирские вопросы. 1905. № 1. С. 86–99; *Он же*. Добывающая и обрабатывающая промышленность Сибири // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. СПб., 1908. С. 141–168; *Боголепов М.И.* Торговля в Сибири // Там же. С. 169–200.

[4] См.: *Соболев М.Н.* Добывающая и обрабатывающая промышленность… С. 166; *Боголепов М.И.* Указ. соч. С. 171, 172.

[5] См.: *Соболев М.Н.* Экономическое значение… С. 22; *Боголепов М.И.* Указ. соч. С. 171, 182.

[6] См.: *Соболев М.Н.* Экономическое значение… С. 5; *Он же*. Добывающая и обрабатывающая промышленность… С. 159–160; *Боголепов М.И.* Указ. соч. С. 182, 186, 188, 191–192.

дукцию земледелия и скотоводства ускорили переход семейно-трудового крестьянского хозяйства западносибирского края от натуральных к денежным формам хозяйствования[1]. Главным содержанием переходного процесса, как считал М.Н. Соболев, являлось разложение натуральных непроизводственных форм хозяйствования (продажа натуральных страховых запасов и др.)[2]. Новое для натуральной экономики мелкотоварное производство во внутренней структуре семейно-трудового предприятия не образовывалось. Крестьянское хозяйство подчинялось рынку только в сфере обмена. И здесь крестьяне-производители попадали под эксплуатацию со стороны хищнического торгового капитала – скупщиков и сельских ростовщиков[3].

Дальнейшее развитие крестьянского хозяйства Сибири М.Н. Соболев и М.Н. Боголепов видели в повышении его социального статуса, культурного уровня, а также в организации современной рыночной инфраструктуры, цивилизованной торговли и системы мелкого кредита. Очень важной предпосылкой (залогом) будущего экономического прогресса сибирской деревни они считали особенности социально-психологического строя местного крестьянства: самостоятельность, чувство собственного достоинства, предприимчивость и стремление к хозяйственному преуспеянию[4].

Государственное направление. К государственному направлению относятся экономические работы чиновников, государственных служащих и исследователей-аграрников, считавших российское государство и правительственные реформы главной направляющей силой социально-экономического развития страны. Единые по своему идейно-концептуальному содержанию работы данного направления можно условно разделить на две большие группы. В первую вошли более консервативные обобщающие и юбилейные издания ведомств, а также исследовательские и оценочно-экспертные работы (доклады, отчеты) крупных чиновников и общественных деятелей, посвященные процессу и итогам переселенческого движения в Сибирь, эволюции переселенческого и старожильче-

[1] См.: *Соболев М.Н.* Экономическое значение… С. 22; *Он же*. Задачи экономической политики… С. 242; *Он же*. Добывающая и обрабатывающая промышленность… С. 166; *Боголепов М.И.* Указ. соч. С. 188.

[2] См.: *Соболев М.Н.* Экономическое значение… С. 22; *Он же*. Задачи экономической политики… С. 242, 243–244.

[3] См.: *Боголепов М.И.* Указ. соч. С. 169–171, 188.

[4] См.: *Соболев М.Н.* Экономическое значение… С. 22; *Он же*. Задачи экономической политики… С. 243–244; *Он же*. К вопросу о реформе… С. 87, 88; *Боголепов М.И.* Указ. соч. С. 170, 179, 188, 189, 191–192.

ского хозяйства в крае и влиянию Сибирской железной дороги на экономическое развитие региона[1]. Вторую группу составили исследования современно мысливших ученых, чиновников и специалистов Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ) и других ведомств, публиковавшиеся, главным образом в периодических сборниках «Вопросы колонизации». В этих работах, наряду с насущными вопросами организации переселенческого дела в Азиатской России, рассматривались различные аспекты функционирования и развития хозяйства сибирской деревни[2]. Среди данных исследований следует особо отметить широкий комплекс научных статей И. Введенского[3].

---

[1] См.: *Сибирь* и Великая Сибирская железная дорога. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1896; *Великая* Сибирская железная дорога. СПб., 1901; *Сибирь* под влиянием рельсового пути. СПб., 1902; Сибирь и значение Великого сибирского пути. СПб., 1903; *Саблер С.В., Сосновский И.В.* Сибирская железная дорога в ее прошлом и настоящем. СПб., 1903; *Ермолов А.С.* Всеподданнейший доклад министра земледелия и государственных имуществ по поездке в Сибирь осенью 1895 г. СПб., 1896; *Он же*. Наш земельный вопрос. I. Земля и труд. II. Крестьяне и земля. III. Действительность и земельные утопии. СПб., 1906; *Всеподданнейший* отчет статс-секретаря Куломзина по поездке в Сибирь для ознакомления с положением переселенческого дела. СПб., 1896; *Колонизация* Сибири в связи с общим переселенческим вопросом. СПб., 1900; *Ставровский Я.В., Алексеев В.В.* Переселение в Сибирь. СПб., 1906; *Столыпин П.А., Кривошеин А.В.* Записка председателя Совета министров и Главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Сибирь и Поволжье в 1910 году. Приложение к Всеподданнейшему докладу. СПб., 1910 и др.

[2] См.: *Чиркин Г.К.* К вопросу о происхождении земельной общины в Сибири // Вопросы колонизации. 1907. № 1. С. 105–111; *Он же*. О задачах колонизационной политики в Сибири // Там же. 1911. № 8. С. 1–37; *Шкапский О.* На рубеже переселенческого дела // Там же. 1907. № 1. С. 122–137; *Успенский А.* Действительность, а не мечты // Там же. 1908. № 2. С. 1–28; *Кузнецов В.* Экономические результаты переселения в Сибирь и Степной край // Там же. 1908. № 2. С. 69–83; *Солдатов В.В.* Изменение форм общинного землепользования в Сибири // Там же. 1910. № 7. С. 69–83; *Шкунов М.* Заселение Алтайского округа // Там же. 1911. № 9. С. 91–127; *Вощинин Н.* На сибирском просторе: Картины переселения. СПб., 1912; *Он же*. Переселенческий вопрос в Государственной думе III созыва. Итоги и перспективы. СПб., 1912; *Ямзин И.* Переселенческое движение в России с момента освобождения крестьян. Киев, 1912; *Он же*. Переселенческая статистика и хозяйственное положение переселенцев по исследованию Переселенческого управления // Вопросы колонизации. 1914. № 8. С. 73–95; *Гинс Г.* Переселение и колонизация // Там же. 1913. № 12. С. 73–120; № 13. С. 39–99; *Полферов Я.* Сибирь и ее возможности // Там же. 1914. № 15. С. 1–23; *Азиатская* Россия. СПб., 1914. Т. 1: Люди и порядки за Уралом; Т. 2: Земля и хозяйство; *Крестьянское* переселение и русская колонизация за Уралом. Пг., 1914; *Тресвятский В.* Кооперация в колонизируемых районах Азиатской России // Вопросы колонизации. 1916. № 8. С. 50–74; *Материалы* по земельному вопросу в Азиатской России. Пг., 1918.; Вып. IV: Итоги переселенческого дела за Уралом с 1906 по 1915 гг. и др.

[3] *Введенский И.* Переселенческий и аграрный вопрос // Вопросы колонизации. 1909. № 5. С. 1–78; *Он же*. Частное землевладение в Западной Сибири // Там же. 1912. № 10. С. 35–81;

Работы авторов, принадлежавших к официальному течению сибирской аграрной историографии, основаны на широкой базе массовых обследований переселенческих и старожильческих хозяйств Сибири 80–90-х гг. XIX в., переписей 1903–1904, 1905, 1909, 1911–1912, 1912–1913 гг. и Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г., данных текущей аграрной статистики и делопроизводственной документации.

Большинство исследователей-практиков правительственного направления, как и оппозиционные авторы, изучали современную им сибирскую деревню с целью выяснить состояние, внутренние и внешние источники эволюции ее хозяйственного строя, определить наиболее вероятные векторы его движения и выработать меры, обеспечивающие развитие земледельческого хозяйства региона по наиболее благоприятному для крестьянства и народного хозяйства страны пути. Поэтому они в своей научной и практической деятельности руководствовались не только интересами государства и задачами его аграрной политики, но и нуждами общества, обращаясь с данной целью к наиболее реалистичным идеям и положениям из либеральных и даже неонароднических аграрно-экономических исследований и программ[1].

Как и другие представители немарксистской историографии, аграрники правительственного направления выработали концепцию семейно-трудовой патриархально-потребительской природы крестьянского хозяйства Сибири конца XIX – начала XX в.[2] Они также отмечали втягивание «натурального» хозяйства западносибирской деревни в товарно-денежные отношения.

В конце XIX в. земледельческое хозяйство региона, по представлениям «государственников», вовлекалось в данный процесс через сферу обмена, обогащая деревенских скупщиков и ростовщиков. Крестьяне продавали излишки патриархального производства для уплаты податей и

Он же. Землеустройство и колонизация // Там же. 1912. № 11. С. 59–120; *Он же*. Земледелие и кооперация // Там же. 1913. № 12. С. 1–51; *Он же*. Оценка земли в Сибири // Там же. 1914. № 14. С. 28–73; *Он же*. Организация сельского хозяйства в Сибири и его прогрессивный рост // Там же. 1914. № 16. С. 40–65.

[1] См.: *Кауфман А.А.* Сибирские вопросы в сельскохозяйственных комитетах 1902 г. // Сибирские вопросы. 1905. № 1. С. 1–32; *Тюкавкин В.Г.* Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М., 2001. С. 9–18.

[2] См.: *Всеподданнейший* отчет статс-секретаря Куломзина… С. 110; *Ермолов А.С.* Наш земельный вопрос… С. 20–22, 267, 276; *Столыпин П.А., Кривошеин А.В.* Указ. соч. С. 38–39; *Введенский И.* Переселение и аграрный вопрос… С. 76–77; *Чиркин Г.К.* О задачах колонизационной политики в Сибири… С. 12, 27–28; *Ямзин И.* Переселенческое движение в России… С. 129–130, 135, 165 и др.

обеспечения своего обихода[1]. В начале XX в., после проведении Сибирской железной дороги, фактически включившей экономику края в общероссийский рынок[2], начался бурный рост сельскохозяйственного производства, имевший явно выраженную товарную направленность. Это побудило ученых и специалистов правительственной школы к более глубокой разработке сложившихся взглядов на хозяйственный строй сибирской деревни. Часть исследователей (Г.Ф. Чиркин, В.В. Солдатов, И. Ямзин) говорили о наличии товарного производства в крупных крестьянских хозяйствах[3].

Широко и радикально мысливший И. Введенский выдвинул положение о формировании в крестьянских хозяйствах развитых товаропроизводящих аграрных районов Западной Сибири товарного производственного уклада («строя»)[4]. Вовлеченные в процесс товарного производства земледельческие хозяйства, по мнению данной группы исследователей, сохраняли устойчивость к воздействию рынка благодаря своей семейно-трудовой основе[5]. Социально-экономическое расслоение сибирской деревни авторы официального направления объясняли различиями в размерах рабочего состава крестьянских семей[6].

В центре внимания правительственных исследователей хозяйственного строя западносибирской деревни, помимо практических вопросов землеустройства и развития хозяйств новоселов и старожилов, оказалась также почти неизученная общая картина развития аграрной экономики Сибири. Ее исследование, с одной стороны, наглядно демонстрировало успехи государственной и народной колонизации края, с другой – в са-

---

[1] См.: *Сибирь* под влиянием рельсового пути… С. 117–118, 126; *Всеподданнейший* отчет статс-секретаря Куломзина… С. 107, 110; *Столыпин П.А., Кривошеин А.В.* Указ. соч. С. 47, 51, 54–56; *Солдатов В.В.* Указ. соч. С. 51; *Введенский И.* Частное землевладение в Западной Сибири… С. 79–80; Чиркин Г.К. О задачах колонизационной политики в Сибири… С. 12; *Азиатская* Россия… Т. 2. С. 332, 420, 614; и др.

[2] См.: *Сибирь* под влиянием рельсового пути… С. 108–164; *Столыпин П.А., Кривошеин А.В.* Указ. соч. С. 47–57; *Солдатов В.В.* Указ. соч. С. 34–35; *Чиркин Г.К.* О задачах колонизационной политики в Сибири… С. 3–4; *Азиатская* Россия… Т. 2. С. 331, 513–530, 614, 616; и др.

[3] См.: *Чиркин Г.К.* О задачах колонизационной политики в Сибири… С. 5; *Солдатов В.В.* Указ. соч. С. 50, 51; *Ямзин И.* Переселенческая политика и хозяйственное положение переселенцев… С. 88.

[4] См.: *Введенский И.* Организация сельского хозяйства в Сибири… С. 45.

[5] См.: *Чиркин Г.К.* О задачах колонизационной политики в Сибири… С. 27, 28; *Ямзин И.* Переселенческое движение в России… С. 135, 165; *Он же*. Переселенческая политика и хозяйственное положение переселенцев… С. 88.

[6] См.: *Ямзин И.* Переселенческая политика и хозяйственное положение переселенцев… С. 88.

мом общем плане показывало реальную эволюцию различных сторон крестьянского хозяйства региона. Ученые и специалисты Переселенческого управления ГУЗиЗ впервые дали комплексное освещение эволюции сельского хозяйства сибирского края в конце XIX – начале XX в. в тесной связи с бурным процессом крестьянской колонизации. В своих многочисленных работах и коллективном обобщающем труде «Азиатская Россия» (СПб., 1914) они панорамно описали землеустройство переселенцев и старожилов, охарактеризовали развитие земледелия, скотоводства, молочно-маслодельческого хозяйства, показали зародившиеся процессы их интенсификации и формирования рыночно-торговой и ссудно-кредитной инфраструктуры[1].

Очень важной практической задачей научной деятельности исследователей государственного направления являлось выявление особенностей аграрного вопроса в Сибири. Его истоки «государственники», как представители немарксистской аграрно-экономической методологии, видели в увеличении плотности населения и господстве в сибирской деревне «стародавних форм экстенсивного хозяйства»[2]. Преобладание отсталых, экстенсивных форм землепользования и хозяйствования было главным препятствием на пути эволюционного превращения трудового крестьянского хозяйства, в современное товаропроизводящее предприятие. Поэтому единственно возможным направлением дальнейшей экономической эволюции западносибирской деревни официальные сибиреведы считали повышение агрикультуры, интенсификацию земледельческого хозяйства, совершенствование рыночно-торговой и ссудно-кредитной инфраструктуры и развитие сельской кооперации, которые должны были осуществляться в процессе проводимых реформ под руководством и при поддержке государственных органов[3].

---

[1] См.: *Кузнецов В.* Указ. соч. С. 73–74, 81; *Введенский И.* Переселение и аграрный вопрос… С. 1–2; *Он же*. Организация сельского хозяйства в Сибири… С. 40–41, 54; *Солдатов В.В.* Указ. соч. С. 34–36, 40, 42, 50–51; *Чиркин Г.К.* О задачах колонизационной политики в Сибири… С. 3–6, 11–12; *Столыпин П.А., Кривошеин А.В.* Указ. соч. С. 23–38, 47–57; *Полферов Я.* Указ. соч. С. 4, 6–7, 8–9; *Ямзин И.* Переселенческая политика и хозяйственное положение переселенцев… С. 83, 85–86, 88; *Азиатская* Россия… Т. 1. С. 191–197, 426–429, 552–565; Т. 2. С. 256–274, 299–338, 405–412, 447–454; *Крестьянское* переселение… Пг., 1914. С. 41, 56–59 и др.

[2] См.: *Ермолов А.С.* Наш земельный вопрос… С. 5, 285; *Чиркин Г.* К вопросу о происхождении земельной общины в Сибири… С. 107, 108; *Введенский И.* Переселение и аграрный вопрос… С. 1–2; *Он же*. Оценка земли в Сибири… С. 60; *Ямзин И.* Переселенческое движение в России… С. 166–167; *Азиатская* Россия… Т. 1. С. 533–534 и др.

[3] *Введенский И.* Переселение и аграрный вопрос… С. 71, 76–77; *Он же*. Земледелие и кооперация… С. 2–3; *Он же*. Организация сельского хозяйства в Сибири… С. 45–47, 49, 54, 65;

Однако специалисты Переселенческого управления ясно понимали ограниченность и вторичность мер государственной и общественной агротехнической помощи. Для преобразования экономики сибирской деревни в систему стабильных мелкотоварных хозяйств, по их мнению, следовало разбудить и освободить имеющиеся в общинно-трудовой земледельческой культуре элементы хозяйственной предприимчивости, которые коренились в индивидуально-семейной форме крестьянского хозяйствования[1]. Чтобы «раскрепостить» в сибирском земледельце чувство хозяина и «вызвать в нем стремление к более рациональному ведению хозяйства»[2], правительственные исследователи-реформаторы считали необходимым завершить внутринадельное землеустройство и всемерно способствовать укоренению мелкого крестьянского землевладения (в форме хуторов и отрубов)[3].

В общем, официальная историография начала XX в. в ближайшей перспективе видела хозяйственный строй западносибирской деревни как сложную переходную структуру включавшую в себя, с одной стороны, преимущественно патриархально-натуральные дворы, с другой – крепкие мелкособственнические хозяйства «с товарным строем быта»[4]. Из мелкотоварных дворов в ходе товарно-рыночного развития должны были выделиться крупнокрестьянские предпринимательские (арендные) хозяйства с тенденцией эволюции в аграрные предприятия чисто капиталистического типа[5].

Марксистское направление. В марксистской историко-экономической литературе конца XIX – начала XX в. обращение к проблемам развития крестьянского хозяйства России было связано с революционно-практической необходимостью определения объективного места и роли крестьянства в массовых общественных движениях эпохи. Немаловажное

Чиркин Г.К. О задачах колонизационной политики в Сибири… С. 5, 11–12; *Ямзин И.* Переселенческое движение в России… С. 165; *Азиатская* Россия… Т. 2. С. 447–448, 450–454, 616; *Тресвятский В.* Указ. соч… С. 60–62, 64–65, 69, 71 и др.

[1] *Введенский И.* Землеустройство и колонизация… С. 11, 119; *Он же*. Земледелие и кооперация… С. 2; *Он же*. Оценка земли в Сибири… С. 60; *Полферов Я.* Указ. соч. С. 4 и др.

[2] *Введенский И.* Земледелие и кооперация… С. 2.

[3] См.: *Ермолов А.С.* Наш земельный вопрос… С. 206, 227; *Столыпин П.А., Кривошеин А.В.* Указ. соч. С. 60–61; *Введенский И.* Частное землевладение в Западной Сибири… С. 68; *Он же*. Земледелие и кооперация… С. 1–2; *Он же.* Оценка земли в Сибири… С. 52–53, 60; *Он же*. Организация сельского хозяйства в Сибири… С. 46–49, 54, 65; *Азиатская* Россия… Т. 1. С. 199; *Вощинин В.* Колонизационное дело при А.В. Кривошеине… С. 5, 13 и др.

[4] *Введенский И.* Организация сельского хозяйства в Сибири… С. 45.

[5] См.: *Ямзин И.* Переселенческая статистика и хозяйственное положение переселенцев… С. 83, 85–86, 88; *Введенский И.* Оценка земли в Сибири… С. 53, 60, 63–64, 68–70.

значение имела также задача критики неонароднической концепции рыночной устойчивости трудового крестьянского хозяйства и теории его некапиталистической эволюции, имевшей целью привлечь на сторону марксизма теоретически мыслившую социалистическую интеллигенцию.

Среди первых марксистских работ, посвященных экономике западносибирской деревни изучаемого периода, первоначально следует отметить исследования И.А. Гурвича и Л.Б. Красина[1]. Они подвергли критике концепцию небуржуазной эволюции сибирской деревни и показали утверждение в земледельческом хозяйстве региона товарного производства. Развитие рыночного производства, по мнению первых исследователей-марксистов, породило прогрессивный процесс социально-классового расслоения сибирской общины. Согласно их данным, классовое разложение выражалось в выделении на крайних полюсах деревни сельскохозяйственных наемных рабочих и сельской буржуазии.

Серьезный вклад в изучение хозяйственного строя российской и сибирской деревни с позиции марксизма внес В.И. Ленин. Он положил начало созданию целостной марксистской концепции развития крестьянского хозяйства страны[2]. В.И. Ленин выдвинул и обосновал положение о буржуазном характере эволюции и социальном разложении пореформенной российской деревни на классы капиталистического общества[3], впервые показал необходимость учета глубины ее буржуазно-капиталистической перестройки[4] и дал принципиальную трактовку данной проблемы, заложив в ее основание учение о двух стадиях (формах) аграрного капитализма. Согласно ему капитализм овладевал деревенским хозяйством через ряд ступеней. Первоначально он утверждался в неразвитых, «средневековых» (низших) формах мелкотоварного производства и выраставшего на нем товарно-ростовщического капитала. В дальнейшем, во второй фазе своего развития, земледельческий капитализм осуществлял свое господство в своих чистых, классических (высших) формах, основанных на крупном товарном произ-

---

[1] См.: *Гурвич И.А.* Переселение крестьян в Сибирь. М., 1888; *Л.Б. Кр-н* (*Красин Л.Б.*) Судьбы капитализма в Сибири // Восточное обозрение. 1896. 13, 18 окт., 3 нояб. и др.

[2] Подробнее о ленинской концепции буржуазного социально-экономического развития российской деревни см.: *Ковальченко И.Д.* В.И. Ленин о характере аграрного строя капиталистической России // Вопросы истории. 1970. № 3. С. 30–51; *Ковальченко И.Д., Моисеенко Т.Л., Селунская Н.Б.* Социально-экономический строй крестьянского хозяйства Европейской России в эпоху капитализма: Источники и методы исследования. М., 1988. С. 64–71 и др.

[3] См.: *Ленин В.И.* Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. Т. 3.

[4] См.: *Он же*. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве // Полн. собр. соч. Т. 1. С. 466–467, 490, 492.

водстве и наемном труде[1]. Превращение мелкотоварного крестьянского хозяйства в мелкобуржуазный или буржуазно-капиталистический уклад, по мысли Ленина, обусловливалось его подчинением господствующему в стране капиталистическому способу производства[2]. Этот процесс был следствием общей товарной природы классической капиталистической и мелкотоварной форм хозяйства, что проявлялось в подчинении их функционирования и развития единым объективным закономерностям товарно-капиталистического производства[3]. Что касается их различий, то они заключались в «преимуществе крупных хозяйств над мелкими»[4]. В силу этого мелкобуржуазные формы хозяйств вытеснялись из сельскохозяйственного производства капиталистическими предприятиями. Таким образом, В.И. Ленин категорически отверг немарксистское положение об устойчивости мелкого крестьянского хозяйства. Действительные причины относительно устойчивого существования мелкого крестьянского хозяйства в капиталистическом обществе он видел не в техническом превосходстве в земледелии, а в том, что «мелкие крестьяне понижают свои потребности ниже уровня потребностей наемных рабочих и надрываются над работой несравненно сильнее, чем эти последние»[5].

Согласно ленинскому пониманию, экономическое содержание буржуазной эволюции крестьянского хозяйства России конца XIX – начала XX в. представляло собой, с одной стороны, процесс становления развития и перерастания мелкобуржуазного и торгово-ростовщического капитализма в капитализм фермерский, с другой – процесс вытеснения (и пролетаризации) мелкобуржуазных крестьянских предприятий предпринимательскими хозяйствами[6]. В России, как считал В.И. Ленин, буржуазная эволюция деревни протекала в двух формах: либо при преобладании прусского (помещичьего) типа аграрно-капиталистического развития, либо в условиях преобладания фермерского пути, когда крестьянское хозяйство является экономически господствующей (или единственной) формой сельскохозяйственного предприятия[7].

---

[1] *Ленин В.И.* Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве // Полн. собр. соч. Т. 1. С. 390–391, 457, 466–467, 490–492, 503–504.
[2] См.: Там же. С. 450–451.
[3] См.: Там же. С. 402.
[4] Там же. С. 451.
[5] *Он же.* Развитие капитализма в России… Т. 3. С. 7–8.
[6] *Он же.* Экономическое содержание народничества… Т. 1. С. 498–499, 502–503.
[7] См.: *Он же.* Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905–1907 годов // Полн. собр. соч. Т. 16. С. 215–219, 230–231.

В аграрной концепции В.И. Ленина наряду с теоретико-методологическими разработками проблемы содержатся конкретно-исторические оценки уровня буржуазно-капиталистического развития российской деревни. Он полагал, что в конце XIX – начале XX в. социально-экономический строй крестьянского хозяйства России был мелкобуржуазным[1].

В процессе исследования экономики российской деревни В.И. Ленин также обращался к крестьянскому хозяйству Сибири, считая его неразрывной частью российской деревни. Среди главных особенностей его социально-экономического развития В.И. Ленин отмечал отсутствие помещичьих хозяйств, наличие большого колонизационного фонда земель, преобладание общинно-захватных форм землепользования и слабую роль аренды[2]. В связи с этим он, руководствуясь своей идеей о существовании в России двух путей развития аграрного капитализма, отнес Сибирь к районам с преобладанием фермерского типа буржуазной аграрной эволюции[3].

Дореволюционный период исследований крестьянского хозяйства Западной Сибири конца XIX – начала XX в. был очень плодотворным. Немарксистская историография положила начало его широкому фактическому изучению и концептуальному осмыслению. Она выработала общую концепцию устойчивой к рынку некапиталистической природы и эволюции крестьянского хозяйства региона. Особенно большой, системообразующий вклад в ее формирование и развитие внесло народническое направление. Руководствуясь первоначально идеей общинного патриархального характера внутреннего строя крестьянского хозяйства, народники к началу Первой мировой войны разработали широкую концепцию его общинной, натурально-мелкотоварной потребительской, семейно-трудовой природы и кооперативно-артельного пути эволюции. Представители либерального и государственного направлений в оценках внутренней природы земледельческого хозяйства придерживались близких взглядов, выделяли в сибирском крестьянстве начала экономического индивидуализма, предприимчивости и по-иному видели перспективы его развития: либералы – в совершенствовании систем земледелия, росте переселений; государственники – в индивидуализации хозяйства и развитии крестьянских капиталистических предприятий.

---

[1] См.: *Ленин В.И.* Развитие капитализма в России… Т. 3. С. 165; *Он же.* Аграрный вопрос в России к концу XIX века // Полн. собр. соч. Т. 17. С. 118.

[2] См.: *Он же.* Развитие капитализма в России… Т. 3. С. 115–116, 596.

[3] *Он же*. Аграрная программа социал-демократии… Т. 16. С. 216–218, 230–231.

Вместе с тем немарксистской литературе были присущи исторически обусловленные теоретико-методологические недостатки: невнимание к проблеме влияния рынка на внутренние производственные структуры земледельческого хозяйства, фактическое отрицание предпринимательских тенденций в зажиточных дворах, принципиальная недооценка социальной, экономической субъективности крестьянства, которая, по существу, вылилась в доктрину направляемого (объективными экономическими законами, обществом, государством) экономического развития крестьянского хозяйства.

Марксистско-ленинское направление создало концепцию буржуазно-рыночной природы внутреннего строя крестьянского хозяйства и теорию его буржуазной эволюции и социального разложения деревни на классы капиталистического общества. Это целиком определило его объективное место в исследовании рассматриваемой проблемы. Марксистско-ленинская историография внесла существенный вклад в разработку методологии, методики и конкретное изучение рыночных производственных структур – мелкотоварного и капиталистических укладов – крестьянского хозяйства. Ее недостатками являлись абсолютизация роли рыночно-капиталистических отношений и связанная с этим чрезмерная переоценка степени буржуазно-экономического развития деревни, а также невнимание к традиционной крестьянской экономике и духовной культуре.

1.2. Советская историография (1917–1980-е гг.)

Начальный период советской историографии (20-е гг.) в целом был временем политического и теоретико-методологического наступления и утверждения марксистско-ленинского направления[1]. Вместе с тем в годы новой экономической политики Советского государства, которая была направлена на создание временного социально-политического союза с крестьянством и опиралась в отношениях с ним на ограниченный сельскохозяйственный рынок, повысилось значение и других аграрно-крестьянских школ и направлений российской экономической науки, имевших значительно больший методологический опыт и фактологиче-

[1] См.: *Тарновский К.Н.* Проблемы аграрной истории России периода империализма в советской историографии (1917 – начало 1930-х годов) // Историографические записки. М., 1965. Т. 78. С. 31–62.

скую базу исследований. Начало советской аграрной историографии охарактеризовалось их дальнейшим развитием[1].

Особенно интенсивно развивалось отражавшее насущные нужды и социально-исторические интересы российского крестьянства организационно-производственное направление[2]. А.В. Чаянов в первой половине 20-х гг. завершил создание целостной теории семейно-трудового крестьянского хозяйства. Он дал ее фундаментальное изложение в работе «Организация крестьянского хозяйства» (М., 1925). Его семейно-трудовая концепция включает в себя следующие положения[3].

Семейное по форме земледельческое хозяйство удовлетворяет материальные и духовные потребности семьи. Оно основано на труде собственных рабочих. Семейные работники являются субъективным системообразующим центром крестьянского хозяйства. Их трудовая деятельность мотивирована стремлением обеспечить устойчивое осуществление потребностей семьи[4]. Стабильное удовлетворение семейных потребностей реализуется путем установления баланса между трудом и потреблением, который допускает в случае необходимости увеличение объема и интенсификацию труда. С достижением требуемого уровня потребляемых благ интенсивность земледельческого труда падает. Трудопотребительный баланс соблюдался также с помощью более равномерного распределения работ в течение года[5].

Размеры производства в семейно-трудовом хозяйстве определялись, согласно концепции А.В. Чаянова, величиной хозяйственных и личных семейных потребностей[6]. Семейно-трудовое предприятие входило в систему народнохозяйственных рыночных отношений и, наряду с натуральным

---

[1] См.: *Кондратьев* Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1922; *Литошенко Н.Л.* Эволюция и прогресс крестьянского хозяйства. М., 1923; *Брушкус Б.Д.* Экономика сельского хозяйства. Пг., 1924 и др.

[2] См.: *Челинцев А.Н.* Теоретические основания организации крестьянского хозяйства. Харьков, 1919; *Он же*. Русское сельское хозяйство перед революцией. М., 1928; *Макаров Н.П.* Крестьянское хозяйство и его эволюция. М., 1920 и др.

[3] Подробнее см.: *Фигуровская Н.К., Глаголев А.И.* Указ. соч.; *Рогалина Н.Л., Громова Н.Н.* Концепция крестьянского хозяйства А.В. Чаянова // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1993. № 4. С. 35–46; *Никонов А.А.* Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика в России. М., 1995; *Рязанов В.Т.* Экономическое развитие России: Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. СПб., 1998.

[4] См.: *Чаянов А.В.* Организация крестьянского хозяйства // Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство: Избранные труды. М., 1989. С. 214, 221–222, 224, 255–256.

[5] См.: Там же. С. 232–247, 294–297.

[6] См.: Там же. С. 214, 221–222, 224, 229–230, 294.

укладом, включало в свой состав мелкотоварное производство[1]. Поэтому, помимо внутренних факторов семейного труда и потребления, на производственный процесс в семейно-трудовом предприятии воздействовали и внешние рыночные факторы. А.В. Чаянов, рассмотрев их влияние на земледельческое производство, пришел к выводу, что воздействие рыночного механизма регулирования товарного производства (через цену, производственный капитал, общий доход, прибыль, земельную ренту, зарплату и др.) преобразовывалось внутрихозяйственными факторами в составную часть семейно-трудовой системы хозяйствования, направляясь тем самым на обслуживание потребительских запросов семьи[2].

Процесс данной трансформации осуществлялся субъективно – путем регулирования объема, интенсивности и правильного распределения семейного труда, строгого учета средств производства и ведения сбалансированного бюджета. В итоге это обеспечивало рыночную устойчивость товарно-потребительского крестьянского хозяйства и воспроизводство его семейно-трудовой основы[3].

Невосприимчивость семейно-трудовых земледельческих хозяйств к капиталистическому рынку предопределила очень слабую роль и степень социальной дифференциации российского крестьянства в начале XX в. А.В. Чаянов видел в социально однородной массе крестьянских дворов лишь естественное деление по размерам производства на группы: мелких, средних и крупных хозяйств[4]. Экономическое расслоение обусловливалось преимущественно циклическим демографическим процессом возникновения, становления, роста и разделения хозяйствующих семей[5]. Он также выделял небольшую, отколовшуюся от массива трудовых крестьянских дворов группу полутрудовых, полукапиталистических фермерских хозяйств, которая формировалась в благоприятных экономических зонах и развивалась по капиталистическому пути.

В общем, согласно концептуальным взглядам А.В. Чаянова, крестьянское хозяйство России конца XIX – начала XX в. было семейно-трудовым и имело некапиталистическую природу. Его внутренний экономический строй был полунатуральным и товарно-потребительским (мелкотовар-

---

[1] См.: *Чаянов А.В.* Организация крестьянского хозяйства // Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство: Избранные труды. М., 1989. С. 210, 285–287, 392.
[2] См.: Там же. С. 248–252, 365–369, 393–394, 398–413.
[3] См.: Там же. С. 415, 417, 428.
[4] См.: *Он же.* Организация крестьянского хозяйства. С. 415–417.
[5] См.: Там же. С. 418–422, 425.

ным). Потребительская направленность препятствовала развитию в семейно-трудовых сельскохозяйственных предприятиях предпринимательских тенденций и не допускала формирования в их среде устойчивой массовой группы предпринимательских дворов. Получаемые сверх необходимого уровня доходы обычно шли на улучшение личного потребления и необходимую оптимизацию производственной базы хозяйства.

Дальнейшее развитие российской деревни начала XX в. А.В. Чаянов видел в кооперации трудовых, мелкотоварных хозяйств. Кооперация, как он полагал, являлась главным путем вхождения семейно-трудовых сельскохозяйственных предприятий в развивавшуюся систему рыночно-капиталистических отношений[1]. Кооперативный путь позволял повысить технику земледелия, производительность труда, товарность земледельческого производства и тем самым интегрировать мелкотоварные крестьянские хозяйства в систему современного народного хозяйства. Главный движущей силой кооперирования деревни А.В. Чаянов считал развитие организационно-производственной стороны крестьянского хозяйствования[2].

Семейно-трудовая теория А.В. Чаянова внесла огромный вклад в развитие историко-экономической концепции крестьянского хозяйства России начала XX в. Особенно велико ее общеметодологическое значение. А.В. Чаянов впервые в российской аграрно-экономической науке выдвинул принципиальное положение об экономико-культурной субъектности крестьянского хозяйства, которое явилось одной из основ становления современного, социокультурного по сути, крестьяноведческого направления.

На рубеже 20–30-х гг., в связи с утверждением нового курса на насильственную коллективизацию советского крестьянства, организационно-производственное и другие немарксистские направления аграрной экономической науки были разгромлены, а их представители – репрессированы. В исторической науке утвердилось господство марксистско-ленинской методологии.

Ленинская концепция стала теоретико-методологической основой советской историографии крестьянского хозяйства Сибири начала XX в. Тем не менее ее усвоение и развитие, которое определялось изменявшимися социально-политическими, идеологическими и научно-логическими условиями, протекало сложно и противоречиво.

---

[1] См.: *Чаянов А.В.* Организация крестьянского хозяйства. С. 429–442. См. также: *Он же.* Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. М., 1991.
[2] См.: *Рязанов В.Т.* Указ. соч. С. 333–335.

Так, в 20-х – первой половине 30-х гг. в связи с необходимостью критики «буржуазных» и «мелкобуржуазных» теорий некапиталистической эволюции деревни[1] историки-сибиреведы уделили главное внимание доказательству буржуазно-капиталистического характера развития крестьянского хозяйства края. Решающую роль в этом плане сыграли исследования А. Ансона, С.М. Дубровского, В. Каврайского и И. Нусинова, Ф. Сластухина и Г. Чешихина[2]. Концептуально-методологическая заданность их работ привела к чрезмерному завышению степени капитализации сибирской деревни. В основе переоценки отождествление аграрного капитализма с его классическими формами: зажиточное крестьянское хозяйство первые советские историки-марксисты отнесли к чисто фермерскому типу. Источниковая база их исследований была узкой и строилась на подчеркивающих высокий уровень капитализации материалах.

В середине 30-х – середине 50-х гг. в связи с усилением режима репрессий и идеологического диктата разработка проблемы в общероссийском плане стала менее интенсивной[3]. Но вследствие перемещения центра аграрных исследований на изучение столыпинской земельной реформы интерес к крестьянскому хозяйству Сибири повысился. Оно стало предметом внимания Р.А. Гридасова, Е.С. Карнауховой, В.В. Покшишевского, М.К. Ветошкина, П.И. Лященко и специального исследования А.К. Захаровой[4]. Концептуально ими наследовался господствовавший в

---

[1] Среди работ по истории пореформенного крестьянского хозяйства России данного периода необходимо выделить исследования С.М. Дубровского, А.В. Шестакова, А. Гайстера и П.Н. Першина. Об этом см.: *Тарновский К.Н.* Проблемы аграрной истории России периода империализма в советской историографии (1917 – начало 1930-х годов). С. 31–62.

[2] См.: *Дубровский С.М.* Столыпинская реформа: Капитализация сельского хозяйства в XX веке. Л., 1925; *Сластухин Ф., Чешихин Г.* Заселение и процесс капитализации сельского хозяйства Сибири до революции // Северная Азия. 1930. № 1–2. С. 56–75; *Советская* Азия. 1930. № 3–4. С. 153–164; *Ансон А.* Классовое расслоение и классовая борьба в сибирской деревни до революции 1917 г. // На ленинском пути. 1931. № 3–4. С. 35–53; *Каврайский В., Нусинов И.* Классовое расслоение сибирской деревни: Опыт анализа социально-экономических отношений в современной советской деревне. Новосибирск, 1927. С. 15–30 и др.

[3] См.: *Тарновский К.Н.* Проблемы аграрной истории России периода империализма в советской историографии (конец 1930-х – первая половина 1950-х годов) // Исторические записки. М., 1969. Т. 83. С. 196–221.

[4] См.: *Гридасов Р.А.* К характеристике колониального прошлого Сибири: (На примерах колонизации, заселения и развития сельского хозяйства) // Записки Саратовского планового института. Саратов, 1940. Вып. 6. С. 153–183; *Карнаухова Е.С.* Размещение сельского хозяйства России в период капитализма (1860–1914 гг.). М., 1951; *Покшишевский В.В.* Заселение Сибири: (Историко-географический очерк). Иркутск, 1951. С. 159–194; *Ветошкин М.К.*

предшествующий период тезис о полной победе в сибирской деревне классических капиталистических отношений. Вместе с тем в работе Н.Е. Рагозина наметился и более реалистический подход, предполагавший преобладание в западносибирской деревне мелкотоварного производства и торгово-ростовщического капитала[1].

В последний период советской историографии (середина 50-х – начало 90-х г. XX в.) интерес историков к проблеме буржуазной аграрной эволюции России в начале XX в. резко усилился[2]. Ее разработка проводилась в рамках изучения объективных социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции[3]. Это потребовало от историков системного изучения и освоения научной марксистско-ленинской идеологии. Очень важное значение в данном аспекте имели работы, посвященные анализу ленинской концепции российского аграрного капитализма[4], а также дискуссии[5] о мелкотоварном производстве[6], о характере аграрного строя России периода империализма[7], о типе буржуазной аграр-

---

Очерки по истории большевистских организаций и революционного движения в Сибири 1898–1907 гг. М., 1953; *Лященко П.И.* История народного хозяйства СССР: Учеб. пособие. 4-е изд. М., 1953. Т. 2; *Захарова А.К.* Развитие капитализма в сельском хозяйстве Сибири: Пореформенный период: Дис. … канд. ист. наук. М., 1952.

[1] *Рагозин Н.Е.* Влияние Сибирской железной дороги на экономическое развитие Западной Сибири в начале XX века // Ученые записки Белорус. гос. ун-та. 1953. Вып. 16. С. 165–194.

[2] Об этом см.: *Бовыкин В.И.* Россия накануне великих свершений: К изучению социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1988. С. 27–48, 89–119.

[3] См.: *Особенности* аграрного строя России в период империализма. М., 1962.

[4] См.: *Анфимов А.М.* Ленин и проблемы аграрного капитализма // История СССР. 1969. № 4. С. 3–25; *Ковальченко И.Д.* В.И. Ленин о характере аграрного строя… С. 30–51; *В.И. Ленин* о социальной структуре и политическом строе капиталистической России. М., 1970 и др.

[5] О существе дискуссий см.: *Ковальченко И.Д., Моисеенко Т.Л., Селунская Н.В.* Указ. соч. С. 6–9.

[6] См.: *Рубинштейн Н.А.* О мелкотоварном производстве и развитии капитализма в России XIX в. // История СССР. 1962. № 4. С. 66–86; *Ковальченко И.Д.* Об изучении мелкотоварного уклада в России XIX века // История СССР. 1962. № 1. С. 74–93; *Анфимов А.М.* О мелкотоварном производстве в сельском хозяйстве пореформенной России // История СССР. 1963. № 2. С. 141–160 и др.

[7] См.: *Дубровский С.М.* К вопросу об уровне развития капитализма в сельском хозяйстве России и характере классовой борьбы в деревне в период империализма (две социальные войны) // Особенности аграрного строя России в период империализма. М., 1962. С. 5–44; *Анфимов А.М.* К вопросу о характере аграрного строя Европейской России в начале XX века // Исторические записки. 1959. Т. 65. С. 119–162; *Ковальченко И.Д.* Аграрный рынок и характер аграрного строя Европейской России в конце XIX – начале XX века // История СССР. 1973. № 2. С. 42–74 и др.

ной эволюции страны[1] и о роли и соотношении различных укладов крестьянского хозяйства[2]. Теоретическое марксистско-ленинское изучение проблемы дало толчок резкому расширению и углублению ее конкретных разработок. Огромную роль в их осуществлении сыграли фундаментальные исследования С.М. Дубровского, Н.М. Дружинина, П.Г. Рындзюнского, И.Д. Ковальченко и А.М. Анфимова, на огромном комплексе документов показавшие господство в российской деревне объективных товарно-капиталистических отношений[3]. Существенный вклад в формирование общероссийской аграрно-крестьянской концепции внесли региональные исследования[4].

В процессе аграрно-исторических исследований 60–80-х гг. XX в., наряду с несомненными достижениями в формировании единой концепции буржуазно-капиталистического развития крестьянского хозяйства России

---

[1] См.: *Малахинов П.И.* О двух типах аграрной эволюции в России. Улан-Удэ, 1962; *Анфимов А.М.* Прусский путь развития капитализма в сельском хозяйстве и его особенности в России // Вопросы истории. 1965. № 7; *Тарновский К.Н.* Проблемы аграрно-капиталистической эволюции России // История СССР. 1970. № 3; *Ковальченко И.Д.* Соотношение крестьянского и помещичьего хозяйства в земледельческом производстве России // Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971. С. 171–194.

[2] См.: *Вопросы* истории капиталистической России. Проблема многоукладности. Свердловск, 1972; *Кузнецов И.В.* Об укладах и многоукладности капиталистической России // Вопросы истории. 1974. № 7. С. 20–32; *Бовыкин В.И.* Указ. соч. С. 89–120 и др.

[3] *Дубровский С.М.* Столыпинская земельная реформа: Из истории сельского хозяйства и крестьянства России в начале XX в. М., 1963; *Он же*. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. М., 1975; *Ковальченко И.Д., Милов Л.В.* Всероссийский аграрный рынок. XVIII – начало XX в.: Опыт количественного анализа. М., 1974. С. 243–382; *Ковальченко И.Д., Моисеенко Т.Л., Селунская Н.Б.* Указ. соч. С. 87–216; *Рындзюнский П.Г.* Утверждение капитализма в России. 1850–1880 гг. М., 1978; Он же. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX в.: (Взаимоотношение города и деревни в социально-экономическом строе России). М., 1983; *Дружинин Н.М.* Русская деревня на переломе. 1861–1880 гг. М., 1978; *Анфимов А.М.* Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881–1904. М., 1980; *Он же*. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. 1881–1904 гг. М., 1984; и др.

[4] См.: *Будаев Д.И.* Смоленская деревня в конце XIX – начале XX в.: К вопросу о темпах, уровне и степени развития аграрного капитализма. Смоленск, 1972; *Клейн Н.Л.* Экономическое развитие Поволжья в конце XIX – начале XX в.: К вопросу о предпосылках буржуазно-демократических революций в России. Саратов, 1981; *Усманов Х.Ф.* Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пореформенный период: 60–90-е годы XIX в. М., 1981; *Кабытов П.С.* Аграрные отношения в Поволжье в период империализма. Саратов, 1982; *Смыков Ю.И.* Крестьяне Среднего Поволжья в период капитализма (социально-экономическое исследование). М., 1984; *Ратушняк В.Н.* Сельскохозяйственное производство Северного Кавказа в конце XIX – начале XX в.: К проблеме развития аграрного капитализма. Ростов н/Д, 1898; и др.

начала XX в., определились серьезные расхождения в оценке степени его капитализации, обусловленные сложностью изучаемого объекта и неоднозначностью методологических ленинских оценок. В результате сложились два главных концептуальных направления – стадиальности и многоукладности[1].

По взглядам сторонников многоукладной модели[2] внутренний экономический строй российской деревни представлял собой несистемную совокупность рядоположенных и самодостаточных – патриархального, мелкотоварного и капиталистического – укладов, которые взаимодействовали, сохраняя свою внутреннюю природу. Поэтому преимущество получал и фактически господствовал численно преобладавший мелкотоварный уклад. Это привело многоукладников к выводу о некапиталистическом, мелкотоварном характере крестьянского хозяйства.

Создатель концепции стадиального развития аграрного капитализма в России И.Д. Ковальченко считал, что к проблеме взаимодействия укладов деревенской экономики необходимо подходить системно. Согласно его концептуальной позиции крестьянское хозяйство являлось подсистемой капиталистического народного хозяйства страны. В связи с этим капиталистический уклад в деревне приобретал системообразующую формационную роль и подчинял своим законам мелкотоварную систему хозяйствования, превращая ее тем самым в мелкобуржуазный уклад, который являлся низшей (начальной) формой аграрного капитализма. Основываясь на данном подходе и результатах своих исследований, И.Д. Ковальченко определил социально-экономический строй российской деревни начала XX в. как мелкобуржуазный[3].

Серьезные успехи, достигнутые советской историографией в изучении и разработке главных аспектов концепции буржуазной эволюции крестьянского хозяйства Европейской России, способствовали более широкому, системному изучению сибирской деревни. Оно также началось с осмысления теоретико-методологических аспектов проблемы. Главное внимание уделялось вопросам буржуазной эволюции и характеру соци-

---

[1] См.: *Савельев П.И.* Русское фермерство в его исторической ретроспективе: (по материалам юго-востока Европейской России) // Отечественная история. 1998. № 5. С. 47; *Он же*. Пути аграрного развития России в дискуссиях российских историков // Россия сельская XIX – начало XX века. М., 2004. С. 44.

[2] См.: *Вопросы* истории капиталистической России: Проблемы многоукладности…

[3] См.: *Ковальченко И.Д., Милов Л.В.* Указ. соч. С. 366; *Ковальченко И.Д.* О буржуазном характере крестьянского хозяйства Европейской России в конце XIX – начала XX века: (По бюджетным данным среднечерноземных губерний) // История СССР. 1983. № 5. С. 50–81.

ально-экономического строя крестьянского хозяйства края[1]. Широким фронтом развернулись и конкретно-исторические исследования хозяйственной жизни дореволюционной сибирской деревни[2]. Их результатом

[1] См.: *Малахинов П.И.* О двух типах аграрной эволюции в России. Улан-Удэ, 1962; *Дулов В.И., Тюкавкин В.Г.* О путях развития капитализма в сельском хозяйстве Сибири // Вопросы истории. 1964. № 4. С. 45–60; *Тюкавкин В.Г.* Характер аграрных отношений в Сибири в начале XX в. // Материалы по истории Сибири: Сибирь в период капитализма. Новосибирск, 1967. Вып. 3. С. 166–189; *Он же*. Общественно-экономические уклады в сибирской деревне в начале XX века // Научная сессия по проблемам многоукладности экономики в период империализма: (Тезисы сообщений). Свердловск, 1969. С. 186–197; *Сухотина Л.Г.* К вопросу о путях аграрного капиталистического развития Сибири в советской историографии // Вопросы истории Сибири. Томск, 1969. С. 83–90; *Разгон И.М., Сухотина Л.Г.* К вопросу о «государственном феодализме» в Сибири // Вопросы истории Сибири. Томск, 1967. С. 295–301; *Разгон И.М., Бородавкин А.П.* В.И. Ленин и некоторые вопросы истории Сибири // В.И. Ленин и некоторые вопросы истории. Томск, 1970. С. 64–87; *Горюшкин Л.М.* Об освещении в советской исторической литературе вопроса о путях развития капитализма в сельском хозяйстве Сибири // Методологические и историографические вопросы. Томск, 1965. Вып. 3. С. 149–177; *Он же*. О многоукладности экономики сибирской деревни периода империализма // Известия Сибирского отделения АН СССР. 1973. № 6: Сер. общественных наук. Вып. 2. С. 104–112; *Он же*. Развитие капитализма вширь и характер аграрно-капиталистической эволюции в России периода империализма // История СССР. 1974. № 2. С. 49–70 и др.

[2] См.: *Дулов В.И.* Крестьянство Восточной Сибири в годы первой русской революции. Иркутск, 1956; *Храмков А.А.* Крестьянство Западной Сибири накануне февраля 1917 года: (По материалам Томской губернии): Дис. … канд. ист. наук. Томск, 1956. *Он же*. О некоторых вопросах развития капитализма в сельском хозяйстве Сибири в конце XIX – начале XX в. // Особенности аграрного строя России в период капитализма. М., 1962. С. 146–159; *Борзунов В.Ф.* Влияние Транссибирской магистрали на развитие сельского хозяйства Сибири и Дальнего Востока в начале XX в. (1900–1914 гг.) // Там же. С. 160–186; *Сухотина Л.Г.* Крестьянство Томской губернии в конце XIX – начале XX вв.: Дис. … канд. ист. наук. Томск, 1963; *Самосудов В.М.* Положение крестьянства и крестьянское движение в Западной Сибири между двумя буржуазно-демократическими революциями в России: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Томск, 1964; *Соловьева Е.И.* Переселение крестьян в Сибирь в конце XIX – начале XX веков (1893–1905 гг.) // Из истории Западной Сибири. Новосибирск, 1966. Вып. 1. С. 138–167; *Сидоренко С.А.* Сельское хозяйство Сибири в годы первой мировой войны // Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1966. С. 310–318; *Новиков И.Н.* Развитие сельского хозяйства Сибири в 60–90-х гг. XIX века // Уч. зап. Омск. пед. ин-та. 1985. Вып. 22. С. 119–142; *Томилова Н.К.* Переселение крестьян в Алтайский горный округ во второй половине XIX века (1865–1899 гг.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Томск, 1970; *Прудникова Т.П.* Разложение Западно-Сибирского крестьянства в Томской губернии в конце XIX в. // Бахрушинские чтения. Новосибирск, 1971. Вып. 2: Из истории социально-экономического и политического развития Сибири в XVII – начале XX в. С. 94–101; *Колесников А.Д.* Расслоение сибирского крестьянства накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Конец XIX – начало XX вв.: (По материалам Среднего Прииртышья) // Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири. Курган, 1971. С. 388–399; *Жидков Г.П.* Кабинетское землевладение (1747–1917 гг.). Новосибирск, 1973; *Балковая Н.А.* Социально-экономические отношения в Нарымском крае в конце XIX –

стал ряд обстоятельных монографических работ Л.Ф. Склярова, В.А. Степынина, В.Г. Тюкавкина, А.Т. Топчего, Л.М. Горюшкина[1], а также обобщающие коллективные работы по истории крестьянства Сибири периода капитализма[2].

Главным итогом развития аграрного сибиреведения в заключительный советский период стало формирование основанной на широком комплексе разнообразных источников целостной концепции экономического развития западносибирской деревни в начале XX в. Центральное место в ней заняло ленинское положение об утверждении в сельском хозяйстве края капиталистических отношений. Аграрный крестьянский капитализм в Сибири проявлялся в формах мелкотоварного производства, торгово-ростовщического капитала и формировавшихся на их основе зажиточных капиталистических хозяйств с постоянным наемным трудом[3]. Развитие рыночных, товарно-капиталистических отношений в крестьянском хо-

---

начале XX в.: Дис. … канд. ист. наук. Томск, 1973; *Худяков В.Н.* Классовое разложение крестьянства Тобольской губернии в пореформенный период (60–90-е годы XIX в.): Дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 1973; *Он же*. К вопросу о классовом разложении крестьянства Тобольской губернии во второй половине XIX века // Науч. тр. Омск. пед. ин-та. Вып. 78. Из истории Западной Сибири. Омск, 1973. С. 19–47; *Щагин Э.М.* Октябрьская революция в деревне восточных окраин России. (1917–1918 гг.): Спецкурс. М., 1974; *Минжуренко А.В.* Переселенческая деревня Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв.: Дис. … канд. ист. наук. Томск, 1977; *Слепцов В.Я.* Старожильческая деревня Западной Сибири (середина 80-х гг. XIX в. – 1917 г.): Дис. … канд. ист. наук. Томск, 1978; *Асалханов И.А.* Сельское хозяйство Сибири конца XIX – начала XX в. Новосибирск, 1975; *Малютин Г.Г.* Социально-экономическое развитие крестьянства Алтайского округа накануне и в годы первой мировой войны (1907 – март 1917 гг.). Новосибирск, 1979; *Пронин В.И.* Уровень экономического развития сибирской деревни накануне социалистической революции // Из истории крестьянства Сибири. Томск, 1982. С. 97–111; *Вибе П.П.* Крестьянская колонизация Тобольской губернии в эпоху капитализма: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Томск, 1989 и др.

[1] *Скляров Л.Ф.* Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л., 1962; *Степынин В.А.* Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма. Красноярск, 1962; *Тюкавкин В.Г.* Сибирская деревня накануне Октября: (К вопросу о формировании социально-экономических предпосылок социалистической революции). Иркутск, 1966; *Горюшкин Л.М.* Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Конец XIX – начало XX. Новосибирск, 1967; *Он же*. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.). Новосибирск, 1976; *Бородавкин А.П.* Реформа на Алтае. Томск, 1972; *Топчий А.Т.* Крестьянские реформы в Сибири (1861–1899 гг.). Томск, 1979.

[2] См.: *История* Сибири с древнейших времен до наших дней: В 5 т. Л., 1968. Т. 3: Сибирь в эпоху капитализма. С. 22–42, 173–211, 300–327, 436–447; *Крестьянство* Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983.

[3] См.: *История* Сибири… Т. 3. С. 20–21, 26, 34, 174–175, 198–206, 310–327, 446; *Крестьянство* Сибири в эпоху капитализма… С. 9, 12, 190–197, 225–230, 238–246, 255–267, 375, 378–380 и др.

зяйстве региона породило, согласно утвердившейся в советской историографии аграрной концепции, процесс социально-классового разложения крестьянства на классовые группы сельских пролетариев и полупролетариев, мелкотоварных производителей-середняков и сельской буржуазии, включившей в себя хозяев-предпринимателей и деревенских торговцев-ростовщиков. Социальной основой данного процесса являлось размывание среднего крестьянства[1].

Очень важной частью сложившейся концепции социально-экономического развития сибирской деревни рассматриваемого периода стало утверждение в ходе дискуссий историков-аграрников положения о преобладании в крае фермерского типа аграрной эволюции[2]. Решающую роль в разработке данного концептуального тезиса сыграли работы В.Г. Тюкавкина и Л.М. Горюшкина. Характеризуя его главное содержание в рамках общей концепции аграрно-капиталистического развития Сибири, Л.М. Горюшкин писал: «От патриархального и натурального хозяйства через мелкотоварное производство экономика деревни эволюционировала в сторону хозяйства фермерского типа с более многочисленной по сравнению с Европейской Россией прослойкой сельских предпринимателей, экономически сильным средним крестьянством и широкой массой пролетариев, полупролетариев и мелких крестьян. Полуфеодальные формы эксплуатации, полукрепостническая землеустроительная и переселенческая политика самодержавия, использовавшего право собственности царя и казны на земли, административно-полицейский аппарат, сельскую общину и другие пережитки, серьезным образом тормозили этот процесс, привносили в него существенные элементы эволюции прусского образца и ограничивали элементы фермерства, не позволяя им вылиться в победу»[3].

В итоге, усилиями советских исследователей-аграрников была создана достаточно целостная единая концепция буржуазно-капиталистического развития крестьянского хозяйства Западной Сибири в начале XX в.

---

[1] См.: *Скляров Л.Ф.* Указ. соч. С. 383–390, 408, 436; *Степынин В.А.* Указ. соч. С. 406–407, 419–423, 431–433, 511; *Тюкавкин В.Г.* Сибирская деревня накануне Октября… С. 145–175, 232–233, 295, 462; *История* Сибири… Т. 3. С. 175, 199, 324–325, 446; *Горюшкин Л.М.* Сибирское крестьянство… С. 94–111, 365, 369; *Он же*. Аграрные отношения в Сибири… С. 147–211, 309–313; *Крестьянство* Сибири в эпоху капитализма… С. 91–107, 197–199, 239–247, 271–283 и др.

[2] О ходе дискуссионной разработки данной проблемы см.: *Горюшкин Л.М.* Об освещении в советской исторической литературе вопроса о путях развития капитализма в сельском хозяйстве Сибири… С. 149–177; *Он же*. Сибирское крестьянство… С. 337–362.

[3] *Горюшкин Л.М.* Сибирское крестьянство… С. 361.

Вместе с тем сибиреведы разошлись в оценке степени и форм аграрно-капиталистического развития края.

Большая часть исследователей придерживалась концептуальных взглядов, выработанных В.Г. Тюкавкиным и В.А. Степыниным. Они, отождествляя аграрный капитализм только с его высшими, классическими формами, относили хозяйства зажиточных крестьян к чисто капиталистическому укладу, продолжая тем самым прежнюю линию значительной переоценки уровня капитализации сибирской деревни[1].

П.И. Малахинов, А.П. Бородавкин, Л.Г. Сухотина и др. придерживались другой, заслуживающей самого серьезного внимания точки зрения. Согласно ей в экономике сибирской деревни преобладал некапиталистический мелкотоварный уклад. Собственно капиталистические отношения, по их мнению, проявлялись главным образом в сфере обмена в форме торговли и ростовщичества[2].

Отмеченные концептуальные оценки страдали крайностями. Если смотреть на проблему с последовательных марксистско-ленинских позиций, объяснить их можно тем, что реально господствовавший в крестьянском хозяйстве мелкотоварный уклад фактически исключался из сферы капиталистических производственных отношений[3]. Попытку преодолеть явную недооценку капиталистической роли мелкотоварного уклада, которая попутно снижала и степень капитализации зажиточных хозяйств, сделал Л.М. Горюшкин. Он выдвинул положение, согласно которому в сибирской деревне начала XX в. количественно преобладали основанные на мелком товарном производстве мелкобуржуазные отношения, но фактически господствовали буржуазно-капиталистические отношения, представленные земледельцами-предпринимателями и торгово-ростовщическим укладом. Некапиталистический (в производственном плане) мелкотоварный уклад подчинялся аграрно-капиталистическому укладу в сфере обмена посредством торгово-ростовщических отношений или через различные формы экономической зависимости от предпринимательских хозяйств[4].

---

[1] См.: *Тюкавкин В.Г.* Сибирская деревня накануне Октября… С. 292–295, 454–457; *Он же*. Общественно-экономические уклады… С. 186–197; *Степынин В.А.* Указ. соч. С. 424–437. Эта точка зрения отражена в 3-м томе «Истории Сибири». См.: *История* Сибири. Т. 3. С. 173–174, 310–327.

[2] См.: *Малахинов П.И.* Указ. соч. С. 333, 334–345; *Разгон И.М., Сухотина Л.Г.* Указ. соч. С. 297–298, 300; *Бородавкин А.П.* Указ. соч. С. 283 и др.

[3] См.: *Ковальченко И.Д., Милов Л.В.* Всероссийский аграрный рынок… С. 370.

[4] См.: *Горюшкин Л.М.* Сибирское крестьянство… С. 302–305, 367; *Он же*. Аграрные отношения в Сибири… С. 20–27, 189–211, 224–229, 310–311; *Он же*. О многоукладности… С. 108.

Концепция Л.М. Горюшкина[1] была наиболее взвешенной и реалистичной, и поэтому ее признало большинство историков. Тем не менее она не лишена некоторых недостатков. Прежде всего, это несистемная трактовка формационного механизма подчинения мелкотоварного производства господствовавшим капиталистическим укладом. Согласно формационному подходу, системообразующее господство капитализма проявлялось в сфере производства. Именно поэтому мелкотоварное крестьянское предприятие должно было трактоваться как мелкобуржуазное (подчиненное капиталистическому рынку) хозяйство. Помимо недооценки капитализации мелкотоварного уклада, взглядам Л.М. Горюшкина было присуще определенное преувеличение роли чисто капиталистических элементов в хозяйстве зажиточного крестьянства[2].

Если в рамках марксистско-ленинской методологии резюмировать сложившиеся в советской историографии концептуальные оценки степени буржуазного развития крестьянского хозяйства Сибири в начале XX в., то следует отметить, что им был присущ общий методологический просчет. Он заключался в отождествлении аграрного капитализма с его высшими, классическими формами и отрицании буржуазно-капиталистического характера мелкотоварного производства эпохи капитализма[3]. В связи с этим выработанное советскими исследователями аграрных отношений положение о мелкобуржуазной природе хозяйственного строя сибирской деревни конца XIX – начала XX в. оказалось методологически недостаточно подкрепленным.

Таким образом, в советской историографии на завершающем этапе ее развития сложилась концепция буржуазно-капиталистической эволюции и мелкобуржуазной природы крестьянского хозяйства Западной Сибири

---

[1] Подробнее об аграрной концепции Л.М. Горюшкина см.: *Пронин В.И.* Проблемы аграрного рынка Сибири в научном наследии Л.М. Горюшкина // Сибирь на этапе становления индустриального общества в России (XIX – начало XX вв.): К 75-летию чл.-кор. РАН Л.М. Горюшкина. Новосибирск, 2002. С. 14–20; *Скубневский В.А.* Вопросы истории предпринимательства в трудах Л.М. Горюшкина // Там же. С. 21–25; *Ноздрин Г.А.* Л.М. Горюшкин – исследователь и организатор сибирской исторической науки // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Отечественная история. 2007. № 2. С. 26–31.

[2] Л.М. Горюшкин относил к чисто капиталистическим хозяйствам дворы с посевом более 10 десятин, 10 и более коровами и рабочими лошадьми и регулярным наймом. См.: *Горюшкин Л.М.* Аграрные отношения в Сибири... С. 200–211, 310–311; *Он же.* О многоукладности… С. 108.

[3] См.: *Ковальченко И.Д., Милов Л.В.* Указ. соч. С. 370–371; *Ковальченко И.Д., Моисеенко Т.Л., Селунская Н.Б.* Указ. соч. С. 69–71; *Ковальченко И.Д.* Аграрный строй России второй половины XIX – начала XX в. М., 2004. С. 221–222.

начала XX в. Эта концептуальная картина основывалась на объективных фактах количественного преобладания мелкого товарного производства и идее подчинения мелкотоварного уклада экономически господствовавшему в деревне капиталистическому укладу. Созданная сибиреведами концепция, однако, оказалась системно недостроенной. Ее незавершенность проявила себя, во-первых, в недостаточной методологической и фактической разработке вопроса о рыночно-хозяйственном механизме подчинения мелкотоварного уклада капиталистическому способу производства, а во-вторых, в явной переоценке капиталистического характера предпринимательских зажиточных хозяйств.

Помимо недостаточной теоретико-методологической разработки, кардинальное решение вопроса о степени рыночно-капиталистического развития сибирской деревни было затруднено отсутствием в источниках полных и представительных сведений о найме, аренде и бюджетах крестьянских хозяйств региона, ограниченностью круга массовых статистических источников и слабой информативной отдачей применявшейся описательно-статистической методики. Аналогичная ситуация в 60–70-х гг. XX в. утвердилась в историографии крестьянского хозяйства Европейской России.

В аграрной историографии пореформенной России сложилось положение, которое требовало фундаментальных, прорывных идей и методов исследования. И этот прорыв на общероссийском уровне был осуществлен И.Д. Ковальченко и созданная им школа аграрников. И.Д. Ковальченко разработал методологию системного подхода и структурно-количественного анализа аграрного строя России, которая имела общенаучную природу и не зависела от общего теоретико-методологического (социологического) подхода, используемого историком[1]. Главный смысл данной методологии применительно к крестьянскому хозяйству заключался в изучении его реального внутреннего строя (структуры), представлявшего собой целостно-системный результат взаимодействия внутренних подсистем и воздействия внешних факторов (социальных, культурных, экономических, природных).

[1] См.: *Милов Л.В.* Академик РАН И.Д. Ковальченко (1923–1995): Труды и концепции // Отечественная история. 1996. № 6. С. 85–105; *Селунская Н.Б.* Методологические проблемы изучения аграрного строя пореформенной России в трудах И.Д. Ковальченко // Материалы научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. М., 1997. С. 58–73; *Она же*. Концепции аграрного строя России в пореформенную эпоху // Исторические записки. М., 1999. № 2(120). С. 187–209; *Милов Л.В., Селунская Н.Б.* Иван Дмитриевич Ковальченко: К 80-летию со дня рождения // Ковальченко И.Д. Аграрный строй России второй половины XIX – начала XX в. М., 2004. С. 7–36.

Изучение внутреннего социально-экономического строя крестьянского хозяйства на основе массовых источников и системных количественных методов, благодаря разработанной И.Д. Ковальченко новой методологии[1], стало одним из кардинальных направлений исследования аграрной истории России второй половины XIX – начала XX в. в советский и постсоветский периоды. Огромный вклад в развитие данного научно-исследовательского направления внесли конкретно-исторические работы И.Д. Ковальченко и его учеников[2]. Они подтвердили рыночную направленность экономической эволюции российской деревни конца XIX – начала XX в. и принесли новые свидетельства в пользу выдвинутого И.Д. Ковальченко положения о мелкобуржуазной (по сути – мелкотоварной) природе крестьянского хозяйства. Большое значение имела также демонстрация высокой эффективности математико-статистической методики анализа его внутреннего строя.

Советское сибиреведение конца 70–80-х гг., однако, по пути углубленного, системно-структурного изучения крестьянского хозяйства не пошло[3]. Оно развивалось в актуальном для историографии Сибири направлении, связанном с изучением главных социально-экономических условий и аспектов хозяйственной эволюции деревни. Особое внимание исследователи уделили вопросам формирования и функционирования сибирского рынка начала XX в. в системе единого всероссийского рынка[4], правительственно-

---

[1] Подробнее о методологии изучения внутреннего строя крестьянского хозяйства см.: *Ковальченко И.Д., Моисеенко Т.Л., Селунская Н.Б.* Указ. соч. Гл. 1, 2; *Ковальченко И.Д.* Аграрный строй России… С. 356–399.

[2] См.: *Ковальченко И.Д.* О буржуазном характере крестьянского хозяйства… С. 50–81; *Ковальченко И.Д.* Аграрный строй России… С. 321–399; *Ковальченко И.Д., Моисеенко Т.Л., Селунская Н.Б.* Указ. соч.; *Литвак К.Б.* Социально-экономический строй крестьянского хозяйства Полтавской губернии: (по материалам земских подворных переписей 1880-х гг. и 1910 г.) // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1982. С. 217–237; *Селунская Н.Б.* Крестьянское хозяйство Европейской России накануне Октября: (К методике изучения переписи 1917 г.) // История СССР. 1987. № 5. С. 110–128; *Моисеенко Т.Л.* Методы типизации крестьянских хозяйств по сводным данным земской статистики // Математические методы и ЭВМ в историко-типологических исследованиях. М., 1989. С. 87–99; *Осокина Е.А.* Внутренний строй крестьянского хозяйства Центрального промышленного района: (опыт количественного анализа территориальных сводок земской статистики) // Там же. С. 100–111 и др.

[3] Основоположники концепции истории крестьянского хозяйства Западной Сибири конца XIX – начала XX в. Л.М. Горюшкин и В.Г. Тюкавкин в целом являлись сторонниками идей И.Д. Ковальченко. См.: *Горюшкин Л.М.* Аграрные отношения… С. 24–26, 309–311; *Тюкавкин В.Г.* Великорусское крестьянство… С. 23.

[4] См.: *Пронин В.И.* Города Сибири как рынок сбыта сельскохозяйственной продукции в период капитализма // Город и деревня Сибири досоветского периода и их взаимосвязи. Новосибирск, 1988. С. 61–73; *Он же*. Торговля Сибири с Европейской Россией в период домонополистического капитализма // Проблемы истории дореволюционной Сибири.

го землеустройства западносибирского крестьянства[1] и развития сельскохозяйственной кооперации в конце XIX – начале XX столетия[2]. Принципиально новой для сибирских аграрников областью научной работы стало изучение земельно-распределительной и организационно-хозяйственной деятельности крестьянской общины[3], хозяйственно-культурной жизни семьи[4] и трудовых традиций русского крестьянства Сибири[5]. Исследования по данным темам расширили и обогатили концепцию крестьянского хозяйства региона начала XX в. и создали культурологические предпосылки для ее дальнейшего развития в постсоветский период российской исторической науки.

Томск, 1989. С. 94–112; *Он же*. Развитие сети местных рынков для сбыта хлеба в Западной Сибири периода капитализма // Участие крестьянства в освоении восточных окраин России (конец XVII – начала XX в.). Новосибирск, 1990. С. 37–53; и др.

[1] См.: *Худяков В.Н., Когут М.Т.* Роль землеустроительных работ в подготовке аграрного законодательства царизма в Сибири в конце XIX в. // Экономические и социальные проблемы истории Сибири. Томск, 1984. С. 86–99; *Когут М.Т.* К вопросу об итогах поземельно-устроительной реформы царизма на государственных землях Сибири к 1917 г. // Аграрная политика царизма в Сибири в эпоху капитализма. Омск, 1987. С. 41–71 и др.

[2] См.: *Горюшкин Л.М.* Кооперация в сибирской деревне в годы первой мировой войны // Хозяйственное освоение Сибири и рост народонаселения (XVIII–XX вв.): Бахрушинские чтения 1979 г. Новосибирск, 1979. С. 141–155; *Алексеева В.К.* Влияние кооперации на развитие производительных сил Сибири (конец XIX – начало XX вв.) // Развитие производительных сил Сибири в XIX–XX вв.: Бахрушинские чтения 1979 г. Новосибирск, 1983. С. 141–148 и др.

[3] См.: *Крестьянская* община в Сибири XVII – начала XX в. Новосибирск, 1977; *Прудникова Т.П.* Влияние идей уравнительности на общинный порядок пореформенной западносибирской деревни (60–90-е гг. XIX в.) // Там же. С. 199–228; *Миненко Н.А.* Роль крестьянской общины в организации сельскохозяйственного производства: (по материалам Западной Сибири в конце XVII – начале XIX в.) // Земледельческое освоение Сибири в конце XVII – начале XX в.: (Трудовые традиции крестьянства). Новосибирск, 1985. С. 40–58; *Община* и семья в сибирской деревне XVIII – начала XX в. Новосибирск, 1989; *Котович Л.В.* Крестьянская община Сибири периода капитализма (80-е гг. XIX в. – 1917 г.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 1990; и др.

[4] См.: *Зверев В.А.* Роль семьи в закреплении и передаче опыта хозяйственной деятельности русских крестьян Сибири (конец XIX – начало XX в.) // Земледельческое освоение Сибири в конце XVII – начале XX в.: (Трудовые традиции крестьянства). Новосибирск, 1985. С. 112–128; *Он же*. Крестьянское население Сибири в эпоху капитализма: (проблема физического и социального возобновления): Учеб. пособие. Новосибирск, 1988 и др.

[5] См.: *Горьковская З.П.* Трудовые традиции русских крестьян в промыслах Сибири периода капитализма // Крестьянство Сибири периода разложения феодализма и развития капитализма. Новосибирск, 1981. С. 108–122; *Земледельческое* освоение Сибири в конце XVII – начале XX в.: (Трудовые традиции крестьянства). Новосибирск, 1985; *Зверев В.А.* Традиционный аграрный опыт русских крестьян Сибири эпохи капитализма // Участие крестьянства в освоении восточных окраин России (конец XVII – начало XX в.). Новосибирск, 1990. С. 53–70 и др.

В целом во второй половине 50–80-х гг. XX в. советская аграрная историография внесла огромный вклад в изучение крестьянского хозяйства России и формирование целостной картины его социально-экономической эволюции. К главным ее достижениям можно отнести концепцию движения экономики российской деревни по пути развития рыночных, товарно-денежных отношений и фундаментальное положение об утверждении во внутреннем строе крестьянского хозяйства Европейской России и Сибири буржуазного мелкотоварного производственного уклада, являвшегося основой становления в стране системы крестьянской рыночно-капиталистической деятельности. Советские историки также создали фундаментальную источниковую базу и заложили методологические и методические основы дальнейших аграрных исследований.

1.3. Современная российская историография (1990–2000-е гг.).

Крушение советской политической идеологической системы на рубеже 80–90-х гг. XX столетия создало предпосылки для свободного развития российской исторической науки. Обретение свободы в первую очередь потребовало переосмысления теоретико-методологических основ исторического исследования.

Господствовавший в советской историографии формационный подход отличал приоритет принципов экономизма, утверждавшего ведущую роль производственных общественных отношений. «Экономизм» резко ограничивал социальную субъектность экономического человека (хозяина). Это выражалось в том, что ее содержание, определявшее хозяйственное поведение экономического субъекта, практически полностью обусловливалось объективными (базисными) социально-экономическими отношениями. Социальная субъектность экономического человека также ограничивалась слабым интересом марксистско-ленинской методологии к формировавшим хозяйственную субъективность микросоциальным и духовно-культурным (этическим, религиозным, экологическим и др.) надстроечным факторам. Ограниченное экономико-объективистское понимание хозяйственной субъектности сделало ее изучение необязательным, дублирующим звеном историко-экономического исследования. Определенный интерес историков-марксистов вызывало лишь консервативное экономическое сознание, тормозившее социальный прогресс. Особенно много внимания в этой связи

советские аграрники уделили «отсталой» общинной психологии среднего крестьянства.

Ограниченное понимание марксизмом роли человеческой (социальной) субъектности в жизни общества предопределило главное направление постсоветского методологического развития отечественной историографии. Оно выразилось в коренном переосмыслении содержания и места социальной субъектности в историческом процессе. Человек в современном понимании выступает не в качестве пассивного исполнителя объективных требований внешнего мира, а как активное начало (субъект). Объективные факторы проявляются в деятельности человека опосредованно, преломляясь через его внутренние духовные структуры, которые функционируют по своим законам. В результате субъективно учтенные и преобразованные объективные факторы служат интересам и целям действующего человека. Огромную роль в поиске и разработке современных теоретико-методологических подходов сыграло обращение российских историков к опыту русской историографии конца XIX – первой четверти XX в. и освоение передовых идей и концепций современной западной науки.

Зарубежные гуманитарные исследования второй половины XX в., по существу, открыли истоки и структуру внутреннего духовного мира человека. Они показали, что духовная сфера человека создается социальной культурой. Культура, опираясь на социально-психологические «механизмы» самовоспроизводства, прививает человеку собственную картину мира (мировоззрение), определенный тип мышления и формирует его социальную ценностно-смысловую систему и социально мотивированную программу поведения. Социальная культура таким путем субъективируется, а человек становится социальным субъектом. Культура является стабильной, самовоспроизводящейся развивающей системой. Она обладает адаптационной устойчивостью к изменениям внешней природной и социальной среды и воздействию разрушительных факторов.

Социокультурная концепция человека раскрыла истинное социальное содержание его субъективного мира и сделала человека (социальную группу) действительным субъектом и творцом исторического процесса. Человек, как социальный субъект, в ходе своей деятельности, преследуя определенные цели, руководствуется заложенными культурой ценностями, смыслами, принципами и нормами поведения и реализует ее поведенческие стереотипы, установки, идеалы, социальные программы.

Осуществленный западной наукой прорыв в области культурологических, социально-психологических и антропологических исследований

заложил базу для становления современного научно-исторического социокультурного (цивилизационного) подхода. Его освоение и развитие в российской историографии осуществлялось на основе собственных теоретико-методологических традиций и научных школ. В сфере конкретно-исторических исследований данный процесс шел с заметными трудностями и отставанием. Особенно сложно переход к более универсальной социокультурной методологии происходил в богатой традициями аграрной историографии.

В начале 90-х гг. XX в., положивших начало современному, постсоветскому этапу отечественной историографии, изучение развития аграрных отношений в России осуществлялось на прежней методологической основе. Среди конкретно-исторических работ того времени выделялись исследования учеников И.Д. Ковальченко, посвященные анализу внутреннего строя крестьянского хозяйства конца XIX – начала XX в., которые развивали его концепцию мелкобуржуазной природы экономики российской деревни[1]. Большой вклад в развитие сложившейся марксистской концепции внесли новые работы А.М. Анфимова. В них он возвратился к своим первоначальным положениям 60-х гг. о господстве в деревне докапиталистического мелкотоварного уклада и полукрепостнических пережитков[2]. Последние исследования А.М. Анфимова в целом восстановили позиции разгромленного в 70-е гг. «многоукладного» направления, которое органично вошло в методологический арсенал современной аграрной историографии.

Развитие аграрных исследований на марксистской основе в начале постсоветского периода свидетельствовало о том, что прежняя методология еще сохраняла серьезный познавательный потенциал. Вместе с тем в новых условиях свободного развития исторической науки резко прояви-

---

[1] См.: *Селунская Н.Б.* Производственно-технический уровень и наемный труд в крестьянском и помещичьем хозяйствах Европейской России // Аграрная эволюция в России и США в XIX – начале XX века. М., 1991. С. 153–173; *Моисеенко Т.Л.* Крестьянское хозяйство России на рубеже XIX–XX вв. // Россия в XX веке. М., 1994. С. 77–83; *Она же*. Методы анализа маркетизации крестьянского хозяйства России // ЭВМ и математические методы в исторических исследованиях. М., 1994. С. 74–96; *Осокина Е.А.* Закономерности эволюции социально-экономической структуры крестьянского хозяйства промышленного центра России в условиях развития капиталистического рынка // Там же. С. 159–186; *Шендерюк М.Г.* Моделирование внутренней структуры крестьянского хозяйства Тихвинского уезда Новгородской губернии // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград, 2000. С. 34–39 и др.

[2] См.: *Анфимов А.М.* Неоконченные споры // Из истории экономической мысли и народного хозяйства России. Вып. 2, ч. 2. Москва; Волгоград, 1997. С. 152; *Он же*. П.А. Столыпин и российское крестьянство. М., 2002.

лось главное противоречие советской концепции крестьянского хозяйства начала XX в., которое заключалось в явном взаимном несоответствии ее главного положения о буржуазной природе земледельческого хозяйства и традиционного характера его материально-технической базы и крестьянской субъектности. Поэтому главным направлением развития постсоветской аграрной историографии стало постепенное освоение и реализация в конкретно-исторических исследованиях социокультурного подхода.

Первым шагом на новом пути аграрно-крестьянских исследований явилось формирование крестьяноведения[1], которое впитало в себя идеи «организационно-производственной» школы А.В. Чаянова и западного крестьяноведческого направления последней трети XX в. Крестьяноведение основывается на концептуальном положении об устойчивости земледельческого хозяйства к рыночно-модернизационным процессам, которая обусловливалась семейно-трудовыми особенностями крестьянской хозяйственной (экономической) культуры. В целом крестьяноведческое направление является экономической формой социокультурной методологии.

Наряду с крестьяноведческими разработками в 1990–2000-е гг. велось широкое изучение главных социокультурных условий и факторов, которые формировали крестьянскую культуру хозяйствования. Большой вклад в разработку данного направления внесли работы П.Н. Зырянова, О.Г. Вронского и Б.Н. Миронова, посвященные общине и социальной культуре крестьянства[2], и фундаментальный труд Л.В. Милова, в котором впервые концептуально исследована социокультурная роль природно-климатического фактора[3]. Серьезное внимание аграрники уделили изуче-

---

[1] См. материалы аграрно-теоретического семинара (ведущий В.П. Данилов) и крестьяноведческие исследования: Современные концепции аграрного развития // Отечественная история. 1992. № 5; 1993. № 2, 6; 1994. № 2, 4–5, 6; 1995. № 3, 4, 6; 1996. № 4; 1997. № 2; 1998. № 1, 6; *Крестьяноведение*: Теория. История. Современность: Ежегодник. 1996. М., 1996; *Шанин Т.* Перспектива исследования крестьянства и проблема восприятия параллельности общественных форм (1989) // Там же. С. 8–25; *Крестьяноведение*: История. Современность: Ежегодник. 1997. М., 1997; *Крестьяноведение*: Теория. История. Современность: Учен. зап. М., 1999; *Гордон А.В.* Типология семейного хозяйствования в крестьяноведении (90-е годы XIX в. – 90-е годы XX в.) // Там же. С. 5–25 и др.

[2] *Зырянов П.Н.* Крестьянская община Европейской России в 1907–1914 гг. М., 1992; *Вронский О.Г.* Крестьянская община на рубеже XIX–XX вв.: структура управления, поземельные отношения, правопорядок. М., 1999; *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2 т. СПб., 1999. Т. 1. С. 122–129, 219–232, 312–360, 429–487.

[3] *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.

нию проблемы крестьянской ментальности[1]. В поле современных исследовательских интересов оказались также общие рыночные, поземельные, финансово-кредитные, социальные и политические условия развития крестьянского хозяйства и развитие кооперативного движения в России в конце XIX – начале XX в.[2]

Интенсивная методологическая и конкретно-историческая разработка различных аспектов социокультурного подхода к анализу экономики российской деревни в постсоветской историографии, а также надежная фактологическая, методологическая и методическая основа исследования товарно-денежных отношений в крестьянском хозяйстве, заложенная российской историографией в 60–80-е гг., создали прочные предпосылки для его изучения на современном этапе. К настоящему времени в свет вышли монографические работы, в которых обнародованы результаты исследований П.И. Савельева, А.В. Островского, В.Г. Тюкавкина, И.И. Климина, М.И. Роднова, Д.В. Ковалева, А.В. Перепелицына и В.Н. Фурсова[3]. Боль-

---

[1] *Громыко М.М.* Мир русской деревни. М., 1991; *Громыко М.М., Буганов А.В.* О воззрениях русского народа. М., 2000; *Буховец О.Г.* Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX века: новые материалы, методы, результаты. М., 1996; *Менталитет* и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). М., 1996; *Православная* жизнь русских крестьян. М., 2001; и др.

[2] *Изместьева Т.Ф.* Россия в системе европейского рынка. Конец XIX – начало XX в. М., 1991; *Гарскова И.М., Давыдов М.А.* Структура хлебного рынка России в конце XIX – начале XX вв. // Россия на рубеже XIX – XX веков: Материалы науч. чтений памяти проф. В.И. Бовыкина. М., 1999. С. 198–222; *Слеппев И.Н.* Влияние создание железнодорожной сети на товаризацию зернового производства в России (вторая половина XIX в.) // Поволжье в системе Всероссийского рынка: история и современность. Материалы науч. конф. Чебоксары, 2000. С. 53–69; *Тагирова Н.Ф.* Рынок Поволжья (вторая половина XIX – начало XX вв.). М., 1999; *Собственность* на землю в России: история и современность. М., 2002; *Давыдов М.А.* Очерки аграрной истории России в конце XIX – начале XX в.: (По материалам транспортной статистики и статистики землеустройства.). М., 2003; *Дякин В.С.* Деньги для сельского хозяйства. 1892–1914 гг.: (Аграрный кредит в экономической политике царизма). СПб., 1997; *Проскурякова Н.А.* Земельные банки Российской империи. М., 2002; *Вронский О.Г.* Крестьянство и власть (1900–1923). Тула, 1993; *Сенчакова Л.Г.* Приговоры и наказы крестьянства 1905–1907 гг. По материалам центральных губерний. М., 1994; *Шанин Т.* Революция как момент истины. Россия 1905–1907→1917–1922. М., 1997. Гл. 3, 4; *Коновалов И.Н.* Крестьянская кооперация в России (1900–1917). Саратов, 1998; *Корелин А.П.* Российская кооперация на рубеже веков: переломное десятилетие (1895–1904) // Экономическая история: Ежегодник 2004. М., 2004. С. 183–242 и др.

[3] См.: *Савельев П.И.* Пути аграрного капитализма в России. XIX век: (по материалам Поволжья). Самара, 1994; *Островский А.В.* Сельское хозяйство Европейского Севера России. 1861–1914 гг. СПб., 1998; *Тюкавкин В.Г.* Великорусское крестьянство…; *Климин И.И.* Столыпинская аграрная реформа и становление крестьян-собственников в России. СПб., 2002; *Роднов М.И.* Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900–1917 гг.): социаль-

шинство из отмеченных исследователей пришли к выводу о господстве в российской деревне начала XX в. общинно-трудового (некапиталистического) хозяйственного уклада, имевшего перспективу кооперативной модернизации и интеграции в капиталистическую народнохозяйственную систему страны. Развивавшееся в фермерском направлении зажиточное крестьянское хозяйство играло ведущую роль лишь в отдельных территориальных зонах и вкраплениях, имевших относительно свободные земельные условия и достаточно развитую рыночную среду. В.Г. Тюкавкин поддержал концепцию рыночной природы крестьянского хозяйства, разработанную И.Д. Ковальченко.

Сохраняющиеся в современной аграрной историографии разногласия питают новые методологические поиски[1] и направления конкретно-исторических исследований[2].

Практическая разработка проблем и методологическое развитие исторической концепции крестьянского хозяйства Сибири начала XX в. на современном этапе определяется общероссийской аграрной историографией. Вместе с тем сибирской историографии присуща определенная самостоятельность, обусловленная крестьянской спецификой края, а также историей и логикой местных аграрных исследований.

В постсоветский период в первую очередь разрабатывались поставленные еще в 80-е гг. вопросы, которые не требовали глубокой методоло-

---

ная структура, социальные отношения. Уфа, 2002; *Ковалев Д.В.* Аграрные преобразования и крестьянство столичного региона в первой четверти XX в.: (по материалам Московской губернии). М., 2004; *Перепелицын А.В., Фурсов В.Н.* Крестьянское хозяйство Центрально-Черноземных губерний России в пореформенный период. Воронеж, 2005.

[1] См.: *Данилов В.П.* Аграрные реформы и аграрные революции в России (1861–2001) // Россия в XIX веке: Реформы и революции. М.. 2002. Т. 1. С. 20–37; *Козлов С.А.* Аграрная модернизация Центрально-Нечерноземной России в конце XIX – начале XX века: (основные этапы) // Отечественная история. 2004. № 2. С. 20–27; *Савельев П.И.* Пути аграрного развития России в дискуссиях российских историков // Россия сельская. XIX – начало XX века. М., 2004. С. 25–53; и др.

[2] См.: *Традиционный* опыт природопользования в России. М., 1998; *Савельев П.И.* Русское фермерство в его исторической перспективе: (По материалам юго-востока Европейской России) // Отечественная история. 1998. № 5. С. 46–61; *Зажиточное* крестьянство России в исторической ретроспективе: Материалы XXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 2001; *Социальная* история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII–XX вв. Тамбов, 2002; Россия сельская. XIX–XX вв. М., 2004; *Александров Н.М.* К проблеме эволюции сельского хозяйства в пореформенной России: плотность населения как один из основных факторов сельскохозяйственного развития (на материалах Верхнего Поволжья) // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград, 2005. С. 80–90; и др.

гической переоснастки. Особое внимание было уделено фундаментальной проблеме развития сельскохозяйственного рынка[1]. В результате исследований, решающий вклад в осуществление которых внес В.И. Пронин, в современном сибиреведении окончательно утвердилось важнейшее концептуальное положение о том, что в конце XIX – начале XX в. произошло включение сельского хозяйства края и местного регионального рынка в систему всероссийского аграрного рынка. Превращение экономики Сибири в органичную часть (подсистему) капиталистического народного хозяйства страны было подготовлено процессом развития товарно-денежных отношений в крестьянском хозяйстве в предшествующий период и открытием Сибирской железной дороги (в марте 1896 – августе 1898 г.). Наряду с рынком сибирские аграрники также изучали традиционные проблемы развития производительных сил сельского хозяйства края и земельных отношений[2].

---

[1] См.: *Пронин В.И.* Дорожная сеть Сибири и ее влияние на развитие внутреннего рынка в период капитализма // Хозяйственное освоение Сибири: История, историография, источники. Томск, 1991. С. 136–154; *Он же*. Вывозная хлебная торговля в Сибири в конце XIX – начале XX вв. // Хозяйственное освоение Сибири. Вопросы истории XIX – первой трети XX в. Томск, 1994. С. 71–88; *Он же*. Хлебная торговля Сибири в конце XIX – начале XX вв. // «Сибирь – мой край»: Проблемы региональной истории и исторического образования. Новосибирск, 1999. С. 47–66; *Он же*. Сибирь в составе всероссийского и мирового рынков в начале XX в. (1897–1917 гг.). Новосибирск, 1999; *Храмков А.А.* Вывоз сельскохозяйственной продукции из Западной Сибири в начале XX в. // Предпринимательство в Сибири: Материалы науч. конф. Барнаул, 1994. С. 93–99; *Он же*. Распределение железнодорожных перевозок хлеба в Сибири в 1896–1913 гг. по направлениям их назначения // Предприниматели и предпринимательство в Сибири. Барнаул, 1997. С. 132–147; *Носова Е.А.* Развитие сети местных хлебных рынков Западной Сибири во второй половине XIX в. // Актуальные вопросы истории Сибири: Науч. чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. Барнаул, 1998. С. 98–103; *Она же*. Хлебная торговля Западной Сибири во второй половине XIX в.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Барнаул, 2007; *Щеглова Т.К.* Ярмарки юга Западной Сибири в XIX – начале XX века: Из истории формирования и развития всероссийского рынка. Барнаул, 2001; *Рынков В.М.* Сельскохозяйственный рынок Алтая в 1914–1916 гг. // Актуальные вопросы истории Сибири: Пятые науч. чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. Барнаул, 2005. С. 95–97 и др.

[2] См.: *Скубневский В.А.* Маслоделие и маслоторговля на Алтае в конце XIX – начале XX вв. // Предпринимательство на Алтае. XVIII – 1920-е гг. XX в. Барнаул. 1993. С. 77–92; *Винокуров М.А., Суходолов А.П.* Экономика Сибири, 1900–1918. Новосибирск, 1996; *Суслина С.А.* Зерновое хозяйство Западной Сибири. 1900–1917 гг.: некоторые аспекты // Историческая тенденция. Бийск, 1997. С. 99–104; *Кротт И.И.* Развитие животноводства в предпринимательских хозяйствах Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. // Западная Сибирь: история и современность. Тюмень, 2005. Вып. 7. С. 37–68; *Храмков А.А.* Земельная реформа в Сибири (1896–1916 гг.) и ее влияние на положение крестьян. Барнаул, 1994; *Он же*. Столыпинская аграрная реформа в Сибири: общее и особенное // Актуальные вопросы истории

Разработка традиционной тематики лишь завершала исследования, начатые в предыдущей период. Основным направлением развития историографии крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX столетия стал поиск новой, более широкой и универсальной методологии историко-аграрных исследований, который происходил, как и в общероссийской аграрной историографии, в форме постепенного освоения и практического применения социокультурного подхода. В сибирской историографии этот процесс протекал в несколько иной форме.

Методологические искания сибирских аграрников с самого начала отличал повышенный интерес к общекультурным аспектам жизни традиционного крестьянского хозяйства. В связи с этим характерная для российской литературы ранняя экономико-культурная, крестьяноведческая форма социокультурной методологии оказала на развитие аграрной историографии Западной Сибири гораздо меньшее влияние. В определенной степени это было связано с некоторым застоем в осуществлении в 90-е гг. крупных монографических исследований хозяйственного строя западносибирской деревни. Но все же решающую роль в утверждении культурологического вектора в освоении и конкретной разработке антропологического подхода в аграрных исследованиях сыграло сложившееся в 70–80-е гг. XX в. научное направление, связанное с изучением истории традиционной культуры сибирского крестьянства эпохи феодализма и капитализма[1]. В его рамках сформировалась социокультурная традиция, заложенная фундаментальными работами М.М. Громыко и Н.А. Миненко[2].

Сибири: Вторые науч. чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. Барнаул, 2000. С. 186–193; *Белянин Д.А.* Внутринадельное размежевание крестьянских хозяйств Томской губернии в годы Столыпинской аграрной реформы 1906–1914 гг. // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Омск, 2002. С. 74–76; *Дорофеев М.В.* Земельные отношения в Томской губернии во второй половине XIX – начале XX века. Новокузнецк, 2007; и др.

[1] См.: *Крестьянство* Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. С. 354–467; *Крестьянство* Сибири в период капитализма… С. 127–133, 157–167, 305–374; Образ жизни сибирского крестьянства периода разложения феодализма и развития капитализма: Сб. науч. тр. Новосибирск, 1983; *Земледельческое* освоение Сибири в конце XVII – начале XX в.: (Трудовые традиции крестьянства)…; *Община* и семья в сибирской деревне XVIII – начала XX в. … и др.

[2] См.: *Громыко М.М.* Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII – первая половина XIX в.). Новосибирск, 1975; *Она же*. Территориальная крестьянская община Сибири (30-е гг. XVIII – 60-е гг. XIX в.) // Крестьянская община в Сибири XVIII – начала XX в. Новосибирск, 1977. С. 33–103; *Она же*. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986; *Миненко Н.А.* Крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – первой половины XIX в.). Новосибирск, 1979; *Она же*. Роль крестьянской общины

Их исследования, основанные на сибирских материалах, по существу, положили начало современной научной концепции общинной и семейно-трудовой природы традиционной крестьянской культуры XVIII – начала XX в., которая являлась ценностно-смысловой и нормативной основой социальной и хозяйственной деятельности русских крестьян.

Богатое историко-культурное и культурологическое наследие, накопленное аграрной историографией Сибири на излете ее советского периода, дало серьезный импульс и прочный базис для дальнейшего изучения развития крестьянского хозяйства региона начала XX в. на основе идей и принципов социально-антропологического подхода. В связи с этим очень большое место в современном аграрном сибиреведении заняло изучение главных социокультурных условий и факторов экономической эволюции западносибирской деревни.

В центре внимания исследователей оказались общинное самоуправление, социальные и хозяйственные традиции, общинный и семейно-трудовой механизм воспроизводства и передачи традиционных ценностей, норм поведения и хозяйственного опыта[1], а также проблема мен-

---

в организации сельскохозяйственного производства…; *Она же*. История культуры русского крестьянства в период феодализма. Новосибирск, 1986; *Она же*. Живая старина: будни и праздники сибирской деревни в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск, 1989; *Она же*. Крестьянская община в Западной Сибири. XVIII – первая половина XIX века. Новосибирск, 1991; и др.

[1] См.: *Котович Л.В.* Регулирование поведения крестьянства Сибири в эпоху капитализма: (этическая функция общины) // Культурный потенциал Сибири в досоветский период. Новосибирск, 1992. С. 74–85; *Она же*. Крестьянское самоуправление Западной Сибири в 1915 г.: (По материалам приговоров сельских сходов) // Социальные конфликты в истории России: Материалы Всерос. науч. конф. Омск, 2004. С. 348–350; *Котович Л.В., Родигина Н.Н.* Самоуправление западносибирской деревни как предмет публицистического и исследовательского дискурса на рубеже XIX – XX вв. // Вопросы социальной истории России конца XVIII – начала XX вв. Омск, 2004. С. 29–45; *Якимова И.А.* Традиции коллективной взаимопомощи в крестьянских общинах Алтайского горного округа во второй половине XIX в. // Проблемы аграрного и демографического развития Сибири: Науч. чтения, посвященные памяти проф. Н.Я. Гущина. Новосибирск, 1997. С. 25–32; *Она же*. Традиции уравнительности в крестьянских общинах Алтайского округа во второй половине XIX в. // Актуальные вопросы истории Сибири: Науч. чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. Барнаул, 1998. С. 65–70; *Березина Г.А.* Обучение и воспитание детей в процессе сельскохозяйственного труда у русских крестьян Сибири при капитализме // Участие крестьянства в освоении восточных окраин России (конец XVII – начало XX в.). Новосибирск, 1990. С. 53–70; *Горюшкин Л.М., Бочанова Г.А., Ноздрин Г.А.* Опыт народной агрономии в Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1993; *Соловьева Е.И.* Традиционный промысловый опыт русских крестьян Сибири второй половины XIX века // Сибирь в XVI–XX веках: Экономика, общественно-политическая жизнь и культура. Новосибирск, 1997.

тальности сибирских крестьян[1]. В работах В.А. Зверева и А.Н. Сагайдачного основательно рассмотрены социально-демографические аспекты социокультурного и хозяйственного развития западносибирской деревни во второй половине XIX – начале XX в.[2] Широко исследовались экономико-культурные, природно-географические, демографические, социально-психологические и психологические факторы процесса крестьянских переселений в Сибирь. Существенный вклад в их изучение внесли монографическое исследование М.К. Чуркина и статьи М.В. Шиловского, В.Н. Владимирова и И.Г. Силиной[3].

С. 108–118; *Липинская В.А.* Традиционное сельское хозяйство русских крестьян в Западной Сибири и на Дальнем Востоке // Традиционный опыт природопользования в Сибири. М., 1998. С. 184–225; *Давыденко Н.А.* К изучению социокультурных факторов развития сибирского животноводства (конец XIX – начало XX вв.) // «Сибирь – мой край»: Проблема региональной истории и исторического образования. Новосибирск, 1999. С. 105–117; *Кириллов А.К.* Традиции и новации: Россия пореформенная // Модернизация и традиция в истории России. Новосибирск, 2005. С. 46–61 и др.

[1] См.: *Чуркин М.К.* Переселенцы и старожилы Западной Сибири: природно-географические, социально-психологические, этнопсихологические аспекты взаимоотношений в конце XIX – начале XX вв. Омск, 2001; *Когут М.Т.* Отношение сибирских крестьян к земельной политике правительства как проявление ментальности российского крестьянства (1896–1917 гг.) // Проблемы историографии и истории. Омск, 2002. С. 124–139; *Скобелев К.В.* Природно-климатический фактор и менталитет сибирского крестьянства (1861–1917 гг.) // Вопросы методологии и истории в работах молодых ученых. Омск, 2002. С. 22–57; *Он же*. Формирование менталитета сибирского крестьянства в эпоху капитализма (1861–917): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Омск, 2002; *Андюсев Б.Е.* К вопросу о результатах эволюции стереотипов-значений в ментальности русских старожилов в процессе освоения Сибири // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Омск, 2004. С. 32–36; *Шиловский М.В.* Особенности поведенческих стереотипов сибирских крестьян во второй половине XIX – начале XX вв. // Сибирская деревня: проблемы истории. Новосибирск, 2004. С. 66–74; и др.

[2] См.: *Зверев В.А.* Семейное крестьянское домохозяйство в Сибири эпохи капитализма: историко-демографический анализ. Новосибирск, 1991; *Он же*. Политико-правовые условия социокультурного воспроизводства сельского населения восточных регионов России (1861–1917 гг.) // Проблемы истории Сибири XIX–XX веков. Омск, 1995. С. 47–48; *Он же*. Людность семейного домохозяйства у русского и аборигенного крестьянства Сибири в конце XIX – начале XX вв.: (Опыт сравнительного анализа) // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Отечественная история. 1996. № 2. С. 10–18; *Он же*. Региональные условия воспроизводства крестьянских поколений в Сибири (1861–1917 гг.). Новосибирск, 1998; *Сагайдачный А.Н.* Демографические процессы в деревне Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX века. Новосибирск, 2000; и др.

[3] См.: *Чуркин М.К.* Переселения крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв.: детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации. Омск, 2006; *Шиловский М.В.* Крестьянское переселение в Сибирь в конце XIX – начале XX в.: Организация и социальные последствия // Си-

В свете идей культурологического подхода совершенно менялось концептуальное представление о роли и месте крестьянской кооперации[1]. Это дало толчок новым исследованиям дореволюционной сельскохозяйственной кооперации[2]. В их ходе историки выдвинули современную концепцию, рассматривающую кооперацию как главный путь (форму) модернизации семейно-трудовых земледельческих хозяйств, который определялся общинной природой крестьянской хозяйственной культуры.

Вместе с исследованием традиционных научных вопросов социокультурного развития крестьянского хозяйства в Сибири рассматриваемой эпохи к настоящему времени сформировалось новое направление, связанное с методологической и конкретной разработкой перспективной проблемы адаптации крестьянской культуры к изменяющимся условиям природной и социальной среды. Адаптационно-системное направление в аграрном сибиреведении представляют обобщающие работы О.Н. Шелегиной, Б.Е. Андюсева и Е.Е. Дутчак[3]. Под культурной адаптацией они

бирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Омск, 2004. Ч. 1. С. 62–66; *Он же*. Переселения в государственной политике колонизации Сибири (XVII–XX вв.) // Россия и Сибирь: Проблемы взаимодействия в региональной политике в исторической ретроспективе. Иркутск, 2004. Ч. 1. С. 19–26; *Владимиров В.Н., Силина И.Г.* Размещение переселенцев на территории Алтайского округа в 1889–1905 гг.: Историко-картографический анализ // Круг идей: Историческая информатика на пороге XXI века. Чебоксары, 1999. С. 174–183; *Они же*. Демографические и хозяйственные процессы в Томском округе Алтайского горного округа Томской губернии во второй половине XIX в. // Российское крестьянство: от капитализма к социализму (вторая половина XIX – начало XX в.). Тамбов, 2004. Вып. 1. С. 57–80 и др.

[1] Советская историография считала сельскохозяйственную кооперацию начала XX в. формой вовлечения и приспособления мелкобуржуазных крестьянских хозяйств к капиталистическим рыночным отношениям. См.: *Крестьянство* Сибири в эпоху капитализма… С. 243–246.

[2] См.: *Алексеева В.К.* Кооперативное движение в Сибири. Конец XIX – начало XX вв. Новосибирск, 1993; *Она же*. Кооперация в Азиатской России (первое столетие). Чита, 2004; *Николаев А.А.* Роль маслодельческой кооперации Сибири в процессе модернизационного перехода // Сибирское общество в контексте модернизации XVIII – XX вв. Новосибирск, 2003. С. 232–244; *Он же*. Основные виды кооперации в России: историко-теоретический очерк. Новосибирск, 2007. Гл. 1, 4; *Чедурова Е.М.* Кооперация Западной Сибири и ее роль в развитии аграрных технологий (1906–1917 гг.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Барнаул, 2000; *Рынков В.М.* Сельское ростовщичество, кооперация, община: к вопросу об их взаимодействии в Сибири в первое двадцатилетие XX в. // Сибирь на этапе становления индустриального общества в России (XIX – начало XX вв.): К 75-летию чл.-кор. РАН Л.М. Горюшкина. Новосибирск, 2002. С. 50–54; и др.

[3] См.: *Шелегина О.Н.* Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири: Социокультурные аспекты. XVIII – начало XX в. М., 2002. Вып. 2; *Она же*. Адаптационные процессы в культуре жизнеобеспечения русского населения Сибири в XVIII – начале XX века: (К постановке проблемы). Новосибирск, 2005; *Андюсев Б.Е.* Традиционное

понимают приспособление социальных групп к меняющимся природно-географическим, социальным, экономическим условиям жизни посредством модификации стереотипов сознания и поведения и изменения форм социальной организации и регуляции.

Интенсивная научная разработка общей проблематики социокультурного развития сибирской деревни конца XIX – начала XX в. подготовила необходимую основу для методологической и конкретно-исторической модернизации сложившейся концептуальной модели внутреннего строя крестьянского хозяйства. Однако процесс формирования современной концепции, в силу системной сложности объекта исследования и доставшегося от прошлого груза нерешенных методологических проблем, развивается в современном аграрном сибиреведении сравнительно медленными темпами. Это выразилось в преобладании среди публикаций статей и практическом отсутствии монографических исследований, посвященных крестьянскому хозяйству изучаемого периода. В большинстве опубликованных монографий 90-х гг. XX в. экономический строй сибирской деревни рассматривался на основе марксистско-ленинской методологии. Для современных социокультурных исследований характерно обзорное изучение аграрной экономики начала XX в. в более широких хронологических рамках, включавших феодальный или советский периоды.

Несмотря на временные трудности, в целостно-системном изучении крестьянского хозяйства региона сделан первый шаг на пути к формированию современных представлений о его социально-экономическом строе[1]. Определенный вклад в это внесли работы Н.Ф. Емельянова,

---

сознание крестьян-старожилов Приенисейского края 60-х гг. XVIII – 90-х гг. XIX в.: опыт реконструкции. Красноярск, 2004; *Дутчак Е.Е.* Из «Вавилона» в «Беловодье»: адаптационные возможности таежных общин староверов-странников (вторая половина XIX – начало XXI в.). Томск, 2007.

[1] См.: *Иванченко Н.В.* Сельские предприниматели Алтая в пореформенное время // Предпринимательство на Алтае. XVIII – 1920-е гг. XX в. Барнаул, 1993. С. 44–49; *Вибе П.П.* Экономический потенциал переселенцев Тобольской губернии во второй половине XIX – начале XX в. // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. Омск, 1994. № 3. С. 94–114; *Паклин М.И.* Производственная деятельность русского крестьянства Алтайского горного округа в пореформенный период (60–90-е гг. XIX в.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Горно-Алтайск, 1999; *Туров С.В.* К вопросу о степени адаптации сельского хозяйства Западной Сибири к неблагоприятным природным факторам в XVIII–XIX вв. // Вестник Тюменского государственного университета. 1999. № 2. С. 161–172; *Евдокимов Л.А.* К вопросу о расслоении крестьянства Южного Зауралья в конце XIX – начале XX вв. // Крестьянство Зауралья в XX веке: уроки истории и современность. Курган, 2001. С. 6–19; *Разгон В.Н., Колдаков Д.В., Пожарская К.А.* Демографическое и хозяйственное развитие западных волостей Алтайской губернии в начале XX в.: (анализ базы данных крестьянских хозяйств по сельскохозяйствен-

Т.Г. Важениной, Н.Л. Тарасова, Н.Ф. Иванцовой, В.А. Ильиных и Н.А. Балюк[1]. Большинство исследователей придерживается современной общероссийской концепции. Они считают, что в начале XX столетия в западносибирской деревне преобладали входившие в общину семейно-трудовые, мелкотоварные (некапиталистические, небуржуазные) крестьянские дворохозяйства. Они включались в систему рыночно-капиталистических отношений кооперативным путем. В деревне, по мнению сибиреведов, также сложилась небольшая группа экономически влиятельных предпринимательских дворов, развивавшаяся по фермерскому (капиталистическому) пути. Ее составляла верхушка зажиточных хозяйств, в которую входили 2–4% всех дворов.

Вместе с тем специальное социокультурное изучение внутреннего строя крестьянского хозяйства региона начала XX в. на предмет исследования его экономической природы, глубины модернизации и особенностей эволюции до сих пор не проводилось. Поэтому выдвинутая сибиреведами концепция модернизации семейно-трудового, патриархально-мелкотоварного потребительского характера хозяйства западносибирской деревни вплоть до настоящего времени мало разработана и недостаточно обоснована.

С другой стороны, сложившаяся к настоящему времени концепция, как представляется, содержит в себе ряд недостаточно проработанных принципов и положений. В первую очередь необходимо отметить слабое внимание исследователей к выяснению механизма и глубины воздействия рыночно-капиталистических отношений на внутренний строй семейно-трудовых сельскохозяйственных предприятий (особенно на экономику бедных и сред-

---

ной переписи 1917 г.) // Демографическое и хозяйственное развитие Алтайской деревни во второй половине XIX – начале XX в. Барнаул, 2002. С. 22–61; *Храмков А.А., Клычников А.Н.* Переселенцы и старожилы в селе Анисимово (Боровлянское) Барнаульского уезда: (опыт анализа Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. // Там же. С. 101–121; *Воронин Д.И.* Переселенческая деревня Томской губернии на рубеже XIX–XX вв. // Проблемы истории, историографии и источниковедения России XIII–XX вв. Томск, 2003. С. 180–185; *Ноздрин Г.А.* Хозяйственное и социокультурное развитие русской сибирской деревни в начале XX в. // Русский этнос Сибири в XX веке. Новосибирск, 2004. С. 90–113 и др.

[1] См.: *Емельянов Н.Ф., Важенина Т.Г., Тарасова Н.Л.* Курганская деревня при капитализме. Курган, 1993; *Иванцова Н.Ф.* Западносибирское крестьянство в 1917 – первой половине 1918 гг. М., 1993; *Ильиных В.А.* Крестьянское хозяйство Сибири (конец 1890-х – начало 1940-х годов): Тенденции и этапы развития // Крестьянская семья и двор в Сибири в XX веке: проблемы изучения. Новосибирск, 1999. С. 33–76; *Он же.* Аграрный строй Сибири в XX веке: Поиск модели устойчивого развития // Россия и революция. М., 2002. Т. 1. С. 644–654; *Балюк Н.А.* Крестьянское хозяйство Зауралья в конце XVI – начале XX вв. Тюмень, 2003; *Она же.* Опыт устойчивого развития крестьянского хозяйства Зауралья (конец XVI – начало XX вв.) // Сибирская деревня: проблемы истории. Новосибирск, 2004. С. 42–65 и др.

них дворов)[1]. Нельзя также считать оправданным широко распространившееся в современном аграрном сибиреведении положение об отсутствии в зажиточных семейно-трудовых дворах устойчивой тенденции к производственному предпринимательству. Этот тезис сформулировал А.В. Чаянов как одно из следствий своей теории рыночной устойчивости семейно-трудового хозяйства. Выдвигая данное положение, он руководствовался разработанной им идеей трудопотребительного баланса, согласно которой размеры производства (хозяйства) определялись объемом семейного потребления. А.В. Чаянов также отмечал роль внутрипроизводственных факторов, которые имели второстепенное значение. Однако исследования И.Д. Ковальченко и его учеников, осуществленные в 70–80-е гг. с использованием современных научных методов факторного анализа, показали, что размеры и степень развития производства в семейно-трудовых, потребительских хозяйствах обусловливались в основном товарно-производственными факторами. Следовательно, земледелец в своей субъективной, организационно-производственной деятельности не только руководствовался интересами семейного потребления, но и следовал требованиям рыночно-товарного хозяйства. Зажиточный крестьянин, естественно, учитывал и использовал преимущества расширенного ведения товарного производства, которое создавало реальные предпосылки для формирования предпринимательской системы хозяйствования. Советская аграрная историография Сибири уже давно доказала наличие такого предпринимательства в зажиточных семейно-трудовых хозяйствах[2]. И недооценивать это нельзя.

Отмеченные недостатки современной оценки экономического строя западносибирской деревни начала XX в., являются следствием концептуальной неразработанности вопроса о степени и характере вовлеченности некапиталистических по природе семейных дворохозяйств в товарно-денежные (по сути – рыночно-капиталистические) отношения. Между тем, правильное

---

[1] А.В. Чаянов, идеи которого являются одной из основ современной концепции экономической эволюции сибирской деревни начала XX в., посвятил решению данной проблемы специальное исследование. Однако оно не может иметь для современных аграрников методологического значения, поскольку экономическая наука 20-х гг. XX в. еще не обладала арсеналом методов факторного анализа, позволяющего определить сравнительную роль в воздействии на крестьянское хозяйство потребительских и рыночно-производственных факторов. См.: *Чаянов А.В.* Организация крестьянского хозяйства… С. 210, 248–252, 285–287, 365–369, 392–394, 398–413 и др.

[2] См.: *История* Сибири… Т. 3. Гл. 4, 7, 8; *Горюшкин Л.М.* Сибирское крестьянство… Гл. 2–4; *Он же.* Аграрные отношения в Сибири… Гл. 3–5; *Крестьянство* Сибири в эпоху капитализма… Ч. 2, гл. 1, 3, 4 и др.

методологическое и конкретное решение данной проблемы является фундаментальной основой эволюционной части аграрной концепции – теории модернизации крестьянского хозяйства, которая обусловливалась массовым и регулярным вовлечением земледельческих хозяйств в рыночно-капиталистические отношения. Именно под воздействием капиталистического рынка в мелкотоварном семейно-трудовом аграрном предприятии складывались субъективно-ментальные и материально-производственные предпосылки и основы модернизации, которые формировали ее внутрихозяйственные истоки, движущие силы и механизмы реализации. Стало быть, недооценка проблемы степени включенности семейно-потребительской экономики деревни в сферу утвердившегося в Сибири всероссийского аграрного рынка практически лишает концептуальную социокультурную модель крестьянского хозяйства рыночных элементов и четкой системной характеристики внутренних источников и экономического содержания модернизации. Тем самым серьезно подрываются модернизационные аспекты современной концепции аграрной эволюции Западной Сибири в начале XX в.

В особенности ослабляются основания теории кооперативной модернизации семейно-трудовых земледельческих предприятий. Она предполагает, в качестве предварительного условия, массовую интеграцию крестьянских хозяйств в рыночно-капиталистические отношения и наличие у хозяйствующих земледельцев товарно-производственных мотивов к кооперативному объединению. Так, очень большое место среди них занимало стремление крестьян освободиться от влияния скупщиков и ростовщиков и стать полноправным субъектом современных рыночных отношений. Это позволяло им вкладывать освободившиеся средства в развитие товарного производства.

В общем, постсоветские исследования экономического строя западносибирской деревни отличает естественный для переходного периода, но все же необоснованный и теоретически не проработанный разрыв с предшествующей им советской традицией, преувеличивавшей буржуазность и капитализацию крестьянского хозяйства.

Для работ, сформировавших современное состояние концептуальной разработки рассматриваемой проблемы, характерны определенный методологический консерватизм, приверженность старым подходам и методам изучения социально-экономического строя крестьянского хозяйства. В большинстве исследований анализ хозяйственного строя осуществлялся только «традиционным» путем его разделения на экономические уклады, среди которых абсолютно преобладал и господствовал устойчивый к капи-

тализму (некапиталистический) семейно-трудовой мелкотоварный уклад. Такой подход позволял легко и твердо доказать некапиталистическую природу крестьянского хозяйства региона, но он практически закрывал возможности осветить рыночные и традиционно-культурные источники и содержание реального, внутренне обусловленного процесса модернизации мелкотоварного производства в различных группах земледельческих хозяйств и в деревне в целом. В результате это приводило многих исследователей к ограниченному по своему значению выводу о формировании первоначальных капиталистических основ деревенского предпринимательства преимущественно в формах торгово-ростовщического капитализма.

Для преодоления возникшей ограниченности в концептуальном обосновании модернизации семейно-трудового крестьянского хозяйства необходимо более полное и последовательное проведение в процесс научного изучения данной проблемы социокультурных методов и принципов исследования. С точки зрения социально-антропологического подхода земледельческое хозяйство являлось социокультурной хозяйственной системой, в центре которой хозяйствующий субъект – крестьянин (шире – крестьянская семья). Он, руководствуясь ценностями и нормами общинной, семейно-трудовой культуры, вел хозяйственную деятельность, в ходе которой реализовывал экономические интересы и потребности семьи[1]. Крестьянское хозяйство было результатом текущей субъектно-экономической деятельности и реальным воплощением процесса непрерывного самовоспроизводства и развития духовной и материально-производственной культуры крестьянской семьи. В таком понимании, с учетом управляющей системообразующей роли субъективно-духовной деятельности крестьянина, земледельческое хозяйство уже является для исследователя определенной «системой хозяйствования»[2]. Несомненно, в начале XX в. крестьянское хозяйство Сибири представляло собой традиционную семейно-потребительскую систему хозяйствования, которая функционировала и развивалась (модернизировалась) в условиях интенсивного воздействия рыночно-

[1] Подробнее об экономической культуре см.: *Солодова Г.С.* Экономическая культура – воспроизводство и изменение: (методологический аспект) // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Философия и право. 2004. № 1. С. 66–70; *Экономическая* социология: Учеб. пособие / Под ред. В.И. Верховина. М., 2006. С. 3–19.

[2] Понятие «система хозяйствования» стало ключевым для современной экономической истории и выступает как одно из важнейших направлений историко-экономических исследований. Об этом см.: *Керов В.В.* Духовный строй старообрядческого предпринимательства: альтернативная модернизация на основе национальной традиции // Экономическая история. Ежегодник – 1999. М., 1999. С. 195–196.

капиталистических отношений. Поэтому экономический строй западносибирской деревни при социокультурном анализе следует рассматривать не в качестве совокупности рядоположенных социально-экономических укладов, а как поле взаимодействия традиционной семейно-трудовой и модернизирующей рыночно-капиталистической подсистем хозяйствования.

Анализируя крестьянское хозяйство как систему хозяйствования, современный исследователь, как и его предшественники, работает главным образом со статистическими и делопроизводственными источниками, которые несут в себе преимущественно социально-экономические сведения, отражающие реально ощущаемые, вещественные стороны земледельческого предприятия (население, работники, земля, скот, посевы и др.). Информация о духовно-культурной деятельности домохозяина в них отсутствует или имеет скрытую, практически недоступную для исследователя форму. Объективно обусловленное преобладание в используемых аграрно-экономических источниках материальной информации вынужденно склоняет исследователя к рассмотрению чисто производственно-укладной модели хозяйства. Для того чтобы избежать формационной направленности укладной модели, ее следует преобразовать в органическую часть социокультурной системы хозяйствования. С этой целью необходимо ввести в многоукладную модель земледельческого предприятия принципиальные черты и свойства культуры: системность, субъективно-управляющая роль духовной культуры, самовоспроизводство, наличие внутренних источников развития (модернизации), способность к адаптации во внешней природно-социальной среде и др. Они придадут многоукладной структуре крестьянского хозяйства системно-культурный характер. В этом случае рассматриваемые уклады будут представлять материальную, социально-производственную часть определенной системы хозяйствования.

Таким образом, заложенная в постсоветские годы социально-культурная концепция эволюции некапиталистического семейно-трудового крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX в. к настоящему времени целостно-системного завершения не получила. Сложившееся положение обусловлено, во-первых, слишком резким разрывом с советской научно-исторической традицией изучения рыночно-капиталистических отношений и проистекавшей из этого недостаточной разработкой рыночно-модернизационных аспектов развития экономической жизни деревни; во-вторых, продолжающимися поисками в области социально-культурной методологии аграрно-крестьянских исследований; в-третьих, информационной ограниченностью необходимой для изучения внутрен-

него строя крестьянского хозяйства источниковой базы и слабой эффективностью применявшейся описательной методики. Современная концепция хозяйственного строя и эволюции западносибирской деревни рассматриваемого периода по-прежнему находится в стадии формирования и активных исследований. В первую очередь необходимы более широкое и детальное социокультурное изучение внутреннего строя крестьянского хозяйства и дальнейшая разработка проблемы, связанной с определением степени и форм его рыночной модернизации.

В связи с большой актуальностью данные аспекты рассматриваемой проблемы оказались в центре исследовательского внимания автора настоящей работы. Исходя из итогов историографического анализа, главными направлениями их последующей разработки являются, во-первых, последовательное проведение в исследовательский процесс главных идей, принципов и методов социокультурного подхода[1] и, во-вторых, использование богатого общенаучного методологического опыта анализа хозяйственного строя и товарно-рыночного развития российской деревни конца XIX – начала XX в., накопленного российской историографией в советский период.

Формирование и развитие современной социально-культурной концепции по проблеме, с учетом богатого фактологического и методологического опыта советской историографической традиции, возможно только на основе преемственности общенаучной исследовательской методологии, не связанной с характером используемой историком общей теории социологического уровня.

Большие возможности в данном плане дает разработанная И.Д. Ковальченко общенаучная методология системно-структурного и функционального анализа внутреннего строя крестьянского хозяйства. Она основана на системном подходе и математико-статистической методике и позволяет представить хозяйственный строй крестьянского двора как реальную (объективную) структуру взаимосвязанных компонентов, составлявших его социально-трудовую и производственно-техническую базу (население, семейные работники, рабочий и продуктивный скот, посевы и др.). Объективная, целостно-структурная модель реального крестьянского хозяйства отражает все его научно-исторические аспекты, внутренние подсистемы и внешние влияния, а именно: социально-экономические уклады, семейно-трудовую основу, традиционную производственно-техническую (материальную) систему хозяйствования, управля-

[1] См.: *Савельев П.И.* Пути аграрного развития России … С. 42.

ющую роль традиционной духовно-экономической культуры и влияние рыночного и природно-географического факторов. Реальная многоаспектность системно-структурной экономической модели дает возможность применять созданную И.Д. Ковальченко методологию математического моделирования внутреннего социально-экономического строя крестьянского хозяйства не только в рамках формационного подхода, но и при социокультурном исследовании. Более того, универсальность данной методологии позволяет обеспечить действительную методологическую и фактологическую преемственность советского и современного этапов историографии аграрного развития России конца XIX – начала XX в.[1] Это достигается путем культурологического включения формационных укладов в ту или иную систему хозяйствования.

Методология системного изучения эволюции крестьянского хозяйства России путем целостно-структурного, математического моделирования и анализа его внутреннего строя, предложенная И.Д. Ковальченко, разработана во всех необходимых аспектах и звеньях, обладает огромным научным потенциалом и поэтому, безусловно, соответствует целям настоящего исследования. Данная методология реализуется на основе массовых статистических источников, располагающих огромным объемом скрытой, структурной информации о земледельческих хозяйствах[2]. Аграрное сибиреведение располагает такими статистическими документами. Это, прежде всего, хорошо известные комплексы подворных материалов Всероссийских сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 гг., по Западной Сибири[3], а также открытые несколько лет назад первичные бланки Томского губернского обследования крестьянских хозяйств 1901 г.[4] С учетом отмеченного разработанная И.Д. Ковальченко методология изучения внутреннего экономического строя и эволюции крестьянского хозяйства в условиях развития рыночно-капиталистичских отношений положена в основу данной работы.

---

[1] См.: *Селунская Н.Б.* Концепция аграрного строя России в пореформенную эпоху… С. 190–191, 202–203, 206–207.

[2] См.: *Массовые* источники по социально-экономической истории России периода капитализма. М., 1979. Гл. 7–8.

[3] См.: *Бауфал А.М. и др.* Материалы переписи 1916 года: (Из опыта обработки на ЭВМ). Новосибирск, 1969; *Разгон В.Н., Колдаков Д.В., Пожарская К.А.* Указ. соч.

[4] См.: *Никулин П.Ф.* Материалы сельскохозяйственной переписи 1901 г. по Томской губернии – новый источник по истории крестьянского хозяйства Западной Сибири // Актуальные вопросы истории Сибири: Пятые науч. чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. Барнаул, 2005. С. 91–92.

Глава 2

ИСТОЧНИКИ, МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ ВНУТРЕННЕГО СТРОЯ КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ НАЧАЛА XX в.

2.1. Источники для изучения внутреннего экономического строя крестьянского хозяйства региона начала XX в.

Для полнокровного изучения социально-экономического строя крестьянского хозяйства требуются представительные подворные материалы массовых статистических источников. Подворные данные содержат в себе необходимую явную и скрытую информацию, отражающую внутреннюю структуру хозяйства[1].

Круг характеризующих крестьянское хозяйство Западной Сибири начала XX в. массовых источников невелик. В него входят лишь несколько обследований переселенческих хозяйств, подворные списочные данные томского губернского обследования 1901 г., материалы Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. по Томской губернии и сведения Всероссийской поземельной и сельскохозяйственной переписи 1917 г. по Алтайской и Томской губерниям.

Обследования хозяйств переселенцев (и связанных с ними старожилов) были невелики по объему и носили преимущественно, выборочный характер. Они слабо отобразили старожильческие хозяйства, проводились по достаточно обширным, но часто несовпадавшим программам. Все это предопределило их общую непредставительность и несопоставимость со сведениями сельскохозяйственных переписей. Но более всего обесценивает значение рассматриваемых источников в плане изучения внутреннего строя крестьянского хозяйства обобщенно-сводный характер их данных, что лишает исследователя возможности осуществить системно-структурный анализ.

[1] См.: *Ковальченко И.Д., Моисеенко Т.Л., Селунская Н.Б.* Указ. соч. Гл. 3.

Материалы переписей 1901, 1916 и 1917 г. по Алтайско-Томской части Сибири включают в себя прекрасно сохранившиеся комплексы подворных данных. Они полны в территориальном плане, охватывают все местные категории крестьянских хозяйств и достаточно однородны в программном отношении. Это придает западносибирским материалам рассматриваемых переписей характер практически идеальных источников по изучаемой теме. Особенно широка и разнообразна информация переписи 1917 г. В ней имеются отсутствующие в данных обследований 1901 и 1916 г. подробные сведения о наемном труде, сельскохозяйственном инвентаре и других сторонах крестьянского хозяйства. Однако материалам переписи 1917 г. присущ существенный недостаток. Ее данные несопоставимы со сведениями обследования 1901 г. по очень важному показателю количества семейных работников. Программа переписи 1917 г. определяла работника по объективному научно-экономическому критерию возраста: к работникам относили работоспособных мужчин 18–60 лет, к работницам – женщин 18–55 лет. При проведении обследования 1901 г. работников выясняли на основании субъективно-крестьянского (социокультурного) критерия работоспособности. В результате это закрыло возможность определять динамику социально-экономических процессов в крестьянском хозяйстве региона начала XX в. путем сравнения сведений переписей 1901 и 1917 гг.

В обследовании 1916 г., так же как и в 1901 г., семейные работники определялись субъективно и подсчитывались традиционным путем опроса крестьян на сельском сходе. Данные рассматриваемых переписей сопоставимы практически по всем основным показателям. Это предопределило выбор материалов сельскохозяйственной переписи 1916 г. по Томской губернии. Ее материалы также положительно отличает наличие полного комплекса опубликованных сводных данных, включая волостной уровень. Система сводных публикаций стала объективной основой типологической выборки волостей земледельческой и скотоводческой специализаций.

В итоге в качестве основы для изучения внутреннего социально-экономического строя и развития крестьянского хозяйства Западной Сибири в начале XX столетия были избраны подворные и опубликованные данные по Томской губернской переписи 1901 г. и Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. по Томской губернии.

Первыми в научно-исторический оборот были введены первичные материалы обследования 1916 г.[1] Практически сразу они подверглись общему

[1] См.: *Бауфал А.М., Горюшкин Л.М., Золототрубов В.С. и др.* Материалы переписи 1916 г. по Томской губернии: (Из опыта обработки на ЭВМ. Новосибирск, 1969; *Слепцов Е.Я.* Ма-

источниковедческому исследованию[1]. Однако специальный источниковедческий анализ всего комплекса подворных и опубликованных материалов переписи на предмет изучения внутреннего строя крестьянского хозяйства региона не проводился. Это является задачей настоящей части работы.

Источниковедческий анализ статистического источника направлен на определение его фактического содержания и оценку достоверности имеющейся в нем информации. Он включает в себя выявление учреждения проводившего обследование, определение объекта статистического наблюдения (исследуемой общественной системы), целей и задач исследования, единицы учета (описания) и выяснение его программы. Программа переписи включает в себя набор описанных признаков. Ее анализ позволит оценить фактическое содержание статистического источника. Не меньшее значение имеет определение качества методов сбора количественной информации. Это даст возможность выявить степень достоверности и надежности первичных сведений. Далее необходимо выяснить представительность хранящегося в архиве комплекса подворных данных, информативность опубликованных материалов и оценить сопоставимость сведений рассматриваемого обследования с данными других массовых статистических источников. Завершить источниковедческий анализ должна оценка информационных возможностей подворных данных переписи в плане изучения социально-экономического строя крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX в.

Первая всероссийская сельскохозяйственная перепись была осуществлена в годы Первой мировой войны в связи с обострением продовольственного кризиса. Решающую роль в разработке программы, организации и проведении переписи сыграли представители земской статистической науки и земские статистические отделы[2]. Общее руководство подготов-

---

териалы Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. как источник по изучению классового разложения сибирского крестьянства накануне октября 1917 г. и методика их исследования // Некоторые вопросы расстановки классовых сил накануне и в период Великой Октябрьской социалистической революции. Томск, 1976. С. 115–136; *Горюшкин Л.М.* Аграрные отношения в Сибири… С. 147–211 и др.

[1] См.: *Островский И.В.* Из истории организации всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. в Сибири // Очерки социально-экономической и культурной жизни Сибири. Новосибирск, 1972. Ч. 2. С. 98–110; *Он же*. Материалы сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 гг. – источник для изучения сельского хозяйства и аграрных отношений накануне Октябрьской революции // Источниковедение отечественной истории: Сб. ст. 1981. М., 1982. С. 72–99; *Массовые* источники… С. 290–296 и др.

[2] См.: *Свод* резолюций совещания по экономическим вопросам, связанным с дороговизной и снабжением, созванным в Москве 11–13 июля. М., 1915. С. 20; *Труды* совещания земских

кой и производством обследования 1916 г. осуществляло Управление делами Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу, которое функционировало при Министерстве земледелия[1].

Перепись была проведена в жизнь постановлением министра земледелия от 3 апреля 1916 г. Она осуществлялась летом 1916 г. на территории всей Российской империи (без Финляндии), за исключением местностей, занятых противником, и труднодоступных и малонаселенных районов. Производство обследования было возложено в европейской части страны на статистические отделы земств или уполномоченных Особого продовольственного совещания, а в азиатской – на статистические учреждения управлений переселенческими районами[2].

Главная цель переписи заключалась в учете продовольственных, кормовых и сырьевых ресурсов страны для разверстки по губерниям обязательных поставок и реквизиций мясного скота, хлеба и фуража. Ее задачи сводились к регистрации «рабочих сил, сельского населения, скота, посевных площадей и запасов главнейших продовольственных и фуражных продуктов»[3]. Таким образом, обследование было направлено на изучение состояния сельскохозяйственного производства[4] и приобретало в связи с этим утилитарный характер. Прагматическую тенденцию в организации первой переписи привнесло Особое совещание по продовольствию. Тем не менее благодаря настояниям земских статистиков утилитарные по природе задачи обследования достигались не регистрацией отдельных, изолированных сторон сельскохозяйственного производства, что было присуще органам государственной статистики, а путем статистического исследования каждого отдельного земледельческого хозяйства во взаимосвязи всех его главных сторон[5].

и городских статистиков 21–23 ноября 1915 г. в Москве… Вып. 1. С. 14–17; *Резолюция* съезда статистиков…; *Постановления* съезда статистиков, созванного Главными комитетами Всероссийских земского и городского Союзов 15–18 апреля 1916 г.. М., 1916; *Челинцев А.Н.* Всероссийская сельскохозяйственная перепись 1916 г. // Курсы по подготовке инструкторов Всероссийской сельскохозяйственной переписи при Харьковских Высших коммерческих курсах 15–19 мая 1916 г. Харьков, 1916. С. 15–33 и др.

[1] О функциях и деятельности Особого совещания по продовольствию в связи с организацией переписи см.: *Обзор* деятельности Особого совещания…; *Дополнение* к обзору деятельности Особого совещания… и др.

[2] См.: *Инструкция* по производству Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. Пг., 1916. С. 1–4.

[3] См.: Там же. С. 1.

[4] См.: *Программа* центральной разработки… С. 33.

[5] См.: *Резолюция* съезда статистиков… С. 1.

В основе взглядов организаторов переписи сущность выступавшего в качестве объекта наблюдения понятия «сельскохозяйственное предприятие» лежала широко распространенная в европейской политэкономии конца XIX – начала XX в. теория трех факторов стоимости. Согласно ей в процессе товарного производства участвуют и взаимодействуют три основных и равных фактора: труд, капитал и земля, каждый из которых является самостоятельным источником стоимости. В зависимости от того, какой элемент (труд или капитал) в соединении с землей преобладал, земледельческие предприятия делились на трудовые и капиталистические. Согласно данной классификации трудовое хозяйство велось с потребительской целью и обходилось силами семейных работников (применение наемного труда не исключалось). Капиталистическое хозяйство имело целью извлечение прибыли и основывалось исключительно на наемной рабочей силе[1]. В эту схему легко укладывалось как трудовое – крестьянское хозяйство, так и капиталистическое – частновладельческое (помещичье и крупнокрестьянское хозяйство, основанное на наемном труде). Они и стали в проводимом обследовании главными объектами наблюдения[2].

Применительно к предприятию крестьянского типа единицей учета являлось домохозяйство или хозяйство. Его главным признаком служило единство потребительного и производственного бюджета[3].

Программа сельскохозяйственной переписи 1916 г. была сравнительно узкой. Это обусловливалось практическим характером ее целей и необходимостью как можно более быстрого ее проведения. Установки программы были реализованы в системе основных (подворных) и вспомогательных формуляров.

В форму № 1 заносились результаты сплошного обследования крестьянских хозяйств. В ней фиксировались население, рабочая сила, скот, пашня и посевы[4].

---

[1] О теоретико-методологических основах программы сельскохозяйственной переписи 1916 г. см.: *Анцыферов А.Н.* Сельскохозяйственная статистика и сельскохозяйственные переписи // Курсы по подготовке инструкторов Всероссийской сельскохозяйственной переписи при Харьковских высших коммерческих курсах 15–19 мая 1916 г. Харьков, 1916. С. 7–14; *Челинцев А.Н.* Всероссийская сельскохозяйственная перепись 1916 г. … С. 15–33.

[2] См.: *Инструкция*… С. 6. К частновладельческим хозяйствам были отнесены и крупнокрестьянские дворы с величиной земельного владения 50 и более дес. Эта величина могла варьироваться в зависимости от местных условий.

[3] См.: *Дополнения* и инструкции по производству сельскохозяйственной переписи 1916 г. для регистраторов по Тверской губернии. Тверь, 1916. С. 1; *Инструкция* по производству сельскохозяйственной переписи в Тобольской губернии… С. 28 и др.

[4] См.: *Инструкция*… С. 13–16.

Отдел «население» был введен с целью выявления размеров потребления сельского населения и регистрации общих рабочих ресурсов и крестьянского двора. В связи с этим отмечались только наличные и отсутствующие не более 1 месяца члены семьи, а сроковые наемные работники (нанявшиеся на срок в 1 месяц и более)[1] включались в общее число душ и в одну графу с семейными рабочими без разделения с последними. Переписью фиксировались только полные работники, определявшиеся субъективно: к ним относились лица, которых опрашиваемые хозяева считали таковыми[2]. Учитываемые население и работники разделялись по половому признаку.

Основным элементом учета, как того требовали задачи переписи, был скот. Это определило обширность и подробность данного раздела программы[3]. В нем отмечались лошади рабочего возраста (до 4 лет; 4 лет и старше) и молодняк (от 1 года до рабочего возраста и жеребята до 1 года). Наиболее детально учитывался продуктивный скот. Так, крупнорогатый скот подразделялся по полу, возрасту и хозяйственному назначению. Выделялся молочный скот (коровы и нетели), скот, имевший продовольственное и тягловое значение (волы, быки) и молодняк по трем возрастам (продовольственного и ремонтного значения). Не менее подробно учитывался и мелкий скот: овцы, козы и свиньи.

Важное значение придавалось и регистрации посевных площадей[4]. В этом отделе фиксировались посевы под отдельными культурами и в общем итоге. Причем посевы под отдельными культурами и в общем итоге разделялись также по тому, на каких землях (надельных, арендованных или купчих) они располагались. В этом проявился известный научный интерес земских статистиков: их интересовало, как недосев отразился на различных категориях находившихся в пользовании у крестьян земель.

Отделу посевов в программе сплошного обследования хозяйств крестьянского типа предшествовало описание землепользования. По мысли организаторов переписи, эта рубрика с учетом наличия взаимосвязей между пашней, посевами и скотом имела контрольное значение[5]. Она служила для проверки достоверности показаний о величине посевных площадей и количества скота в хозяйстве. Заполнение данного раздела не было обязательным. Кроме того,

---

[1] См.: *Инструкция* по производству сельскохозяйственной переписи в Тобольской губернии… С. 14.
[2] См.: Там же.
[3] См.: Там же. С. 14–15.
[4] См.: Там же. С. 15–16.
[5] См.: Там же. С. 14.

инструкция вносила в этот элемент карточки разночтения: в графу «пашня» согласно местным особенностям и установлениям губернского переписного учреждения могла заноситься в одном случае земельная часть пашни, в другом – вся мягкая пашня, а в третьем случае могли включаться и залежи[1]. Это придало разделу «пашня» исключительно местное значение.

По карточке № 1 переписывалось 95% крестьянских дворов. Остальные дворы обследовались по двум программам выборочной переписи. Форма № 2 охватывала 3% дворов. В нее включались все пункты первого формуляра, более детально разрабатывался отдел населения (все члены семьи и наемные работники переписывались с указание возраста и родства по отношению к домохозяину) и предполагалось отметить скот, имевшийся в хозяйстве в 1915 г. В формуляре № 3 дублировались все отделы предшествующего бланка, кроме того, должны были записываться сведения о приходе и расходе продовольствия и корма[2]. По третьему бланку переписывались 2% хозяйств.

Формуляр № 1 не улавливал временной формы сельскохозяйственного предприятия, каковым являлся выпас скота гуртовщиками прасолами. Поэтому основная карточка дополнялась бланком № 8 для сплошной переписи скота, принадлежавшего гуртовщикам[3].

К основным формулярам относилась и карточка № 4, она предназначалась для сплошной переписи хозяйств частновладельческого типа[4].

Остальные формуляры имели вспомогательное значение. Они служили для организации процесса статистического наблюдения. К такого рода документам принадлежали поселенный бланк (форма № 5), список домохозяев (форма № 6), список населенных мест и владений (форма № 7) и, наконец, итоговая ведомость для предварительного подсчета населения и скота (формуляр № 9).

В Западной Сибири сельскохозяйственной переписью было охвачено подавляющее большинство крестьянских хозяйств[5].

---

[1] См.: *Инструкция* по производству сельскохозяйственной переписи в Тобольской губернии… С. 14.

[2] Отдел «скот в 1915 году» формы 2 и раздел «учет прихода и расхода основных продуктов и фуража» (за исключением пунктов о запасе хлеба и кормов) формы 3 были признаны факультативными. См.: *Деятельность* Особого совещания по продовольственному делу и его комиссий. Прил. к № 25–26 Известий Особого совещания по продовольственному делу. Пг., 1916. С. 90.

[3] *Инструкция*… С. 20.

[4] *Инструкция*... С. 9–13, 20.

[5] Перепись 1916 г. в Западной Сибири не коснулась лишь малонаселенных Березовского и Сургутского уездов Тобольской губернии, а также труднодоступных горных районов Куз-

Программа обследования крестьянского хозяйства в Сибири в целом совпадала с общероссийской. Этого требовал принцип единства программных положений, лежавший в основе организации обследования. Однако организаторами первой сельскохозяйственной переписи принимались во внимание и местные особенности, чем достигался более полный и достоверный учет элементов крестьянского хозяйства. Приспособление общей программы переписи к сибирским условиям было осуществлено общесибирским съездом статистиков Переселенческого управления, состоявшимся 13–21 мая в Иркутске. В результате его работы были конкретизированы объект наблюдения и совокупность подлежащих регистрации сторон крестьянского хозяйства региона[1].

Необходимо отметить, что крестьянское хозяйство как объект статистического наблюдения толковалось сибирскими статистиками более широко. К предприятиям крестьянского типа они относили все без исключения крестьянские хозяйства, независимо от размеров землевладения и землепользования[2].

Своеобразие сибирской программы обусловливалось наличием в колонизируемом регионе двух социокультурных типов крестьянских предприятий – старожильческих и переселенческих хозяйств[3]. Это выразилось в том, что в карточках сплошной и выборочной переписей (формы № 1, 2, 3) был введен раздел о принадлежности опрашиваемого крестьянина к одной из этих категорий[4]. В данном разделе, кроме того, отмечались год прихода

нецкого Алатау и Алтая в Томской губернии. В Акмолинской области хозяйства кочевых инородцев обследовались выборочно (10%). См.: *Предварительные* итоги… Вып. 3. С. 3; ГАТО. Ф. 239. Оп. 13. Д. 18. Л. 55.

[1] См.: *Протоколы* Сибирского областного совещания статистиков Переселенческого управления, состоявшегося 13–21 мая 1916 г. г. Иркутск. Томск, 1916. На основе решений Совещания были выработаны губернские инструкции по производству переписи. См.: *Инструкция* по производству Всероссийской сельскохозяйственной переписи Тобольской губернии. Омск, 1916; *Техническая* инструкция по производству сельскохозяйственной переписи в Томской губернии. Томск, 1916.

[2] По предположению И.В. Островского, при производстве переписи 1916 г., как и при переписи 1917 г., крестьянские хозяйства с владением 75 дес. и выше были отнесены к предприятиям владельческого типа. См.: *Островский И.В.* Материалы сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 гг. по Западной Сибири: Источниковедческое исследование: Дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 1973. С. 134–135. Это, однако, инструкциями и первичными материалами переписи не подтверждается. См.: *Протоколы*… С. 7; *Техническая* инструкция… С. 2.

[3] Старожилом признавался домохозяин, родившийся в данном поселении. Всякий вновь прибывший сюда считался переселенцем.

[4] См.: *Протоколы*… С. 12, 27.

новосела в Сибирь и губерния выхода[1], а также показывался год водворения или образования самостоятельного хозяйства (для выделившихся). Год поселения отмечался и для «прочего населения» (посторонние и ссыльнопоселенцы). При описании дворов, выделившихся из семей переселенцев, в графе «год поселения» ставилось время водворения коренной семьи[2].

Другой особенностью формуляров № 1–3, предназначенных для описания крестьянского хозяйства Сибири и Степного края, являлась более экономная разработка отделов посевов и землепользования. Посевы под отдельными культурами записывались без разделения по категориям земель, на которых они находились. Подразделение их на посевы, расположенные на своих и арендованных землях, производилось только в общем итоге[3]. Отделу землепользования было придано обязательное и самостоятельное значение. В нем регистрировалась своя, сданная и арендованная мягкая пашня (посевы и пары). В фиксируемом в отделе «имеется в пользовании» числе единиц надела отмечались надельные доли вместе с лесным наделом[4].

В бланке № 1, в левом углу лицевой стороны, ставилась отметка об участии хозяйства в различных формах кооперации[5]. В поселенной ведомости учитывались все кооперативы, имеющиеся в селении. Там же должна была приводиться система их условных обозначений[6].

Регистрация скота, имевшегося в хозяйстве в 1915 г. (формы № 2, 3) сибирской программой не предусматривалась[7]. Учет прихода-расхода продуктов по карточке № 3 в Западной Сибири производился в Акмолинской области и Тобольской губернии[8]. В Томской губернии учитывался лишь остаток хлеба и муки.

Наконец, обследование крестьянского хозяйства в Томской губернии имело еще одну очень существенную особенность. Здесь проводилось разделение семейных и наемных работников[9].

---

[1] Год прихода в Сибирь отмечался только для выходцев из Европейской России. В рубрике «губерния выхода» показывалась губерния первого выхода и губерния последнего выхода коренной семьи.

[2] См.: *Протоколы*… С. 12, 27.

[3] См.: Там же. С. 13–14, 28–29.

[4] См.: Там же. С. 10–11, 25–26. Раздел о купчих землях был исключен, так как покупка земли в Сибири не была распространена.

[5] См.: *Протоколы*… С. 14, 29.

[6] См.: Там же. С. 10, 25. 29.

[7] См.: *Предварительные* итоги… Вып. 3. С. 11.

[8] См.: Там же.

[9] Записывались они в графе «свои и наемные работники» через дробь: в числителе – свои, в знаменателе – наемные рабочие.

В заключение характеристики особенностей сибирской программы необходимо отметить, что по программе первого формуляра в Сибири обследовались все 100% крестьянских дворов[1].

Итак, несмотря на то, что перепись 1916 г. не фиксировала некоторые элементы (промыслы, мертвый инвентарь), она вполне адекватно отражала основные части и компоненты внутреннего строя крестьянского хозяйства: производственно-техническую базу (тягловый и продуктивный скот, посевы), рабочие ресурсы (семейные и наемные работники) и население. Огромная заслуга в этом принадлежала представителям земской статистической науки, положившим в основу программы переписи важное в методологическом отношении требование изучать крестьянское хозяйство как единое целое, во взаимосвязи наиболее важных его сторон.

Однако социально-экономические аспекты структуры крестьянского хозяйства программа переписи отражала неполно и искаженно: наемные рабочие оказались слитыми с семейными, кроме того, ею не были учтены поденные и сдельные наемные работники. Это являлось следствием прагматического характера целей обследования и необходимости быстрого его проведения. Немаловажную роль сыграли также представления о потребительском, трудовом характере крестьянского хозяйства, лежавшие в основе методологических установок земской статистической науки.

Крестьянское хозяйство Западной Сибири с качественной стороны отображалось материалами первой сельскохозяйственной переписи более точно. Это выражалось в более верной трактовке крестьянского хозяйства как объекта статистического наблюдения, в результате чего был гораздо лучше представлен зажиточный тип крестьянского двора. Также более полно за счет введения отдела землепользования учтены элементы хозяйства. Кроме того, в отличие от материалов по Европейской России, они достаточно объективно отражали и социально-экономические черты структуры крестьянского хозяйства, что проявлялось в выделении сроковых и годовых наемных работников в отдельную категорию рабочих ресурсов.

Приведенная выше характеристика качественных аспектов представительности данных переписи 1916 г. в плане отображения внутреннего строя крестьянского хозяйства Западной Сибири относится, прежде всего, к ее первичным материалам. Поэтому далее необходимо произвести оценку полноты опубликованных данных.

---

[1] См.: *Протоколы*… С. 7, 23.

Опубликованные материалы переписи 1916 г. представлены общероссийскими и местными изданиями. Основная общая публикация[1] представляет собой территориальную крупномасштабную (на уровне уезда, губернии, района) сводку разработанных на местах первичных данных о населении, скоте и посевах. В ней сравнительно с первичными материалами исключены сведения о рабочей силе и аренде. Какого-либо рода группировки дворов по хозяйственной мощности отсутствуют. Отмеченные черты центральной публикации: отсутствие сведений о таких существенных элементах, как рабочие ресурсы и аренда, крупнотерриториальный (уездный) принцип сводки данных при ограниченном числе уездов в регионе (14)[2] – совершенно однозначно указывают на то, что ее сведения не отражают внутренней структуры крестьянского хозяйства Западной Сибири и, в крайнем случае, могут служить лишь для характеристики его общего состояния.

Этот вывод относится и к другим центральным публикациям, так как все они были построены на более или менее полной передаче сведений, содержащихся в основном издании[3].

К изданиям общероссийских итогов переписи по своему характеру примыкает ряд местных (томских) публикаций[4]. Их отличие только в более широком учете элементов крестьянского хозяйства. В одной из них даже дополнительно приводятся сведения о числе зарегистрированных обследованием кооперативных организаций, инвентаре и беженцах[5].

Вместе с тем среди местных западносибирских публикаций есть издания не только поуездных, но и поволостных таблиц данных переписи (по

---

[1] *Предварительные* итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г.: (По подсчетам, произведенным местными переписными учреждениями). Пг., 1917. Вып. 1: Европейская Россия. Поуездные, погубернские и порайонные итоги; Вып. 2: Кавказ. Поуездные, погубернские и порайонные итоги; Вып. 3. Степной край, Сибирь и Дальний Восток. Поуездные, погубернские и порайонные итоги.

[2] Чтобы получить необходимые для анализа структуры крестьянского хозяйства устойчивые средние, необходимо не менее 30 единиц (уездов).

[3] См.: *Урожай* хлебов в России в 1916 году. Пг., 1916; *Статистический* справочник по аграрному вопросу. М., 1917. Вып. 2: Сельское хозяйство. Ч. 1: Сельскохозяйственная перепись 1916 г.; *Статистический* ежегодник России за 1916 год. Пг., 1917; *Труды* ЦСУ. М., 1921. Т. 7, вып. 1: Статистический ежегодник за 1913–1917 гг. Вып. 1; *Сельское* хозяйство России в XX веке: Сборник статистико-экономических сведений за 1901–1922 г. М., 1923; *Основные* элементы сельскохозяйственного производства СССР 1916 и 1923–1927 гг. М., 1930.

[4] См.: *Филиппов И.Т.* Сельскохозяйственная перепись в Томской губернии. Прил. 1: Таблица итогов сельскохозяйственной переписи в Томской губернии // Статистико-экономические бюллетени. Томск, 1917. № 6; *Томская* губерния: Статистический очерк. Томск, 1917.

[5] См.: *Томская* губерния…

Акмолинской области и Томской губернии)[1]. Волостной уровень сводки первичных сведений является существенным достоинством отмеченных публикаций. Не менее примечательно и то, что в них представлено большинство учтенных обследованием элементов крестьянского хозяйства. Особенно в этом плане выделяется томская публикация. В ней помещены сведения практически по всем предусмотренным программой сплошного обследования показателям, включая данные о семейных и наемных рабочих[2], и, сверх того, приведены данные о количестве инвентаря и имевшихся в крестьянских хозяйствах пасеках, мельницах и маслодельческих заводах[3]. Томскую публикацию отличает, кроме того, разработка материала по естественно-географическим зонам, а также, более полный, сравнительно с другими (центральными и местными) изданиями, охват крестьянских хозяйств Томской губернии (всего 681 298). Набор сведений, содержащихся в публикации по Акмолинской области, в целом идентичен программе основного центрального издания предварительных итогов переписи, но ее преимущество в том, что в ней, в отличие от общероссийской разработки, крестьянские хозяйства были отграничены от дворов казаков.

Отмеченные черты и особенности поволостных публикаций итогов переписи 1916 г.: относительно низкий, волостной уровень агрегирования (сводки) первичной информации и достаточно высокая степень передачи ее полноты и многообразия, позволившая отобразить основные элементы крестьянского хозяйства, – дают основание сделать вывод о представительности их сведений в плане изучения структуры крестьянского хозяйства региона в целом[4]. Что же касается анализа внутреннего строя в отдельных социальных типах крестьянских хозяйств, то провести его на основе поволостных сводок не представляется возможным.

Внутренняя, качественная сторона исследуемого явления неразрывно связана с его внешним, количественным аспектом. Поэтому изучение надежности содержащихся в источнике сведений должно включать в себя

---

[1] См.: *Итоги* сельскохозяйственной переписи 1916 г. в Акмолинской области. Омск, 1917; *Алтайско-Томская* часть Сибири по данным с.-х. переписи 1916 г.: Материалы с.-х. переписи 1916 г., собранные и разработанные под руководством и ред. В.Я. Нагнибеды. Томск, 1927.

[2] Не включены сведения о землепользовании и аренде.

[3] Сведения об инвентаре и промышленных заведениях собирались путем их общего поселенного подсчета.

[4] О методике изучения внутреннего строя крестьянского хозяйства по территориальным сводкам статистических данных см.: *Массовые* источники… С. 296–306.

выявление их количественной репрезентативности, или, другими словами, достоверности и точности.

Для определения достоверности и точности данных сельскохозяйственной переписи 1916 г. в первую очередь необходимо рассмотреть организацию процесса обследования: основные принципы, методику и технику сбора сведений.

Обследование проводилось хорошо зарекомендовавшим себя в земских переписях экспедиционным способом при участии специально обученного персонала регистраторов и инструкторов. Опрос домохозяев осуществляется на сходах группы соседей, что обеспечивало должный взаимоконтроль. Кроме того, в целях обеспечения достоверности собираемых сведений сообщаемые крестьянами сведения сверялись с данными окладных книг и с информацией, полученной от сельской администрации, пастухов и т.д. В отдельных случаях производилась фактическая проверка хлебных запасов, скота, инвентаря; осуществлялся промер посевных площадей. В качестве меры контроля показаний участковыми инструкторами проводились повторные выборочные опросы[1].

В борьбе за качество собираемой информации организаторами и участниками первой сельскохозяйственной переписи использовались и меры социально-политического характера: публиковались воззвания и обращения к населению с разъяснениями необходимости и задач обследования[2], проводились устные беседы, опрашиваемые предупреждались об уголовной ответственности за дачу ложных сведений.

В результате проведенных в ходе обследования организационных мероприятий были получены достаточно надежные сведения. Об этом свидетельствуют результаты повторных выборочных переписей, проведенных в ряде губерний (по Западной Сибири – в Томской) с целью проверки достоверности собранных данных. Контрольные обследования показали, что наиболее полно были учтены население и скот, менее полно – посевы[3]. По Томской губернии, где повторно было обследовано 19 647 хозяйств, результаты были аналогичными (см. табл. 1).

---

[1] О методике и технике проведения обследования в Западной Сибири см.: *Протоколы*… Приложение № 2 к журналу II. Инструкционные указания для регистраторов инструкторов и заведующих переписными округами; Технический план организации сельскохозяйственной переписи в Томской губернии. Томск, 1916; *Филиппов И.Г.* Указ. соч. С. 23–24; ГАТО. Ф. 239. Оп. 13. Д. 5. (Отчеты районных инструкторов по Томской губернии) и др.

[2] См.: *Обращение* к населению Томской губернии по поводу всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. // Сибирское сельское хозяйство. 1916. № 9–10. С. 182–183 и др.

[3] См.: *Предварительные* итоги… Вып. 1. С. XII–XIII; Вып. 2. С. IV–VI; Вып. 3. С. IV.

В опубликованных итогах контрольного опроса нет сведений по пашне. Однако, как показало измерение тесноты корреляции между посевом и пашней (0,89–0,92), этот признак представлен вполне достоверными данными[1].

О надежности данных первой сельскохозяйственной переписи свидетельствуют и результаты проведенного Управлением делами Особого продовольственного совещания анкетного исследования. На разосланную в губернские переписные органы анкету были получены ответы по 30 губерниям. В 25 губерниях сведения переписи были признаны достаточно точными, в остальных считали преуменьшенными на 5–15% показания о посевных площадях. Ответы земских статистических органов основывались на результатах сравнения сведений переписи с данными волостной статистики и подворных земских переписей (по 9 губерниям) и частью на личных впечатлениях[2].

Таблица 1

Итоги контрольного обследования крестьянских хозяйств Томской губернии (результаты сплошной переписи 1916 г. взяты за 100%)

Признаки	Относительные величины признаков по данным контрольной переписи, %
Души обоего пола	99,5
Свои работники	99,6
Наемные работники	103,5
Лошади	99,1
Крупный рогатый скот	97,9
Мелкий скот	99,3
Посев пшеницы	98,8
Посев овса	97,8
Весь посев	98,0

Источники: *Предварительные* итоги… Вып. 3. С. IV; *Филиппов И.Т.* Указ. соч. Приложение III: Всероссийская сельскохозяйственная перепись 1916 г. Сравнительная таблица результатов основного и контрольного опросов. (Признаки 2 и 3 сравниваются по 6580 дворам).

[1] Достоверность одного из взаимосвязанных признаков, при условии, что надежность другого показателя доказана, можно проверить по силе их корреляции. Об этом см.: *Миронов Б.Н.* Проверка надежности статистических данных в исторических исследованиях методами математической статистики // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1974. Вып. 6. С. 185–211; *Массовые* источники… С. 250–275.

[2] См.: *Предварительные* итоги… Вып. 1. С. X–XI; *Критическая* оценка материалов Всероссийской сельскохозяйственной переписи и система ее разработки. Самарская губерния. Самара, 1916. С. 13–27, 29, 31–36, 40–42, 46–47; *Отчет* Казанской губернской земской управы по производству сельскохозяйственной переписи 1916 г. Казань, 1916; *Итоги* сельскохозяйственной переписи 1916 г. Кишинев, 1918. С. 4–6, 14–15 и др.

К тем же итогам приводит сопоставление сведений обследования 1916 г. и данных западносибирской волостной статистики. В частности, для переписи был характерен более полный охват крестьянских хозяйств (на 4,1%)[1] и более точный учет его основных элементов: по рабочему скоту на 5,8%, по крупнорогатому скоту – на 25,3%[2] и по посеву – на 0,8%[3].

Данные переписи 1916 г. в целом сопоставимы со сведениями сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. Это в основном связано с тем, что в программном отношении она была преемницей и одновременно развитием первой всероссийской переписи. Так, от программы обеих переписей ею были наследованы разделы о скоте и посевах. С другой стороны, программой переписи 1917 г. предусматривался учет промыслов и сельскохозяйственного инвентаря, а также землевладения и землепользования, отсутствовавших в обследовании 1916 г.

Вместе с тем обследованием 1917 г., в отличие от первой переписи, учитывались и хозяйства отсутствующих (по Западной Сибири около 24 тыс.)[4]. Отдел населения и рабочей силы во второй переписи был разработан более детально. Работники определялись по объективному, возрастному критерию[5]. Программой второй переписи предполагался и отдельный учет наемных работников всех категорий (годовых, сроковых, поденных и сдельных).

По охвату крестьянских хозяйств перепись 1917 г. в Западной Сибири была менее полной. В сравнении с первой переписью ею было учтено на 3,2% дворов меньше (по Томской губернии – на 1,6%)[6].

Таким образом, материалы переписей в плане изучения общего состояния крестьянского хозяйства региона вполне сопоставимы по насе-

---

[1] См.: *Сельскохозяйственный* обзор Акмолинской области за лето и осень 1913 г. Омск, 1914. Приложение I. С. 13; *Статистический* ежегодник России 1916 г. М., 1918. Вып. 1. С. 110–111; *Итоги* сельскохозяйственной переписи 1916 г. в Акмолинской области. Омск, 1917. С. 18; *Алтайско-Томская* часть… С. 184; *Предварительные* итоги… Вып. 3. С. 78, 96; ГАТО. Ф. 239. Оп. 13. Д. 4. Л. 77; ТФ ГАТО. Ф. 580. Оп. 1. Д. 985. Л. 21.

[2] Сравниваются сведения в расчете на 1 хозяйство: волостных управлений по 488318 дворам и переписи 1916 г. по 681 221 хозяйству. См.: *Филиппов И.Т.* Указ. соч. Приложение 4; *Алтайско-Томская* часть… С. 196–205.

[3] По крупнорогатому скоту волостной статистикой недоучтен главным образом молодняк.

[4] См.: *Труды* ЦСУ. М., 1921. Т. 5, Вып. 1: Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по 52 губерниям и областям. С. 64–65, 76–77.

[5] См.: *Инструкция* по производству Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной городской переписи 1917 г. Пг., 1917. С. 11.

[6] См.: *Алтайско-Томская* часть… С. 196; *Предварительные* итоги… Вып. 3. С. 78, 96; *Погубернские* итоги… С. 64–65, 76–77. (Подсчеты мои. – *П.Н.*)

лению, скоту и посевам. По семейным и наемным работникам сведения переписей несопоставимы. Данные табл. 2 подтверждают это. Различия по сопоставимым показателям объясняются происшедшими к 1917 г. изменениями: мобилизация мужчин, реквизиция и поставки тяглового и продуктивного скота в армию, расширение посевных площадей и т.д.[1]

Таблица 2

Крестьянское хозяйство Западной Сибири по данным сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 гг. (в расчете на 1 наличное хозяйство)

Губерния (область)	Население		Работники		Лошади		Коровы		Посев, дес.	
	1916	1917	1916	1917	1916	1917	1916	1917	1916	1917
Томская	5,5	5,4	2,4	1,8	3,1	3,0	2,7	2,6	5,1	5,8
Тобольская	5,3	5,1	–	–	2,5	2,5	3,2	2,9	5,0	5,3
Акмолинская	5,6	5,5	–	–	1,9	2,0	1,9	2,0	9,2	9,8

Источники: *Алтайско-Томская* часть… С. 196–205; *Предварительные* итоги… Вып. 3. С. 78–87, 96–105; *Погубернские* итоги… С. 64–73, 76–85. (Подсчеты мои. – *П.Н.*)

В заключение источниковедческой характеристики сведений переписи 1916 г. по Западной Сибири необходимо остановиться на репрезентативности комплекса ее первичных материалов.

Первичные карточки Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. по Томской губернии находятся в фонде Томского переселенческого района Государственного архива Томской области[2]. Они сгруппированы по уездам, внутри уезда – по волостям и далее – по селениям. Волостные материалы: бланки сплошного и выборочного обследований, вспомогательные, карточки контрольной переписи – сосредоточены в отдельном деле[3] и являются своеобразным первоэлементом сохранившейся совокупности документов. Сохранились первичные материалы по 204 волостям из 386 (53%). По уездам и естественно-географическим зонам они распределены равномерно. Сохранность подворных карточек формы № 1 по волостям варьирует от 20 до 100%. Общий объем находящихся на хранении подворных бланков сплошного обследования огро-

[1] См.: *Пронин В.И.* Уровень экономического развития сибирской деревни накануне социалистической революции // Из истории крестьянства Сибири. Томск, 1982. С. 105, 106, 109.
[2] ГАТО. Ф. 239. Оп. 16. Д. 1–211.
[3] Иногда сведения по одной волости размещены в 2–3 делах.

мен: примерно 250–350 тысяч, что составляет 35–50% от генеральной совокупности (681 298 хозяйств). Все это с учетом того, что сохранившийся массив подворных карточек сформировался в силу воздействия множества случайных причин, свидетельствует о бесспорной представительности первичных материалов переписи по Томской губернии.

Итак, сведения первой Всероссийской сельскохозяйственной переписи отражают основные стороны крестьянского хозяйства России и Западной Сибири вполне адекватно. Они полны в территориальном отношении, единовременны, достоверны, точны и сопоставимы по основным показателям с данными Всероссийской поземельной и сельскохозяйственной переписи 1917 г. Данные переписи представлены публикациями разного уровня территориальной сводки и первичными карточками. Конкретно по Западной Сибири имеются репрезентативные данные подворного, поволостного, поуездного, погубернского и природно-географического уровня. Этот единый по своему содержанию многоуровневый и многоаспектный комплекс материалов сельскохозяйственной переписи 1916 г., несмотря на относительную узость содержащейся в нем информации, вполне позволяет осуществить комплексный, системно-целостный подход к исследованию крестьянского хозяйства региона, изучить внутренний строй в отдельных его социальных группах (на подворном уровне) и в целом, а также определить степень его социально-экономического развития в начале XX в.

Томская губернская сельскохозяйственная перепись 1901 г. является принципиально новым источником по истории крестьянского хозяйства Западной Сибири рубежа XIX–XX вв. В научно-исторической оборот ее ввел в 2003 г. автор настоящей работы[1].

Обнаруженные материалы нового статистического источника представлены только необходимым для исследования внутреннего строя крестьянского хозяйства региона комплексом первичных поселенных бланков обследования, содержащих подворное описание хозяйств[2]. Практически никаких других официальных документов, раскрывающих задачи переписи, методы сбора и обработки собранной информации, найти не удалось. Поэтому осуществлять источниковедческий анализ пришлось главным образом на основе прямой и косвенной информации подворно-поселенных бланков.

---

[1] См.: *Никулин П.Ф.* Материалы сельскохозяйственной переписи 1901 г. по Томской губернии – новый источник по истории крестьянского хозяйства Западной Сибири… С. 91–92.
[2] ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 568–2372, 2404–2499, 2732–2749, 2751–2953.

Первую томскую сельскохозяйственную перепись провел входивший в структуру губернского правления губернский статистический комитет. Организованная им общегубернская сельскохозяйственная перепись имела целью оценить общее состояние крестьянского хозяйства и определить масштабы и последствия сильнейшей засухи, поразившей в 1901 г. сельское хозяйство региона, для последующего исходатайствования правительственной помощи[1].

Обследование проводилось в первой половине августа. Информацию собирали и отсылали в центр волостные старшины и помогавшие им сельские и волостные писари. Необходимые сведения они получали от сельских старост и из волостных книг[2]. Данные о состоянии посевов, последствиях засухи и количестве нуждавшихся в хлебе им доставляли сельские старосты, собиравшие информацию путем опроса крестьян. Отчеты подписывались волостными старшинами или сельскими старостами. Таким образом, подворная перепись 1901 г. явилась, по сути, общегубернским сводом данных волостных правлений и представляла текущую волостную статистику Томской губернии. Как показали исследования томских статистиков начала XX в., сведения текущего волостного учета были вполне достоверными. По главным показателям: рабочим лошадям, коровам и посеву – присущий сибирской волостной статистике недоучет не превышал 5–10%. Гораздо менее полным был учет молодняка и мелкого скота (до 25%)[3]. В общем, по степени надежности данные волостной статистики, хотя и страдают определенным преуменьшением, вполне сопоставимы с весьма достоверными и точными данными Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г.

Материалы поселенной и подворной переписи 1901 г. поистине масштабны. Она охватила 2123 селения Барнаульского, Бийского, Томского, Мариинского, Кузнецкого, Каинского и Змеиногорского уездов Томской губернии. В ее ходе, по приблизительным подсчетам, было описано не менее 250 тысяч крестьянских хозяйств.

Программа общегубернского обследования 1901 г. достаточно широка и представляет несомненный интерес для исследователей истории крестьянского хозяйства Западной Сибири. Она была осуществлена и оформлена в виде поселенных списков домохозяев. В архивной описи

---

[1] См.: *Обзор* Томской губернии за 1901 год. Томск, 1902. С. 3–4.
[2] См.: *Сибирская* жизнь. 1901. 24 авг.
[3] См.: *Филиппов И.Т.* Указ. соч. Прил. 4; *Алтайско-Томская* часть… С. 184, 196–205; ГАТО. Ф. 239. Оп. 13. Д. 4. Л. 77.

фонда губернского правления поселенные бланки обозначены как «Именные списки…». Поселенный список домохозяев составляют две независимые и одинаковые по формуляру части: форма № 1 – «Список старожилов» и форма № 3 – под названием «Список непричисленных переселенцев, проживающих в старожильческих селениях или переселенческих поселках». В списках переселенцев к общей программе добавлены графы о времени поселения и губернии выхода. Форма № 2 отсутствует. Очевидно, она имела делопроизводственное значение.

Рассмотрим содержание программы переписи по форме № 1. На лицевой части бланка обозначались уезд, волость и название описываемого старожильческого селения. В нижней части титульного листа в виде примечания излагался перечень необходимых сведений о сельском обществе, требуемых крестьянскому столу губернского правления: «во-первых, имеет ли сельское общество, к которому принадлежит селение, мирские капиталы и сколько, во-вторых, имеет ли мирские оброчные статьи и сколько с них получает ежегодно дохода, в-третьих, какой предвидится в селении урожай хлеба, т.е. сколько примерно пудов ржи, пшеницы и овса предполагается вымолотить с десятины и, в-четвертых, какой был урожай трав, т.е. сколько копен скошено с десятины»[1].

Формуляр подворной программы имел списочную форму и размещался в табличном виде на двухстраничном развороте. Таблица включала следующие разделы и показатели: имя и фамилия домохозяина с указанием порядкового номера в списке; число душ мужского и женского пола в отдельности; количество годных работников с разделением по полу; имущество, под которым имелось в виду количество лошадей, коров и мелкого скота в отдельности; размеры посева отдельных культур – озимой ржи, озимой пшеницы, ярицы (яровой ржи), яровой пшеницы и овса. В связи с засухой в формуляр были включены разделы об имевшихся в хозяйстве запасах хлеба (ржи, пшеницы, овса в отдельности), количестве сена и размерах поврежденных засухой и вредителями посевов. В бланках, предназначенных для обследования крестьянских хозяйств Томского уезда, не затронутых засухой, графа о поврежденных посевах отсутствует. Ее место занял раздел о недоимках по казенным податям, губернскому земскому сбору и по мирским повинностям[2]. После изложения подворных данных в бланке приводились общие поселенные итоги и отчет по доходам от мирских капиталов и оброчных статей и предпола-

[1] ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 1303. Л. 1.
[2] Там же. Д. 1097–1403.

гаемой урожайности хлебов и трав. На последней странице отчета давались записанные карандашом сведения о числе нуждавшихся семей и количестве необходимого им хлеба.

Форма № 3 заполнялась аналогично. Она сшивалась в одну тетрадь с первой формой. В отдельных случаях, когда непричисленных крестьян в селении было мало, сведения о них заносились в форму № 1.

Как уже отмечалось, сведения общегубернской переписи 1901 г., хотя и страдают некоторым преуменьшением, достаточно точны и достоверны и в этом плане вполне сопоставимы с очень надежными подворными данными Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. Сравнимы их сведения и в программном отношении. Программа переписи 1916 г. шире и включает в себя важнейшие отделы, которые отражены в подворной программе переписи 1901 г. Это, прежде всего, данные о размерах семьи, количестве семейных работников обоего пола, о числе рабочих лошадей, коров и сведения о величине и структуре посевов.

Вместе с тем следует отметить, что в сравниваемых переписях сопоставимые в целом отделы скота имеют разные наборы признаков. В отличие от переписи 1916 г., программа обследования 1901 г. не разделяет скот по возрастам. Она содержит в себе только обобщенные показатели: «лошади», «коровы», «мелкий скот» и «всего» – содержание которых не вполне ясно. Никаких сведений, раскрывающих их значение, обнаружено не было. К счастью, этот вопрос уже разрешен известным исследователем сельского хозяйства Сибири конца XIX – начала XX в. И.А. Асалхановым. Он показал, что в период с 1900 по 1904 г. сибирская волостная статистика фиксировала только взрослый скот, исключив из учета молодняк всех видов скота[1].

Имеющиеся в распоряжении автора настоящей работы технические выборочные данные переписей 1901 и 1916 гг. подтверждают приведенную И.А. Асалхановым оценку. Они основаны на определении доли коров в стаде продуктивного (крупнорогатого и мелкого) скота с учетом и без учета молодняка. Естественно, в полном продуктивном стаде она должна быть ощутимо меньше. Расчеты осуществляются с помощью методики перевода поголовья молодняка крупнорогатого и мелкого скота в отдельности во взрослый крупнорогатый скот: соответственно в пропорциях 1:5 и 1:10. Доля коров в полном продуктивном стаде с молодняком рассчитана по данным сельскохозяйственной переписи 1916 г. для вы-

[1] См.: *Асалханов И.А.* Указ. соч. С. 190–191.

борки земледельческих дворов, в которой сохранилось характерное для рубежа XIX–XX вв. общее мясо-молочное направление животноводства. Она оказалось равной 64% (см. табл. 46). По используемым в настоящей работе тем же типическим данным 1901 г., если исходить из предположения, что учитывался только взрослый продуктивный скот, доля коров в стаде взрослого крупнорогатого и мелкого скота в земледельческих и скотоводческих дворах равнялась 86% (см. табл. 15 и 16). Практически такой же результат получается при аналогичной обработке среднегодовых общесибирских сведений волостной статистики о количестве голов крупнорогатого и мелкого скота за 1900–1904 гг., собранных И.А. Асалхановым: доля коров составила 87%[1]. Следовательно, мнение И.А. Асалханова совершенно верно и под указанными в программе Томской губернской переписи 1901 г. категориями скота имелся в виду именно взрослый скот: рабочие лошади, коровы (и быки) и выросший мелкий скот (овцы, козы и свиньи). Во всероссийской переписи 1916 г. взрослый скот всех категорий отмечен отдельной позицией, что создает возможность сопоставления ее сведений с показателями количества крестьянского скота, зафиксированными обследованием 1901 г.

Несмотря на свою широту, материалы общегубернской переписи 1901 г., очевидно, имели узковедомственное значение, поэтому опубликованы не были. Можно лишь отметить как публикацию ее сводные губернские и поуездные данные о сельскохозяйственном населении, размерах посевных площадей и поголовье скота, помещенные в сельскохозяйственном отделе ежегодного «Обзора Томской губернии» за 1901 г., поскольку они основывались на текущих сведениях волостной статистики[2].

Материалы общегубернского обследования 1901 г., с учетом их почти полной сохранности, безусловно, представительны. Они достаточно полно и достоверно отражают основные стороны и элементы крестьянского хозяйства региона: население и семейные работники представляют его социально-трудовую сторону; рабочие лошади, коровы и посевы – производственно-технические аспекты. Несмотря на ограниченное количество, эти показатели в подворном плане дают представление о размерах и масштабах крестьянского хозяйства; в расчете на душу – отражают уровень производства. Данных, характеризующих товарно-денежные отношения (найм, аренда и др.), в программе переписи нет. Поэтому прямое изучение товарно-денежной системы хозяйствования на основе ее сведе-

[1] См.: Там же. С. 190. Табл. 57. (Подсчеты мои. – *П.Н.*)
[2] См.: *Обзор* Томской губернии за 1901 год. Томск, 1902. С. 2–13.

ний невозможно. Подворные материалы обследования прямо отражают, прежде всего, жизненно важную для земледельца традиционную, мелкотоварную патриархально-потребительскую систему хозяйствования, имевшую целью воспроизводство семьи и крестьянской культуры.

В конце XIX в. сибирская деревня шла по пути развития товарно-денежных отношений. Рыночная система стала органичной частью хозяйственной жизни крестьянина. Поэтому, не получив в переписи прямого количественного выражения, она отразилась в форме скрытой, структурной информации, как система взаимосвязей между зафиксированными обследованием показателями[1]. В объективном плане скрытая структурная информация настоящей переписи отображает внутренний социально-экономический строй (структуру) крестьянского хозяйства Западной Сибири на рубеже XIX–XX вв. Важное значение имеет подворный уровень материалов общегубернского обследования. Он обеспечил полную сохранность явной и скрытой информации и создал предпосылки для построения достаточно полной и объективной модели внутреннего строя крестьянского хозяйства края.

Таким образом, подворные и поселенные материалы общегубернской сельскохозяйственной переписи 1901 г. являются, несмотря на относительную узость программы, прекрасным источником по истории крестьянского хозяйства Западной Сибири. Ее первичные материалы обширны, представительны и достаточно надежны. На их основе можно изучать общее состояние, масштабы и уровень крестьянского хозяйства региона. Особая ценность томского обследования в полной сохранности его первичной, подворной информации. Подворные данные дают возможность системно исследовать внутренний социальный и производственно-технический строй хозяйства сибирского крестьянина. Его внутренняя структура является целостно-системным, интегральным результатом очень сложного процесса взаимодействия традиционно-патриархальной и рыночной культур (систем) хозяйствования. Изучение процесса их взаимодействия и интеграции даст возможность выяснить место и степень развития в крестьянском хозяйстве края конца XIX – начала XX в. товарно-денежных отношений и определить роль традиционной хозяйственной культуры в жизни сибирского крестьянства.

Подворные материалы общегубернского обследования в целом сопоставимы с первичными губернскими данными Всероссийской сельскохо-

[1] См.: *Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования… Гл. 3.

зяйственной переписи 1916 г. Их сравнение позволяет оценить природу и динамику развития социально-трудовых и производственных процессов, происходивших во внутреннем строе крестьянского хозяйства Западной Сибири в течение очень важного для экономики России периода с 1901 по 1916 г. В конечном счете это даст эффективные основания для определения социокультурного облика и социальной природы сибирского и российского крестьянства начала XX в.

Обратимся далее к методологии и методике изучения внутреннего строя крестьянского хозяйства.

2.2. Методология и методика исследования структуры крестьянского хозяйства региона

Конкретно-проблемная методология и методика исследования определяется сущностно-содержательной природой изучаемого объекта, имеющейся в источнике информацией и характером исследовательской задачи.

Согласно социокультурному подходу крестьянское хозяйство являлось экономической формой традиционной крестьянской культуры. Следовательно, оно, как и любое массовое общественное явление, было системой с присущей ей целостностью, выражаемой в структуре и единстве функционирования. Поэтому постичь сущность его социально-культурной и экономической природы возможно лишь при целостно-системном подходе[1]. Суть его в том, что крестьянское хозяйство рассматривается не только со стороны его отдельных элементов (землепользование, производственно-техническая база, рабочие ресурсы и т.д.), но и в их взаимодействии, образующем новое интегративное качество, представленное внутренней структурой, способом организации компонентов, их функциями, а также с учетом места и функций крестьянского хозяйства во внешней среде – общественных системах более высокого порядка (аграрный строй в целом, общая народнохозяйственная система и т.д.)[2].

---

[1] О системном подходе к анализу природных и общественных процессов см.: *Блауберг И.В., Юдин Э.Г.* Становление и сущность системного подхода. М., 1973; *Афанасьев В.Г.* Системность и общество. М., 1980; *Кузьмин В.П.* Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. 3-е изд., доп. М., 1986; и др.

[2] О целостно-системном подходе в историческом исследовании см.: *Ковальченко И.Д., Сивачев Н.В.* Структурализм и структурно-количественные методы в современной исторической науке // История СССР. 1976. № 5; *Барг М.А.* Принцип системности в марксистском

Необходимость системно-структурного рассмотрения крестьянского хозяйства обусловливается также современным состоянием разработки проблемы и источниковой базы исследований. Дальнейшее изучение экономической эволюции сибирской деревни на базе несистемного подхода, направленного на изучение исследуемого объекта через описание его отдельных сторон, становится недостаточно эффективным. Это связано с отсутствием в источниках непосредственно выраженной и полной информации о рыночных аспектах хозяйственной деятельности крестьян: представительных подворно-бюджетных данных о соотношении натурального и товарного хозяйства, точных сведений об удельном весе наемного труда и др. Зачастую в источниках нет и сведений о некоторых существенных элементах производственно-технической базы крестьянского хозяйства. Отсутствие необходимых явно выраженных данных вынуждает обратиться к скрытой, системно-структурной информации массовых источников, извлекаемой из них путем целостно-системного анализа[1].

Крестьянское хозяйство являлось экономической формой традиционной крестьянской культуры. Будучи социокультурной системой, оно выступало в экономическом процессе как хозяйственный субъект. Деятельность хозяйствующей крестьянской семьи выражалась в форме функционирования и развития особым образом упорядоченной экономической культуры, определяемой исследователями как система хозяйствования[2]. По существу, система хозяйствования есть двуединая – духовная и материальная – экономическая культура. Содержание данного понятия значительно шире часто используемой современными аграрниками категории «уклад». Уклад является входящей в формацию формой производства и охватывает определенную область социально-экономических отношений, выражавшихся в производственных взаимосвязях рабочей силы и компонентов материально-технической базы крестьянского хозяйства. Следовательно, в

историческом исследовании // История СССР. 1981. № 2; *Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования. М., 1987. С. 159–168; *Ковальченко И.Д., Моисеенко Т.Л., Селунская Н.Б.* Указ соч. С. 64–76 и др.

[1] См.: *Ковальченко И.Д.* Исторический источник в свете учения об информации // История СССР. 1982. № 3; *Ковальченко И.Д., Селунская Н.Б., Литваков Б.М.* Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. М., 1982. С. 70–72.

[2] См.: *Шанин Т.* Определяя крестьянство (реферат) // Отечественная история. 1993. № 2. С. 10–11; *Гордон А.В.* Хозяйствование на земле – основа крестьянского мировосприятия // Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.). М., 1996. С. 57–74; *Он же*. Типология семейного хозяйствования в крестьяноведении… С. 5–25; *Керов В.В.* Духовный строй старообрядческого предпринимательства… С. 195–196 и др.

социокультурном анализе он проявляет себя только как подсистема материально-производственной экономической культуры.

Крестьянская хозяйственная культура имела традиционный характер. Традиционность в ней доминировала над новаторскими чертами. Традиции воплощали передаваемое из поколения в поколение культурное наследие: духовные ценности, обычаи, обряды, мировосприятие, культурные образцы, способы и приемы деятельности. Система традиций обеспечивала целостность и устойчивость социальной культуры. Крестьянская культура несла в себе и новаторские элементы структуры, которые создавали возможности ее развития, обновления и адаптации к изменившейся внешней среде[1]. Культурная адаптация крестьянства к меняющимся природным и социальным условиям жизни происходила путем модификации стереотипов, норм, установок сознания и поведения и модернизации форм социальной организации и регуляции[2].

В свете характеристики общих свойств земледельческой культуры стало возможным дать развернутую социокультурную трактовку содержания модернизации крестьянского хозяйства. Под модернизацией современные исследователи понимают «всеобъемлющий процесс инновационных мероприятий при переходе от традиционного к современному обществу»[3]. Основанное на традиционной культуре крестьянское хозяйство обеспечивало устойчивое удовлетворение семейных потребностей и являлось стабильной экономико-культурной системой. Поэтому модифицироваться оно могло только в адаптационном режиме, позволявшем сохранить свою семейно-потребительскую сущность. Следовательно, функционируя и развиваясь в современных рыночных условиях, крестьянское хозяйство имело возможность самостоятельно модернизироваться лишь на собственном (традиционном) базисе путем выработки адаптационных инновационных[4] подсистем, формировавшихся на основе рационализации традиционных экономи-

---

[1] См.: *Суханов И.В.* Обычаи, традиции и преемственность поколений. М., 1976; *Маркарян Э.С.* Узловые проблемы теории культурной традиции // Советская этнография. 1981. № 2. С. 78–96; *Громыко М.М.* Место сельской (территориальной, соседской) общины в социальном механизме формирования и изменения традиций // Советская этнография. 1984. № 5. С. 70–80; *Румянцев О.К.* Трансформация традиции как проблема исследования культуры // Методологические проблемы теоретико-прикладных исследований культуры. М., 1989. С. 197–214; *Кармин А.С.* Культурология: Учеб. 3-е изд., стер. СПб., 2004. С. 785–786 и др.

[2] См.: *Шелегина О.Н.* Адаптационные процессы в культуре жизнеобеспечения русского населения Сибири… С. 11–37 и др.

[3] *Опыт* российской модернизации XVIII–XX веков. М., 2000. С. 3.

[4] *Инновация* – это новшество, ставшее традиционным элементом культуры.

ческих структур. Инновационные подсистемы образовывались на всех уровнях традиционной экономической культуры. Большое значение имели адаптация ценностно-трудового ядра хозяйственного менталитета и зарождение начал расчетливости, индивидуализма[1]. Рационализированная подсистема ментальности являлась «руководством» для социально-рыночной модификации трудового процесса семейных работников и формирования инновационной рыночной производственно-технической подсистемы земледельческого хозяйства.

Главными социальными носителями традиционной земледельческой культуры и основой ее функционирования, воспроизводства и развития являлись община («мир») и составлявшие ее хозяйствующие крестьянские семьи. Семья была основным генератором и хранителем крестьянской культуры. В ней осуществлялась трудовая и этическая социализация подрастающего поколения. Община завершала процесс социализации молодежи и прививала ей коллективистские (артельные) формы социального поведения и хозяйствования, базировавшиеся на отношениях сотрудничества и взаимопомощи. Общественное мнение контролировало социальное поведение и соблюдение норм внутрисемейных отношений. Крестьянский мир являлся главным источником и хранителем общей экономической культуры и коллективного хозяйственно-трудового опыта, связанного с организацией цикла сельскохозяйственных работ и реализацией местных систем земледелия и скотоводства[2].

Система земледельческого хозяйствования была целостным, духовным и материально-культурным процессом субъективной экономической деятельности крестьянина, в котором он одновременно проявлял себя как организатор-хозяин и исполнитель-работник. В основании духовно-культурной стороны экономических действий земледельца-хозяина лежала совокупность традиционных «ценностей и норм, возникающих из нужд хозяйственной практики и оказывающих на нее решающее влияние»[3]. С другой, материальной, стороны, система хозяйствования реализовыва-

---

[1] См.: *Миронов Б.Н.* Социальная история России… Т. 1. С. 334–335.

[2] См.: *Миненко Н.А.* Крестьянская семья…; *Она же*. Роль крестьянской общины в организации сельскохозяйственного производства…; *Зверев В.А.* Семейное крестьянское домохозяйство в Сибири…; *Громыко М.М.* Территориальная крестьянская община Сибири… С. 33–103; *Она же*. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян…; *Котович Л.В.* Регулирование поведения крестьянства Сибири… С. 74–85; *Березина Г.А.* Обучение и воспитание детей в процессе сельскохозяйственного труда у русских крестьян Сибири… С. 53–70 и др.

[3] *Помпеев Ю.А.* Основы экономической культуры. СПб., 1997. С. 7.

лась как процесс организационной производственно-трудовой, орудийной деятельности крестьянина-работника.

Крестьянин в ходе своей духовно-экономической практики руководствовался социокультурной традицией и учитывал весь комплекс воздействовавших на хозяйство внешних природных и социальных условий. Этот процесс духовного опосредования и преобразования влиявших на крестьянское хозяйствование факторов в практическую экономическую деятельность происходил на основе традиционной хозяйственной ментальности[1].

Главными системообразующими чертами русского крестьянского менталитета являлись православие, общинность и трудовое начало. Существенное место в общекрестьянской духовной культуре занимала система ценностей, норм и установок, определявших цели, мотивы и способы экономической деятельности[2].

Высшей жизненной ценностью для крестьянина являлся православный идеал спасения души и обретения Царствия Божьего. Это предопределило православно-религиозный характер крестьянской хозяйственно-трудовой этики. Огромное ценностное значение для земледельца имели семья и община, которые были реальной социальной основой хозяйствования и воспроизводства крестьянской культуры. Семейно-трудовой кол-

---

[1] См.: *Керов В.В.* О междисциплинарном подходе в историко-антропологических исследованиях: методы социологии и психологии в выявлении и анализе хозяйственного менталитета // Ежегодник историко-антропологических исследований, 2005. М., 2006. С. 8–9, 12–16.

[2] См.: *Громыко М.М.* Труд в представлениях сибирских крестьян XVIII – первой половины XIX в. // Крестьянство Сибири XVIII – начала XX в.: (Классовая борьба, общественное сознание и культура). Новосибирск, 1975. С. 100–133; *Менталитет* и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). М., 1996; *Гордон А.В.* Хозяйствование на земле – основа крестьянского мировосприятия // Там же. С. 57–74; *Данилова Л.В., Данилов В.П.* Крестьянская ментальность и община // Там же. С. 22–39; *Милов Л.В.* Природно-климатический фактор и менталитет русского крестьянства // Там же. С. 40–57; *Слепнев И.Н.* Новые рыночные реалии и их преломление в менталитете пореформенного крестьянства // Там же. С. 215–227; *Яхшиян О.Ю.* Собственность в менталитете русских крестьян // Там же. С. 92–105; *Миронов Б.Н.* Социальная история России… Т. 1. С. 327–359; *Кузнецов С.В.* Нравственность и религиозность в хозяйственной деятельности русского крестьянства // Православная жизнь русских крестьян XIX–XX веков. М., 2001. С. 168–182; *Листова Т.А.* Трудовое воспитание в крестьянской среде // Там же. С. 182–201; *Скобелев К.В.* Природно-климатический фактор и менталитет сибирского крестьянства (1861–1917 гг.) // Вопросы методологии и истории в работах молодых ученых. Омск, 2002. С. 22–57; *Якимова И.А.* Взаимопомощь и милосердие как традиционные черты общинного менталитета российского крестьянства… С. 74–76; *Чуркин М.К.* Системообразующие факторы менталитета российского крестьянства и его проявление в историческом процессе // Материалы научно-практической конференции. Тара, 2003. С. 86–91 и др.

лектив являлся основным субъектом сельскохозяйственной деятельности и носителем трудовых и этических традиций. Удовлетворение жизненных потребностей семьи было главной целью и смыслом крестьянского хозяйствования. Община выступала в качестве гаранта функционирования, воспроизводства и развития семейно-трудового хозяйства. Она регулировала экономические отношения в деревне и осуществляла общую организацию ее хозяйственной жизни. Общинный архетип сознания обусловил положительное отношение крестьян к корпоративным формам собственности и коллективистский тип хозяйственного поведения, выражавшийся в приоритете отношений экономического сотрудничества, взаимопомощи и солидарности.

Крестьянин хозяйствовал на земле. Хозяйство и труд на ней были основой его бытия. Поэтому земля и хозяйство (двор) получили в крестьянском мировоззрении значение сакральных ценностей. Хозяйствование на земле приобрело ритуальную, обрядную форму, выразившуюся в освящении цикла сельскохозяйственных работ, который осуществлялся согласно земледельческому календарю. Наличие хозяйства и умение хозяйствовать определяли крестьянский статус и репутацию селянина.

Центральное, системообразующее место в хозяйственном менталитете русского крестьянина занимали культ труда и трудолюбие как определяющая черта человеческой и хозяйствующей личности. Труд, прежде всего, выступал как один из главных путей спасения души и важнейшая христианская добродетель. Трудовое начало охватывало и пронизывало все сферы, стороны бытия и хозяйственной жизни крестьянина. Труд был фундаментом материального и духовного благополучия крестьянской семьи. Он служил главным источником, движущей силой хозяйствования, процесса воспроизводства и развития земледельческого хозяйства. Трудовой процесс сращивал земледельца с хозяйством в единое целое, обеспечивая тем самым полноту его природного и социального бытия.

Ценностно-трудовое начало оказало определяющее влияние на формирование крестьянских представлений о собственности. Русские крестьяне считали труд источником накопления и основанием права собственности. Земля, лес и водные угодья почитались крестьянами Божьими (ничьими). Распоряжаться ими можно было только на собственной трудовой основе. Обычное крестьянское право владения (распоряжения и пользования) землей обусловливалось вложенным в нее трудом. Ценность земли определялась фактом и количеством вложенного в нее земледельческого труда. Личный труд, в представлении земледельцев, также

являлся единственным источником богатства, которое понималось как достаток, воплощавший всю полноту материального и духовного бытия крестьянина. Обычное трудовое право касалось и торгово-рыночной деятельности сельского хозяина. Он мог продавать только продукцию, произведенную своим (семейным) трудом. Рыночные отношения и деньги крестьяне понимали как экономическую необходимость. Рынок связывал их с обществом и государством.

Труд был для земледельца способом бытия и образом жизни. Трудолюбие определяло его этический и хозяйственный статус в общине. Труд соединял всех членов крестьянской семьи в целостный хозяйствующий коллектив (трудовую артель) и являлся основой его культурно-экономического воспроизводства и развития. Развитие семейного хозяйства происходило путем адаптационной модификации ценностно-трудовой подсистемы традиционной хозяйственной ментальности и перестройки семейного трудового процесса. Особенно большим адаптационным потенциалом, предприимчивостью и практицизмом отличалось сибирское крестьянство.

Общая, организационная и ценностно-ментальная основа традиционной системы хозяйствования функционально осуществлялась в конкретно-трудовой производственной деятельности земледельца. Ее сущность заключалась в конкретных способах организации материально-технической базы домохозяйства, производственно-трудового процесса и в реальных приемах трудовой орудийной деятельности крестьянина. Конкретная организационно-производственная и орудийно-трудовая сторона его хозяйственной работы основывалась на общинно-трудовых традициях[1], выражавших коллективный трудовой опыт земледельческой практики[2]. Живая трудовая деятельность также имела материальную природу. Ее в самом общем виде представляли работники и компоненты материально-технической базы (земля, скот, посевы, хозяйственные постройки, сельскохозяйственный инвентарь), которые образовывали в хозяйственном процессе ту или иную форму землепользования, конкретные системы земледелия и скотоводства.

---

[1] Трудовые традиции – устойчивые, стереотипизированные, передающиеся от поколения к поколению способы ведения земледельческой деятельности.

[2] См.: *Громыко М.М.* Трудовые традиции русских крестьян Сибири…; *Горьковская З.П.* Указ. соч.; Крестьянство Сибири в эпоху капитализма… С. 305–327, 333–340; *Земледельческое* освоение Сибири в конце XVII – начале XX в.: (Трудовые традиции крестьянства)…; *Горюшкин Л.М., Бочанова Г.М., Ноздрин Г.А.* Указ. соч.; *Соловьева Е.И.* Традиционный промысловый опыт русских крестьян Сибири… С. 108–118; и др.

Юридическими собственниками земель Западной Сибири начала XX в., на которых располагались крестьянские хозяйства, были Казна и Кабинет. Крестьянские общины распоряжались своей землей на праве пользования. В целом в регионе преобладало общинно-захватное землепользование, при котором крестьянин владел взятым участком до тех пор, пока его обрабатывал. В западных зонах Тобольской губернии с более высокой плотностью сельского населения завершился переход к уравнительно-душевому, передельному землепользованию. В большинстве районов Западной Сибири процесс перехода к уравнительному землепользованию находился в начальной стадии[1]. В земледелии в начале XX столетия утвердилась экстенсивная залежно-паровая система. Она применялась в лесостепных и степных зонах региона. Паровая система с трехпольным севооборотом имела значение лишь в западных уездах Тобольской губернии[2]. Скотоводство в Западной Сибири рассматриваемого периода также имело экстенсивный характер, обусловленный наличием обширных общих пастбищ и ежегодно переделяемых сенокосов. Местный скот был малопродуктивным, но хорошо приспособлен к суровым сибирским условиям. Содержание скота было традиционным. Летом он выпасался на пастбищах, зимой его переводили на дворово-стойловое содержание на открытом воздухе или в неотапливаемых помещениях на основе традиционной кормовой базы (сено, солома, гуменные остатки, овес)[3].

На рубеже XIX–XX вв. крестьянское хозяйство Западной Сибири включилось в систему общероссийского рынка. Это резко ускорило процесс развития товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве региона и обусловило формирование в земледелии инновационной системы хозяйствования. Она складывалась в рамках традиционной экономической культуры как ее подсистема и являлась приспособительной реакцией крестьянского хозяйства на разрушающее воздействие современного рынка. В отличие от традиционной экономической системы, которая ярко выражалась во всех сферах крестьянского хозяйства, инновационная хозяйственная подсистема проявлялась главным образом в реальном – социальном и материально-экономическом – измерении: рационализации семейного труда, использовании найма, росте применения усовершенствованного сельскохозяйственного инвентаря и машин, совершенствова-

[1] См.: *Ноздрин Г.А.* Хозяйственное и социокультурное развитие сибирской деревни в начале XX в. … С. 91–92.
[2] См.: Там же. С. 92–93.
[3] См.: *Асалханов И.А.* Указ. соч. Гл. 6.

нии систем земледелия и скотоводства. Духовная основа инновационной деятельности имела неявную форму. Она сложилась и функционировала как скрытая модифицированная подсистема традиционной хозяйственно-трудовой ментальности, существование которой обнаруживают только материальные факты рационализации трудового процесса и производственно-технической базы.

Составлявшие крестьянское хозяйство традиционная и инновационная системы хозяйствования не имели целостного объективного выражения. В источниках в полной мере отображался лишь материальный субстрат хозяйственной культуры: работники, компоненты производственно-технической базы (земля, скот, посевы и др.) и взаимосвязи между ними. Они в целом образовывали тот или иной уклад – определенную форму производства, являвшуюся частью системы хозяйствования. Поэтому историк, намеревающийся исследовать систему земледельческой культуры, реально имеет дело только с информацией о ее материальной части. Это требует выяснить соотношение объективного содержания ключевых методологических понятий «система хозяйствования» и «уклад».

В материальном плане система хозяйствования представляла собой объективный производственный процесс, осуществлявшийся в форме той или иной системы земледелия (скотоводства). Система земледелия реализовывалась в ходе материально-вещественной трудовой деятельности крестьянина, которая основывалась на духовных трудовых традициях, обусловленных хозяйственной ментальностью. Это свидетельствует о том, что материальная подсистема экономической культуры земледельца вполне отображала систему его хозяйствования.

В свою очередь, социально-экономический уклад, как определенный производственный процесс, представлявший собой орудийную деятельность работника, являлся подсистемой материальной части хозяйственной культуры. Уклад в скрытой форме содержит в себе информацию о земледельческой системе и связанных с ней трудовых традициях и, стало быть, также представительно выражает целостность и сущность системы хозяйствования. Духовная сторона экономической культуры – хозяйственный менталитет и конкретные трудовые традиции – была включена в уклад в качестве скрытых факторов, участвовавших в формировании внутренней структуры крестьянского хозяйства.

Далее, с целью обозначить реальные компоненты внутреннего строя крестьянского хозяйства определим конкретное социально-экономическое содержание (уклады) составлявших его систем хозяйствования.

В традиционную хозяйственную культуру, несомненно, следует включить натуральный и мелкотоварный уклады[1]. Они совместно образовывали единый хозяйственный комплекс и целиком базировались на выработанных веками крестьянском экономическом менталитете и коллективном трудовом опыте. Натурально-патриархальный уклад представлял в данном комплексе консервативную сторону производства: материально-техническую базу хозяйства, системы земледелия и скотоводства, а также громадный адаптационно-природный потенциал. Мелкотоварное производство занимало в традиционной системе ведущее место. Имея универсальную товарно-денежную природу, оно рационализировало производственную базу и формировало основу для более гибкого функционирования и развития семейно-трудового хозяйства. Мелкотоварный уклад соединял его с народнохозяйственной системой и создавал в крестьянской экономической культуре предпосылки для складывания социально-рыночных адаптационных механизмов, которые обеспечивали ее устойчивость в условиях современного рынка.

Благодаря социально-адаптационному потенциалу мелкотоварного уклада в крестьянском хозяйстве Западной Сибири начала XX в. образовалась инновационная рыночная подсистема хозяйствования, которая приспособляла его к требованиям и реалиям общероссийского товарного рынка. По сути, инновационная экономическая культура являлась модернизированной подсистемой традиционного товарного уклада, которая адаптировала крестьянское хозяйство региона к реалиям капиталистического народного хозяйства России.

Таким образом, видимая внутренняя структура взаимосвязанных материальных – социальных и производственных – компонентов земледельческого предприятия была интегральным итогом взаимодействия социально-экономических укладов, с точки зрения социокультурного подхода представлявших экономические культуры. Стало быть, реальный внутренний строй крестьянского хозяйства региона являлся выражением функционирования и взаимодействия традиционной и инновационной систем хозяйствования. Помимо прямо отраженных укладов, в данном процессе участ-

[1] Мелкотоварное производство в крестьянском хозяйстве Западной Сибири начало заметно развиваться в конце XVIII в. и к началу XX в. имело уже более чем вековую историю. См.: *Крестьянство* Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. Ч. 2. Гл. 2, 3; *Мамсик Т.С.* Западносибирская приписная деревня в системе товарно-денежного хозяйства: Кайлинская волость по материалам окладных книг 1857 г. Новосибирск, 2001; *Жеравина А.Н.* Кабинетское хозяйство в Сибири (1747–1861 гг.). Томск, 2005; *Гайдашова В.А., Жеравина А.Н., Никулин П.Ф. и др.* Указ. соч. Гл. 4–6; *Крестьянство* Сибири в эпоху капитализма... Гл. 3, 4 и др.

вовали неявно выраженные (в относительных показателях) системы ведения земледелия и скотоводства, а также скрыто воздействовавшие духовные факторы: хозяйственная ментальность и трудовые традиции.

Конкретный внешний вид структур отдельных социально-экономических укладов крестьянского хозяйства экспериментально описал и методологически обосновал И.Д. Ковальченко. Для натурального уклада характерны слабые взаимосвязи производственных элементов. Центром структуры является семья, с которой компоненты материально-технической базы сбалансированы сильнее, чем между собой. Общий уровень тесноты (силы) взаимосвязей низкий[1]. По мере вовлечения крестьянского хозяйства в рыночные отношения оно все более в производственно-техническом плане подчинялось объективным закономерностям товарного производства: закону стоимости и конкуренции[2]. В результате постепенно формировалась тесная сбалансированность между производственными и социальными компонентами этого хозяйства, выражавшаяся в усилении взаимосогласованности в их изменениях и установлении определенного, мелкотоварного типа структуры взаимосвязей. Степень данной сбалансированности и тип установившейся структуры могут служить критерием сформированности и степени развития мелкотоварного уклада[3]. При необходимости изучение структуры взаимосвязей дополняется анализом ролей различных факторов в воздействии на ее функционирование и развитие[4]. В целом мелкотоварный тип структуры характеризует большая степень взаимосопряженности элементов производственно-технической базы. Производственная основа становится системообразующим ядром внутреннего строя крестьянского хозяйства. Общий уровень взаимосвязанности производственных и социальных компонентов структуры очень высокий.

Инновационный тип структуры в рамках внутреннего строя крестьянского хозяйства представляют взаимосвязи производственных компонентов с арендой, наймом и показателями, отражающими производственные фонды, рационализацию труда семейных работников, совершенствование систем земледелия[5].

---

[1] См.: *Ковальченко И.Д., Моисеенко Т.Л., Селунская Н.Б.* Указ. соч. С. 104; *Ковальченко И.Д.* Аграрный строй России… С. 370.
[2] *Маркс К.* Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25, ч. 1. С. 213–214.
[3] *Массовые* источники… С. 303, 316; *Ковальченко И.Д.* О буржуазном характере… С. 50–51.
[4] Там же. С. 316.
[5] См.: *Ковальченко И.Д.* Аграрный строй России… С. 356–377.

Чтобы осуществить целостный подход к анализу исследуемого явления, необходимо подобрать формально-логический аналог (математическую модель[1]) всей структуры его взаимосвязей. Для структурной модели требуется методика количественной оценки силы взаимосвязей между элементами структуры. Такие средства дает математическая статистика. Анализ силы (тесноты) взаимосвязей и степени воздействия на тот или иной процесс различных факторов производится на основе хорошо разработанного и апробированного корреляционного и регрессионного метода[2].

Корреляционный анализ позволяет оценить тесноту взаимосвязи между признаками. Одним из основных его средств является линейный парный коэффициент корреляции *r*, применяемый в случае линейного характера зависимости между признаками. Его значения изменяются в пределах от –1 до +1, нулевые и близкие к нему значения указывают на отсутствие связи между парой признаков. Коэффициент, близкий к единице и равный ей, свидетельствует о полной (функциональной) связи. Вообще же об очень тесной связи говорит величина коэффициента в пределах от 0,6 до 1,0. Значения корреляции от 0,4 до 0,6 можно интерпретировать как средние по силе. Коэффициенты корреляции величиной до 0,4 свидетельствуют о слабой взаимозависимости между анализируемыми признаками. Отрицательные значения парного линейного коэффициента указывают на обратный характер зависимости показателей, положительные – на прямую зависимость.

Давая средства к определению силы взаимосвязи, методика корреляционного анализа ничего не говорит о направлении связи (в плане: «причина – следствие»). Вопрос об этом решается на основе сущностно-содержательных представлений об исследуемом процессе. Когда установлена причинно-следственная связь, на основе значений линейного коэффициента корреляции можно произвести приблизительную качественную оценку степени воздействия факторного признака (причины) на результативный признак (следствие). Таким показателем может быть коэффициент детерминации, равный квадрату парного линейного коэффициента ($Д = r^2$). Он указывает на то, какая доля (в %) вариации результативного признака обусловлена влиянием данного факторного признака. Однако коэффициент детерминации не способен показать сравнительную и совокупную роль в воздействии на результативный признак нескольких признаков-причин.

---

[1] О математическом моделировании в историческом исследовании см.: *Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования… Гл. 9.

[2] *Количественные* методы в исторических исследованиях. М., 1984. Гл. 6.

Связано это с тем, что факторные признаки часто взаимосвязаны, детерминируют друг друга, в силу чего оценить сравнительный и общий вклад на результат процесса отдельных факторов на основе парного коэффициента корреляции нельзя. Для этого среди прочих разработана методика множественного регрессионного анализа, показывающая долю вклада в воздействии на результативный признак того или иного факторного признака при элиминировании (устранении) влияния остальных учтенных в данном исследовании признаков[1].

В формировании корреляционной структуры крестьянского хозяйства в целом участвовала определенная совокупность общих факторов – скрытых обобщенных характеристик, обусловивших взаимосвязанность отдельных групп «внешних» наблюдаемых показателей. Для выявления общих факторов используется многомерный факторный анализ. Он также дает ключ к их содержательному истолкованию, оценивает их воздействие на отдельные показатели и на внутренний строй хозяйства в целом[2]. В настоящем исследовании использовался один из разделов факторного анализа – метод главных компонент[3].

Построение количественной модели основывается на сущностно-содержательных представлениях об исследуемом объекте (этап сущностно-содержательного моделирования)[4]. Последние же должны быть выражены в формализованной модели совокупностью (системой) наиболее существенных признаков. Лишь функционируя на их основе, математическая модель даст новую, «скрытую» в исходных данных информацию о более глубоких уровнях сущности изучаемого явления.

Используемый в настоящей работе структурно-функциональный метод исследования внутренней социокультурной, экономической природы и развития крестьянского хозяйства основан на измерении уровня сбалансированности основных элементов его производственно-технической базы и оценке взаимосвязей производственных и социальных компонентов. Это, естественно, требует включения в анализ сведений о тягловом и продуктивном скоте, запасах сена и хлеба, посевах. Также необходимы данные о числе семейных работников, являвшихся системообразующим, социокультурным ядром крестьянского хозяйства. Очень важны сведения о количестве наемных рабочих. Они характеризуют степень развития в

[1] См.: *Количественные* методы… С. 152, 156–173.
[2] См.: Там же. С. 276–280, 283–287.
[3] Подробное описание метода и процедуры его реализации см. в разд. 5.4 данной работы.
[4] См.: *Количественные* методы… С. 66–69.

земледельческом хозяйстве товарно-денежных отношений. Существенные аспекты внутреннего строя крестьянского хозяйства характеризуют сведения о сдаче-аренде земли, соотношении пашни и посевов, структуре посевных площадей и стада продуктивного скота и т.д. Эти данные свидетельствуют о проникновении рыночных отношений в земледелие со стороны землепользования и системы (техники) земледелия. Большое социокультурное значение имеет и показатель населенности двора, указывающий на роль семейно-потребительских моментов в структуре крестьянского хозяйства.

В итоге для анализа внутренней структуры крестьянского хозяйства были взяты следующие подворные показатели. Из материалов сельскохозяйственной переписи 1916 г.: 1) возраст переселенческого хозяйства[1] (водворившееся 12 и менее лет назад), 2) население двора (чел.), 3) семейные работники обоего пола (чел.), 4) наемные работники обоего пола (годовые, сроковые и месячные), 5) рабочий скот (голов), 6) молодняк рабочего скота (голов), 7) коровы (голов), 8) продуктивный скот (голов)[2], 9) своя пашня (дес.), 10) сданная пашня (дес.), 11) арендованная пашня (дес.), 12) вся пашня (дес.), 13) посев на своей пашне (дес.), 14) посев на арендованной пашне (дес.) , 15) весь посев (дес.), 16) в том числе посев яровой пшеницы (дес.) и 17) посев овса (дес.)[3], 18) принадлежность двора к кооперативной организации[4]. Из данных Томской сельскохозяйственной переписи 1901 г.: 1) население двора (чел.), 2) семейные работники обоего пола (чел.), 3) рабочий скот (голов), 4) коровы (голов), 5) взрослый продуктивный скот (голов), 6) посев ржи (дес.), 7) посев пшеницы (дес.), 8) посев овса (дес.), 9) весь посев (дес.), 10) запасы хлеба (пуд.), 11) сено (копен).

Теоретически, учитывая множественный характер взаимосвязей производственных компонентов друг с другом, с семьей, работниками, модель внутреннего строя крестьянского хозяйства представляет собой сложную многоуровневую систему. Реальный подворный аспект выступает в ней как первый, основной план. Показатели в расчете на 1 двор характеризуют различия хозяйств в их размерах. Эти различия, однако,

---

[1] Старожильческому хозяйству присваивалось значение 25.

[2] Продуктивный скот исчислялся в переводе на 1 голову взрослого крупного рогатого скота: молодняк крупного рогатого скота в масштабе 5:1, мелкий скот – 10:1. Аналогично переводился молодняк рабочего скота.

[3] Яровая пшеница и овес наиболее товарные зерновые культуры в Западной Сибири.

[4] Это альтернативный признак, ему придавалось значение 0 и 1.

во многом обусловливались размерами семей. Поэтому более объективны и точны показатели, рассчитанные на одномасштабную единицу – душу. Подушевые параметры указывают на отличия крестьянских хозяйств в плане их действительного, семейно-потребительского и производственного уровня[1].

Кроме того, производственно-технические признаки рассчитывались, во-первых, на 1 семейного работника и, во-вторых, на производственную единицу: на 1 десятину посева, на 1 голову рабочего скота и на 1 голову продуктивного скота. Первая группа показателей отражает капиталовооруженность и производительность труда (организационно-производственный аспект), а вторая – фондовооруженность производства (производственно-технический план)[2]. Отмеченная четырехуровневая система показателей (на 1 двор, на 1 душу, на 1 семейного работника и на 1 производственную единицу) направлена на извлечение из источника максимума скрытой, структурной информации, что должно в значительной степени нейтрализовать узость и недостатки программ переписей 1901 и 1916 гг. Она стала основой для построения исследовательской математической модели внутреннего строя крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX в.

Следующим этапом работы методической подготовки стало формирование из массива первичных материалов репрезентативной выборки. Отбор представительной совокупности крестьянских хозяйств осуществлялся на основе комплекса первичных и опубликованных томских данных сельскохозяйственной переписи 1916 г. Это обусловлено тем, что подворные материалы данного обследования по Томской губернии явились первым введенным в научный оборот массовым источником, который системно отражал внутреннюю структуру крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX в.[3] Первоочередное и основополагающее значение сведений переписи 1916 г. предопределено также объективными научными причинами: в комплексе ее материалов есть опубликованные сводные данные природно-зонного, регионального (западносибирского), губернского, уездного и волостного уровня, необходимые для последовательного отбора типических волостей. Особенно ценна в дан-

[1] См.: *Ковальченко И.Д.* Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX века. М., 1967. С. 48–49.
[2] См.: *Ковальченко И.Д.* О буржуазном характере… .
[3] См.: *Бауфал А.М., Горюшкин Л.М., Золоторубов В.С. и др.* Материалы переписи 1916 г. … С. 5–64; *Массовые* источники… С. 194–195, 290–295.

ном плане томская публикация, содержащая очень информативные поволостные сведения[1].

Осуществление процесса выборки определяется характером исследовательской задачи и общими математико-статистическими принципами производства выборочного статистического наблюдения[2]. Уточним требования задачи настоящей работы, касающиеся конкретизации сущности исследуемого объекта. Необходимо учесть, что изучать внутренний строй и рыночное развитие крестьянского хозяйства следует в связи с местной формой торгового земледелия. Обращения к «чистым» специализированным типам крестьянского хозяйства требует и специфика корреляционного метода, очень тонко улавливающего все особенности его внутреннего строя[3]. В Западной Сибири преобладали земледельческие (зерновые) и скотоводческие (мясо-молочные или молочно-мясные) торговые формы хозяйства. Они образовали два главных типа, которые стали основой для моделирования внутренней структуры крестьянского хозяйства региона и изучения степени его социально-экономического развития. Что касается математических положений, обеспечивающих представительность производимой выборки, то главным из них является требование случайности отбора, при котором любая единица генеральной совокупности имеет равную возможность попасть в избираемую совокупность[4].

С учетом всего этого было решено осуществить типически-случайную выборку: отобрать 1–2 типические земледельческие волости и 1–2 типические скотоводческие волости, далее из них способом случайного отбора произвести 2 выборки крестьянских хозяйств (зерновой и животноводческой специализации) по 350–400 дворов с последующей их группировкой и анализом на предмет корреляции и регрессии.

В качестве типических критериев отбора волостей взяты средние подворные данные по посевам, скоту, семейным работникам и плугам. Кроме того, учитывался и общий социально-экономический уровень волости. В качестве его показателей использовались средние подворные данные о количестве годовых и сроковых наемных работников, количестве усовершенствованного инвентаря на 100 хозяйств, а также число мельниц и маслодельческих заведений на 1000 хозяйств.

---

[1] См.: *Алтайско-Томская* часть Сибири…
[2] См.: *Количественные* методы… С. 101–136.
[3] См.: *Массовые* источники… С. 305–306.
[4] См.: *Количественные* методы… С. 102.

Отбор типических волостей был произведен через ряд промежуточных ступеней по следующей линии: губерния – лесостепная зона губернии (49% всех хозяйств)[1] – лесостепная зона Барнаульского уезда (55% хозяйств зоны) – IV район лесостепной зоны Барнаульского уезда (60% хозяйств лесостепи уезда)[2] – типические волости (см. табл. 3)[3]. IV район, как следует из указанной таблицы, по главным показателям – рабочему скоту, коровам и посеву – отражает крестьянское хозяйство лесостепной зоны губернии (и губернии в целом) вполне представительно. Из дополнительных характеристик лишь несколько выше обеспеченность плугами (81 на 100 дворов), что выражает общую зерновую специализацию данного района.

В Барнаульском уезде было 133 волости, 53 из них находились в пределах IV района лесостепной зоны уезда. Первичные материалы переписи сохранились по 79 волостям уезда (59%)[4], в том числе по 33 волостям выбранного района (62%). Из числа волостей IV района, по которым имеются первичные бланки, были отобраны земледельческие Екатерининская и Бурлинская волости (6 704 хозяйств) и животноводческие Суминская и Александровская волости (5 927 хозяйств)[5]. Избранные волости с точки зрения социально-экономических характеристик (размеры найма, обеспеченность усовершенствованным инвентарем, число мельниц и маслодельческих заводов, соотношение переселенцев и старожилов) вполне типичны (см. табл. 4). Можно лишь отметить несколько завышенное количество годовых и сроковых наемных работников: 0,13 против 0,08 по губернии. Это связано с более высокой распространенностью данной формы найма в рассматриваемой части IV района (левобережье р. Оби)[6]. Вполне типично для южной части Западной Сибири среднее расстояние населенных пунктов выбранных волостей до Сибирской железной дороги: от 40 до 100 км. Сохранность подворных карточек по выделенным волостям довольно высокая: по земледельческим – 91%, а по скотоводческим – 54%. С учетом случайного характера процесса формирования массива первичных мате-

[1] Всего в томской публикации было выделено 6 зон: лесостепь, степь, тайга, переходная от лесостепи к тайге и горно-таежная и горная зоны. См.: *Алтайско-Томская* часть… С. 196–205.
[2] Томская губерния авторами публикации волостных итогов переписи была разделена на 22 района. См.: *Алтайско-Томская* часть… С. 1–2.
[3] Для сравнения в таблицу введены средние подворные данные по степной зоне Томской губернии, лесостепной зоне Каинского уезда и VII району лесостепной зоны Барнаульского уезда.
[4] ГАТО. Ф. 239. Оп. 16. Д. 1–83а.
[5] ГАТО. Ф. 239. Оп. 16. Д. 5, 11, 22, 27, 41, 52.
[6] См.: *Сельскохозяйственный* обзор Томской губернии за 1913 год. Томск, 1914. С. 87.

риалов по данным волостям это свидетельствует об их репрезентативности по отношению к своим генеральным совокупностям (6704 и 5927 единиц).

Из совокупности сохранившихся в избранных волостях первичных карточек способом случайного механического отбора были сформированы две выборки: земледельческая – 422 хозяйства и животноводческая – 397 хозяйств (соответственно 6,3 и 6,7% от общего числа дворов в типических волостях). Как видно из данных табл. 4, средние значения основных характеристик выборок приблизительно равны аналогичным показателям генеральных совокупностей, не выходя за границы, допустимые предельными ошибками (для доверительной вероятности в 99,5%).

Дальнейшая обработка первичных материалов переписи 1916 г. предполагает проведение группировки отобранных крестьянских дворов. В основу социально-экономической группировки следует положить хозяйственную состоятельность дворов. Всю совокупность крестьянских дворов необходимо разделить по экономической состоятельности на естественно сложившиеся в деревне социокультурные экономические группы бедных, середняцких и зажиточных хозяйств. Учитывая взаимосвязанность состоятельности дворов с их масштабами, можно положить в основу группировки социокультурно значимый критерий размера хозяйства, внешне выражаемого количеством посевов или скота. Естественно, что в качестве показателя размеров хозяйств для крестьянских дворов зерновой специализации должен применяться посев, а для животноводческой выборки – коровы (продуктивный скот).

Вопрос об интервалах группировки в литературе, посвященной сибирскому крестьянству, разработан достаточно обстоятельно. Наиболее обоснованны и признанны интервалы классификации крестьянских хозяйств региона, предложенные Л.М. Горюшкиным. К беднякам он относил дворы с посевом до 4 десятин с 1–2 рабочими лошадьми и с 1–2 коровами (включая безлошадных и бескоровных), а к зажиточной группе – хозяйства, имевшие 10 и более дес. посева, 5–6 и более голов рабочего скота и 5 и более коров[1]. Эти интервалы, однако, предназначены для разбиения усредненных с точки зрения рыночной специализации крестьянских дворов. Поэтому при применении данной системы интервалов к массиву крестьянских хозяйств, типизированных по форме торгового земледелия, ее следовало скорректировать в сторону расширения интервалов по специализированному признаку («весь посев» для земледельческих дворов и «количество коров» в скотоводческих хозяйствах).

[1] См.: *Горюшкин Л.М.* Сибирское крестьянство… С. 98–104.

Таблица 3

Размеры крестьянского хозяйства в различных зонах и районах Томской губернии (показатели в расчете на 1 двор)

№ п/п	Показатели	Томская губерния	Лесостепная зона губернии	Барнаульский уезд	Лесостепная зона уезда	IV район лесостепи уезда	VII район лесостепи уезда	Лесостепная зона Каинского уезда	Степная зона Томской губернии
1	Число хозяйств	681298	335023	255758	185726	112085	73684	50973	137766
2	Население, чел.	5,4	5,4	5,4	5,4	5,4	5,4	5,4	5,5
3	Семейные работники, чел.	2,4	2,4	2,3	2,3	2,3	2,2	2,3	2,4
4	Наемные рабочие, чел.	0,09	0,10	0,09	0,09	0,11	0,06	0,11	0,08
5	Рабочий скот, голов	3,1	3,0	3,0	3,0	3,0	3,0	2,8	3,2
6	Коровы, голов	2,7	2,9	2,5	2,5	2,3	2,6	4,4	2,6
7	Весь посев, дес.	5,1	5,3	6,2	5,3	5,7	4,8	3,8	7,3
8	Доля яровой пшеницы в посеве, %	55	58	62	59	60	53	64	66
9	Доля овса в посеве, %	28	30	26	32	28	37	34	22
10	Плугов на 100 хозяйств	59	63	67	63	81	35	74	76
11	Усовершенствованного инвентаря на 100 хозяйств	49	61	59	55	67	38	73	59
12	Мельниц и маслодельческих заводов на 1000 хозяйств	14	15	16	15	19	8	29	18

Источник: *Алтайско-Томская* часть… С. 22–42, 174–205. (Подсчеты мои. – *П.Н.*)

Таблица 4

Характеристики крестьянского хозяйства в генеральной совокупности и в типических волостях

№ п/п	Показатели	Томская губерния	Лесостепная зона губернии	Волости				Типические волости в целом
				Екатерининская и Бурлинская		Александровская и Суминская		
				Генеральная совокупность	Выборка	Генеральная совокупност	Выборка	
1	Число хозяйств	681298	335023	6704	422	5927	397	12631
2	Семейных работников на 1 душу	0,45	0,46	0,53	0,50±0,06	0,42	0,44±0,04	0,48
3	Тяглового скота на 1 душу	0,6	0,6	0,6	0,7±0,1	0,7	0,6±0,1	0,6
4	Продуктивного скота на 1 душу	0,8	0,8	0,8	0,7±0,1	1,1	1,1±0,2	0,9
5	Посева на 1 душу, дес.	1,0	1,0	1,3	1,5±0,2	0,8	0,8±0,1	1,1
6	Наемных рабочих на 1 хозяйство	0,08	0,09	0,13	0,13±0,05	0,13	0,16±0,06	0,13
7	Плугов на 100 хозяйств	59	63	81	–	82	–	81
8	Усовершенствованного инвентаря на 100 хозяйств	49	61	50	–	28	–	42
9	Мельниц и маслодельческих заводов на 1000 хозяйств	14	15	11	–	21	–	14
10	Доля хозяйств переселенцев, водворившихся с 1906 г., %	35	–	30	–	44	–	37

Источники: *Алтайско-Томс*кая часть… С. 22–42, 184–205; *Статистический* ежегодник России 1915 г. Пг., 1916. С. 7, 14, 16–17, 21, 27, 29, 30; ГАТО. Ф. 239. Оп. 16. Д. 5, 11, 22, 27, 41, 52. (Подсчеты мои. – *П.Н.*). В графах «выборка» даны предельные ошибки показателей (для доверительной вероятности 99,5%).

Исходя из приведенных соображений, крестьянские хозяйства обоих типов были разделены на 5 групп: ***основные*** – бедные (I и II группы), середняцкая (III группа), зажиточная (V группа) и ***переходная*** – IV группа зажиточных середняков, необходимая для более точного анализа процесса зарождения крестьянской предпринимательской системы. В итоге сформированы следующие группы. По ***земледельческим дворам***: I группа – беспосевные (10,2% от всех дворов); II – с посевом до 5 дес. (33,4%); III – с посевом от 5 до 10 дес. (29,1%).; IV – с посевом от 10 до 15 дес. (12,6%) и V – с посевом более 15 дес. (14,7%). По ***животноводческим дворам***: I группа – бескоровные (8,0%); II – с 1–2 коровами (36,6%); III – с 3–4 коровами (24,8%); IV – с 5–6 коровами (16,0%); V – с 7 и более коровами (14,3%). Средние размеры хозяйства в каждой из данных групп и распределение дворов по ним показаны в табл. 37 и 38.

Относительно скотоводческой выборки следует отметить, что она оказалась не столь «чистой», как земледельческая. В ней при преобладании животноводческих хозяйств присутствует небольшая группа дворов чисто зерновой специализации переселенческого происхождения. По этой причине группы здесь, сравнительно с земледельческой выборкой, получились менее однородными и социально-экономические различия между ними несколько сгладились.

Обратимся далее к процессу отбора данных обследования 1901 г., который проводился на основе результатов типической выборки из совокупности сохранившихся подворных материалов переписи 1916 г.

Для выборки хозяйств по сведениям обследования 1901 г. необходимы типические волости, отобранные по материалам Всероссийской сельскохозяйственной переписи. В типическую земледельческую выборку 1916 г. попали Бурлинская волость (2406 хозяйств) и Екатерининская волость (4298 хозяйств). В фонде Томского губернского правления имеются подворно-списочные материалы по обеим одноименным волостям. Они, однако, представляют более широкие старые административные образования. В 1908 г. в ходе землеустройства от старой Бурлинской волости была отделена практически равная ее Волчно-Бурлинская волость, а из Екатерининской – выделены 25–30% дворов, которые составили новую Федосовскую волость[1]. По данным переписи 1916 г., Волчно-Бурлинская волость была в зерновом отношении значительно ниже типического уровня. Достаточно отметить, что в ней от-

[1] РГИА. Ф. 391. Оп. 4;. Д. 1515. Л. 1; *Алтайско-Томская* часть Сибири… С. 196–205. (Подсчеты мои. – *П.Н.*)

ношение посева (в дес.) к количеству голов продуктивного скота на 1 двор в 1,5 раза меньше, чем в Бурлинской (1916 г.)[1]. Это резко снизило типически-земледельческое значение Бурлинской волости в данных 1901 г. И, напротив, Екатерининская волость 1901 г. выглядит так же типично, как и в 1916 г. Выделившаяся из нее Федосовская волость имеет более высокий уровень специализации, но ее доля невелика (28%)[2]. Это предопределило отбор старой Екатерининской волости в качестве единственной основы типической зерновой выборки из подворных материалов томской переписи 1901 г[3]. Отобранная волость представительна и в качественном отношении: ее доля в земледельческой выборке из данных обследования 1916 г. составляет 64%. В то же время доля Екатерининской волости 1916 г. в одноименной старой волости достигает 72%.

Типическая скотоводческая выборка по сведениям переписи 1916 г. включает в себя Александровскую и Суминскую волости. В материалах томского губернского обследования 1901 г. сохранились сведения только по Александровской волости. Выделить новую Суминскую волость в составе старых волостей 1901 г. оказалось невозможно. Поэтому Александровская волость стала основой типической животноводческой выборки по подворным данным переписи 1901 г[4].

В итоге в земледельческую выборку попали 1888 дворов Екатерининской волости. Из них 299 дворов (15,8%) принадлежали непричисленным хозяевам. В скотоводческой выборке оказались 1003 двора Александровской волости, включая 91 хозяйство (9,1%) непричисленных крестьян. Если учесть, что в рассматриваемый период с 1901 по 1916 г. крестьянское население Томской губернии увеличилось примерно в 2 раза, то можно определить степень сохранности и количественную представительность подворных данных попавших в выборки типических волостей. По земледельческой выборке, она составляет 55–60%; по скотоводческой – 35–45%[5]. Утрата первичных материалов по типическим специализированным выборкам крестьянских хозяйств была следствием воздействия случайных причин. С учетом высокой степени сохранности материа-

[1] См.: *Алтайско-Томская* часть Сибири… С. 196–205. (Подсчеты мои. – *П.Н.*)
[2] См.: Там же.
[3] ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 692–698, 700–706.
[4] Там же. Д. 568–571, 573–576.
[5] Подсчеты следующие. Для земледельческой выборки: (1888:6704/2) × 100; для скотоводческой – (1003:5927/2) × 100.

лов (35–60%) это свидетельствует о представительности сформированных типических выборок крестьянских дворов.

Для обработки на ЭВМ из сохранившихся по типическим волостям подворных материалов методом случайного механического отбора были образованы две выборки: земледельческая объемом в 191 двор и скотоводческая с числом хозяйств 168. Они составляли соответственно 10,1 и 16,7% от сохранившихся совокупностей и приблизительно по 6% от предполагаемого на 1901 г. общего количества дворов по обеим типическим выборкам[1]. Образованные из отобранных типических волостей типически-случайные выборки в целом репрезентативны как в количественном, так и в качественном отношении. Об этом свидетельствуют данные табл. 5, в которой сопоставлены средние характеристики по выборкам и их генеральным совокупностям из сохранившихся в архиве материалов по Екатерининской и Александровской волостям, составленным на основе сводно-поселенных сведений. Как видно, выборочные характеристики практически идентичны общеволостным. О качественной представительности сформированных рабочих выборок говорят также очень близкие значения выборочных и общеволостных показателей долей дворов непричисленных крестьян: в земледельческих хозяйствах это соответственно доли в 14,7% (28 дворов из 191) и 15,8%; в скотоводческих – 10,1% (17 дворов из 168) и 9,1%. Достаточно высокая степень репрезентативности образованных выборок дает возможность работать с ними как с полноценными типическими волостями.

Следующим этапом работы с первичными материалами обследования 1901 г. является группировка выбранных крестьянских хозяйств. Так же как и выборка, она должна вестись с учетом уже проведенной группировки подворных данных переписи 1916 г. и полученных на ее основе результатов. Опирающееся на сведения Всероссийской переписи 1916 г. исследование внутреннего строя крестьянского хозяйства региона показало, что во дворах зажиточных середняков (IV группа) предпринимательская тенденция была достаточно сильной. Поэтому в настоящей классификации крестьянских хозяйств по данным 1901 г. она сведена с предпринимательской V группой 1916 г. в одну группу зажиточных хозяев. Вместе это дало по обеим специализациям 1916 г. 27,3–30,3%. Также выделены группы беспосевных и бескоровных дворов, по существу не имевших внутренней хозяйственной структуры, группы бедняков и чистых середняков. Интервалы

[1] Приблизительно общее число дворов в типических выборках 1901 г. равняется половине дворов от выборок 1916 г.: 6704/2 и 5927/2.

бедной и средней групп подобраны экспериментально на основе уже имеющихся интервалов группировки дворов по сведениям 1916 г., которые, однако, подвергнуты корректировке с учетом меньшей степени специализации крестьянских хозяйств региона в 1901 г. и необходимости выделить в зажиточную группу 25–30% верхних дворов.

Таблица 5

Характеристики крестьянского хозяйства в типических волостях и выборках

Показатели (в расчете на 1 двор)	Типическая земледельческая волость		Типическая скотоводческая волость	
	В целом	Выборка	В целом	Выборка
1. Количество дворов	1888	191	1003	168
2. Население, чел.	5,5	5,5	5,2	5,3
3. Семейные работники, чел.	2,8	2,9	2,6	2,6
4. Рабочий скот, голов	4,4	4,4	5,2	5,1
5. Коровы, голов	3,7	3,5	5,6	5,5
6. Весь посев, дес.	6,4	6,5	4,8	5,0

Источники: ГАТО: Ф. 3. Оп. 44. Д. 692. Л. 15 об.–16, 20 об.–21; Д. 293. Л. 5 об.–6, 11 об.–12; Д. 694. Л. 15 об.–16, 25 об.–26; Д. 695. Л. 8 об.–9, 16 об.–17; Д. 696. Л. 13 об.–14, 17 об.–18; Д. 697. Л. 29 об.–30, 37 об.–38; Д. 698. Л. 27 об.–28, 38 об.–39; Д. 700. Л. 22 об.–33, 31 об.–32; Д. 701. Л. 8 об.–9, 14 об.–15; Д. 702. Л. 19 об.–20, 24 об.–25; Д. 703. Л. 22 об.–23, 25 об.–26; Д. 704. Л. 15 об.–16, 23 об.–24; Д. 705. Л. 12 об.–13, 18 об.–19; Д. 706. Л. 11 об.–12, 21 об.–22; Д. 568. Л. 13 об.–14; Д. 570. Л. 11 об.–12; Д. 569. Л. 7 об.–8; Д. 576. Л. 10 об.–11; Д. 571. Л. 12 об.–13; Д. 573. Л. 13 об.–14, 22 об.–23; Д. 574. Л. 7 об.–8, 10 об.–11; Д. 575. Л. 13 об.–14.

В результате проведенной работы крестьянские хозяйства обоих специализированных типов были разделены на следующие 4 группы. ***Земледельческие дворы***: I группа – беспосевные (12,6% всех хозяйств); II – с посевом до 4 дес. (25,6%); III – с посевом от 4 до 9 дес. (35,1%); IV – с посевом 9 и более дес. (26,7%). ***Скотоводческие дворы***: I группа – бескоровные (5,4%); II – с 1–2 коровами (32,2%); III – с 3–6 коровами (33,9%) и IV – с 7 и более коровами (28,5%).

Таким образом, на основе однородных в территориальном и типологическом отношении выборок по данным переписей 1901 и 1916 гг. сформированы вполне представительные и сопоставимые социокультурные и социально-экономические группы крестьянских хозяйств. Во-первых, это беспосевные (12,6 и 10,2% дворов соответственно на 1901 и 1916 гг.) и бескоровные (5,4 и 8,0%) I группы; во-вторых, малопосевные (0,1–3,9 и

0,1–5 дес.) и малокоровные (с 1–2 и 1–2 коровами) II группы, составляющие долю от 25,6 до 36,6% дворов. Вместе I и II группы представляют тип бедных хозяйств, несущий в себе тенденции как к раскрестьяниванию, так и к восстановлению полнокровного крестьянского статуса. Бедняцкий тип по обеим специализациям имел долю: на 1901 г. от 37,6 до 38,2% на 1916 г. от 43,6 до 44,6% дворов. Середняцкий тип воплощают III группы: с посевом от 4 до 8,9 и от 5,1 до 10 дес. (35,1 и 29,1% дворов) и с числом коров от 3 до 6 и от 3 до 4 (33,9 и 24,8% дворов). Общий зажиточный тип представляют в земледельческой специализации: на 1901 г. IV группа с посевом 9 и более дес. (26,7%) и на 1916 г. IV и V группы с посевом более 10 дес. (27,3%); в скотоводческой специализации: на 1901 г. IV группа с 7 и более коровами (28,5%), на 1916 г. IV и V группы с 5 и более коровами (30,3%).

Имеющиеся на 1901 и 1916 гг. различия сопоставляемых хозяйственных типов в долях и границах интервалов определены произошедшими за данный период изменениями социально-экономических условий. Так, повышение на 1916 г. доли бедного типа (примерно от 38 до 44%) обусловлено резким увеличением в крестьянском хозяйстве региона количества новоселов, переселившихся в Западную Сибирь в 1907–1915 гг. в ходе Столыпинской реформы. Их хозяйства находились в стадии становления и поэтому имели меньше посевов и скота. Такого рода различия в долях и границах групп несущественны в типологическом плане. Их влияние на математические модели внутреннего строя рассматриваемых экономических типов крестьянских хозяйств незначительно, поскольку лежащий в основе структурного анализа метод корреляционных связей базируется на относительных величинах, рассчитываемых по отклонениям подворных значений показателей от их среднегрупповых значений. В структурной типологизации главную роль играют не внешние границы типа, а его стратегическое положение в иерархии типов и обобщенный удельный вес. В рассматриваемой системе типов крестьянского хозяйства региона начала XX в. отмеченные обобщенные характеристики имеют следующие параметры. Зажиточный тип включает в себя экономически самые мощные, верхние слои крестьянских хозяйств, охватывающие приблизительно четверть всех дворов. Тип чисто середняцких хозяйств занимает типологически коренное, срединное положение и охватывает примерно треть дворов. Бедные хозяйства входят в нижние слои деревни и включают около двух пятых всех дворов.

Таблица 6

Критические значения (уровень значимости) для выборочного коэффициента корреляции (*r*)

Группы	$m = n - 2$	$q = 0{,}95$	$q = 0{,}995$
Земледельческий тип			
I	41	0,25	0,39
II	139	0,14	0,22
III	121	0,15	0,23
IV	51	0,23	0,35
V	60	0,21	0,32
Выборка в целом	422	0,08	0,12
Скотоводческий тип			
I	30	0,30	0,45
II	143	0,14	0,22
III	97	0,17	0,26
IV	62	0,21	0,32
V	55	0,22	0,34
Выборка в целом	395	0,08	0,13

Источник: *Мюллер П., Нойман П., Шторм Р.* Таблица по математической статистике: Пер. с нем. М., 1982. С. 169. Значения символов: m – число степеней свободы; n – объем группы; q – уровень доверительной вероятности.

Сформированные по данным переписей 1901 и 1916 гг. экономические группы (типы) крестьянских дворов были подвергнуты корреляционному и регрессионно-факторному анализу на предмет исследования их внутреннего социально-экономического строя. Результаты интерпретации полученных данных изложены в основных разделах настоящей работы. Критические значения (уровни значимости) для выборочных коэффициентов корреляции приведены в табл. 6.

Глава 3

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТРОЙ КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

3.1. Состояние крестьянского хозяйства региона на рубеже XIX–XX вв.

Целостно-системное изучение экономики западносибирской деревни начала XX в. предполагает предварительное ознакомление с составляющими ее компонентами[1]. Содержательно данную часть исследования составляет характеристика общего состояния крестьянского хозяйства края. Она включает в себя оценку его масштабов, обеспеченности рабочими ресурсами и средствами производства, размеров, уровня и природы производства в различных социальных группах крестьянства. Изучение строя крестьянского хозяйства в компонентно-системном аспекте позволяет также составить самое общее представление о характере и направлении некоторых явно выраженных взаимосвязей между отдельными элементами. Общая характеристика крестьянского хозяйства создает необходимые предпосылки для системно-целостного исследования и определения его внутренней социально-экономической природы. Она основывается на явно выраженной информации источника и обычной, статистико-описательной методике. Помимо решения задач описания системы крестьянской семейной экономики, традиционная методика предоставляет исследователю определенные возможности интерпретации и контроля достоверности некоторых сторон скрытой, структурной информации, полученной из подворных материалов переписей с помощью математико-статистической методики.

Обратимся к конкретной оценке общего состояния экономики западносибирской деревни рассматриваемого периода. Прежде всего, необходимо определить масштабы (размеры) крестьянского хозяйства земледельческой и скотоводческой специализации в различных социальных группах. Они отражены в табл. 7 и 8. Данные таблиц показывают замеча-

[1] См.: *Ковальченко И.Д., Моисеенко Т.Л., Селунская Н.Б.* Указ. соч. С. 72–73.

тельную социально-экономическую одномасштабность и однородность хозяйств в двух основных типах региональной торговой специализации: они имели примерно одинаковые размеры семьи (5,5 и 5,3 чел. соответственно) количество семейных работников (2,9 и 2,6 чел.) и число голов рабочего скота (4,4 и 5,1). Вместе с этим на подворном уровне уже достаточно четко проявлялись направления специализации: в хозяйствах зернового направления, сравнительно с животноводческим, была на 30% больше площадь посевов (6,5 дес. против 5,0) и на 57% меньше обеспеченность коровами (3,5 голов против 5,5).

Развитие товарно-денежных отношений в условиях интеграции края в общероссийский сельскохозяйственный рынок усилило социальную дифференциацию западносибирского крестьянства. Об этом наглядно свидетельствуют данные о размерах хозяйства в отдельных группах крестьянства. Согласно им размеры производства в различных по экономической силе группах очень сильно разнятся. Они увеличиваются по мере роста материально-технической базы хозяйства: в хозяйствах с посевом 9 и более дес. средняя посевная площадь (14,2 дес.) больше, чем в малопосевной II группе (2,3 дес.) в 6 раз; в многокоровной IV группе число коров больше, чем в малокоровной II группе – в 9,3 раза (соответственно 13,0 и 1,4 головы).

Таблица 7

Размеры крестьянского хозяйства земледельческой специализации в различных социальных группах

Показатели (в расчете на 1 хозяйство)	Группы хозяйств с посевом, дес.				Хозяйства в целом
	0	0,1–3,9	4–8,9	9 и более	
	I	II	III	IV	
Население, чел.	3,6	4,9	5,7	6,5	5,5
Семейные работники, чел.	1,8	2,4	3,0	3,6	2,9
Рабочий скот, голов	0,6	2,2	3,0	8,8	4,4
Коровы, голов	0,8	2,0	2,7	7,2	3,5
Продуктивный скот, голов	0,85	2,3	3,3	8,5	4,1
Посев ржи, дес.	0	0,1	0,5	0,9	0,4
Посев пшеницы, дес.	0	1,4	3,2	7,5	3,5
Посев овса, дес.	0	0,8	2,3	5,8	2,6
Весь посев, дес.	0	2,3	6,0	14,2	6,5
Запасы хлеба, пудов	0	0,1	1,9	28,0	8,4
Сено, в копнах	2,4	18,4	32,4	66,5	34,0
Число дворов в группе	24	49	67	51	191
Доля дворов группы, %	12,6	25,6	35,1	26,7	100

Таблица 8

Размеры крестьянского хозяйства скотоводческой специализации в различных социальных группах

Показатели (в расчете на 1 хозяйство)	Группы хозяйств с числом коров, голов				Хозяйства в целом
	0	1–2	3–6	7 и более	
	I	II	III	IV	
Население, чел.	3,2	5,0	5,4	5,8	5,3
Семейные работники, чел.	1,2	2,2	2,7	3,1	2,6
Рабочий скот, голов	0,1	2,1	4,1	10,9	5,1
Коровы, голов	0	1,4	3,9	13,0	5,5
Продуктивный скот, голов	0	1,8	4,6	14,8	6,3
Посев ржи, дес.	0	0,15	0,35	0,65	0,4
Посев пшеницы, дес.	0	1,45	2,8	4,55	2,7
Посев овса, дес.	0	0,8	1,7	3,9	1,9
Весь посев, дес.	0,1	2,4	4,85	9,1	5,0
Запасы хлеба, пудов	0	0	0	31,3	8,9
Сено, в копнах	0	22,5	44,1	101,5	51,2
Число дворов в группе	9	54	57	48	168
Доля дворов группы, %	5,4	32,2	33,9	28,5	100

С ростом масштабов хозяйства увеличивались и размеры семьи: в зажиточных группах обеих специализаций они были больше, чем в бедняцких II группах в 1,2–1,3 раза. Это достаточно серьезно искажает истинные различия и требует обращения к подушевым показателям.

Данные в расчете на 1 душу характеризуют уровень хозяйства. Они представлены в табл. 9 и 10. Как видно из них, уровень обеспеченности материально-техническими ресурсами и производства в разных социально-экономических типах хозяйств отличается весьма существенно. Так, в земледельческих волостях количество рабочих лошадей в расчете на 1 душу в зажиточной IV группе было выше, чем во II полупролетарской, в 3,4 раза; в скотоводческих волостях – в 4,2 раза. В рыночных отраслях различия в уровнях производства были гораздо больше: по посевам в земледельческой специализации – в 4,3 раза, по коровам в животноводческой – в 7,3 раза[1]. Это ярко свидетельствует о сосредоточении товарного производства в хозяйствах зажиточных крестьян. Не менее красноречивы и подтверждающие данный вывод сведения о запасах хлеба от урожая прошлого года: доста-

[1] Столь большой разрыв, как будет показано ниже, объясняется, главным образом, высокой конъюнктурой на мясную продукцию, сложившейся в 1899–1901 гг., и сохранением патриархальных систем хозяйствования.

точно высокий уровень обеспеченности страховыми и товарными излишками хлеба: 5,9 пуд. на душу в зерновой и 8,1 пуд. на душу в животноводческой специализации имели только хозяйства состоятельных крестьян. В целом в их руках на момент переписи (первая и вторая декада августа) было сосредоточено 90–100% всех хлебных запасов деревни.

На данный момент исследования сложилась картина полного вовлечения западносибирской деревни рубежа XIX–XX вв. в товарно-денежные отношения. Вместе с тем в проанализированных материалах не оказалось сведений, указывающих на товарную направленность хозяйствования бедняков и середняков (II и III группы). Определенно просматривается лишь яркая предпринимательская деятельность зажиточного крестьянства. С целью разрешить возникшую неопределенность обратимся к данным, в том или ином аспекте характеризующим торговую специализацию (см. табл. 11). По ним достаточно четко видна рыночная специализация средней части домохозяйств. Так, в земледельческой III группе величина посева на двор (6,0 дес.) больше, чем в III скотоводческой (4,9 дес.), на 25%. Напротив, в средней скотоводческой группе число голов учтенного переписью продуктивного скота больше, чем в зерновой, на 39% (соответственно 4,6 и 3,3 головы).

Таблица 9

Уровень крестьянского хозяйства земледельческой специализации в различных социальных группах

Показатели (в расчете на 1 душу)	Группы хозяйств с посевом, дес.				Хозяйства в целом
	0	0,1–3,9	4–8,9	9 и более	
	I	II	III	IV	
Работники, чел.	0,56	0,51	0,54	0,58	0,55
Рабочий скот, голов	0,2	0,5	0,8	1,7	0,9
Коровы, голов	0,3	0,5	0,6	1,4	0,75
Продуктивный скот, голов	0,3	0,6	0,7	1,6	0,8
Посев ржи, дес.	0	0,02	0,1	0,2	0,1
Посев пшеницы, дес.	0	0,35	0,65	1,35	0,7
Посев овса, дес.	0	0,2	0,5	1,05	0,5
Весь посев, дес.	0	0,6	1,25	2,6	1,3
Запасы хлеба, пудов	0	0,02	0,4	5,9	1,8
Сено, копен	0,7	4,2	6,7	12,2	6,8
Число дворов в группе	24	49	67	51	191
Доля дворов в группе, %	12,6	25,6	35,1	26,7	100

Таблица 10

Уровень крестьянского хозяйства скотоводческой специализации в различных социальных группах

Показатели (в расчете на 1 душу)	Группы хозяйств с числом коров, голов				Хозяйства в целом
	0	1–2	3–6	7 и более	
	I	II	III	IV	
Работники, чел.	0,40	0,48	0,55	0,56	0,52
Рабочий скот, голов	0,1	0,5	0,8	2,1	1,0
Коровы, голов	0	0,35	0,9	2,6	1,2
Продуктивный скот, голов	0	0,45	1,05	2,9	1,3
Посев ржи, дес.	0	0,04	0,06	0,12	0,07
Посев пшеницы, дес.	0,04	0,31	0,55	0,82	0,52
Посев овса, дес.	0	0,20	0,34	0,71	0,40
Весь посев, дес.	0,04	0,55	0,95	1,65	1,0
Запасы хлеба, пудов	0	0	0	8,1	2,3
Сено, копен	0	6,2	9,4	19,2	10,7
Число дворов в группе	9	54	57	48	168
Доля дворов в группе, %	5,4	32,2	33,9	28,5	100

Аналогичное соотношение складывается и при сравнении средних групп дворов разных рыночных специализаций по данным показателям в расчете на 1 душу и на 1 семейного работника.

В бедняцких II группах подобное сравнение результатов не дает. Наличие местной, волостной специализации не обнаруживается в них даже при сопоставлении очень тонких, специальных величин: «всего посева на 1 голову продуктивного скота» (коэффициент зерновой специализации) и «голов продуктивного скота на 1 дес. посева» (коэффициент животноводческой специализации). И действительно, коэффициент земледельческой специализации в полупролетарских группах практически одинаков: 1,3 в зерновых дворах и 1,4 – в животноводческих. В то же время коэффициент скотоводческой специализации во II зерновой группе даже выше, чем в аналогичной животноводческой группе: 1,2 против 0,8. Это говорит о том, что бедные хозяйства вовлекались в процесс ускоренного развития товарно-денежных отношений и формирования местной специализации, обусловленный включением Сибири в общероссийский рынок, гораздо медленнее и с определенным опозданием. Первыми в данный процесс включились зажиточные хозяйства и вслед за ними – средние крестьянские дворы. Об этом свидетельствуют их довольно высокие коэффициенты специализации: 2,3 и 2,1 в III и

IV земледельческих группах, а также 1,3 и 1,9 в III и IV группах скотоводческой специализации.

Скотоводческая специализация крестьянских хозяйств Западной Сибири начала XX в. была сложной (табл. 11). Она включала в себя в разных соотношениях мясное и молочное направления. В сибиреведческой литературе главное внимание уделено более современной, молочной отрасли, поставлявшей молоко для производства сливочного масла. Роль традиционной мясной отрасли в системе крестьянского хозяйства была изучена фрагментарно и преимущественно в плане истории сельского хозяйства и аграрного рынка Западной Сибири[1].

Подворные материалы сельскохозяйственной переписи 1901 г. дают исследователю внутреннего строя крестьянского хозяйства региона принципиально новую информацию о кормовой базе. Прежде всего, это сведения о количестве заготовленного сельскими хозяевами сена. Они представлены значениями показателей сена в расчете на 1 двор, на 1 душу, на 1 голову рабочего скота, на 1 корову, на 1 голову учтенного продуктивного скота и на 1 дес. всего посева. Среди них особенно важны признаки количества сена, взятые в расчете на 1 голову рабочего или продуктивного скота, поскольку они показывают обеспеченность разных категорий скота сеном. Эти относительные показатели очень тонко выражают общий и групповой уровень и различия в количестве сена, приходящегося на 1 голову скота, во всех необходимых аспектах: во-первых, в плане различий между рабочими лошадьми и продуктивным скотом в рамках отдельной торговой специализации и, во-вторых, в плане сравнения особенностей кормовой базы дворов разных специализаций. Не менее существенно и то, что данные признаки являются органичной частью сформированной в данном исследовании общей системы относительных показателей и поэтому соответствуют корреляционной методике, основанной на относительных величинах.

[1] См.: *Горюшкин Л.М.* Сибирское крестьянство… С. 155–170; *Пронин В.И.* Скотоводство в Сибири в XIX – начале XX вв. (к статистике вопроса) // Из истории Сибири. Томск, 1978. С. 95–129; *Асалханов И.А.* Сельское хозяйство Сибири… С. 193–207; *Крестьянство* Сибири в эпоху капитализма… С. 73–79, 194–197, 241, 243, 254–255; *Бочанова Г.А.* Животноводство в Сибири конца XIX – начала XX в.: улучшение содержания и породности крупного рогатого скота // Опыт природопользования в Сибири в XIX–XX вв. Новосибирск, 2001. С. 115–150 и др.

Таблица 11

Степень специализации хозяйства в различных социальных группах крестьян

Показатели	Группы хозяйств с посевом, дес.				Группы хозяйств с числом коров, голов			
	0,1–3,9	4–8,9	9 и более	В целом	1–2	3–6	7 и более	В целом
	II	III	IV		II	III	IV	
Рабочего скота на 1 двор, голов	2,2	3,0	8,8	4,4	2,1	4,1	10,9	5,1
Продуктивного скота на 1 двор, голов	2,3	3,3	8,5	4,1	1,8	4,6	14,8	6,3
Всего посева на 1 двор, дес.	2,3	6,0	14,2	6,5	2,4	4,9	9,1	5,0
Рабочего скота на 1 душу, голов	0,5	0,8	1,7	0,9	0,5	0,8	2,1	1,0
Продуктивного скота на 1 душу, голов	0,6	0,7	1,6	0,8	0,5	1,1	2,9	1,3
Всего посева на 1 душу, дес.	0,6	1,3	2,6	1,3	0,5	1,0	1,6	1,0
Продуктивного скота на 1 семейного работника, голов	0,9	1,3	3,0	1,6	0,9	2,1	5,1	2,5
Всего посева на 1 семейного работника, дес.	1,0	2,4	4,8	2,5	1,2	1,9	3,1	1,9
Всего посева на 1 голову продуктивного скота, дес.	1,3	2,3	2,1	1,8	1,4	1,0	0,7	1,0
Продуктивного скота на 1 дес. посева, голов	1,2	0,6	0,6	0,7	0,8	1,3	1,9	1,3

Таблица 12

Обеспеченность кормами рабочего и продуктивного скота в хозяйствах земледельческой и скотоводческой специализации

Показатели	Группы хозяйств с посевом, дес.				Группы хозяйств с числом коров, голов			
	0,1–3,9	4–8,9	9 и более	В целом	1–2	3–6	7 и более	В целом
	II	III	IV		II	III	IV	
Посева овса на 1 двор, дес.	0,8	2,3	5,8	2,6	0,8	1,7	3,9	1,9
Посева овса на 1 душу, дес.	0,2	0,5	1,05	0,5	0,2	0,35	0,7	0,4
Сена на 1 душу, копен	4,2	6,7	12,2	6,8	6,2	9,4	19,2	10,7
Посева овса на 1 голову рабочего скота, дес.	0,4	0,6	0,7	0,6	0,4	0,45	0,45	0,45
Сена на 1 голову рабочего скота, копен	9,3	8,4	8,3	8,5	11,5	12,6	10,8	11,5
Рабочего скота на 1 копну сена, голов	0,12	0,14	0,16	0,15	0,14	0,12	0,17	0,14
Всего посева на 1 голову продуктивного скота, дес.	1,3	2,3	2,1	1,8	1,45	1,05	0,65	1,05
Сена на 1 голову продуктивного скота, копен	10,0	11,9	9,8	10,0	13,2	9,7	6,7	10,0
Сена на 1 дес. всего посева, копен	8,2	5,4	5,1	6,1	9,1	11,1	12,7	10,9
Продуктивного скота на 1 копну сена, голов	0,13	0,12	0,15	0,13	0,09	0,13	0,27	0,17
Продуктивного скота на 1 дес. всего посева, голов	1,2	0,6	0,6	0,7	0,8	1,3	1,9	1,3
Доля коров в стаде учтенного продуктивного скота, %	87	84	84	85	84	86	89	86

Признаки количества заготовленного сена, учитывая их очень тесную, почти функциональную связь с площадью сенокосов, можно принять за показатели обеспеченности сенокосными угодьями. В этом случае при анализе кормовой базы хозяйства вообще снимается вопрос о влиянии засухи 1901 г.[1]

Реальное количество сена, которое приходилось на 1 голову рабочего или продуктивного скота, рассчитывается путем деления на все поголовье лошадей и коров с учетом их соотношения. Этот обобщенный показатель будет применяться в тех случаях, когда для анализа необходимы действительные величины обеспеченности сеном[2]. Кроме сена, в качестве косвенной характеристики кормовой базы в настоящей работе также используется размер посева. Он показывает количество соломы. Данные обеспеченности крестьянских дворов кормами систематизированы в табл. 12.

Кормовая база крестьянского хозяйства имеет огромное значение и представляет самостоятельный интерес. В целом рассматриваемые хозяйства крестьян лесостепной полосы Западной Сибири с поправкой на засуху 1901 г. обеспечивались кормами в достаточной степени[3]: в среднем на 1 душу приходилось: 0,5 дес. посева овса и 6,8 копны сена в земледельческих дворах и 0,4 дес. овса и 10,7 копны сена во дворах животноводческой специализации. В отдельных социальных группах, однако, обеспеченность кормами различалась довольно серьезно. Как и в других аспектах социально-хозяйственной жизни, средняя группа имела нормальный уровень фуража близкий к общему. В зажиточных хозяйствах IV группы душевая обеспеченность различными кормами была выше и значительно (в 3–5 раз) превосходила уровень кормовой базы бедных дворов.

Далее рассмотрим не менее важные технико-скотоводческие показатели корма в расчете на 1 голову скота, характеризующие традиционную культуру крестьянского животноводства. Во всех группах дворов они фактически одинаковы или близки к среднему значению специализации. Так, сена на 1 рабочую лошадь приходится: в зерновой специализации 8,5 коп-

[1] По поселенным сведениям переписи 1901 г., из-за засухи урожай трав был меньше среднего примерно в 2 раза: в земледельческой Екатерининской волости 4–5 копен с 1 дес.; в животноводческой Александровской 8–10 копен с 1 дес.

[2] Недостаток этого показателя в том, что он затушевывает различия в обеспеченности сеном рабочих лошадей и продуктивного скота, имеющих для крестьянского хозяйства разное социально-экономическое значение.

[3] В рассматриваемой левобережной части Барнаульского уезда среднегодовой сбор сена с 1 дес. в 1896–1899 гг. был выше, чем в засушливом 1901 г., примерно 1,6 раза. См.: *Сельскохозяйственный* обзор Алтайского округа за 1901 г. Барнаул, 1902. С. 51–52. (Подсчеты мои. – *П.Н.*)

ны на 1 двор (по группам – 9,3; 8,4; 8,3); в скотоводческой – 11,5 (по группам – 11,5; 12,6; 10,8)[1]. Овса на 1 лошадь: в земледельческих хозяйствах 0,6 дес. посева на 1 двор; в скотоводческих – 0,45 дес. При определении состояния кормовой базы хозяйств в расчете на 1 голову продуктивного скота получаем практически аналогичные результаты: в зерновой специализации групповая обеспеченность 1 головы продуктивного скота кормами (в среднем на 1 хозяйство) была близка общей: соответственно 10 копен сена и 1,8 дес. посева (показатель обеспеченности соломой); в животноводческой: 10 копен сена и 1,05 дес. посева. Различия в фуражной роли посевов показывают традиционные особенности структуры кормовой базы, обусловленные торговой специализацией крестьянских хозяйств. Эти особенности обретают явно выраженный характер при обращении к показателю «сена в копнах на 1 дес. всего посева». Его значения, хотя и имеют определенные отличия, примерно одинаковы в хозяйствах одной специализации: в зерновой приблизительно 6,1 копны на 1 дес., в животноводческой – 10,9. Это свидетельствует о том, что хозяйства скотоводческого направления имели более качественную кормовую базу. Соотношение сена и соломы было в них гораздо выше (10,9 против 6,1). В состоятельных дворах, более других вовлеченных в товарно-денежные отношения, рассматриваемый показатель достигал значения 12,7, что говорит о складывании у зажиточных домохозяев не только самой широкой, но и наиболее совершенной по структуре и качественной кормовой базы. Несомненно, этот процесс внутренней перестройки и улучшения традиционной кормовой системы животноводческих хозяйств Западной Сибири был порожден воздействием капиталистического рынка и товарно-денежных отношений. Естественно, отмеченная тенденция не обошла и хозяйства хлебно-торговой ориентации. Но он коснулся, главным образом, содержания взрослого тяглового скота, являвшегося основой землепашества. Тягловый скот в земледельческой специализации был лучше обеспечен овсом и овсяной соломой. На 1 рабочую лошадь здесь в среднем приходилось по 0,6 дес. посева овса против 0,45 в животноводческих дворах. В зажиточной группе значение выше – 0,7 дес. овса на 1 лошадь.

Среди данных табл. 12 привлекают внимание парадоксальные на первый взгляд значения показателя производственной нагрузки на сено, за-

[1] Реальное обеспечение кормами рассчитывается на все поголовье лошадей и коров, которым необходимо одинаковое количество сена, но с учетом того, что сбор трав в типических волостях в 1901 г. был в 2 раза ниже среднегодовой нормы, можно считать данные показатели выражением реальной обеспеченности сеном.

готавливаемое для стойлового содержания скота в зимний период – «продуктивного скота на 1 копну сена». Его величина в земледельческих группах была практически одинаковой и соответствовала общему среднему значению – 0,13 головы на 1 копну сена. В животноводческой специализации резко выделяется зажиточная IV группа (с числом 7 и более коров на 1 хозяйство). В ней нагрузка в 2 раза выше средней нормы в 0,13 гол. на 1 копну сена: она достигает величины 0,27 головы. Положение с соломой схожее: в группе богатых домохозяев приходилось по 1,9 головы продуктивного скота на 1 дес. посева, что почти в 1,5 раза превышало норму в 1,35 головы. Следовательно, в самой обеспеченной кормами группе состоятельных хозяев зафиксированное переписью 1901 г. летнее стадо продуктивного скота примерно в 1,5 раза превышало объем заготавливаемого на зимний, стойловый период фуража. Не рассчитанный на зимнее содержание скот зимой забивали. Это – свидетельство преобладания мясной направленности рыночной специализации скотоводческих хозяйств в Томской губернии рубежа XIX–XX вв. Полученный вывод подтверждается и данными о доле коров в стаде учтенного томской переписью 1901 г. продуктивного скота в пересчете на крупнорогатый скот[1]. В обоих рыночных типах хозяйств она одинакова: в земледельческой – 85% и в скотоводческой – 86%. В молочной (молочно-мясной) специализации доля коров обычно выше[2]. На это вполне определенно указывают и обработанные в настоящем исследовании данные сельскохозяйственной переписи 1916 г., отразившие период господства в рассматриваемом регионе молочно-маслодельческой специализации (см. табл. 43 и 44). Согласно им в животноводческих дворах доля коров в стаде полностью учтенного продуктивного скота (в пересчете на крупнорогатый скот) была выше, чем в дворах зерновой направленности, на 7% (71 против 64%). По хозяйствам зажиточных крестьян (IV и V группы, вместе взятые) разница достигала 15% (71 и 56%). Таким образом, в скотоводческих крестьянских хозяйствах Томской губернии, в отличие от Тобольской губернии, на рубеже XIX–XX вв. все еще господствовало сформировавшееся в пореформенный период мясное направление[3]. Продажа молока в данный период имела здесь преимущественно местное

[1] Еще раз отметим, что томская перепись 1901 г. учла только взрослый крупнорогатый и мелкий скот.

[2] См.: *Асалханов И.А.* Сельское хозяйство Сибири… С. 198–199.

[3] В Тобольской губернии в конце XIX в. молочно-маслодельческая специализация приобрела уже заметное значение. См.: *Крестьянство* Сибири… С. 76–77.

значение. Чрезвычайно быстрое включение западносибирского крестьянства в российский рынок мясной продукции свидетельствует о его большом экономическом и адаптационном потенциале, накопленном на основе традиционной системы хозяйствования. Остановимся на ней – теперь это стало возможным – более подробно и системно.

Описание и анализ традиционной, семейно-трудовой мелкотоварной системы хозяйствования является одним из главных направлений настоящего исследования. Это довольно сложная задача, поскольку в историографии проблемы традиционная система хозяйствования специально не изучалась. Входившее в нее мелкотоварное производство рассматривалось, прежде всего, как экономическая основа развития аграрно-капиталистических отношений, разрушавших традиционное крестьянское хозяйство, что еще более осложняет решение поставленной задачи.

Прежде чем приступить к общей характеристике семейно-трудовой, потребительской основы крестьянского хозяйства, следует определить содержательные критерии отбора отражающих ее признаков. К ним в первую очередь отнесены семейно-трудовые и потребительские показатели, а также производственно-технические признаки, отражающие традиционные системы земледелия и животноводства. Несомненный интерес представляют также душевые социально-экономические характеристики, показывающие полунатурально-потребительские отрасли крестьянского хозяйства. Отобранные данные вместе с общими сведениями отражены в табл. 13 и 14.

Потребительская товарно-натуральная система хозяйствования являлась системообразующим базисом семейно-трудового крестьянского хозяйства. Она служила основой воспроизводства семьи, семейных рабочих ресурсов, производственно-технической базы хозяйства и создавала предпосылки, определявшие его место в системе народного хозяйства страны. Традиционная система хозяйствования опиралась на труд семейных работников, который был источником и движущей силой ее воспроизводства и развития. Об этом объективно свидетельствуют сведения о соотношении размеров семьи, хозяйства и количества собственных работников (см. табл. 13 и 14). Они органично раскрывают внутреннюю семейно-трудовую и потребительскую природу крестьянского хозяйства во всех его социальных типах. Действительно, размеры семьи растут с увеличением масштабов хозяйства, и вместе с ними увеличивается количество семейных работников. Они взаимосвязаны, и их соразмерность выражается почти одинаковыми относительными показателями во всех

группах домохозяйств. Так, в земледельческой специализации на 1 работника приходится ровно 2 едока, соответственно, на 1 семейную душу – в среднем 0,55 работника (по группам: 0,51; 0,54; 0,58).

В животноводческих дворах было по 2,2 едока на 1 работника и на 1 душу приходилось 0,52 работника (0,48; 0,55 и 0,56). В общем, всем социально-экономическим группам крестьянских дворов был присущ открытый А.В. Чаяновым «трудопотребительный баланс»[1], отображавший фундаментальную социокультурную, потребительскую природу традиционного крестьянского хозяйства России начала XX в.

Органичной частью выработанной веками деревенской хозяйственной культуры были традиционные системы земледелия и скотоводства. Имеющиеся данные показывают господство традиционных зерновых культур ржи, овса, пшеницы и традиционную структуру посевов. В хозяйствах обоих рыночных типов структура посевов была однородной: рожь занимала 6% посевной площади, овес 35–37%, пшеница 57–59%. Некоторые отклонения от общей нормы наблюдаются у бедняков II групп, у которых была больше доля пшеницы, имевшей чисто продовольственное значение, и в зажиточных V группах – выше доля более товарного овса. Более динамичная животноводческая отрасль крестьянского хозяйства региона рубежа XIX–XX вв. также зиждется на консервативной системе скотоводства. Доля коров в стаде учтенного продуктивного скота одинаковая в хозяйствах всех специализаций и социально-экономических групп. Она составляет 85–86%. Ее значение лишь несколько выше во дворах зажиточных крестьян животноводческого направления (89%). Кормовая база хозяйств обеих специализаций, как уже отмечалось при анализе обеспеченности скота фуражом (см. табл. 14), была традиционной и включала в себя многообразные пастбищные ресурсы (луга, лес, залежь, речная пойма, суходол, околоусадебная земля и др.), сено, овес, солому и зерновые остатки. Некоторые различия в структуре кормов обусловливались местными природно-географическими особенностями и направлением торговой специализации. Традиционный характер животноводческой системы крестьянского хозяйства региона ярко проявляется в близких групповых значениях кормовых показателей сена, посева овса и всего посева в расчете на 1 голову рабочего, продуктивного скота и обратных им признаков – голов скота на 1 копну сена, десятину посева (см. табл. 13 и 14).

[1] *Чаянов А.В.* Организация крестьянского хозяйства… С. 207–208.

Таблица 13

Потребительская, натурально-товарная система крестьянского хозяйства земледельческой специализации

Показатели	Группы хозяйств с посевом, дес.			Хозяйства в целом
	0,1–3,9	4–8,9	9 и более	
	II	III	IV	
Население, чел.	4,9	5,7	6,5	5,5
Семейные работники, чел.	2,4	3,0	3,6	2,9
Семейных душ на 1 работника	2,0	2,0	2,0	2,0
Семейных работников на 1 душу	0,51	0,54	0,58	0,55
Рабочего скота на 1 душу, голов	0,5	0,8	1,7	0,9
Продуктивного скота на 1 душу, голов	0,6	0,7	1,6	0,8
Посева ржи на 1 душу, дес.	0,02	0,1	0,2	0,1
Всего посева на 1 душу, дес.	0,6	1,25	2,6	1,3
Запасов хлеба на 1 душу, пуд.	0,02	0,4	5,9	1,8
Сена на 1 душу, копен	4,2	6,7	12,2	6,8
Посева овса на 1 голову рабочего скота, дес.	0,4	0,6	0,7	0,6
Всего посева на 1 голову рабочего скота, дес.	1,2	1,6	1,8	1,5
Сена на 1 голову рабочего скота, копен	9,3	8,4	8,3	8,5
Рабочего скота на 1 голову продуктивного скота, голов	1,26	1,52	1,25	1,31
Коров на 1 голову продуктивного скота, голов	0,87	0,84	0,84	0,85
Сена на 1 голову продуктивного скота, копен	10,0	11,9	9,8	10,0
Рабочего скота на 1 дес. всего посева, голов	1,1	0,7	0,65	0,75
Коров на 1 дес. всего посева, голов	1,0	0,5	0,55	0,65
Доля ржи в посеве, %	2	8	7	6
Доля пшеницы в посеве, %	64	55	52	57
Доля овса в посеве, %	34	37	41	37
Сена на 1 дес. всего посева, копен	8,2	5,4	5,1	6,1
Рабочего скота на 1 копну сена, голов	0,12	0,14	0,16	0,15
Продуктивного скота на 1 копну сена, голов	0,13	0,12	0,15	0,13

Таблица 14

Потребительская, натурально-товарная система крестьянского хозяйства скотоводческой специализации

Показатели	Группы хозяйств с числом коров, голов			Хозяйства в целом
	1–2	3–6	7 и более	
	II	III	IV	
Население, чел.	5,0	5,4	5,8	5,3
Семейные работники, чел.	2,2	2,7	3,1	2,6
Семейных душ на 1 работника	2,4	2,2	2,1	2,2
Семейных работников на 1 душу	0,48	0,55	0,56	0,52
Рабочего скота на 1 душу, голов	0,5	0,8	2,1	1,0
Продуктивного скота на 1 душу, голов	0,45	1,05	2,9	1,3
Посева ржи на 1 душу, дес.	0,04	0,06	0,12	0,07
Всего посева на 1 душу, дес.	0,55	0,95	1,65	1,0
Запасов хлеба на 1 душу, пуд.	0	0	8,1	2,3
Сена на 1 душу, копен	6,2	9,4	19,2	10,7
Посева овса на 1 голову рабочего скота, дес.	0,4	0,45	0,45	0,45
Всего посева на 1 голову рабочего скота, дес.	1,3	1,25	1,0	1,15
Сена на 1 голову рабочего скота, копен	11,5	12,6	10,8	11,6
Рабочего скота на 1 голову продуктивного скота, голов	1,17	0,89	0,73	0,94
Коров на 1 голову продуктивного скота, голов	0,84	0,86	0,89	0,86
Сена на 1 голову продуктивного скота, в копнах	13,2	9,7	6,7	10,0
Рабочего скота на 1 дес. всего посева, голов	0,9	1,0	1,3	1,05
Коров на 1 дес. всего посева, голов	0,7	1,15	1,7	1,15
Доля ржи в посеве, %	5	6	7	6
Доля пшеницы в посеве, %	65	59	51	59
Доля овса в посеве, %	30	35	42	35
Сена на 1 дес. всего посева, копен	9,1	11,1	12,7	10,9
Рабочего скота на 1 копну сена, голов	0,14	0,12	0,17	0,14
Продуктивного скота на 1 копну сена, голов	0,09	0,13	0,27	0,17

Важными признаками, характеризующими семейно-потребительскую систему крестьянского хозяйства, должны быть групповые душевые показатели по неспециализированным отраслям. Они не должны иметь больших различий. Подушевые данные по группам, однако, имеют определенные отличия. Действительно, в зерновой специализации количество голов продуктивного скота на 1 душу в зажиточных дворах больше общего среднего значения в 2 раза (1,6 и 0,8 гол.); в экономически состоятельных хозяйствах животноводческого направления величина посева на 1 душу больше средней в 1,7 раза (1,65 и 1,0 дес.). Тем не менее эти душевые данные, учитывая, что их различия вызваны дифференцирующим воздействием мелкотоварного производства, которое входило в семейно-потребительскую систему хозяйствования, подтверждают положение о существовании однородной семейной традиционно-потребительской системы во дворах не только бедняков и середняков, но и богатых крестьян. Дело в том, что с развитием товарно-денежных отношений в зажиточных дворах повышались уровень личного и хозяйственного потребления. Это серьезно увеличивало традиционные потребительские показатели состоятельных хозяйств в сравнении с общей нормой. На данное увеличение дополнительно накладывался рост производства рассматриваемой продукции для сбыта на местном рынке.

Определяющим в материально-технической базе традиционного семейно-трудового хозяйства являлось наличие тяглового скота, необходимого в количестве, обеспечивающем удовлетворение личных и производственных потребностей. Это требовало определенного соотношения размеров производства и количества рабочих лошадей, которое в массе однородных семейно-потребительских хозяйств принимало значения, близкие к выработанному местной традицией общему уровню. В данных табл. 13 и 14 выделенная особенность проявляется достаточно четко. В зерновой специализации количество голов рабочего скота, приходящееся на 1 дес. всего посева примерно одинаковое во всех экономических типах хозяйств. Оно близко к среднему значению 0,75 головы. В животноводческих дворах аналогичный показатель «голов рабочего скота на 1 голову продуктивного скота» также близок к общей величине 0,94 головы. Единственное: в хозяйствах бедных крестьян обеспеченность производства рабочим скотом заметно выше: 1,1 головы – в малопосевной группе и 1,17 – в малокоровной. Это, несомненно, объясняется тем, что в маломощных группах была велика доля неприписанных пере-

селенцев и отделившихся молодых семей. Они обладали необходимым минимумом рабочих лошадей, но на момент переписи их хозяйства находились в процессе становления и имели небольшое количество посевов.

Среди данных табл. 13 и 14 особое внимание привлекают подушевые сведения о запасах хлеба от урожая прошлого года. Они прямо раскрывают социально-экономическую природу и определяют возможные направления развития хозяйств основных социальных типов. Действительно, к концу лета значительные запасы зерна сохранились лишь в хозяйствах зажиточных крестьян: в многопосевной группе (с посевом 9 и более дес.) – 5,9 пуд. на душу; в многокоровной (с 7 и более коровами) – 8,1 пуд. В бедной и средней группах зерновой специализации остались ничтожные запасы (соответственно 0,02 и 0,4 пуд.). В животноводческой выборке у бедняков и середняков запасы совершенно отсутствовали. Таким образом, данные переписи наглядно подтвердили широко признанное положение о том, что в основной массе крестьянских хозяйств региона производился минимальный или полный необходимый продукт. Их экономика носила сугубо потребительский, натуральный и мелкотоварный характер. Примерно в четвертой части дворов производился регулярный излишек над необходимым продуктом и сложились устойчивые предпосылки для расширенного типа воспроизводства и развития крестьянского предпринимательства. Они сформировались на рубеже XIX–XX вв. в рамках традиционного внутреннего строя зажиточного семейно-трудового хозяйства, функционировавшего в общих условиях утверждения в Западной Сибири общероссийского рынка. Материальной основой данного, по сути, адаптационного процесса являлись развитие включенной во внутренний строй традиционного крестьянского хозяйства системы товарного производства и товарно-денежных отношений, а также перестройка внутренней социально-экономической и производственно-технической структуры в рамках ее традиционных возможностей. Рассмотрим далее описательные сведения переписи 1901 г. с целью определить социально-адаптационный потенциал крестьянского хозяйства в целом, обратив особое внимание на наличие и возможности сложившихся предпринимательских компонентов и структур в зажиточном хозяйстве. Это требует изучения хозяйственных показателей в организационно-производственном (в расчете на 1 работника) и производственно-техническом планах (в расчете на 1 голову скота, 1 дес. посева).

В первую очередь, обратимся к показателям организационно-производственного плана, характеризующим способ и эффективность соедине-

ния работника с семейными средствами производства: производственную нагрузку и эффективность (интенсивность, производительность) труда семейных работников в хозяйствах различных социальных групп (см. табл. 15 и 16).

Как видно из данных приведенных в таблицах, с ростом экономической мощности домохозяйств производственная нагрузка на 1 семейного работника очень сильно увеличивалась. В земледельческой специализации на работника приходилось во II группе – 1,0 дес.; в III – 2,4 дес. и в IV – 4,8 дес.

Таблица 15

Производственная нагрузка и эффективность труда 1 семейного работника в хозяйствах земледельческой специализации

Показатель (в расчете на 1 семейного работника)	Группы хозяйств с посевом, дес.			Хозяйства в целом
	0,1–3,9	4–8,9	9 и более	
	II	III	IV	
Рабочий скот, голов	0,9	1,6	3,2	1,7
Коровы, голов	0,8	1,1	2,6	1,3
Продуктивный скот, голов	0,9	1,3	3,0	1,6
Весь посев, дес.	1,0	2,4	4,8	2,5
Сено, копен	8,0	12,6	22,7	13,0

Таблица 18

Производственная нагрузка и эффективность труда 1 семейного работника в хозяйствах скотоводческой специализации

Показатель (в расчете на 1 семейного работника)	Группы хозяйств с числом коров, голов			Хозяйства в целом
	1–2	3–6	7 и более	
	II	III	IV	
Рабочий скот, голов	1,0	1,65	3,6	1,9
Коровы, голов	0,7	1,8	4,5	2,1
Продуктивный скот, голов	0,85	2,05	5,1	2,45
Весь посев, дес.	1,2	1,95	3,1	1,95
Сено, копен	12,1	18,0	33,9	19,9

В животноводческих дворах 1 работник имел по группам следующую нагрузку: во II – 0,85 головы продуктивного скота, в III – 2,05 и в IV – 5,1. Аналогичной была тенденция и при заготовке сена. В целом в зажиточных хозяйствах объем необходимой хозяйственной деятельности, приходившийся на 1 семейного работника, был в 2–2,5 раза больше, чем в средней группе, представлявшей норму. Выполнение столь большого объема работ было

возможно и реально осуществлялось с использованием труда наемных рабочих и применением усовершенствованного инвентаря. Это требовало высокой оснащенности производственно-техническими ресурсами и денежными средствами, которыми сельские предприниматели обладали в достаточной мере: в их хозяйствах капиталовооруженность («голов рабочего скота на 1 работника») была в 2–2,5 раза выше, чем у средних хозяев (соответственно 3,2 и 3,6 головы в IV группах, 1,6 и 1,65 головы в III группах). Достаточно высокая капиталовооруженность и использование усовершенствованного инвентаря давали состоятельным крестьянам более высокую производительность труда (выше средней в 2 раза) и большее количество производимой продукции, обеспечивая тем самым расширенный, предпринимательский тип производства. У бедняков, напротив, производственная нагрузка была меньше нормальной в 2,4 раза, капиталовооруженность – меньше в 1,7 раза. Поэтому они были вынуждены продавать свою рабочую силу богатым хозяевам, создавая тем самым местный рынок наемных рабочих, необходимый для ведения предпринимательского хозяйства.

Широкое участие в товарно-денежных отношениях практически всех социальных слоев сибирского крестьянства и формирование устойчивой предпринимательской тенденции в хозяйствах зажиточных крестьян было возможно лишь при перестройке и адаптации традиционной производственно-технической базы к новым, рыночно-капиталистическим условиям. Рассмотрим данный аспект подробнее. Отражающие его показатели приведены в табл. 17 и 18[1].

Как уже отмечалось, хозяйства различных социальных групп западносибирского крестьянства имели серьезные различия в капиталовооруженности: в IV состоятельных группах количество рабочих лошадей на 1 семейного работника было в 3,5 раза больше, чем в маломощных II группах. Это обусловило еще большие расхождения в производительности семейного труда в собственном хозяйстве. В многопосевных и многокоровных дворах она была выше примерно в 5 раз, чем в малопосевных и малокоровных: на столь большие различия указывают данные о величине посева и количестве голов продуктивного скота, приходящихся на 1 работника. Не менее красноречивы и показатели эффективности труда в производственных расходах. Число работников на 1 рабочую лошадь в бедняцких хозяйствах (II группы) в 2,5–3,5 раза больше, чем во дворах зажиточных хозяев. Аналогичны и расхождения по наиболее реальному показате-

[1] В табл. 17 и 18 вновь включены главные признаки в расчете на 1 семейного работника, поскольку они сопрягаются с показателями эффективности труда.

лю эффективности труда – количеству семейных работников на 1 дес. всего посева (в 3–4 раза). В общем, доля затрат живого труда в производственных издержках в хозяйствах бедняков была соответственно в 1,5–3 раза выше, чем у средних и зажиточных хозяев. Это определенно свидетельствует о том, что основная масса западносибирских крестьян – бедные и средние крестьяне – вели и расширяли свое потребительское хозяйство, главным образом, за счет увеличения своего живого труда: путем его интенсификации или увеличения рабочего времени.

Таблица 17

Капиталовооруженность, эффективность труда и фондовооруженность хозяйств земледельческой специализации

Показатель	Группы хозяйств с посевом, дес.			Хозяйства в целом
	0,1–3,9	4–8,9	9 и более	
	II	III	IV	
Капиталовооруженность, производительность труда				
Рабочего скота на 1 семейного работника, голов	0,9	1,6	3,2	1,7
Продуктивного скота на 1 семейного работника, голов	0,9	1,3	3,0	1,6
Всего посева на 1 семейного работника, дес.	1,0	2,4	4,8	2,5
Эффективность труда				
Семейных работников на 1 голову рабочего скота	1,3	0,8	0,5	0,9
Семейных работников на 1 голову продуктивного скота	1,4	1,25	0,6	1,1
Семейных работников на 1 дес. всего посева	1,2	0,55	0,3	0,65
Фондовооруженность хозяйств				
Продуктивного скота на 1 голову рабочего скота, голов	1,2	0,85	1,0	1,0
Всего посева на 1 голову рабочего скота, дес.	1,15	1,6	1,8	1,45
Рабочего скота на 1 дес. всего посева, голов	1,1	0,7	0,65	0,75
Продуктивного скота (голов) на 1 дес. всего посева	1,2	0,55	0,6	0,75
Рабочего скота на 1 голову продуктивного скота, голов	1,26	1,52	1,25	1,31
Коров на 1 голову продуктивного скота, голов	0,87	0,84	0,84	0,85
Всего посева на 1 голову продуктивного скота, дес.	1,3	2,3	2,1	1,8

В хозяйствах состоятельных крестьян была гораздо выше доля овеществленного труда: усовершенствованного сельскохозяйственного инвентаря, машин, модернизированных элементов систем земледелия. За счет более капиталоемких средств производства зажиточные хозяева не только обеспечивали своим семьям высокий сельский уровень жизни, но и расширяли производство с целью получения более высокого дохода, объективно формируя предпринимательскую систему хозяйствования.

Таблица 18

Капиталовооруженность, эффективность труда и фондовооруженность хозяйств скотоводческой специализации

Показатель	Группы хозяйств с числом коров, голов			Хозяйства в целом
	1–2	3–6	7 и более	
	II	III	IV	
Капиталовооруженность, производительность труда				
Рабочего скота на 1 семейного работника, голов	1,0	1,65	3,6	1,9
Продуктивного скота на 1 семейного работника, голов	0,85	2,05	5,1	2,45
Всего посева на 1 семейного работника, дес.	1,2	1,95	3,1	1,95
Эффективность труда				
Семейных работников на 1 голову рабочего скота	1,4	0,85	0,4	0,85
Семейных работников на 1 голову продуктивного скота	1,5	0,65	0,25	0,8
Семейных работников на 1 дес. всего посева	1,2	0,8	0,4	0,8
Фондовооруженность хозяйств				
Продуктивного скота на 1 голову рабочего скота, голов	1,0	1,35	1,8	1,35
Всего посева на 1 голову рабочего скота, дес.	1,3	1,25	1,0	1,15
Рабочего скота на 1 дес. всего посева, голов	0,9	1,0	1,3	1,05
Продуктивного скота на 1 дес. всего посева, голов	0,8	1,3	1,9	1,35
Рабочего скота на 1 голову продуктивного скота, голов	1,17	0,89	0,73	0,94
Коров на 1 голову продуктивного скота, голов	0,84	0,86	0,89	0,86
Всего посева на 1 голову продуктивного скота, дес.	1,45	1,05	0,65	1,05

Далее рассмотрим состояние производственно-технической базы (фондовооруженность) хозяйства в отдельных социальных группах. В отличие от социально-экономических данных (рассчитанных на 1 двор, на 1 душу, на 1 семейного работника), показатели, характеризующие фондовооруженность в различных типах крестьянских хозяйств, имеют довольно близкие значения. Особенно близки друг другу производственные признаки, рассчитанные на 1 голову рабочего скота. В земледельческих дворах: на 1 голову рабочего скота в среднем приходится 1,0 головы продуктивного скота и 1,45 дес. всего посева (групповые средние отличаются не более чем на 24%). В хозяйствах животноводческого направления: 1,35 головы продуктивного скота и 1,15 дес. посева (групповые отличия до 33%). Столь же однородны величины производственно-технических характеристик рыночных отраслей в расчете на более одномасштабные единицы показателей неспециализированной отрасли (всего посева и рабочего скота на 1 голову продуктивного скота – в зерновой специализации; продуктивного и рабочего скота на 1 дес. всего посева – в животноводческой). В самом деле, в зерновой специализации групповые значения признака «всего посева на 1 голову продуктивного скота» близки к общей средней величине 1,8 дес. Значения показателя «рабочего скота на 1 голову продуктивного скота» очень близки общему среднему значению 1,31 головы; в животноводческих хозяйствах: значения признака «рабочего скота на 1 дес. всего посева» отличаются от общей средней 1,05 головы не более чем на 24%, значения показателя «продуктивного скота на 1 дес. всего посева» разнятся с общей средней 1,9 головы не более чем на 40%.

Обнаруженная тенденция к выравниванию средних значений главных компонентов материально-технической базы в разных социальных группах западносибирского крестьянства определенно свидетельствует о ее унификации, стремлении к одному общему уровню. Учитывая довольно сильные межгрупповые экономические различия, имевшие внутридеревенский характер, можно предположить, что унификация производственных фондов была следствием воздействия единого внешнего фактора всероссийского аграрно-капиталистического рынка и формой производственной адаптации крестьянского хозяйства региона к новым рыночным условиям. Выдвинутое положение будет главной гипотезой последующего корреляционного анализа подворных сведений используемых в настоящем исследовании сельскохозяйственных переписей 1901 и 1916 гг.

В рамках описания компонентного состава производственно-технической базы обнаружена также существенная закономерность, касающая-

ся главных источников возобновления производственных фондов. Во дворах обеих торговых специализаций с ростом экономической мощности хозяйства довольно сильно увеличивается важнейший показатель фондовооруженности – отраслевой признак «весь посев или продуктивный скот в расчете на 1 голову рабочего скота». Так, в зерновой специализации признак «всего посева на 1 голову рабочего скота» растет по группам, принимая следующие значения: во II – 1,15 дес., в III – 1,6 дес. и в IV – 1,8 дес. Еще более отчетливо увеличиваются групповые значения аналогичного показателя в животноводческих дворах «продуктивного скота на 1 голову рабочего скота»: 1,0; 1,35; 1,8 головы. В результате рост составил 57–80%. Это говорит о том, что с развитием и расширением товарного производства в крестьянском хозяйстве в составе возобновлявшихся производственных фондов более других увеличивались размеры и доля капиталовложений из доходов, полученных из наиболее товарной, специализированной отрасли. Особенно ярко, фактически в предпринимательской форме, эта закономерность проявлялась в хозяйствах зажиточных крестьян. Она – важное свидетельство того, что крестьянское хозяйство региона, включая его предпринимательскую часть, в изучаемый период развивалось на собственном базисе. Источниками его социально-экономического развития являлись традиционные духовные и материальные интересы, потребности крестьян и внутренняя семейно-трудовая и производственно-техническая основа.

Изучение общего состояния крестьянского хозяйства региона в общем и социально-групповом планах позволило выявить наличие важных социально-экономических взаимосвязей. Прежде всего, это сопряженность размеров и уровня хозяйства с обеспеченностью рабочими лошадьми продуктивным скотом, посевами и кормами в расчете на 1 душу и на 1 семейного работника. Обнаруживается также прямая взаимосвязь между самими производственными компонентами: посевом и скотом. Особо следует выделить взаимозависимость размеров производства и эффективности труда. Все отмеченные взаимосвязи, вместе с обнаруженной тенденцией к унификации производственно-технической базы в хозяйствах различных социально-экономических групп, свидетельствуют о том, что традиционное, семейно-трудовое крестьянское хозяйство Западной Сибири конца XIX – начала XX в. двигалось по пути интенсивного развития товарно-денежных отношений и в рамках данного процесса включилось в систему общероссийских рыночно-капиталистических отношений, в которой господствовали объективные отношения рыночной конкуренции.

К конкурентной среде были лучше приспособлены экономически более мощные зажиточные крестьяне, формировавшие свой потенциал в рамках крепкого семейно-трудового, мелкотоварного хозяйства. Это подтверждают данные о распределении населения, трудовых ресурсов, средств производства в хозяйствах различных социальных групп (см. табл. 19 и 20).

В самом деле, в зажиточных хозяйствах, имевших долю 26,7–28,5% от числа всех, сосредоточились 33,7–34,6% семейных работников; 58,1–59,5% рабочих лошадей; 55,2–67,7% коров; 51,7–58,4% посевов; 52,0–56,7% сена и 80–100% летних запасов хлеба. В результате в крупных крестьянских дворах сложилась устойчивая предпринимательская система хозяйствования, сочетавшаяся с традиционным хозяйством.

Бедные крестьяне (I и II группы) вели сокращенное традиционное, мелкотоварное хозяйство. Имея долю 37,6–38,2% от числа всех дворов, они произвели лишь 8–15% всей сельскохозяйственной продукции. Внутренние потребности удовлетворялись лишь частично. Это заставляло бедняков продавать свою рабочую силу сельским предпринимателям. Доходы от заработков они вкладывали в развитие и поддержку своего хозяйства. Бедная группа хозяйств несла в себе объективную тенденцию к раскрестьяниванию и субъективно-экономическое стремление к восстановлению полного хозяйственного статуса.

В середняцкой III группе преобладало устойчивое простое воспроизводство традиционного мелкотоварного хозяйства. Доля их дворов составляла 33,9–35,1%. Они имели 35,8–36,8% семейных работников и производили 24–33% всей продукции.

Таким образом, осуществленная общая характеристика компонентной базы системы крестьянского хозяйства Западной Сибири рубежа XIX–XX вв. позволила оценить его общее состояние. Оно определялось двумя главными взаимосвязанными процессами. Во-первых, это циклический социокультурный и экономический процесс воспроизводства традиционной, семейно-трудовой, мелкотоварной основы крестьянского хозяйства; во-вторых, ускоренное развитие в основных социальных группах крестьянских хозяйств товарно-денежных отношений, обусловленное воздействием утвердившегося в регионе общероссийского товарного рынка. Если в хозяйствах бедняков и середняков – основной массы земледельцев – этот процесс в видимых, описательно-статистических формах не отразился, то у зажиточных хозяев он вылился в формирование устойчивой, явно выраженной предпринимательской системы, имевшей рыночно-капиталистическое происхождение и товарную природу.

Таблица 19

Распределение населения, трудовых ресурсов и средств производства среди хозяйств различных социальных групп земледельческой специализации*

Показатели	Группы хозяйств с посевом, дес.								Хозяйства в целом	
	0		0,1–3,9		4–8,9		9 и более			
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Население двора, чел.	86	8,3	240	23,1	382	36,7	332	31,9	1040	100
Семейные работники, чел.	43	7,9	118	21,6	201	36,8	184	33,7	546	100
Рабочий скот, голов	14	1,8	108	14,0	201	26,1	448	58,1	771	100
Коровы, голов	19	2,9	98	14,7	181	27,2	367	55,2	665	100
Весь посев, дес.	0	0	113	9,1	402	32,5	724	58,4	1239	100
Запасы хлеба, пуд.	0	0	4,7	0,3	127,3	8,2	1428	91,5	1560	100
Сено, в копнах	57	0,9	902	13,8	2171	33,3	3392	52,0	6522	100
Посев овса, дес.	0	0	39	8,0	154	31,5	296	60,5	489	100
Дворов в группе	24	12,6	49	25,6	67	35,1	51	26,7	191	100

* Абс. – абсолютные групповые значения показателей; % – доля группы по показателю.

Таблица 20

Распределение населения, трудовых ресурсов и средств производства среди хозяйств различных социальных групп скотоводческой специализации*

Показатели	Группы хозяйств с числом коров								Хозяйства в целом	
	0		1–2		3–6		7 и более			
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Население двора, чел.	29	3,3	270	30,5	308	34,8	278	31,4	885	100
Семейные работники, чел.	11	2,6	116	27,0	154	35,8	149	34,6	430	100
Рабочий скот, голов	8	0,9	113	12,9	234	26,7	523	59,5	878	100
Коровы, голов	0	0	76	8,2	222	24,1	624	67,7	922	100
Весь посев, дес.	1	0,1	130	15,4	276	32,8	437	51,7	844	100
Запасы хлеба, пуд.	0	0	0	0	0	0	1502	100	1502	100
Сено, копен	0	0	1215	14,1	2514	29,2	4872	56,7	8601	100
Посев овса, дес.	0	0	43	13,2	97	29,6	187	57,2	328	100
Дворов в группе	9	5,4	54	32,2	57	33,9	48	28,5	168	100

* Абс. – абсолютные групповые значения показателей; % – доля группы по показателю.

В целом сформировалась достаточно четкая, но очень обобщенная и неполная картина крестьянского хозяйства региона. В первую очередь недостаточно точно определена степень вовлеченности в рыночные отношения хозяйств бедной и средней группы и факторы их воспроизводства. Что касается активно включившихся в функционирование капиталистического рынка зажиточных дворов крестьянских хозяйств, то не ясны: во-первых, степень и форма их включенности в товарно-капиталистическое развитие; во-вторых, роль традиционно-экономических и рыночных факторов воспроизводства и, в-третьих, соотношение и соподчиненность предпринимательской и традиционной, семейно-потребительской подсистем хозяйства. Сложившееся положение усугубляется отсутствием в программе переписи 1901 г. сведений о найме, аренде, промыслах и хозяйственном бюджете, с помощью которых возможна прямая оценка степени вовлеченности крестьянских хозяйств в товарно-денежные отношения[1]. Такие репрезентативные подворные, социальные и бюджетные данные практически вообще отсутствуют в корпусе сибирских аграрных статистических источников конца XIX – начала XX в. Имеются лишь непредставительные сведения по бюджетам 21 двора за 1911/12 сельскохозяйственный год[2]. В полученной картине общего состояния экономики западносибирской деревни совершенно не отразился внутренний строй хозяйства отдельных социально-экономических групп крестьянства.

Дальнейшее исследование поставленной в настоящей работе проблемы, таким образом, становится возможным лишь на основе скрытой, структурной информации, раскрывающей внутренний социально-экономический строй крестьянских хозяйств в целом и в отдельных социальных группах. С этой целью обратимся к результатам корреляционного и регрессионно-факторного анализа данных сельскохозяйственной переписи 1901 г.

3.2. Производственный экономический строй хозяйства различных социальных групп крестьянства Западной Сибири в конце XIX – начале XX в.

Внутренний строй крестьянского хозяйства Западной Сибири на рубеже XIX–XX вв. представлял собой структуру, сформировавшуюся в ре-

[1] См.: *Ковальченко И.Д.* Аграрный строй России… С. 350.
[2] См.: *Переселенцы*, приселившиеся к старожилам… С. 463–504.

зультате взаимодействия базисной традиционной, семейно-потребительской хозяйственной культуры и образованной в ее рамках в результате мощного воздействия всероссийского рынка адаптационной подсистемы товарно-капиталистических отношений. В связи с этим представляется необходимым, во-первых, выявить степень и формы включенности хозяйств различных групп в систему товарно-капиталистического рынка и образовавшихся рыночно-адаптационных подсистем; во-вторых, выяснить различия социально-экономических групп в уровне производства, производственных структурах, а также характере и факторах воспроизводства; в-третьих, раскрыть экономическую природу внутреннего строя в хозяйствах различных групп и тенденции их развития; в-четвертых, определить роль предпринимательской системы хозяйствования в зажиточных дворах.

Решение поставленных задач серьезно корректируется результатами общей характеристики компонентной основы крестьянской экономики. Они требуют большого внимания при изучении внутренней структуры бедных и средних хозяйств. В зажиточной группе необходимо строгое измерение соотношения потребительских и предпринимательских компонентов хозяйства. Все это позволяет более объективно и взвешенно определить формы и глубину модернизации крестьянского хозяйства региона в исследуемый период. Но прежде кратко остановимся на некоторых аспектах формирования внутренней структуры крестьянского хозяйства России и Сибири в предшествующую эпоху.

Исходным пунктом формирования внутреннего строя крестьянского хозяйства изучаемого периода являлась внутренняя структура крестьянского хозяйства, включенного в социально-экономическую систему Российской цивилизации XVII и XVIII–XIX вв.

Земельный надел, предоставлявшийся крестьянину землевладельцем за изъятие его прибавочного труда в форме феодальной денежной (или натуральной) ренты, служил главным средством удовлетворения необходимых потребностей земледельца. Другой важный социально-экономический фактор, определявший производственно-экономический строй хозяйства зависимого крестьянина, – слабость его связей с рынком, натурально-потребительский, патриархальный характер производства, при котором «условия хозяйствования целиком или в подавляющей части производятся в самом хозяйстве, возмещаются и воспроизводятся непосредственно из его валового продукта»[1].

[1] *Маркс К.* Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25, ч. 2. С. 359.

Традиционный семейно-потребительский характер, ориентированность на внутреннее потребление и слабость связей с рынком обусловливали тот факт, что во внутреннем строе хозяйства зависимого от землевладельца крестьянина очень важную роль в воздействии на производственную деятельность приобретали тесно взаимосвязанные населенность двора и семейные рабочие ресурсы[1].

В дальнейшем, с развитием и утверждением рыночных отношений и вовлечением в них крестьянского хозяйства, положение изменилось: ведущая роль перешла к производственным факторам, главное место среди которых занял рабочий скот. Об этом вполне определенно свидетельствуют результаты исследования С.И. Толстова, основанного на математико-статистической обработке окладных книг по приписной деревне Алтайского горного округа за 20–50-е гг. XIX в.[2] Еще более усилилась роль производственных ресурсов в функционировании и развитие крестьянского хозяйства Западной Сибири в пореформенный период – время полного утверждения товарно-денежных отношений и завершения формирования регионального сельскохозяйственного рынка. На рубеже XIX–XX вв. в западносибирском крае утвердился общероссийский рынок. Он придал отмеченной хозяйственной тенденции новый импульс. В связи с этим производственно-технические ресурсы крестьянского хозяйства вышли на первый план.

Первоначально рассмотрим данные корреляционного анализа сведений переписи 1901 г., характеризующие взаимосвязь размеров семьи с социально-производственными показателями (см. табл. 21). Как следует из них, во всех социальных группах хозяйств совершенно отсутствует взаимозависимость между размерами семьи и размерами производства в товарной отрасли. Практически аналогична роль семьи и по отношению к неспециализированной, потребительской отрасли хозяйства. Исключение здесь представляет средняя животноводческая группа с 3–6 коровами. В ней населенность двора довольно тесно связана с размером посева и (0,55) и числом рабочих лошадей (0,64), что свидетельствует о чрезмерно

---

[1] См.: *Пушков В.П.* Хозяйство беглых крестьян Алатырского и Арзамасского уездов в середине XVII в. // Математические методы в исследованиях по социально-экономической истории. М., 1975. С. 92, 109; *Ковальченко И.Д., Моисеенко Т.Л., Селунская Н.Б.* Указ. соч. С. 104.

[2] См.: *Толстов С.И.* Производственно-структурные изменения крестьянского хозяйства Алтайской приписной деревни в 20–50-е гг. XIX в. // Историко-культурное развитие Западной Сибири в XVII–XX вв. Томск, 2002. С. 66–68; *Он же*. Крестьянское хозяйство алтайской приписной деревни в 20–50-е гг. XIX в. // Интеграция приписной деревни и горнозаводского производства на кабинетских землях Сибири. Томск, 2006. С. 120–123.

слабой товарности зернового хозяйства в данной группе. Главный акцент средние хозяева животноводческих волостей сделали на развитие мясомолочного хозяйства. Очевидно также, что в земледельческих дворах было более сбалансированное в отраслевом отношении товарное хозяйство. Все это в целом твердо указывает на то, что в крестьянском хозяйстве региона изучаемого периода размеры семьи не определяли процесс развития и размеры производства. Вместе с тем следует отметить определенную напряженность, вносимую в производственный баланс ростом семьи. Увеличение семьи приводило к снижению уровня хозяйства относительно среднегрупповой нормы. Об этом убедительно свидетельствует довольно тесная обратная взаимосвязь между населением и душевым производством в товарной отрасли во всех группах (соответствующие коэффициенты корреляции от (–0,61) до (–0,70) в зерновой выборке, от (–0,66) до (–0,69) – в скотоводческой).

Не менее интересна довольно тесная взаимосвязь размеров семьи с количеством семейных работников (от 0,42 до 0,82). Она отчетливо указывает на потребительский характер семейной рабочей силы. Эта взаимозависимость – самое яркое свидетельство традиционной природы крестьянского хозяйства с преобладанием семейного труда. Семейные работники также выступают в данной взаимосвязи как источник воспроизводства хозяйства и семьи[1].

Таким образом, несмотря на то, что семья была конечной целью крестьянского хозяйства, она не определяла его воспроизводства и развития. Решающая роль принадлежала производственно-экономической базе и семейным работникам.

Рассмотрим теперь состояние структуры взаимосвязей главных компонентов производственно-технической базы в хозяйствах отдельных социальных групп и целом (см. табл. 22 и 23).

Ее определяют производственные показатели в расчете на 1 двор, 1 душу, 1 семейного работника и на 1 голову рабочего или продуктивного скота. Предварительно же следует учесть, что исследованию подлежат специализированные типы хозяйств. Это требует акцентирования на взаимосвязях общих и типообразующих элементов производственной базы. Таковыми для земледельческой специализации являются рабочий скот и посев, а для скотоводческой – рабочие лошади и продуктивный скот. Именно на данные пары признаков следует опираться в первую очередь.

[1] См.: *Чаянов А.В.* Организация крестьянского хозяйства… С. 214–215, 320.

Таблица 21

Взаимосвязь размеров семьи с социальными и производственными показателями в хозяйствах различных групп (коэффициент корреляции 0, …)*

Показатели	Земледельческие хозяйства с посевом, дес.			Животноводческие хозяйства с числом коров, голов		
	0,1–3,9	4–8,9	9 и более	1–2	3–6	7 и более
Работников на 1 двор	67	82	73	42	74	61
Рабочего скота на 1 двор	0	0	0	0	64	0
Продуктивного скота на 1 двор	0	0	0	0	0	0
Всего посева на 1 двор	0	0	0	0	55	30
Продуктивного скота на 1 душу	–44	–53	–62	–69	–66	–66
Всего посева на 1 душу	–61	–70	–64	–32	0	0

* Значение «0» – взаимосвязь отсутствует (не значима).

Как следует из данных рассматриваемых таблиц, в зерновой специализации была очень высокая степень сбалансированности между рабочими лошадьми, продуктивным скотом и посевами в хозяйствах средней и зажиточных групп. Теснота взаимосвязей здесь практически на всех уровнях, кроме подворного[1], в среднем имела значение от 0,72 до 0,90. В бедной II группе достаточно сильна только взаимозависимость между тягловым скотом и посевами в расчете на 1 голову продуктивного скота (0,75). Другие взаимосвязи либо слабы, либо отсутствуют. В животноводческих дворах, включая бедные, сбалансированность между скотом и посевами в расчете на 1 душу и на 1 работника несколько ниже: в среднем от 0,42 до 0,64. Но столь же высока специализированная взаимозависимость между рабочими лошадьми и продуктивным скотом на 1 дес. посева: ее значение в средней III группе 0,87; в зажиточной 0,86; во II группе только 0,44.

Сложившаяся погрупповая картина содержит в себе ряд несовпадений и противоречий. Она также не учитывает межгрупповые (внутридеревенские) социальные связи и влияние целостно-системных, общинных факторов крестьянской жизни. Поэтому необходимо обратиться к более информативным и объективным сведениям, представляющим производственно-техническую базу крестьянского хозяйства в целом. Они дают по обеим специализациям вполне определенную картину очень высокой сбалансированности основных производственных компонентов на всех без исключения уровнях: значения корреляции располагаются в пределах от 0,66 до 0,85.

[1] Двор, как уже отмечалось, разномасштабная единица расчета. Это уменьшает значение корреляционных коэффициентов в подворном аспекте.

Таблица 22

Сбалансированность компонентов производственно-технической базы в крестьянских хозяйствах земледельческой специализации (коэффициент корреляции 0, …)

Группы с посевом, дес.	Коррелируемые признаки расчете	Пары коррелируемых признаков			
		Рабочие лошади – продуктивный скот	Рабочие лошади – посев	Продуктивный скот – посев	Средний коэффициент корреляции
0,1–3,9 II	1. На 1 двор	26	30	0	0
	2. На 1 душу	0	0	56	0
	3. На 1 семейного работника	0	30	21	0
	4. На 1 голову продуктивного скота		75		75
4–8,9 III	1. На 1 двор	47	52	46	48
	2. На 1 душу	76	81	76	78
	3. На 1 семейного работника	68	81	67	72
	4. На 1 голову продуктивного скота		90		90
9 и более IV	1. На 1 двор	67	55	47	56
	2. На 1 душу	88	78	78	81
	3. На 1 семейного работника	86	83	79	83
	4. На 1 голову продуктивного скота		81		81
Хозяйства в целом	1. На 1 двор	81	84	76	80
	2. На 1 душу	83	82	79	81
	3. На 1 семейного работника	86	87	82	85
	4. На 1 голову продуктивного скота		77		77

Решающую роль в формировании общекрестьянской системы, безусловно, сыграли зажиточные и средние хозяева. Об этом свидетельствует принципиальное сходство их групповых средних коэффициентов корреляции с общими значениями сбалансированности по уровням (в душевом аспекте).

Таким образом, в хозяйствах средних и состоятельных крестьян Западной Сибири конца XIX – начала XX в., представлявших примерно две трети от числа всех земледельцев, была очень высокая степень сбалансированности главных производственных компонентов. Взаимосвязи меж-

ду ними имели значения 0,7–0,8. Это свидетельствует о том, что функционирование и развитие производственно-технической базы стабильно воспроизводившегося крестьянского хозяйства региона определялось воздействием очень мощного, внешнего социально-экономического фактора – системы общероссийского аграрного рынка. Следовательно, производственно-технический строй хозяйства зажиточных и средних крестьян испытывал регулирующее влияние объективных закономерностей товарно-капиталистического народного хозяйства.

Таблица 23

Сбалансированность компонентов производственно-технической базы в крестьянских хозяйствах скотоводческой специализации (коэффициент корреляции 0, …)

Группы с числом коров	Коррелируемые признаки в расчете	Пары коррелируемых признаков			
		Рабочие лошади – продуктивный скот	Рабочие лошади – посев	Продуктивный скот – посев	Средний коэффициент корреляции
1–2 II	1. На 1 двор	60	60	48	56
	2. На 1 душу	73	72	43	63
	3. На 1 семейного работника	59	72	55	62
	4. На 1 дес. посева	44			44
3–6 III	1. На 1 двор	57	69	58	61
	2. На 1 душу	31	63	33	42
	3. На 1 семейного работника	57	64	41	54
	4. На 1 дес. посева	87			87
7 и более IV	1. На 1 двор	76	67	50	64
	2. На 1 душу	72	33	31	45
	3. На 1 семейного работника	60	63	38	54
	4. На 1 дес. посева	86			86
Хозяйства в целом	1. На 1 двор	86	78	70	78
	2. На 1 душу	80	61	58	66
	3. На 1 семейного работника	76	74	61	70
	4. На 1 дес. посева	80			80

Сформулированное положение имеет концептуальное значение. Положенные в его основу факты говорят об очень быстрой адаптации западносибирской деревни к новым для нее требованиям и конъюнктуре общероссийского рынка. Настройка на новые рыночные условия произошла в течение 1897–1901 гг. Это свидетельство огромного социально-адаптационного и экономического потенциала, накопленного традиционным мелкотоварным хозяйством Западной Сибири в пореформенный период в условиях свободного, но узкого регионального рынка.

Рассмотренные данные также свидетельствуют о том, что в Западной Сибири рубежа XIX–XX вв. ведущая роль принадлежала хлебно-зерновой специализации. Она была сильнее развита в рыночном отношении и имела более комплексный характер. На это указывает высокий уровень корреляции в земледельческом крестьянском хозяйстве. Средняя поаспектная теснота взаимосвязей здесь колебалась около значения 0,8, в то время как в животноводческих дворах она была близка к 0,7. Кроме того, во дворах зерновой специализации выше, чем в скотоводческой специализации, сбалансированность компонентов в неспециализированной (в данном случае – животноводческой) отрасли. Об этом свидетельствует тот факт, что средний поаспектный коэффициент корреляции между типообразующей парой признаков «рабочие лошади – посев» здесь выше, чем средний коэффициент для пары «рабочие лошади – продуктивный скот», только на 0,01 (0,84 против 0,83). В животноводческих дворах аналогичный показатель составил 0,10 (0,81 против 0,71).

Маломощные, бедные хозяйства вовлекались в процесс приспособления к требованиям капиталистического рынка со значительным отставанием и в других формах. Собственное хозяйство у крестьян-бедняков земледельческой выборки было преимущественно натурально-потребительским. Взаимосвязи между скотом и посевами в подушевом и организационно-производственном планах у них отсутствуют либо проявляются спорадически. Вместе с тем наблюдается высокая сбалансированность между рабочими лошадьми и посевом в расчете на 1 голову продуктивного скота (0,75). Эту парадоксальную ситуацию можно объяснить лишь тем, что бедные земледельцы, как и их сообщинники, старались вести свое небольшое товарное зерновое производство на уровне рыночных требований, вкладывая в него средства, заработанные продажей своей рабочей силы. В скотоводческих волостях бедные хозяева стремились развивать свое товарное животноводческое производство: коэффициенты корреляции для пары признаков «рабочие лошади – продуктивный скот» в их дворах от

0,44 до 0,73. Они опирались в этом на общинную структуру традиционного скотоводства (выгон, сенокосы, общинные пастухи и др.). Но свою продукцию они вынужденно сбывали только на местном рынке. На это указывает то, что величина корреляции для данной пары признаков в расчете на 1 дес. посева значительно меньше 0,70 (0,44). Таким образом, бедные дворы животноводческой специализации на рубеже XIX–XX вв. в общероссийский капиталистический рынок еще не включились.

В системе проанализированных производственных признаков выделяются показатели в расчете на 1 голову скота и на 1 дес. посева. Они имеют стабильно высокий уровень сбалансированности как в отдельных группах, так и в крестьянском хозяйстве в целом. Это показатели фондовооруженности хозяйства. Они выражают наиболее глубинный, рыночно-производственный аспект материально-технической базы товарного хозяйства. Остановимся на показателях фондооснащенности подробнее для обоснования выдвинутого положения о подчинении крестьянского товарного производства капиталистическому рынку.

Это направление аграрных исследований предложил и разработал И.Д. Ковальченко. Суть его метода в следующем. В условиях господства капиталистического рынка регулятором рыночных цен являются цены производства, которые складываются из издержек производства и средней прибыли[1]. Чтобы получить среднюю прибыль и тем самым сохранить устойчивость и конкурентоспособность, крестьянину, ведущему самостоятельное хозяйство, необходимо поддерживать издержки производства на уровне не выше общественно необходимых затрат. Это требует, чтобы его хозяйство было в должной степени обеспечено производственными фондами. Фондовооруженноость, отражающая уровень общественно необходимых затрат капитала, во всех социальных типах крестьянского хозяйства должна быть примерно одинаковой. Равная фондовооруженность и обеспечивает получение одинаковой (средней) прибыли. Следовательно, выявив в различных социальных категориях западносибирского крестьянства наличие примерно одинаковой оснащенности производственными фондами, а значит, и возможность получения средней прибыли, можно доказать их подчиненность законам товарно-капиталистического рынка[2].

Эта задача была решена И.Д. Ковальченко на основе бюджетных данных и статистико-описательной методики. На основе же сведений сель-

[1] *Маркс К.* Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25, Ч. 2. С. 172.
[2] См.: *Ковальченко И.Д.* О буржуазном характере…

скохозяйственных переписей 1901 и 1916 гг. и других сибирских статистических материалов данная задача неразрешима, поскольку по крестьянскому хозяйству края начала XX в. имеется лишь 21 подворный бюджет[1]. Поэтому предпринимаемая в настоящей работе попытка решить ее с помощью корреляционной методики является пока единственно возможным вариантом.

Как уже отмечалось, перепись 1901 г. дает очень приблизительные представления о фондовооруженности крестьянского хозяйства (см. табл. 17 и 18). В данном случае фондовооруженность – это производственные показатели, рассчитанные на 1 дес. посева или на 1 голову скота. То есть мы имеем только существенный фрагмент фондовооруженности. Он различен в различных типах хозяйства и даже в отдельных хозяйствах. Но его изменения, поскольку все крестьянские дворы находились в одинаковых рыночных условиях, должны были происходить по единому закону и быть едиными с изменениями фондовооруженности в целом. В общем, с точки зрения отношений и динамики изменений наш фрагмент вполне представлял полную фондовооруженность. Именно потому при решении данного вопроса можно воспользоваться корреляционной методикой, построенной на основе относительных величин.

Обратимся к результатам корреляционного анализа подворных данных переписи, представленным в табл. 24. Как видно из нее, почти во всех группах хозяйств, исключая только бедные животноводческие дворы, а также по крестьянскому хозяйству в целом, оснащенность производственными фондами (издержки производства) практически не зависела от уровня производства и обеспеченности рабочими ресурсами, а также от показателей, характеризующих достигнутый в хозяйстве уровень капиталовооруженности и производительности труда (рабочий скот, продуктивный скот и посев в расчете на 1 семейного работника). В большинстве случаев коэффициенты корреляции между фондовооруженностью и отмеченными внутрихозяйственными сторонами незначимы либо малозначимы[2].

Достаточно значимые коэффициенты (от 0,43 до 0,50) есть только во II малокоровной группе, еще не вошедшей в общероссийский рынок. Они указывают на нерациональную перегруженность производственных фондов бедных животноводческих дворов рабочим скотом и на падение доли

[1] См.: *Переселенцы*, приселившиеся к старожилам…: Таблица сведений о бюджетах хозяйств старожилов Сибири. С. 463–504.

[2] Для уровня доверительной вероятности в 99,5%.

коров в стаде продуктивного скота ниже необходимого уровня при росте душевой обеспеченности посевами.

Итак, в основной массе крестьянских хозяйств Западной Сибири рубежа XIX–XX в. оснащенность производственными фондами внутрихозяйственными факторами не определялась. Ее уровень определенно обусловливался единым для всех хозяйств внешним фактором. Несомненно, что в условиях господства в экономике пореформенной России, и региона в частности, товарно-капиталистических рыночных отношений этим фактором был уровень общественно-необходимых затрат, следовательно, большинство крестьянских хозяйств региона имели примерно одинаковую фондовооруженность (или издержки производства в расчете на производственную единицу) и на одинаковые производственные издержки получали одинаковую среднюю прибыль (чистый доход). Об этом же, в частности, свидетельствуют материалы уже подвергнутой анализу табл. 24. Некоторые из показателей фондовооруженности можно также интерпретировать как показатели доходности хозяйства в расчете на производственную единицу. Для земледельческой выборки таковыми являются посев в расчете на 1 голову рабочего скота, а для животноводческой – продуктивный скот, рассчитанный на 1 голову рабочего скота. Как и все характеристики фондооснащенности, указанные показатели были одинаковыми для всех категорий крестьянских хозяйств региона, стало быть, различные по экономической мощности крестьянские дворы получали примерно одинаковые доходы в расчете на единицу издержек.

В общем, анализ производственно-технического строя на предмет соответствия производственных издержек уровню общественно необходимых затрат также подтверждает вывод о том, что в основной массе крестьянских хозяйств региона на рубеже XIX–XX вв. внутренний, производственно-технический строй хозяйства был подчинен рыночным закономерностям, при господстве которых регулятором рыночных цен выступали цены производства. Большинство крестьянских хозяйств придерживались рыночных требований: производственные издержки в них поддерживались на уровне средних, общественно необходимых на данный момент затрат, что позволяло им получать среднюю прибыль.

Таблица 24

Взаимосвязи показателей фондовооруженности с основными элементами крестьянского хозяйства (коэффициент 0, …)

Группы	Показатели фондовооруженности	На 1 душу				На 1 семейного работника			Уровень значимости
		Семейных работников	Рабоч. скота	Прод. скота	Посева	Рабоч. скота	Прод. скота	Посева	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Хозяйства зерновой специализации в целом	На 1 голову рабочего скота:								24
	– продуктивного скота	–14	–08	–	01	11	–	–01	
	– посева	05	–06	06	–	–06	06	–	
	На 1 голову продуктивного скота:								
	– рабочего скота	–06	07	–	–03	10	–	01	
	– коров	–08	–04	05	–08	–04	02	–08	
	– посева	01	02	–	–	04	–	–	
	На 1 дес. посева:								
	– рабочего скота	08	–	–01	–20	09	–02	–21	
	– продуктивного скота	–09	0	–	–16	–02	–	–18	
Хозяйства животноводческой специализации в целом	На 1 голову рабочего скота:								24
	– продуктивного скота	12	–15	–	05	–19	–	–05	
	– посева	04	–	–18	–	–	–19	–	
	На 1 голову продуктивного скота:								
	– рабочего скота	–05	16	–	08	–	–	12	
	– коров	0	–01	11	11	–06	–07	–11	
	– посева	–10	19	–	–	–11	–	–	
	На 1 дес. посева:								
	– рабочего скота	09	0	28	–18	0	26	–14	
	– продуктивного скота	12	24	–	0	20	–	–17	

Продолжение табл. 24

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
IV группа с посевом 9 и более дес.	На 1 голову рабочего скота: – продуктивного скота – посева	19 –01	–14 –	– –33	01 –05	–22 –	20 35	–11 –11	32
	На 1 голову продуктивного скота: – рабочего скота – коров – посева	–11 19 –13	04 14 24	– 23 –	–03 05 –07	08 06 –22	– 17 –	02 –05 –04	
	На 1 дес. посева: – рабочего скота – продуктивного скота	05 21	– 37	36 –	11 –	– 26	39 –	12 –01	
III группа с посевом 4–8,9 дес.	На 1 голову рабочего скота: – продуктивного скота – посева	10 19	05 –	– 06	24 25	–05 –12	– –02	11 13	35
	На 1 голову продуктивного скота: – рабочего скота – коров – посева	–9 –10 0	–17 –01 –26	– –06 –	–27 –09 –15	–01 –01 –17	–16 –09 –	–15 –07 –08	
	На 1 дес. посева: – рабочего скота – продуктивного скота	–20 –01	– 32	01 –	–22 16	– 22	12 –	–11 09	
II группа с посевом 0,1–3,9 дес.	На 1 голову рабочего скота: – продуктивного скота – посева	–10 –18	–23 –	– –04	–04 15	–25 –	– –23	–13 18	23
	На 1 голову продуктивного скота: – рабочего скота – коров – посева	14 –14 15	– –13 03	– 17 –	–10 16 14	– 03 11	– 25 –	05 25 –	
	На 1 дес. посева: – рабочего скота – продуктивного скота	24 –15	– 16	01 –	–28 –17	– 12	08 –	– –33	

Окончание табл. 24

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
IV группа с 7 и более коровами	На 1 голову рабочего скота: – продуктивного скота – посева	 05 19	 – –	 10 –15	 –16 –	 – –	 20 –17	 –30 –	32
	На 1 голову продуктивного скота: – рабочего скота – коров – посева	 –06 –07 08	 – 01 –04	 –08 04 –	 31 –18 –	 – –05 19	 –14 0 –	 28 11 –	
	На 1 дек. посева: – рабочего скота – продуктивного скота	 18 22	 – 15	 25 –	 –31 –	 – –01	 13 20	 –31 –	
III группа с 3–6 коровами	На 1 голову рабочего скота: – продуктивного скота – посева	 14 –03	 – –27	 – 09	 –15 –	 – –26	 22 –01	 –20 –	35
	На 1 голову продуктивного скота: – рабочего скота – коров – посева	 –19 27 –24	 – –10 –13	 – 21 –	 12 –03 –	 – –34 20	 – –09 –	 15 –16 –	
	На 1 дек. посева: – рабочего скота – продуктивного скота	 –10 –05	 08 –18	 –03 08	 – 04	 23 34	 – –	 – –	
II группа с 1–2 коровами	На 1 голову рабочего скота: – продуктивного скота – посева	 –05 –05	 – 30	 01 –28	 –34 –	 – –27	 08 11	 –36 –	23
	На 1 голову продуктивного скота: – рабочего скота – коров – посева	 12 –24 02	 – –37 22	 10 –29 –21	 48 –47 –	 – 38 35	 08 – 12	 50 –43 –	
	На 1 дек. посева: – рабочего скота – продуктивного скота	 15 02	 – –16	 26 15	 –07 –	 – –07	 20 –13	 –14 –	

Итак, товарно-производственная подсистема традиционных, мелкотоварных крестьянских хозяйств Западной Сибири (это взаимосвязи производственных показателей в расчете на 1 голову или 1 дес. посева, выражавшие фондовооруженность и частично другие взаимосвязи) подчинялась общим закономерностям утвердившихся в народном хозяйстве страны товарно-капиталистических отношений. Это обусловливало единый товарно-рыночный характер их производственно-экономического строя. Вместе с тем, находясь в общих рыночных условиях, разные социальные категории семейно-трудовых хозяйств отличались мощностью своей традиционной экономической основы – обеспеченностью средствами производства и рабочими ресурсами – и, следовательно, имели различную капиталовооруженность и производительность труда. Это детерминировало их отличия в рыночно-конкурентном аспекте.

Внутренний строй, функционирование и развитие крестьянского хозяйства являлись результатом интегрального взаимодействия семейно-трудовой, мелкотоварной системы хозяйствования и рыночно-капиталистической подсистемы. Рыночная подсистема носила адаптационный характер. Она обеспечивала устойчивость традиционного земледельческого хозяйства в новых рыночно-капиталистических условиях. Большое влияние на данный процесс оказывали отличия традиционных дворохозяйств в конкурентоспособности. Они обусловливали в различных экономических группах крестьянства разные производственные, социально-трудовые методы рыночной адаптации и типы воспроизводства хозяйства. Экономически более мощные дворы, опираясь на более высокую обеспеченность материально-техническими ресурсами и производительность труда и постоянно повышая ее, снижали издержки производства до уровня ниже общественно необходимых. Это позволяло им получать прибыль и расширять хозяйство, увеличивая его производственную базу и масштабы использования труда наемных рабочих. В итоге в состоятельных крестьянских дворах развивалась тенденция предпринимательского ведения хозяйства. Менее зажиточные середняцкие дворы, обладая в достаточной степени лишь необходимой нормой производственно-технических и денежных средств, держались на уровне рыночных требований перенапряжением собственных рабочих ресурсов. Бедные хозяйства дополнительно вкладывали в свое хозяйство деньги от промыслов и продажи семейной рабочей силы. В результате середняки и бедняки имели возможность осуществлять лишь простое воспроизводство. Часть крестьян в своих хозяйственных издержках не достигала общественно необ-

ходимого уровня и вынужденно сокращала товарное производство. Средняя и бедная группы дворов, следовательно, несли в себе сугубо товарно-потребительскую тенденцию.

Таким образом, производственно-технические подсистемы различных социально-экономических типов крестьянских хозяйств начала XX в., имея общий товарно-рыночный характер, отличались типом и факторами воспроизводства, а также соотношением потребительских и предпринимательских черт (тенденций).

Это предполагает направить дальнейшее исследование внутренней структуры хозяйства различных социальных групп западносибирского крестьянства на определение их отличий в соотношении потребительских и предпринимательских черт. Данное соотношение, по существу, выражало особенности взаимодействия традиционной, семейно-трудовой и рыночно-капиталистической подсистем хозяйствования в разных экономических типах крестьянских дворов. Наибольший интерес в данном плане представляют хозяйства зажиточного типа с отчетливо выраженной предпринимательской тенденцией.

Прежде чем продолжить исследование в данном направлении, уточним содержание понятия «предпринимательское хозяйство». По классическому определению К. Маркса, предпринимательским, или промышленным, является всякое хозяйство, ведущееся на чисто капиталистической основе[1]. Капитальная стоимость, которая лежит в основе промышленного предприятия, в своем движении обязательно должна проходить денежную, производительную и товарную стадию, представляя в целом их единство и выполняя в каждой из них соответствующие функции: соединение средств производства и наемной рабочей силы для капиталистического процесса производства, производство стоимости и прибавочной стоимости и реализация прибавочной стоимости. Далее она должна возвратиться к исходному пункту, т.е. принять денежную форму с тем, чтобы начать новый акт капиталистического производства.

Исходя из этого, к классическому предпринимательскому типу можно отнести такие крестьянские хозяйства, в которых производственные издержки (расходы на хозяйство и рабочую силу) более чем наполовину осуществлялись в денежной форме, а в процессе производства, имеющем целью извлечение прибавочной стоимости в форме прибыли, преобладающую роль играл труд наемных рабочих[2]. В результате реализации продук-

[1] *Маркс К.* Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 24. С. 60.

[2] Это значило бы превращение семейной кооперации в собственно капиталистическую.

ции на рынке предпринимательское крестьянское хозяйство получало прибыль, позволявшую возобновить акт капиталистического производства в расширенных или, по крайней мере, в прежних масштабах.

Все указанные стороны предпринимательского типа хозяйства тесно связаны между собой и обусловливают друг друга. Наиболее важными, системообразующими чертами являются господство труда наемных рабочих и прибыль. Это и понятно: труд наемных рабочих служит источником прибавочной стоимости, прибыль же является той формой, которую в процессе капиталистического производства принимает прибавочная стоимость[1]. Уничтожение или отсутствие одной из этих сторон приводит к разрушению качества, образующего чисто капиталистический предпринимательский разряд хозяйства. Так, хозяйства, в которых использование наемного труда направлено только на получение необходимого продукта или прибыль извлекается, главным образом, благодаря труду семейных рабочих, к категории собственно капиталистических отнести нельзя. Следовательно, к чисто предпринимательскому, капиталистическому типу относятся те крестьянские хозяйства, которые осуществляют расширенное воспроизводство (получают регулярную прибыль) и используют преимущественно труд наемных работников. Вместе с тем следует учесть, что в комплексном критерии предпринимательской системы хозяйствования (прибыль и наемный труд) ведущая, системообразующая роль принадлежит прибыли, так как именно она является субъективно полагаемой (предпринимателем) реальной целью хозяйствования. Прибыль в форме чистого дохода может производить в системе рыночно-капиталистических отношений и мелкий товаропроизводитель. Это позволяет отнести к предпринимательскому направлению и получавшие постоянную прибыль семейно-трудовые, мелкотоварные крестьянские хозяйства.

Для изучения предпринимательства желательны, прежде всего, сведения об использовании крестьянами труда наемных работников. В переписи 1901 г., однако, они отсутствуют. Поэтому можно будет опереться лишь на относительные данные о расширенном воспроизводстве: показатели специализации, капиталовооруженности, производительности и эффективности труда, сведения о запасах хлеба и обеспеченности кормами.

Рассмотрим взаимосвязи уровня производства с основными социально-экономическими элементами крестьянского хозяйства. В качестве

[1] *Маркс К.* Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25, ч. 2. С. 454–455.

интегрального показателя уровня производства в земледельческой выборке был взят весь посев в расчете на 1 душу, а в животноводческой – продуктивный скот в расчете на 1 душу.

Как следует из табл. 25, в зерновой специализации величина всего посева на 1 душу тесно взаимосвязана с душевой обеспеченностью рабочим скотом. По крестьянскому хозяйству в целом корреляция достигает значения 0,82. Очень высока данная взаимозависимость в зажиточных и середняцких хозяйствах: 0,78 и 0,81. В бедной группе, в которой товарное производство было развито слабее, рассматриваемая взаимосвязь менее выразительна – 0,40. Более четко она проявляется в данной группе во взаимосвязи уровня посева с душевой обеспеченностью продуктивным скотом (0,56). Во всех группах дворов также наблюдается довольно тесная сопряженность уровня производства с душевой обеспеченностью сеном (коэффициенты от 0,51 до 0,66). Все это указывает на то, что в земледельческой специализации решающую роль в развитии зернового производства играла обеспеченность тягловым скотом, или уровень развития материально-технической базы хозяйства. Взаимозависимость между посевом на 1 душу и числом приходящихся на 1 душу семейных работников гораздо слабее: от 0,31 до 0,41.

Очень большое значение в увеличении масштабов и повышении уровня производства имели капиталовооруженность и производительность труда, выраженные показателями расширенного воспроизводства («рабочего скота на 1 семейного работника» и «семейных работников на 1 голову рабочего скота»). Действительно, в крестьянском хозяйстве зерновой специализации взаимозависимость данных показателей со всем посевом на душу имела значения 0,72 и (–0,45).

Конкретно по отдельным группам дворов взаимосвязь с душевым посевом интегрального показателя капиталовооруженности и производительности труда – рабочего скота на 1 семейного работника – принимает значения 0; 0,36 и 0,61. Как видно, наиболее тесной анализируемая взаимосвязь была в зажиточной IV группе. Данный факт свидетельствует о том, что состоятельные крестьяне, имевшие хозяйство более необходимого, увеличивали масштабы и уровень производства, вкладывая получаемые доходы[1] в расширение и повышение уровня материально-технической базы хозяйства: увеличение поголовья рабочего скота, приобретение усовершенствованного инвентаря. Это улучшало производи-

[1] Весь посев в расчете на 1 душу можно также истолковать как уровень доходности.

тельность труда и повышало его эффективность путем снижения издержек живого труда. Повышение капиталовооруженности приводило к появлению ее излишков по отношению к количеству семейных работников. Их нехватка восполнялась наймом рабочих на стороне. В общем, прибыль принимала форму предпринимательских производственных расходов.

Таблица 25

Взаимосвязь уровня производства (всего посева на 1 душу) с основными компонентами крестьянского хозяйства зерновой специализации (коэффициент корреляции 0, …)*

Показатели	Группы хозяйств с посевом, дес.			Хозяйства в целом
	0,1–3,9	4–8,9	9 и более	
	II	III	IV	
Размеры семьи, чел.	–61	–70	–64	–17
Рабочего скота на 1 двор, голов	0	0	39	67
Продуктивного скота на 1 двор, голов	0	0	37	63
Всего посева на 1 двор, дес.	48	37	40	74
Семейных работников на 1 душу	34	41	31	22
Рабочего скота на 1 душу, голов	40	81	78	82
Продуктивного скота на 1 душу, голов	56	76	78	79
Сена на 1 душу, копен	51	66	58	71
Всего посева на 1 семейного работника	79	63	76	86
Рабочего скота на 1 семейного работника, голов	0	36	61	72
Продуктивного скота на 1 семейного работника	37	45	66	74
Семейных работников на 1 голову рабочего скота	–43	–47	–51	–45
Рабочего скота на 1 копну сена, голов	0	0	43	31
Продуктивного скота на 1 копну сена, голов	0	0	41	27

* Значение «0» – взаимосвязь отсутствует (незначима).

В зажиточной группе также есть имеющая предпринимательское значение достаточно тесная взаимосвязь товарного производства с числом голов скота, приходящихся на 1 копну сена. Ее величина 0,41. Она говорит о том, что с увеличением душевой обеспеченности посевами росло и количество продуктивного скота на копну заготовленного сена. Следовательно, росло и количество гулевого мясного скота, который должен был пойти на продажу в течение зимнего периода. Товарное предпринимательское хозяйство зажиточных дворов зерновой специализации, таким

образом, имело комплексный характер, что придавало ему значительную гибкость, устойчивость и огромный конъюнктурно-рыночный и адаптационный потенциал.

Во внутреннем строе дворов бедняков и середняков отмеченные связи были слабыми и выражали развитие в рамках циклического воспроизводства традиционного мелкотоварного хозяйства, осуществлявшегося в новых товарно-капиталистических, рыночных условиях.

При изучении взаимосвязей уровня производства и производственно-технических показателей выяснилось, что многие из них имеют в различных группах крестьянских хозяйств примерно одинаковые или близкие значения. Практически не различалась зависимость уровня производства и от другого важного фактора – душевой обеспеченности семейными рабочими ресурсами (0,34; 0,41; 0,31). Это свидетельство традиционной, мелкотоварной однородности производственной структуры практически всего массива крестьянских хозяйств, включая их зажиточную часть. Внутренний строй товарного производства зажиточных дворов, таким образом, представлял собой целостную переходную структуру, содержащую потребительские и предпринимательские черты и факторы, соотношение которых неопределенно. Кроме того, следует иметь в виду взаимовлияние исследуемых факторов.

С учетом отмеченного обратимся к специальной методике множественной регрессии, позволяющей определить сравнительную роль факторов, влияющих на производственный процесс в различных социальных группах. Факторные признаки избирались, исходя из сущностно-содержательных соображений, из всей совокупности показателей (см. табл. 26). В качестве модели использовались уравнения множественной регрессии со стандартизованными частными коэффициентами. Они показывают, на какую часть своего стандартного отклонения увеличивается (или уменьшается при обратной связи) результативный признак при увеличении рассматриваемого факторного признака на величину своего стандартного отклонения, которое происходит при устранении влияния всех других учтенных в данном уравнении факторных показателей [1]. Все анализируемые факторные признаки получают измерение в одномасштабной единице (стандартное отклонение) и поэтому их воздействие на результативный признак (процесс)[2] можно сравнивать. Отобранные в настоящем исследовании уравнения-модели представлены в табл. 27–30.

[1] См.: *Количественные* методы… С. 167–171.

[2] В нашем случае результативным признаком является «весь посев на 1 душу».

Как видно из данных табл. 27, в II «бедняцкой» группе рост душевого посева происходил лишь при увеличении душевого количества рабочих лошадей (коэффициент 0,89) и улучшении их снабжения кормами (коэффициент 0,45). Своей рабочей силой бедняки, учитывая недостаток рабочего скота и материальных ресурсов, были обеспечены с избытком. В общем рост (развитие) товарного производства был частью восстановления процесса нормального воспроизводства традиционного семейно-потребительского хозяйства в условиях недостаточных ресурсов. Рост уровня зернового производства был возможен лишь при некотором сокращении продуктивного скота (коэффициент (–0,15).

Таблица 26

Средние значения факторных признаков в различных группах крестьянских хозяйств земледельческой специализации

Показатели	Группы хозяйств с посевом, дес.			Хозяйства в целом
	0,1–3,9	4–8,9	9 и более	
	II	III	IV	
Продуктивного скота на 1 двор, голов	2,3	3,3	8,5	4,1
Посева ржи на 1 двор, дес.	0,1	0,5	0,9	0,4
Сена на 1 двор, копен	18,4	32,4	66,5	34,0
Семейных работников на 1 душу, чел.	0,51	0,54	0,58	0,55
Рабочего скота на 1 душу, голов	0,5	0,8	1,7	0,9
Коров на 1 душу, голов	0,5	0,6	1,4	0,7
Продуктивного скота на 1 душу, голов	0,6	0,7	1,6	0,8
Сена на 1 душу, копен	4,2	6,7	12,2	6,8
Рабочего скота на 1 семейного работника, голов	0,9	1,6	3,2	1,7
Семейных работников на 1 голову рабочего скота	1,3	0,8	0,5	0,9
Продуктивного скота на 1 голову рабочего скота, голов	1,2	0,9	1,0	1,0
Посева овса на 1 голову рабочего скота, дес.	0,4	0,6	0,7	0,6
Всего посева на 1 голову рабочего скота, дес.	1,2	1,6	1,8	1,5
Сена на 1 голову рабочего скота, копен	9,3	8,4	8,3	8,5
Продуктивного скота на 1 дес. всего посева, голов	1,2	0,6	0,6	0,7
Доля овса в посеве, %	34	37	41	37
Рабочего скота на 1 копну сена, голов	0,12	0,14	0,16	0,15
Продуктивного скота на 1 копну сена, голов	0,13	0,12	0,15	0,13

Таблица 27

Роль различных факторов в воздействии на уровень производства (весь посев в расчете на 1 душу) в крестьянских хозяйствах земледельческой специализации (регрессионная модель 1)

Показатели	Группы хозяйств с посевом, дес.		
	0,1–3,9	4–8,9	9 и более
	II	III	IV
	Стандартизованные коэффициенты регрессии		
Рабочего скота на 1 душу	0,89	0,59	0,69
Семейных работников на 1 душу	0	0,33	0,21
Семейных работников на 1 голову рабочего скота	0	–0,17	–0,35
Продуктивного скота на 1 двор, голов	–0,15	0	0
Посева ржи на 1 двор, дес.	0	0,11	0
Посева овса на 1 голову рабочего скота, дес.	0,45	0,44	0,49
Сена на 1 голову рабочего скота, копен	0	0,09	0
Суммарная роль учтенных факторов, %	81,6	89,6	81,1
Неучтенные факторы, %	18,4	10,4	18,9

Таблица 28

Роль различных факторов в воздействии на уровень производства (посев в расчете на 1 душу) в крестьянских хозяйствах земледельческой специализации (регрессионная модель 2)

Показатели	Группы хозяйств с посевом, дес.		
	0,1–3,9	4–8,9	9 и более
	II	III	IV
	Стандартизованные коэффициенты регрессии		
Рабочего скота на 1 душу	0,93	0,98	0,40
Семейных работников на 1 душу	0	0	0,40
Рабочего скота на 1 семейного работника, голов	0	–0,26	0,59
Продуктивного скота на 1 двор, голов	0	0	–0,39
Посева ржи на 1 двор, дес.	0	0,12	0
Сена на 1 двор, копен	–0,16	0	0,28
Посева овса на 1 голову рабочего скота, дес.	0,38	0,47	0,43
Продуктивного скота на 1 копну сена	–0,17	–0,10	0,40
Суммарная роль учтенных факторов, %	83,8	89,2	82,3
Неучтенные факторы, %	16,2	10,8	17,7

Средняя III группа дворов имела достаточную производственно-техническую базу. Но в ней также наблюдается большая роль в разви-

тии товарного производства факторов уровня обеспеченности тягловым скотом (0,59) и кормами, представленными в признаках «посева овса на 1 голову рабочего скота» (0,44) и «сена на 1 голову рабочего скота» (0,09). Это, с одной стороны, еще раз говорит об определяющем значении материально-технических ресурсов (в том числе рабочего скота) в воспроизводстве традиционного мелкотоварного хозяйства, а с другой – свидетельствует о наличии в цикле традиционного воспроизводства процесса линейного социально-экономического развития. Он заключался в повышении уровня личного и производственного потребления, осуществлявшегося в рамках ценностей традиционной духовной и хозяйственной культуры. Нижний слой середняков, имея недостаточные ресурсы, стремилась довести свое хозяйство до нормального уровня, увеличивая количество рабочего скота и кормовую базу. Зажиточные середняки таким образом улучшали качество своей жизни. Именно на это, в частности, указывает и чисто потребительский факторный признак «посева ржи на 1 двор» (0,11).

Рост потребительского, мелкотоварного производства в хозяйствах середняков, естественно, резко повысил роль семейных работников (0,33) и даже вызвал повышение эффективности труда путем снижения числа семейных работников, приходившихся на 1 голову рабочего скота (–0,17). Это проявлялось в двух формах: интенсификация труда и увеличение рабочего времени; применение усовершенствованного сельскохозяйственного инвентаря. Как видно из измененной регрессионной модели (см. табл. 28), в которой сравнительно с рассматриваемым уравнением, факторный признак «семейных работников на 1 голову рабочего скота» заменен на обратный ему признак капиталовооруженности труда – «рабочего скота на 1 семейного работника», в III группе рост душевого посева происходил при падении капиталовооруженности (коэффициент (–0,26). Следовательно, результативность росла за счет экстенсивного фактора, интенсификации ручного труда и увеличения рабочего времени. Это коренная черта развивающегося семейно-трудового хозяйства[1].

В зажиточных хозяйствах (IV группа) был очень высокий уровень обеспеченности рабочими лошадьми, продуктивным скотом и посевами, превосходивший средний в 2 раза (см. табл. 26). В данной группе мы видим ту же систему факторных признаков, определявших функционирование и развитие производства (см. табл. 27). Главную роль в процессе его

[1] См.: *Чаянов А.В.* Организация крестьянского хозяйства… С. 238, 243–244.

развития играли число рабочих лошадей на 1 душу и обеспеченность кормами (коэффициенты 0,69 и 0,49). Большое значение также имели уровень обеспеченности семейной рабочей силой и повышение эффективности труда, связанное с уменьшением количества своих работников в расчете на 1 голову рабочего скота (0,21 и (–0,35). Но это, учитывая более чем достаточный уровень состоятельных крестьянских дворов, была уже картина расширенного воспроизводства. Это, прежде всего, меньшее, сравнительно с середняцкой группой, значение фактора семейной рабочей силы (0,21 против 0,33), что обусловливалось ограниченностью семейных рабочих ресурсов. Их недостаток возмещался наймом работников со стороны. Очень ярко об этом свидетельствует резкое усиление в зажиточной группе факторного признака «семейных работников на 1 голову рабочего скота» (–0,35), выражающего уменьшение доли живого труда в общих производственных издержках. Уменьшение доли семейного труда требовало его возмещения трудом наемных рабочих и применения усовершенствованного инвентаря и машин на конной тяге. Сложившаяся фактическая картина, таким образом, свидетельствует о том, что в крупнокрестьянском хозяйстве господствовала предпринимательская система. Действительно, несмотря на высокий уровень внутренних потребностей, зажиточные крестьяне расширяли свое производство, вкладывая доходы в развитие и повышение уровня производственно-технической базы, покупку современного инвентаря и наем работников с целью получения максимальной прибыли.

В рассмотренной модели производства в группе многопосевных дворов фактор душевой обеспеченности тягловым скотом включал в себя не только предпринимательский, но и потребительский мотив. Поэтому было желательно выделить предпринимательскую составляющую данного фактора в отдельный факторный признак «рабочего скота на 1 семейного работника» (капиталовооруженность труда). Попытка решить эту задачу оказалась удачной. Она представлена в табл. 28. Как следует из нее данный признак воздействовал на душевой посев сильнее, чем признак «рабочего скота на 1 душу» (0,59 против 0,40). Определяющее значение капиталовооруженности труда прямо указывает на то, что в зажиточном хозяйстве эффективность труда повышалась, главным образом, за счет расширения применения усовершенствованных сельскохозяйственных орудий труда. Это окончательно подтверждает предпринимательское направление развития состоятельного крестьянского хозяйства региона зерновой специализации.

В крестьянском хозяйстве, имевшем комплексный характер, важное место занимала его отраслевая структура. В условиях господства товарно-денежных отношений ее выражает, прежде всего, сбалансированность хозяйственных отраслей. Для настоящего исследования главный интерес представляет отраслевая сбалансированность в натурально-потребительском и товарно-рыночном аспектах.

Обратимся вновь к сведениям табл. 28, продолжая анализ регрессионной модели хозяйств IV группы. В первую очередь привлекает внимание факторный признак «голов продуктивного скота на 1 двор». Его значение достаточно велико (–0,39) и имеет отрицательное направление. Это говорит о том, что увеличение степени душевой обеспеченности посевами было возможно лишь при соответственном уменьшении размеров стада продуктивного скота в расчете на двор. Отмеченная тенденция, по существу, была выражением рыночной специализации. Но она, однако, не отрицает рыночной роли животноводческой отрасли. На ее торговое значение указывает довольно большая роль фактора «голов продуктивного скота на 1 копну сена» (0,40). Это значит, что повышение уровня торгового зернового производства непременно сопровождалось ростом поголовья гулевого продуктивного скота, предназначенного для личного потребления и на продажу. Столь сильная согласованность свидетельствует о достаточно серьезном рыночном значении животноводческой отрасли, имевшей мясную торговую направленность, и показывает наличие межотраслевого рыночного баланса.

Аналогичные результаты дают две другие модели (см. табл. 29 и 30), но они гораздо более точно оценивают значение фактора специализации, выраженного признаком «голов продуктивного скота на 1 дес. всего посева» (–0,46) и (–0,70). Кроме того, они показывают рыночную сбалансированность основных отраслей, что обусловлено введением фактора продуктивного скота (коров). В итоге, по первому уравнению видно (см. табл. 29), что увеличение числа коров на 1 душу ведет к росту душевого посева (коэффициент 0,37). Во втором уравнении, в котором признак «голов рабочего скота на 1 душу» был заменен на признак «продуктивного скота на 1 душу»[1], стандартизованный коэффициент вообще составил величину 1,10 (см. табл. 30). Это весьма наглядное доказательство комплексного и сбалансированного характера рыночного производства зажиточного крестьянского хозяйства зерновой специализации.

[1] Между ними очень тесная корреляция – на уровне 0,88.

Середняцкое хозяйство региона было в исследуемое время натуральным и товарно-потребительским. Оно являлось сбалансированной в потребительском отношении хозяйственной системой. Об этом свидетельствует достаточно сильное воздействие на рост душевого посева фактора продуктивного скота (коров). В одной из моделей (см. табл. 29) его роль оценивается коэффициентом 0,38; в другой – коэффициентом 0,52 (см. табл. 30). Вместе с тем ни одна из моделей не показывает, что в III группе повышение уровня душевой обеспеченности посевами сопровождалось увеличением числа голов продуктивного скота приходящихся на 1 копну сена. Соответствующие коэффициенты равны –0,10; 0; 0 (см. табл. 28, 29, 30). Это говорит о слабой товарности мясного скотоводства. В общем, средние крестьяне могли специально развивать только одно – зерновое направление. Отраслевая структура их хозяйств не была сбалансирована в рыночном отношении.

Таблица 29

Роль различных факторов в воздействии на уровень производства (весь посев в расчете на 1 душу) в крестьянских хозяйствах земледельческой специализации (регрессионная модель 3)

Факторные признаки	Группы хозяйств с посевом, дес.		
	0,1–3,9	4–8,9	9 и более
	II	III	IV
	Стандартизованные коэффициенты регрессии		
Рабочего скота на 1 душу, голов	0,60	0,73	0
Продуктивного скота на 1 двор, голов	–0,17	0	0
Семейных работников на 1 душу	0	0	0,26
Коров на 1 душу, голов	0,57	0,38	0,37
Сена на 1 душу, копен	0	0	0,38
Рабочего скота на 1 семейного работника, голов	0	0	0,35
Всего посева на 1 голову рабочего скота, дес.	0	0,43	0,18
Продуктивного скота на 1 дес. всего посева, голов	–0,89	–0,31	–0,46
Доля овса во всем посеве, дес.	–0,15	0	0
Рабочего скота на 1 копну сена, голов	–0,37	0	0
Продуктивного скота на 1 копну сена, голов	0,44	0	0,35
Суммарная роль учтенных факторов, %	97,7	94,3	88,9
Неучтенные факторы, %	2,3	5,7	11,9

Таблица 30

Роль различных факторов в воздействии на уровень производства (весь посев в расчете на 1 душу) в крестьянских хозяйствах земледельческой специализации (Регрессионная модель 4)

Факторные признаки	Группы хозяйств с посевом, дес.		
	0,1–3,9	4–8,9	9 и более
	II	III	IV
	Стандартизованные коэффициенты регрессии		
Рабочего скота на 1 душу, голов	0,48	0,60	0
Продуктивного скота на 1 двор, голов	–0,36	0	0
Продуктивного скота на 1 душу, голов	0,84	0,52	1,10
Продуктивного скота на 1 голову рабочего скота, голов	0	–0,47	0,19
Всего посева на 1 голову рабочего скота, дес.	0,20	0,66	0
Продуктивного скота на 1 дес. всего посева, голов	–0,59	0	–0,70
Рабочего скота на 1 копну сена, голов	0	0	0,18
Продуктивного скота на 1 копну сена, голов	0,11	0	0
Сено, копен	0	0	0
Суммарная роль учтенных факторов, %	96,5	95,7	88,0
Неучтенные факторы, %	3,5	4,3	12,0

Бедные хозяева II группы имели слабо обеспеченное и наименее развитое в товарном отношении хозяйство. Несмотря на это, данный тип хозяйства обладал определенным образом сбалансированной отраслевой структурой. Ее отличали минимальный уровень, максимальная напряженность и большая хрупкость. О наличии устойчивой потребительской отраслевой структуры свидетельствует довольно высокое значение факторного признака «коров на 1 душу» (см. табл. 29). Его влияние вызывало рост душевого посева на 0,57 стандартного отклонения. Наряду с данным фактором следует отметить противоположное первому признаку воздействие фактора «голов продуктивного скота на 1 дес. всего посева» (коэффициент (–0,89). Это фактор рыночной специализации. Чем больше по абсолютной величине отрицательное значение указанного факторного признака, тем больше воздействие на душевой посев фактора рыночной специализации. Очень сильная роль данного фактора обусловлена относительно слабой вовлеченностью малопосевных дворов в рыночные отношения и очень низкой степенью специализации. В самом деле, в бедной группе коэффициент специализации равен 1,2; в то время как в товарно развитых средней

и зажиточной группах он составляет 0,6 и 0,6 (см. табл. 26). Столь низкое значение специализации также было следствием того, что в бедняцкой группе была велика доля недавно прибывших, непричисленных переселенцев и молодых семей, начинавших свое хозяйство с обзаведения скотом. Как и более зажиточные хозяева, бедные крестьяне наряду с товарным зерновым хозяйством развивали небольшое товарное мясное производство. На это указывает положительное воздействие на душевой посев факторного признака «продуктивного скота на 1 копну сена», имеющее величину 0,44 (см. табл. 29). В общем, бедные сельские хозяева стремились, как и все крестьяне, вести и развивать комплексное мелкотоварное хозяйство. Их хозяйственному поведению совершенно не были свойственны полупролетарские черты, приписывавшиеся советской историографией.

Обратимся далее к взаимосвязям уровня производства (продуктивного скота на 1 душу) с главными социальными и производственными компонентами в крестьянских хозяйствах скотоводческой специализации. Результаты их корреляционной оценки приведены в табл. 31, согласно которой уровень производства довольно тесно связан с душевой обеспеченностью рабочими лошадьми. В целом по крестьянскому хозяйству корреляция составляет 0,80. Очень сильна данная взаимозависимость во II и IV группах: 0,73 и 0,72. В средней III группе рассматриваемая взаимосвязь слаба (0,31). Это свидетельствует о более слабой сбалансированности середняцкого хозяйства в душевом аспекте (см. табл. 23). Отмеченная особенность хозяйств средней группы проявляется и в других связях душевой обеспеченности продуктивным скотом с производственными компонентами, в частности во взаимосвязях с капиталовооруженностью труда («рабочего скота на 1 работника»). Во всех группах крестьянских хозяйств также имеется достаточно тесная взаимозависимость уровня животноводческого производства с главным показателем обеспеченности кормами – «сеном на 1 душу»: коэффициенты корреляции от 0,35 до 0,64 (см. табл. 31). Зависимость уровня производства от числа семейных работников на 1 душу достаточно тесная (0,61; 0,52; 0,30), но она существенно ниже взаимосвязи с душевой обеспеченностью рабочими лошадьми (до 0,80). Материально-техническая база была решающим фактором развития животноводческого производства. Это способствовало общему росту капиталовооруженности и эффективности труда, на что указывают соответствующие коэффициенты корреляции по всей совокупности скотоводческих дворов 0,61 и (–0,43).

Таблица 31

Взаимосвязь уровня производства (продуктивного скота на 1 душу) с основными компонентами крестьянского хозяйства скотоводческой специализации (коэффициент корреляции 0, …)*

Показатели	Группы хозяйств с числом коров, голов			Хозяйства в целом
	1–2	3–6	7 и более	
	II	III	IV	
Размеры семьи, чел.	–69	–66	–66	–21
Рабочего скота на 1 двор, голов	41	–31	29	61
Продуктивного скота на 1 двор, голов	62	0	47	79
Всего посева на 1 двор, дес.	0	0	0	41
Семейных работников на 1 душу	61	52	30	31
Рабочего скота на 1 душу, голов	73	31	72	80
Всего посева на 1 душу, дес.	43	33	31	58
Сена на 1 душу, копен	52	35	64	65
Рабочего скота на 1 семейного работника, голов	39	0	34	61
Семейных работников на 1 голову рабочего скота	–47	0	–34	–43
Семейных работников на 1 голову продуктивного скота	–64	–49	–64	–59
Рабочего скота на 1 копну сена, голов	0	0	0	0
Продуктивного скота на 1 копну сена, голов	0	0	0	29

* Значение «0» – взаимосвязь отсутствует (незначима).

Как показали данные рассматриваемой таблицы, в зажиточной группе коэффициенты взаимосвязей уровня производства с другими хозяйственными элементами не отличались высокими значениями и соответствовали среднему уровню. Тем не менее, учитывая очень высокий уровень крупнокрестьянских хозяйств, которые по душевой обеспеченности продуктивным скотом превосходили дворы середняков в 3 раза (см. табл. 10), они четко свидетельствуют о предпринимательском характере зажиточных животноводческих хозяйств. И действительно, имея высокообеспеченное потребительское предприятие, состоятельные хозяева постоянно расширяли свое производство, вкладывая полученные доходы в расширение производственно-технической базы и повышение капиталовооруженности труда. На это указывают сильная взаимосвязь душевого производства с рабочим скотом в расчете на 1 душу (0,72), а также довольно высокая взаимосопряженность с рабочим скотом на 1 работника по всей совокупности дворов (0,61)[1].

[1] Доля зажиточных дворов в сельскохозяйственном производстве превышала 50%, поэтому они имели подавляющее (системообразующее) значение при формировании общегрупповых коэффициентов корреляции, указывающих на расширенное воспроизводство.

В целом сложилась вполне определенная система взаимосвязей и общих факторов развития товарного животноводческого производства. Но, как и при изучении процесса функционирования и развития зернового хозяйства, в полученной картине нет четких контуров групповых моделей процесса развития товарного производства. Особенно размыта производственная модель состоятельного хозяйства, поскольку, во-первых, его не удалось структурно (по особенностям корреляционных связей) выделить из общей массы крестьянских дворов; во-вторых, корреляционная модель не дает возможности определить соотношение семейно-потребительской и предпринимательской подсистем зажиточного хозяйства. Поэтому вновь обратимся к регрессионно-факторной методике.

В ходе регрессионного анализа были отобраны самые наглядные и эффективные модели. Они изложены в табл. 33–36. Избранные регрессионные уравнения одинаково точно отображают сущностно-содержательную сторону и особенности развития производства в изучаемых группах хозяйств, но по-разному освещают главные стороны отражаемого процесса. Так, две первые модели лучше представляют процесс и характер воспроизводства, другие более определенно выражают отраслевой аспект крестьянского хозяйства. Необходимые для интерпретации средние значения факторных признаков даны в табл. 32.

Рассмотрим прежде особенности производства в бедной группе сельских хозяев. Как следует из данных табл. 35, рост душевой обеспеченности продуктивным скотом связан в первую очередь с повышением уровня заготовленного на зиму сена (коэффициент 0,44) и числа семейных работников на 1 душу (0,52). Повышенная роль данных факторных признаков обусловлена низким уровнем обеспеченности бедных дворов производственно-техническими ресурсами. Сравнительно со средними хозяйствами они имели в 1,5–2 раза меньше рабочих лошадей, посевов и продуктивного скота. Существенно ниже была и обеспеченность сеном: 6,2 копны против 9,4 в средней группе (см. табл. 32). У малокоровных дворов также было наименьшее количество собственных работников на 1 душу: 0,48 против 0,55 у середняков. Это, скорее всего, являлось следствием высокой доли относительно молодых семей с детьми неработоспособного возраста. Отмеченный фактор выражает долговременную, демографическую сторону развития семейного крестьянского хозяйства[1].

[1] См.: *Чаянов А.В.* Организация крестьянского хозяйства… С. 220–221.

Поэтому среди наиболее сильных факторных признаков, определявших уровень годового производства во II группе дворов, следует признать главным, несмотря на несколько меньшее значение (0,44 против 0,52), фактор обеспеченности сеном. Данный вывод подтверждают и модели 2 и 4, в которых кормовой фактор выступает в наиболее чистом виде (см. табл. 34 и 36). Коэффициенты регрессии принимают здесь значения 0,95 и 0,76.

Таблица 32

Средние значения факторных признаков в различных группах крестьянских хозяйств скотоводческой специализации

Показатели	Группы хозяйств с числом коров, голов			Хозяйства в целом
	1–2	3–6	7 и более	
	II	III	IV	
Всего посева на 1 двор, дес.	2,4	4,9	9,1	5,0
Сена на 1 двор, копен	22,5	44,1	101,5	51,2
Семейных работников на 1 душу, чел.	0,48	0,55	0,56	0,52
Рабочего скота на 1 душу, голов	0,5	0,8	2,1	1,0
Продуктивного скота на 1 душу, голов	0,5	1,1	2,9	1,3
Всего посева на 1 душу, дес.	0,5	1,0	1,7	1,0
Запасов хлеба на 1 душу, пуд.	0	0	8,1	2,3
Сена на 1 душу, копен	6,2	9,4	19,2	10,7
Рабочего скота на 1 семейного работника, голов	1,0	1,7	3,6	1,9
Семейных работников на 1 голову рабочего скота, чел.	1,4	0,9	0,4	0,9
Продуктивного скота на 1 голову рабочего скота, голов	1,0	1,3	1,8	1,4
Сено на 1 голову рабочего скота, копен	11,6	12,6	10,8	11,6
Всего посева на 1 корову, дес.	1,9	1,2	0,8	1,3
Сена на 1 корову, копен	17,0	11,6	7,7	12,2
Семейных работников на 1 голову продуктивного скота, чел.	1,5	0,7	0,3	0,8
Сено на 1 голову продуктивного скота, копен	13,2	9,7	6,7	10,0
Продуктивного скота на 1 дес. всего посева, голов	0,8	1,3	1,9	1,4
Продуктивного скота на 1 копну сена, голов	0,09	0,13	0,27	0,17

Таблица 33

Роль различных факторов в воздействии на уровень производства (продуктивный скот в расчете на 1 душу) в крестьянских хозяйствах скотоводческой специализации (регрессионная модель 1)

Факторные признаки	Группы хозяйств с числом коров, голов		
	1–2	3–6	7 и более
	II	III	IV
	Стандартизованные коэффициенты регрессии		
Рабочего скота на 1 душу, голов	0	0	0,21
Всего посева на 1 двор, дес.	0	0	–0,09
Семейных работников на 1 душу	0,52	0,23	0,46
Сена на 1 душу, копен	0,44	0,97	0,48
Рабочего скота на 1 семейного работника, голов	0	0	0
Семейных работников на 1 голову продуктивного скота	–0,42	–0,28	–0,39
Сена на 1 голову продуктивного скота, копен	–0,21	–0,68	–0,24
Продуктивного скота на 1 дес. всего посева, голов	0	0	0
Продуктивного скота на 1 копну сена, голов	0	0	0,14
Суммарная роль учтенных факторов, %	93,7	92,5	92,4
Неучтенные факторы, %	6,3	7,5	7,6

Таблица 34

Роль различных факторов в воздействии на уровень производства (продуктивный скот в расчете на 1 душу) в крестьянских хозяйствах скотоводческой специализации (регрессионная модель 2)

Факторные признаки	Группы хозяйств с числом коров, голов		
	1–2	3–6	7 и более
	II	III	IV
	Стандартизованные коэффициенты регрессии		
Рабочего скота на 1 душу, голов	0,19	0	0,29
Всего посева на 1 двор, дес.	0,14	0,27	0
Семейных работников на 1 душу	0,29	0	0,25
Запасов хлеба на 1 душу, пуд.	0	0	0
Сена на 1 душу, копен	0,95	1,24	0,81
Семейных работников на 1 голову рабочего скота	0	0	0
Всего посева на 1 корову, дес.	0	–0,21	–0,18
Сена на 1 корову, копен	–0,47	–0,66	–0,48
Продуктивного скота на 1 копну сена, голов	0	0,21	0,21
Суммарная роль учтенных факторов, %	89,0	89,0	89,1
Неучтенные факторы, %	11,0	11,0	10,9

Таблица 35

Роль различных факторов в воздействии на уровень производства (продуктивный скот в расчете на 1 душу) в крестьянских хозяйствах скотоводческой специализации (регрессионная модель 3)

Факторные признаки	Группы хозяйств с числом коров, голов		
	1–2	3–6	7 и более
	II	III	IV
	Стандартизованные коэффициенты регрессии		
Рабочего скота на 1 душу, голов	0	0	0,14
Семейных работников на 1 душу	0,52	0	0,24
Всего посева на 1 душу, дес.	0	0,51	0,39
Сена на 1 душу, копен	0,44	0,72	0,43
Всего посева на 1 корову, дес.	0	–0,38	–0,43
Семейных работников на 1 голову продуктивного скота	–0,42	0	–0,17
Сена на 1 голову продуктивного скота, копен	–0,21	–0,48	–0,31
Продуктивного скота на 1 копну сена, голов	0	0	0
Рабочего скота на 1 семейного работника, голов	0	0	0
Суммарная роль учтенных факторов, %	94,2	94,9	94,1
Неучтенные факторы, %	5,8	5,1	5,9

Таблица 36

Роль различных факторов в воздействии на уровень производства (продуктивный скот в расчете на 1 душу) в крестьянских хозяйствах скотоводческой специализации (регрессионная модель 4)

Факторные признаки	Группы хозяйств с числом коров, голов		
	1–2	3–6	7 и более
	II	III	IV
	Стандартизованные коэффициенты регрессии		
Рабочего скота на 1 душу, голов	0	0	0,26
Семейных работников на 1 душу	0,19	0	0,23
Всего посева на 1 душу, дес.	0,24	0,16	0
Сена на 1 душу, копен	0,76	1,20	0,90
Рабочего скота на 1 семейного работника, голов	0	0	0
Запасов хлеба на 1 голову рабочего скота	0	0	0
Сена на 1 голову продуктивного скота, копен	–0,47	–0,72	–0,55
Продуктивного скота на 1 копну сена, голов	0	0,14	0,21
Суммарная роль учтенных факторов, %	90,2	91,6	86,4
Неучтенные факторы, %	9,8	8,4	13,6

В анализируемой модели II группы (см. табл. 33) определенную роль играют факторные признаки семейных работников и сена на 1 голову продуктивного скота, которые имеют значение (–0,42) и (–0,21). Это значит, что душевой рост продуктивного скота происходил при уменьшении величины настоящих факторных признаков. В малокоровной группе их значения были самыми большими: 1,5 работника и 13,2 копны сена на 1 голову продуктивного скота. Они соответственно в 2 и 1,4 раза превосходили аналогичные данные по средней группе (см. табл. 32). Таким образом, уровень производства в хозяйствах бедняков также повышался за счет снижения до нормальной степени издержек труда семейных работников и потребления сена на 1 голову продуктивного скота. Учитывая, что в отдельной крестьянской семье количество семейных работников и объем заготавливаемого сена были фиксированными, это снижение до нормы могло осуществляться лишь путем увеличения поголовья продуктивного скота, расширения товарного, гулевого стада и покупки скота за счет доходов от продажи излишков семейной рабочей силы.

В общем, для малокоровных дворов, которые существовали в обстоятельствах очень ограниченной материально-технической базы, было характерно развитие, направленное на восстановление процесса традиционного воспроизводства семейно-потребительского хозяйства и создание условий для его нормального функционирования. В бедных хозяйствах сложился минимальный отраслевой баланс в потребительском аспекте. Об этом свидетельствует регрессионная модель 4 (см. табл. 36). По ее данным, на душевое количество продуктивного скота заметное положительное воздействие оказывал факторный признак «всего посева на 1 душу» (коэффициент 0,24). Однако чисто рыночную деятельность бедняки основывали лишь на скотоводстве.

В достаточно вооруженной материально-техническими ресурсами средней группе животноводческих дворов (см. табл. 32), согласно данным регрессионной модели 1 (см. табл. 33), уровень производства в первую очередь определялся душевым количеством сена (коэффициент 0,97), семейными работниками (0,23), а также сеном и семейными рабочими в расчете на 1 голову продуктивного скота. Главную роль играла обеспеченность хозяйства кормами. На это также указывают данные регрессионных уравнений, в которых рассматриваемый коэффициент принимает значения 1,24; 0,72 и 1,20 (см. табл. 34–36). Сильное влияние отмеченного фактора обусловливалось стремлением середняков обеспечить нормальное и повышенное фуражное содержание скота. Таким образом,

мощный кормовой фактор, по сути целиком определявший функционирование середняцких животноводческих хозяйств, выражал товарно-потребительский тип воспроизводства и развития, имевший целью повышение уровня личного и производственного потребления.

О потребительской направленности производства в рассматриваемой группе также свидетельствует слабая роль фактора семейной рабочей силы (0,23), который в других моделях имеет нулевое значение (см. табл. 34–36). Своими работниками, обеспечивавшими традиционный уровень потребления, средние скотоводческие дворы обладали в должной мере. Хорошее положение с собственными трудовыми ресурсами позволяло середнякам работать без излишнего напряжения сил, не обращая внимания на необходимость снижения издержек своего труда. Об этом ярко свидетельствует отсутствие или слабое значение воздействия на уровень производства фактора снижения издержек труда своих работников. Он проявил себя в факторных признаках «семейных работников на 1 голову продуктивного скота» (коэффициент 0 в модели 2) и «семейных работников на 1 голову продуктивного скота» (коэффициенты (–0,28) и 0 в моделях 1 и 3). В рассматриваемых коэффициентах несколько выпадает значение (–0,28). Оно является частью основной модели (табл. 33), поэтому попытаемся его истолковать. Данное значение говорит о том, что при падении издержек труда семейных работников на 1 стандартное отклонение уровень производства повышался на 0,28 своего стандартного отклонения. Снижение издержек в настоящем случае происходило за счет роста летнего гулевого стада, выпасаемого общинными пастухами. Об этом же свидетельствуют фактор «сена в копнах на 1 гол. продуктивного скота» (–0,68) и значение фактора «продуктивного скота на 1 копну сена» (0,21) в модели 2 (см. табл. 34). Отмеченные факты нерационального экономического поведения характерны для семейно-трудового потребительского типа хозяйственной культуры.

Средняя группа дворов животноводческой специализации представляла полнокровный, устойчивый тип традиционного крестьянского хозяйства. Это обусловило их отраслевую сбалансированность в товарно-потребительском плане. На соразмерность отраслей указывает довольно сильное воздействие на душевую обеспеченность продуктивным скотом факторного признака «всего посева на 1 душу» (см. табл. 35). Его значение 0,51. Что касается рыночной сбалансированности, то она в середняцком хозяйстве не сложилась. Основой регулярных связей с капиталистическим рынком была только животноводческая отрасль мясного направ-

ления. Об этом свидетельствует достаточно сильное влияние фактора специализации, представленного признаком «всего посева на 1 корову»[1] (–0,38), а также рассмотренные ранее факторные признаки обеспеченности продуктивного скота сеном.

Зажиточные дворы скотоводческой специализации (IV группа) имели высокий уровень оснащенности посевами, тягловым скотом, сеном, превосходивший средний в 2 раза, и большую степень обеспеченности продуктивным скотом, которая превышала необходимый уровень в 2,5 раза (см. табл. 32). Как видно из основного регрессионного уравнения (см. табл. 33) определяющую роль в развитии товарного производства играла душевая обеспеченность сеном (0,48). Это подтверждают данные моделей 2 и 4, где факторный признак «сена в копнах на 1 душу» принимает очень большие значения 0,81 и 0,90 (см. табл. 34 и 36).

О широком развитии в крупнокрестьянских животноводческих хозяйствах товарного производства, ориентированного на общероссийский капиталистический рынок, свидетельствует также достаточно сильное однонаправленное воздействие двух факторных признаков обеспеченности кормами: «сена в копнах на 1 голову продуктивного скота» (–0,24) и «голов продуктивного скота на 1 копну сена» (0,14). Их совместное влияние составляет 0,38 (см. табл. 33). Совместный коэффициент говорит о том, что рост уровня животноводческого производства сопровождался резким падением обеспеченности сеном продуктивного скота (в расчете на 1 голову) и соответствующим повышением нагрузки на кормовую базу (в расчете на 1 копну сена). Если учесть, что производственная нагрузка на зимнюю кормовую базу в многокоровных дворах в 2 раза выше чем во дворах середняков, представляющих норму (0,27 головы на копну сена против 0,13) (см. табл. 32), то это свидетельствует об огромном размахе их предпринимательской деятельности, связанной с пастбищным содержанием товарного продуктивного скота[2].

Гораздо меньшее влияние, чем корма, оказывал на развитие животноводческого производства фактор душевой обеспеченности рабочим скотом (0,21), что согласуется с данными остальных уравнений, в которых анализируемый коэффициент имеет величины: 0,29; 0,14 и 0,26 (см. табл. 34–36). В общем, несмотря на достаточную оснащенность производственными ресурсами, богатые животноводческие дворы постоянно

[1] Признаки «коровы» и «продуктивный скот» очень тесно взаимосвязаны: корреляция от 0,90 до 0,99.

[2] Данные по другим моделям аналогичны (см. табл. 34–36).

увеличивали материально-техническую базу с целью расширения и повышения уровня своего производства.

Утвердившийся расширенный тип воспроизводства хозяйства требовал и более высокого уровня обеспеченности рабочей силой. На это указывает достаточно заметная роль факторного признака «семейных рабочих на 1 душу» в модели 1 (0,46). Но, как следует из данных других уравнений, значение рассматриваемого коэффициента завышено в силу особенностей основной модели. Скорее всего, его величина близка к уровню, определенному в трех других уравнениях: 0,25; 0,24 и 0,23 (см. табл. 34–36). Сравнительно низкая роль фактора семейной рабочей силы, несомненно, обусловлена ее ограниченностью и «первородной», потребительской функцией. Ограниченность трудовых ресурсов зажиточной крестьянской семьи заставляла ее все более широко использовать труд наемных рабочих. О недостаточности собственных рабочих сил свидетельствует также падение издержек труда семейных работников на единицу продукции, зафиксированное довольно сильным значением факторного признака «семейных работников на 1 голову продуктивного скота» (–0,39). Кроме того, отмеченное снижение издержек живого труда отражает развитие сформировавшейся в состоятельном крестьянском хозяйстве тенденции все более широкого применения усовершенствованного сельскохозяйственного инвентаря и техники на конной тяге. В целом же можно констатировать, что семейный труд в зажиточных дворах, являясь базисом традиционного семейно-потребительского хозяйства, стал также источником и основой сложившейся предпринимательской системы хозяйствования.

Предпринимательская система опиралась на торговую специализацию. Животноводческая специализация проявилась в двух моделях. Особенно четко – в модели 3 (см. табл. 35). Здесь ее отражает факторный признак «всего посева на 1 корову». Его воздействие оценено довольно высоким коэффициентом (–0,43). Зерновая отрасль сбалансирована с животноводством в товарно-потребительском плане: коэффициент воздействия фактора душевой обеспеченности посевом 0,39. Аналогично и влияние факторного признака «рабочего скота на 1 душу», играющего большую роль в оценке земледелия: его коэффициент 0,14; в других моделях значение несколько выше: 0,21; 0,29 и 0,26 (см. табл. 33, 34, 36). Что касается степени втянутости земледельческой отрасли в систему общероссийского рынка и ее рыночной сопряженности со скотоводством, то в анализируемых моделях таких свидетельств нет. Из этого следует,

что зерновое товарное производство в состоятельных животноводческих дворах имело только местное значение и было сбалансировано со скотоводством только в системе регионального рынка, связывающего местных товаропроизводителей. Данный вывод подтверждается отсутствием воздействия на уровень производства фактора сокращения издержек труда семейных работников, рассчитанных на 1 голову рабочего скота (см. табл. 34 и 36), который тесно связан с развитием предпринимательского зернового хозяйства. О местном рыночном характере товарного зернового производства в зажиточных животноводческих дворах свидетельствуют также уже рассмотренные сведения табл. 22 и 23. В самом деле, в высшей животноводческой группе взаимосвязь между рабочими лошадьми и продуктивным скотом в расчете на 1 душу, характеризующая предпринимательскую скотоводческую отрасль, очень тесная (0,72), в то время как взаимозависимость между лошадьми и посевом на 1 душу – слабая (0,33). В предпринимательских зерновых хозяйствах, сбалансированных в рыночно-отраслевом плане, тесны обе отмеченные взаимосвязи (соответственно 0,88 и 0,78).

Таким образом, бедные крестьянские дворы обладая недостаточными материально-техническими ресурсами, расширяли и поднимали уровень своего производства путем повышения степени обеспеченности рабочим скотом, кормами и увеличения затрат труда собственных работников. Обладая, в силу нехватки средств производства, излишками семейной рабочей силы, они сдавали ее в наем зажиточным хозяевам, вкладывая полученные от продажи своего труда денежные средства в расширение производственно-технической базы хозяйства. Источником удовлетворения личных потребностей служило, главным образом, собственное мелкотоварное и натуральное производство. В общем, все производственные усилия бедняков были направлены на воссоздание и обеспечение всей полноты и целостности простого воспроизводства, присущего полноценному традиционному крестьянскому хозяйству. Об этом свидетельствует и наличие в малоимущих дворах напряженной, отраслевой сбалансированности, обеспечиваемой перенапряжением сил собственных работников. Стремясь сохранить и реализовать свою социокультурную природу, бедняки развивали сбалансированное мелкотоварное хозяйство и на этом пути, вслед за более состоятельными хозяевами, втянулись в капиталистические рыночные отношения. В целом хозяйственное поведение бедных хозяев, несмотря на определенную социально-экономическую деградацию, было крестьянским. Пролетарские черты, которые исключали

хозяйственную мотивацию экономического поведения, были им совершенно чужды.

Средние крестьяне были обеспечены средствами производства в достаточной степени. Тем не менее производственный процесс в их хозяйствах обусловливался теми же факторами: в зерновой специализации – рабочим скотом и количеством необходимого для него корма; в скотоводческой – кормовой базой для продуктивного скота. Существенную роль в развитии товарного производства играла обеспеченность семейной рабочей силой. Нижний слой середняков боролся за достижение нормального, простого воспроизводства; более зажиточные домохозяева – за повышение уровня личного и производственного потребления. Немаловажное значение имело также стремление крестьян создать страховые запасы хлеба и сена. Все это предопределило прочную сбалансированность середняцкого хозяйства в товарно-потребительском аспекте и создало предпосылки для формирования устойчивой рыночной специализации, которая поддерживалась перенапряжением сил семейных работников. Неспециализированная отрасль имела товарно-потребительское значение. В целом в исследуемый период середняцкое крестьянское хозяйство региона представляло собой классический тип традиционного, семейно-трудового и товарно-потребительского хозяйства с явно выраженной ориентацией на общероссийский рынок.

Зажиточные крестьянские хозяйства региона имели производственно-техническую базу, превышавшую необходимый уровень примерно в 2 раза. Поэтому их экономическая эволюция происходила на основе расширенного воспроизводства, которое обусловливалось повышением уровня оснащенности тягловым скотом в зерновой специализации и ростом кормовой базы продуктивного скота во дворах скотоводческой специализации. Определенную роль играл фактор увеличения степени обеспеченности семейной рабочей силы. Однако в силу его ограниченности решающее значение приобрели, во-первых, чисто предпринимательские факторы повышения капиталовооруженности и производительности труда, которые были тесно связаны со снижением издержек живого труда и расширением применения усовершенствованного сельскохозяйственного инвентаря, и, во-вторых, все более широкое использование наемной рабочей силы. Это позволяло постоянно получать большой излишек над необходимым продуктом, который направлялся главным образом на расширение производства: приобретение живого и мертвого инвентаря, расширение землепользования и кормовой базы хозяйства и покупку на-

емной рабочей силы. В результате все большая часть излишних доходов принимала форму предпринимательской прибыли. Это свидетельствует о том, что на рубеже XIX–XX вв. в зажиточном крестьянском хозяйстве Западной Сибири сформировалась устойчивая предпринимательская система хозяйствования, связанная с включением сельского хозяйства региона в общероссийский капиталистический рынок. В зерновых хозяйствах в орбиту предпринимательства было включено и мясное скотоводство, что обусловливалось сложившейся в изучаемый период благоприятной рыночной конъюнктурой на мясную продукцию. В состоятельных животноводческих дворах с капиталистическим рынком была тесно связана профильная, мясная специализация. Молочно-маслодельческое торговое направление в рассматриваемое время находилось еще в начальной стадии своего развития. Скорее всего, это было следствием сравнительно более низкого на данный момент рыночно-капиталистического развития региональной скотоводческой специализации. Главным направлением специализации сельского хозяйства Западной Сибири в последней трети XIX в. являлось зерновое производство.

Предпринимательская система хозяйствования в крупнокрестьянских дворах региона выросла из мелкотоварного семейно-потребительского хозяйства и являлась его развитием в условиях господства товарно-капиталистических рыночных отношений. Она взаимодействовала с традиционной, семейно-трудовой хозяйственной культурой. Необходимо на структурно-факторном уровне определить системный результат данного взаимодействия. Это является одной из задач следующих разделов данной работы.

Глава 4

ВНУТРЕНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТРОЙ КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ НАКАНУНЕ 1917 г.

4.1. Общее состояние крестьянского хозяйства региона накануне 1917 г.

Прежде чем приступить к системному структурно-функциональному анализу подворных материалов сельскохозяйственной переписи 1916 г., охарактеризуем на их основе общее состояние крестьянского хозяйства Западной Сибири.

Первоначально определим средние размеры крестьянского хозяйства зерновой и животноводческой специализации в разных социально-экономических группах (см табл. 37 и 38). Хозяйства обоих торговых типов попрежнему имели примерно одинаковые средние размеры: семья соответственно 5,1 и 5,6 чел.; семейных работников – 2,4 и 2,3 чел.; взрослого рабочего скота – 3,1 и 3,3 головы. Довольно близким было и среднее количество сроковых и годовых наемных работников: 0,13 и 0,16 чел. на 1 двор. Вместе с тем зерновые дворы были гораздо лучше обеспечены пашней: 13,8 дес. против 6,2 дес. В свою очередь, животноводческие хозяйства имели большее количество сенокосов, на что указывают данные переписи 1901 г.: ими было заготовлено 51,2 копны сена на 1 двор против 34,0 в земледельческих дворах (см. табл. 7 и 8). Это еще раз свидетельствует о природно-географической основе торговой специализации крестьянских хозяйств. Специализация крестьянских хозяйств четко фиксируется на рассматриваемом подворном уровне: в земледельческих дворах, сравнительно со скотоводческими, было в среднем на 60% больше посевов (8,0 дес. против 4,9) и на 80% меньше продуктивного скота (3,1 головы против 5,7).

В отдельных социально-экономических группах размеры хозяйств очень серьезно разнились: зажиточные V группы обеих специализаций

были обеспечены рабочим скотом в 2 раза лучше, чем середняцкие III группы; бедные дворы (II группы) – примерно в 1,5–2 раза хуже (см. табл. 37 и 38). С другой стороны, зажиточные дворы имели большую людность: в V группах размеры семей были в 1,5–1,8 раз выше, чем в бедняцких II группах. Это требует обращения к подушевым показателям.

Таблица 37

Размеры крестьянского хозяйства земледельческой специализации в различных социальных группах

Показатели (в расчете на 1 двор)	Группы хозяйств с посевом на 1 двор, дес.					Выборка в целом
	I 0	II 0,1–5	III 5,1–10	IV 10,1–15	V Свыше 15	
Коэффициент возраста хозяйства	15,3	18,7	18,2	20,2	21,9	18,8
Население, чел.	3,7	3,9	5,4	6,0	7,3	5,1
Семейные работники, чел.	1,8	1,8	2,3	2,9	3,5	2,4
Наемные рабочие, чел.	0,02	0,03	0,07	0,11	0,60	0,13
Рабочий скот, голов	0,7	1,6	3,4	4,5	6,5	3,1
Молодняк рабочего скота, голов	0,15	0,4	1,0	1,5	2,2	0,9
Коровы, голов	0,8	1,3	2,0	2,7	3,6	1,9
Продуктивный скот, голов	1,0	1,7	3,0	4,5	6,6	3,1
Своя пашня, дес.	2,2	6,8	13,7	20,5	32,7	13,8
Сданная пашня, дес.	1,0	0,9	0,5	0,2	0,1	0,7
Арендованная пашня	0	0,5	1,1	1,5	5,1	1,2
Вся пашня, дес.	1,2	6,4	14,3	20,8	37,8	14,3
Посев на своей пашне, дес.	0	2,4	6,9	11,4	21,9	7,4
Посев на арендованной пашне, дес.	0	0,3	0,5	0,7	2,1	0,9
Весь посев, дес.	0	2,7	7,4	12,1	24,0	8,0
В том числе яровой пшеницы, дес.	0	2,0	4,7	7,5	14,1	4,9
В том числе овса, дес.	0	0,6	2,4	4,1	8,9	2,7
Количество дворов в группе	43	141	123	53	62	422
Доля дворов группы, %	10,2	33,4	29,1	12,6	14,7	100

Данные в расчете на 1 душу (см. табл. 39 и 40) свидетельствуют о том, что хозяйства различных социальных групп западносибирского крестьянства имели довольно большие отличия в уровне обеспеченности материально-техническими ресурсами. Обеспеченность хозяйства пашней, посевами, рабочим и продуктивным скотом, будучи наименьшей в низших группах, росла в направлении к хозяйствам высших групп и достигала наибольшего значения во дворах самых зажиточных крестьян (V группы

земледельческой и скотоводческой специализации). В итоге многопосевные и многокоровные дворы имели посевов и скота примерно в 1,5–2 раза больше, чем средние, и в 2,5–4 раза больше, чем малопосевные и малокоровные хозяйства. Особенно велики были контрасты в обеспеченности средствами производства в рыночных отраслях хозяйства. Достаточно существенно разные группы хозяйств различались по уровню торговой специализации. Об этом ярко свидетельствуют соотнесенные друг с другом признаки «весь посев» и «продуктивный скот».

Так, в земледельческих дворах значение показателя специализации: «продуктивного скота на 1 дес. всего посева» уменьшается при движении от бедной II группы к зажиточной V группе от 0,85 до 0,35; в животноводческих хозяйствах показатель «всего посева на 1 голову продуктивного скота» падает от 1,1 до 0,7. Это говорит о том, что с ростом экономической мощности специализация хозяйств усиливалась (см. табл. 41 и 42).

Таблица 38

Размеры крестьянского хозяйства животноводческой специализации в различных социальных группах

Показатели (в расчете на 1 двор)	Группы хозяйств с количеством коров, голов					Хозяйства в целом
	0	1–2	3–4	5–6	Свыше 6	
	I	II	III	IV	V	
Коэффициент возраста хозяйства	15,4	14,5	16,2	17,8	21,2	16,9
Население, чел.	4,6	5,0	5,6	5,7	7,4	5,6
Семейные работники, чел.	1,8	2,0	2,3	2,6	3,3	2,3
Наемные рабочие, чел.	0	0,04	0,13	0,23	0,57	0,16
Рабочий скот, голов	1,4	2,2	3,2	4,2	6,3	3,3
Молодняк рабочего скота, голов	0,5	0,7	1,3	1,8	2,6	1,2
Коровы, голов	0	1,5	3,4	5,4	9,7	3,8
Продуктивный скот, голов	0,4	2,4	5,1	7,6	13,9	5,7
Своя пашня, дес.	1,9	3,6	5,3	7,6	12,4	5,6
Сданная пашня, дес.	0	0,02	0	0,1	0,1	0,04
Арендованная пашня, дес.	0,2	0,2	0,7	1,0	1,6	0,6
Вся пашня, дес.	2,1	3,8	6,0	8,5	13,9	6,2
Посев на своей пашне, дес.	1,3	2,6	4,1	6,3	9,3	4,3
Посев на арендованной пашне, дес.	0,2	0,3	0,7	0,7	0,9	0,6
Весь посев, дес.	1,5	2,9	4,8	7,0	10,2	4,9
В том числе яровой пшеницы, дес.	1,2	1,8	3,0	4,0	5,6	2,9
В том числе овса, дес.	0,2	0,8	1,3	2,4	3,5	1,5
Количество дворов в группе	32	145	99	64	57	397
Доля дворов группы, %	8,0	36,6	24,8	16,0	14,3	100

Таблица 39

Уровень обеспеченности основными средствами производства и рабочими ресурсами хозяйств земледельческой специализации

Показатель (в расчете на 1 душу)	Группы хозяйств с посевом, дес.					Хозяйства в целом
	0	0,1–5	5,1–10	10–15	Свыше 15	
	I	II	III	IV	V	
1	2	3	4	5	6	7
Семейные работники, чел.	0,53	0,53	0,46	0,53	0,51	0,51
Наемные рабочие, чел.	0,005	0,01	0,02	0,03	0,09	0,02
Рабочий скот, голов	0,25	0,5	0,75	0,9	1,0	0,7
Молодняк рабочего скота, голов	0,05	0,1	0,2	0,3	0,35	0,2
Коровы, голов	0,3	0,4	0,45	0,5	0,6	0,45
Продуктивный скот, голов	0,4	0,6	0,7	0,8	1,0	0,7
Своя пашня, дес.	0,9	2,1	2,8	3,8	5,0	2,7
Сданная пашня, дес.	0,5	0,3	0,1	0,02	0,01	0,1
Арендованная пашня, дес.	0	0,1	0,3	0,3	0,7	0,3
Вся пашня, дес.	0,4	1,9	3,0	4,1	5,7	2,9
Посев на своей пашне, дес.	0	0,7	1,5	2,1	3,3	1,4
Посев на арендованной пашне, дес.	0	0,1	0,1	0,2	0,4	0,2
Весь посев, дес.	0	0,8	1,6	2,3	3,7	1,6
В том числе яровой пшеницы, дес.	0	0,6	1,0	1,4	2,2	1,0
В том числе овса, дес.	0	0,2	0,5	0,8	1,4	0,5
Доля дворов группы, %	10,2	33,4	29,1	12,6	14,7	100

Таблица 40

Уровень обеспеченности основными средствами производства и рабочими ресурсами хозяйств животноводческой специализации

Показатель (в расчете на 1 душу)	Группы хозяйств с числом коров, голов					Хозяйства в целом
	0	1–2	3–4	5–6	Свыше 7	
	I	II	III	IV	V	
Семейные работники, чел.	0,48	0,42	0,42	0,49	0,46	0,44
Наемные рабочие, чел.	0	0,01	0,03	0,05	0,09	0,03
Рабочий скот, голов	0,3	0,45	0,6	0,8	0,9	0,6
Молодняк рабочего скота, голов	0,15	0,15	0,25	0,3	0,4	0,2
Коровы, голов	0	0,4	0,7	1,2	1,6	0,7
Продуктивный скот, голов	0,1	0,6	1,0	1,6	2,2	1,1
Своя пашня, дес.	0,3	0,7	1,0	1,4	1,5	1,0
Сданная пашня, дес.	0	0	0	0,02	0	0
Арендованная пашня, дес.	0,1	0,05	0,1	0,2	0,2	0,1
Вся пашня, дес.	0,4	0,75	1,1	1,6	1,7	1,1

Окончание табл. 40

1	2	3	4	5	6	7
Посев на своей пашне, дес.	0,2	0,5	0,7	1,2	1,3	0,75
Посев на арендованной пашне, дес.	0,1	0,05	0,15	0,1	0,2	0,1
Весь посев, дес.	0,3	0,55	0,85	1,3	1,5	0,85
В том числе яровой пшеницы, дес.	0,25	0,35	0,55	0,7	0,8	0,5
В том числе овса, дес.	0,05	0,15	0,2	0,5	0,5	0,25
Доля дворов группы, %	8,0	36,6	24,8	16,0	14,3	100

Примерно такую же природу, но несколько более рельефный характер имели различия в капиталовооруженности труда (см. табл. 41 и 42). В V группах количество рабочих лошадей, приходившихся на 1 семейного работника, было в 2–2,5 раза больше, чем во II группах (2,1–2,5 головы против 1,0–1,1). Соответственно, в направлении от II к V группам падала доля затрат живого труда в расчете на единицу производственного продукта и росла эффективность труда (см. табл. 41 и 42).

Более высокая капиталовооруженность труда и использование усовершенствованного инвентаря позволяли зажиточным хозяевам иметь повышенную производительность труда (в 1,2–1,6 раза больше средней) и получать большее количество продукции, обеспечивая тем самым расширенный, предпринимательский тип производства. Это обусловливало все более широкое обращение к использованию труда наемных работников. Бедняки, имея слабую капиталовооруженность, были вынуждены продавать излишки своей рабочей силы богатым хозяевам, создавая тем самым местный рынок сельскохозяйственных рабочих.

Таблица 41

Капиталовооруженность, удельный вес затрат живого труда в производственных издержках и фондовооруженность в хозяйствах земледельческой специализации

Показатели	Группы хозяйств с посевом, дес.				Хозяйства в целом
	0,1–5	5,1–10	10–15	Свыше 15	
	II	III	IV	V	
Капиталовооруженность труда					
Рабочего скота на 1 семейного работника, голов	1,0	1,8	1,9	2,1	1,6
Коров на 1 семейного работника, голов	0,8	1,1	1,1	1,2	1,0
Продуктивного скота на 1 семейного работника, голов	1,1	1,6	1,8	2,2	1,6
Посева на 1 семейного работника, дес.	1,6	3,9	5,0	7,7	3,7

Окончание табл. 41

1	2	3	4	5	6
Эффективность труда					
Семейных работников на 1 голову рабочего скота, чел.	1,0	0,8	0,7	0,6	0,85
Семейных работников на 1 корову, чел.	1,2	1,45	1,45	1,2	1,4
Семейных работников на 1 голову продуктивного скота, чел.	1,7	1,0	0,8	0,6	1,1
Семейных работников на 1 дес. всего посева, чел.	0,93	0,35	0,25	0,15	0,4
Фондовооруженность, специализация					
Рабочего скота на 1 дес. всего посева, голов	0,65	0,5	0,4	0,3	0,45
Коров на 1 дес. всего посева, голов	0,65	0,3	0,25	0,20	0,35
Продуктивного скота на 1 дес. всего посева, голов	0,85	0,45	0,45	0,35	0,55
Коров на 1 голову рабочего скота, голов	0,75	0,60	0,60	0,60	0,65
Продуктивного скота на 1 голову рабочего скота, голов	1,05	0,95	1,05	1,05	1,0
Всего посева на 1 голову рабочего скота, дес.	1,55	2,45	2,8	3,9	2,2

Обеспеченность семейными рабочими в расчете на 1 душу была в хозяйствах различной зажиточности примерно одинаковой. В уровне использования труда годовых и сроковых наемных работников, наоборот, различия были весьма существенными (см. табл. 39 и 40). Особо в этом отношении выделялись многопосевные и многокоровные дворы. Уровень обеспеченности наемными рабочими здесь был в 9 раз выше, чем в бедных хозяйствах, и в 2–3 раза выше, чем во дворах зажиточных середняков (IV группы).

В зажиточном, крупнокрестьянском хозяйстве наем, учитывая неполную обеспеченность производственных фондов собственными рабочими ресурсами, становился необходимым условием экономической деятельности. Это детерминировало довольно широкие масштабы купли наемной рабочей силы наиболее состоятельными крестьянами. Действительно, доля годовых, сроковых и месячных наемных работников по отношению к числу семейных рабочих составляла в их дворах 22–26% (см. табл. 43 и 44).

Достаточно отчетливо, хотя и в менее широком числе показателей, в общих сведениях переписи 1916 г. отразилась традиционная, семейно-потребительская система хозяйствования. К ней, прежде всего, следует от-

нести твердый баланс между количеством семейных работников и едоков: в зерновых дворах на 1 душу приходилось примерно по 0,51 работника, в животноводческих – по 0,44 (см. табл. 39 и 40).

Таблица 42

Капиталовооруженность, удельный вес затрат живого труда в производственных издержках и фондовооруженность в хозяйствах животноводческой специализации

Показатели	Группы хозяйств с количеством коров, голов				Хозяйства в целом
	1–2	3–4	5–6	Свыше 7	
	II	III	IV	V	
Капиталовооруженность труда					
Рабочего скота на 1 семейного работника, голов	1,1	1,5	1,9	2,5	1,5
Коров на 1 семейного работника, голов	0,8	1,8	2,6	4,0	1,8
Продуктивного скота на 1 семейного работника, голов	1,3	2,7	3,7	5,5	2,7
Посева на 1 семейного работника, дес.	1,4	2,1	2,8	3,5	2,2
Эффективность труда					
Семейных работников на 1 голову рабочего скота, чел.	1,0	0,9	0,7	0,5	0,85
Семейных работников на 1 корову, чел.	1,5	0,7	0,5	0,4	0,8
Семейных работников на 1 голову продуктивного скота, чел.	1,0	0,5	0,4	0,2	0,85
Семейных работников на 1 дес. всего посева, чел.	1,1	0,7	0,4	0,3	0,7
Фондовооруженность, специализация					
Коров на 1 голову рабочего скота, голов	0,75	1,5	1,55	1,75	1,3
Продуктивного скота на 1 голову рабочего скота, голов	1,1	2,1	2,15	2,45	1,85
Всего посева на 1 голову рабочего скота, дес.	1,05	1,45	0,9	1,6	1,3
Рабочего скота на 1 голову продуктивного скота, голов	0,95	0,65	0,55	0,45	0,75
Коров на 1 голову продуктивного скота, голов	0,69	0,69	0,72	0,71	0,70
Всего посева на 1 голову продуктивного скота, дес.	1,1	0,9	0,9	0,7	0,95

Важнейшей частью семейно-трудового хозяйства являлись традиционные системы земледелия и скотоводства, которые, несмотря на отдельные инновации, господствовали даже в рыночных отраслях производства. Так, данные 1916 г. фиксируют в волостях рассматриваемых специализаций местные варианты залежно-паровой системы. В избранных зерновых волостях доля посевов в пашне в различных социально-экономических группах была приблизительно одинаковой и составляла в среднем 61%. Соответственно, доля паров равнялась 39%. В бедных пашенными землями скотоводческих волостях доля посевов была гораздо выше, она достигала 78% (см. табл. 43 и 44). Несколько меньший удельный вес посевов в бедняцких хозяйствах, очевидно, обусловлен слабой обеспеченностью мужской рабочей силой и производственными ресурсами. В структуре посевов по-прежнему преобладали яровая пшеница и овес: в земледельческих дворах их общая доля достигала 96–98%; в животноводческих хозяйствах III–V групп – 79–87%[1], остальное приходилось на рожь. Доля коров в стаде продуктивного скота различалась: в животноводческих волостях – 70%; в зерновых – 64% (см. табл. 43 и 44)[2].

В традиционных мелкотоварных хозяйствах, функционировавших в условиях местного рынка, также выработались определенные соотношения между поголовьем рабочего и продуктивного скота, между скотом и посевом, выражавшие степень их специализации. Особенно рельефно такого рода соразмерность проявлялась в неспециализированных отраслях крестьянского хозяйства (см. табл. 43 и 44). Так, в земледельческих дворах различных групп показатели «продуктивного скота на 1 голову рабочего скота», «рабочего скота на 1 дес. всего посева» имеют довольно близкие значения: 1,0; 0,45 и 0,55. В хозяйствах скотоводческого направления наличие аналогичных соразмерностей показывают следующие признаки: «рабочего скота на 1 голову продуктивного скота» (0,75); «всего посева на 1 голову рабочего скота» (1,3) и «всего посева на 1 голову продуктивного скота» (0,95). Из общей картины несколько выпадают малопосевные и малокоровные дворы (II группы), в которых была очень значительна доля переселенцев 1908–1915 гг. (до 40%).

Рассмотренные соотношения, по сути, выражены показателями фондовооруженности. Они так же, как это было обнаружено по данным переписи

[1] В обстоятельствах военного времени в бедняцких животноводческих дворах I и II групп резко повысилась доля ржи, имевшей чисто продовольственное значение.

[2] В зажиточных зерновых дворах была несколько выше доля мясного скота, имевшего товарное значение.

1901 г., имеют тенденцию к определенному общему уровню, что свидетельствует о сильном воздействии на производственно-техническую базу крестьянского хозяйства региона аграрно-капиталистического рынка.

Обозрение отличий хозяйств различных социальных категорий в уровне обеспеченности производственно-техническими и рабочими ресурсами позволило также обнаружить наличие существенных взаимосвязей. Так, в крестьянском хозяйстве региона в целом выявляется сопряженность размеров двора с душевой обеспеченностью основными элементами производственно-технической базы: посевом, рабочими лошадьми, продуктивным скотом и арендой. Обнаруживается также прямая взаимозависимость между самими производственно-техническими компонентами. Более всего выделяется прямая зависимость между душевой обеспеченностью материально-техническими ресурсами и уровнем, масштабами применения наемного труда.

Определенные на основе данных переписи 1916 г. факты: обусловленность уровня материально-технической обеспеченности двора его экономической силой, подчиненность производственно-технических компонентов хозяйства рыночным закономерностям и порожденная ростом экономической мощности тенденция к расширению применения наемного труда, – как и сведения обследования 1901 г., свидетельствуют о том, что традиционное, семейно-трудовое крестьянское хозяйство Западной Сибири начала XX в. шло по пути развития товарно-денежных отношений и включилось в общероссийскую рыночно-капиталистическую систему.

Господство рыночных отношений во внешней социально-экономической среде ставило крестьян в положение конкуренции, в которой выделялись экономически более сильные, крупные хозяйства.

И действительно, как об этом свидетельствуют данные о распределении средств производства и рабочих ресурсов в хозяйствах различных социальных групп (см. табл. 45 и 46), в зажиточных хозяйствах V группы, составлявших 14–15% от числа всех крестьянских дворов, концентрировалось 29–38% пашни, около трети поголовья рабочего скота и 37–44% объема сельскохозяйственного производства. Еще более выразительны сведения по аренде и найму: в крупных крестьянских хозяйствах сосредоточивалось до половины посевных площадей на арендованной пашне и более половины годовых и сроковых наемных работников. Это говорит о том, что крупнокрестьянское хозяйство велось на рыночно-предпринимательской основе, которая сочеталась с традиционной семей-

но-потребительской системой хозяйствования. Зажиточное крестьянство представляло собой социальную группу сельских предпринимателей.

Таблица 43

Долевые показатели по хозяйствам различных социальных групп земледельческой специализации, %

Показатели	Группы хозяйств с посевом, дес.					Хозяйства в целом
	0	0,1–5	5,1–10	10–15	Свыше 15	
	I	II	III	IV	V	
Доля наемного труда	1	1,8	5,3	8,2	22,1	6,2
Доля коров в продуктивном стаде	64	69	66	58	54	64
Доля сданной пашни	10,1	5,2	1,6	0,6	0,3	3,9
Доля арендованной пашни	0	2,3	4,0	12,5	21,3	7,4
Доля посева на арендованной пашне	0	1,7	1,7	12,3	18,2	7,9
Доля яровой пшеницы в посеве	0	78	63	62	59	63
Доля овса в посеве	0	20	33	34	37	33
Доля яровой пшеницы и овса в посеве	0	98	96	96	96	96
Доля посева в пашне	0	62	59	61	65	61
Доля дворов, состоящих в кооперации	26	52	60	68	62	55
Доля дворов группы в кооперированных хозяйствах	5	31	32	15	17	100
Доля дворов группы	10,2	33,4	29,1	12,6	14,7	100

Таблица 44

Долевые показатели по хозяйствам различных социальных групп животноводческой специализации, %

Показатели	Группы хозяйств с количеством коров, голов					Хозяйства в целом
	0	1–2	3–4	5–6	Свыше 7	
	I	II	III	IV	V	
Доля наемного труда	0	1,8	7,5	12,2	26,5	8,2
Доля коров в продуктивном стаде	0	69	69	72	71	66
Доля сданной пашни	0	0,3	0	0,5	0,2	0,2
Доля арендованной пашни	0	4,8	15,7	10,9	3,9	4,4
Доля посева на арендованной пашне	0	5,6	11,5	9,7	11,9	7,3
Доля яровой пшеницы в посеве	49	46	58	56	56	53
Доля овса в посеве	6	17	21	31	31	21

Окончание табл. 44

1	2	3	4	5	6	7
Доля яровой пшеницы и овса в посеве	55	63	79	86	87	75
Доля посева в пашне	51	63	80	88	86	78
Доля дворов, состоящих в кооперации	28	49	83	73	74	63
Доля дворов группы в кооперированных хозяйствах	4	28	32	19	17	100
Доля дворов группы	8,0	36,6	24,8	16,0	14,3	100

К группе самых состоятельных крестьян примыкали зажиточные середняки (IV группа). Имея 13–16% дворов, данная группа сельских хозяев держала в своих руках 18–22% всей пашни, рабочего скота и производила 19–23% всей продукции. Состоятельные середняки получали небольшой излишек над необходимыми средствами, в результате чего в их традиционных хозяйствах формировались зачатки предпринимательства.

На другом полюсе сложившейся в западносибирской деревне начала XX в. системы социально-экономических отношений находились бедные крестьяне (I и II группы). В их хозяйствах, охватывавших 43–44% дворов, производилось лишь 11–16% сельскохозяйственной продукции. Маломощные дворы удовлетворяли в среднем лишь около половины необходимых потребностей. Поэтому бедные сельские хозяева были вынуждены частично или полностью продавать свою рабочую силу. Заработанные средства они вкладывали в поддержку и развитие своего хозяйства. Бедняцкая группа, таким образом, одновременно несла в себе тенденцию к раскрестьяниванию и возможность восстановления прежнего хозяйственного статуса.

Середняцкая III группа, имея 25–31% дворов, населения и семейных работников, владела 24–29% пашни, 24–32% рабочего скота и производила 24–28% всей продукции. Во дворах середняков преобладало устойчивое простое воспроизводство мелкотоварного семейно-трудового хозяйства. Средняя группа хозяйств являлась главной социально-экономической основой традиционной хозяйственной культуры.

Таблица 45

Распределение населения, рабочих ресурсов и средств производства по хозяйствам различных социальных групп земледельческой специализации

Показатели	Группы хозяйств с посевом, дес.											
	0 I		0,1–5 II		5,1–10 III		10,1–15 IV		Более 15 V		В целом	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Дворов	43	10,2	141	33,4	12,3	29,1	53	12,6	62	14,7	422	100
Население, чел.	159	7,4	550	25,7	664	31,0	318	14,8	453	21,1	2144	100
Семейные работники, чел.	77	7,8	254	25,8	283	28,7	154	15,6	217	22,1	985	100
Наемные рабочие, чел.	1	1,8	4	7,0	9	15,8	6	10,5	37	64,9	57	100
Рабочий скот, голов	30	0,2	226	17,2	418	31,8	238	18,2	403	30,6	1315	100
Продуктивный скот, голов	43	0,3	240	18,4	369	28,3	239	18,4	409	31,6	1300	100
Вся пашня, дес.	52	0,8	902	14,6	1759	28,6	1102	17,9	2344	38,1	6159	100
Посев на арендованной пашне, дес.	0	0	42	15,6	62	22,7	37	13,7	130	48,0	271	100
Весь посев, дес.	0	0	381	11,1	910	26,6	641	18,8	1488	43,5	3420	100

Таблица 46

Распределение населения, рабочих ресурсов и средств производства по хозяйствам различных социальных групп животноводческой специализации

Показатели	Группы хозяйств с числом коров, голов											
	0 I		1–2 II		3–4 III		5–6 IV		Более 7 V		В целом	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Дворов	32	8,1	145	36,5	99	24,9	64	16,1	57	14,3	397	100
Население, чел.	147	6,6	725	32,8	554	25,0	365	16,5	422	19,1	2213	100
Семейные работники, чел.	58	6,2	290	31,2	228	24,6	166	17,8	188	20,2	930	100
Наемные рабочие, чел.	0	0	6	8,9	13	19,4	15	22,4	33	49,3	67	100
Рабочий скот, голов	45	3,4	319	24,4	317	24,2	269	20,6	359	27,4	1309	100
Продуктивный скот, голов	13	0,6	348	16,2	505	23,6	486	22,7	792	36,9	2144	100
Вся пашня, дес.	67	2,7	551	22,3	594	24,0	544	22,0	718	29,0	2474	100
Посев на арендованной пашне, дес.	7	3,2	29	14,5	69	34,4	45	22,4	51	25,5	201	100
Весь посев, дес.	48	2,4	421	21,3	475	24,1	448	22,4	581	29,5	1973	100

Таким образом, общее состояние крестьянского хозяйства Западной Сибири накануне 1917 г. по-прежнему определяли два главных и взаимообусловленных процесса. Во-первых, процесс воспроизводства традиционной семейно-трудовой, мелкотоварной системы хозяйствования; во-вторых, устойчивое развитие всех социальных типов крестьянских дворов по пути товарно-денежных отношений, которое обусловливалось интенсивным воздействием развивавшегося в начале XX в. общероссийского товарно-капиталистического рынка. У зажиточных крестьян этот процесс вызвал формирование устойчивой предпринимательской системы хозяйствования.

Несмотря на наличие в переписи 1916 г. сведений о найме и аренде, сформировалась такая же достаточно определенная, но неполная картина, как и при изучении сведений обследования 1901 г. Во-первых, неясна степень товарно-денежного развития дворов бедняцкой и середняцкой групп. Во-вторых, недостаточно определена степень товарно-рыночного развития предпринимательского, зажиточного хозяйства. Это связано с тем, что в процессе его описания не удалось установить соотношение семейно-потребительской и предпринимательской подсистем в аренде, найме и в хозяйственной системе в целом. Кроме того, не очерчена системная форма интеграции и соподчиненности данных подсистем. В-третьих, сведения переписи 1916 г. неполны – в них нет бюджетных данных и сведений о промыслах. Все это вновь требует обращения к анализу внутреннего социально-экономического строя крестьянских хозяйств.

4.2. Социально-экономический строй хозяйства различных социальных групп западносибирского крестьянства накануне 1917 г.

Внутренний производственно-технический строй мелкотоварного крестьянского хозяйства Западной Сибири рубежа XIX–XX вв., как показал корреляционный и регрессионно-факторный анализ подворных данных переписи 1901 г., был подчинен воздействию закономерностей общероссийского капиталистического рынка. В результате во внутренней структуре семейно-трудового крестьянского хозяйства региона образовалась адаптационная товарно-капиталистическая подсистема, гарантировавшая устойчивое функционирование и развитие в новых народнохозяйственных условиях. От общего движения по пути развития современных

рыночных отношений отставали только хозяйства бедняков, особенно бедные дворы скотоводческой специализации, продолжавшие функционировать в рамках местного (мелкотоварного) рынка. Во дворах бедняков и середняков осуществлялось соответственно сокращенное и простое воспроизводство традиционного мелкотоварно-потребительского хозяйства. В зажиточных хозяйствах господствовало расширенное воспроизводство, которое стало основой предпринимательской системы хозяйствования, дополнительно требовавшей применения наемного труда.

В начале XX столетия в функционировании крестьянских хозяйств региона произошли огромные изменения, вызванные ускоренным развитием товарно-денежных отношений. Интенсификация процесса вовлечения в сферу аграрно-капиталистического рынка способствовала дальнейшей перестройке и модернизации социально-экономической структуры крестьянских хозяйств различных социальных групп. Это потребовало новой оценки их внутреннего строя, основанной на данных сельскохозяйственной переписи 1916 г.

В первую очередь обратимся к данным о взаимосвязи людности и главных производственных элементов крестьянского двора (см. табл. 47). Среди них выделяется взаимосвязь численности семьи с размерами семейной рабочей силы. В обеих специализациях она имеет довольно высокий уровень во всех социальных группах крестьянства (0,37–0,66). Это, с одной стороны, подтверждает сделанный ранее вывод о потребительском характере семейной рабочей силы, с другой – выражает демографический аспект, в котором население двора выступает как источник семейных рабочих ресурсов.

Однако наибольший интерес представляет взаимозависимость размеров семьи и производственно-технической базы хозяйства. Как следует из данных таблицы, указанные связи либо слабы, либо незначимы. Действительно, в земледельческих дворах связь размера семьи и посева в IV и V группах отсутствует, а во II и III группах она очень слаба (0,21–0,24). Аналогичное положение и в хозяйствах скотоводческой специализации: в двух высших группах связь между численностью населения и размерами стада продуктивного скота незначима, в то время как в низших она значима, но слаба.

Отмеченные моменты, таким образом, вновь указывают на то, что во внутреннем строе крестьянского хозяйства эпохи капитализма размеры семьи не определяли размеров производства. Вместе с тем следует отметить, что увеличение семьи очень часто вызывало снижение уровня производства относительно средней нормы. На это указывает достаточ-

но тесная обратная взаимозависимость между размером семьи и душевым производством в специализированной отрасли хозяйства: соответствующие коэффициенты корреляции от (–0,50) до (–0,87) в зерновой выборке; от (–0,64) до (–0,76) – в животноводческой.

Таблица 47

Взаимосвязь размеров семьи с социальными и производственными показателями в хозяйствах различных групп (коэффициент корреляции 0, …)

Показатель	Земледельческие хозяйства				Животноводческие хозяйства			
	с посевом, дес.				с количеством коров			
	0,1–5 II	5,1–10 III	10,1–15 IV	Более 15 V	1–2 II	3–4 III	5–6 IV	7 и более V
1. На 1 двор:								
Семейных работников	37	51	44	53	54	65	58	66
Наемных рабочих	07	01	–16	4	09	06	01	03
Рабочего скота	13	15	–03	9	36	36	27	53
Продуктивного скота	–09	8	18	14	28	20	04	09
Всего посева	21	24	0	12	30	37	42	44
Арендованного посева	18	–05	–28	–16	05	25	17	–14
2. На 1 душу:								
Всего посева	–50	–80	–87	–69	0	0	–11	–20
Продуктивного скота	–49	–51	–50	–53	–64	–67	–76	–64

Далее перейдем к анализу структуры взаимодействия компонентов производственно-технической базы в хозяйствах различных социальных категорий (см. табл. 48). Как видно из рассматриваемой таблицы, в хозяйствах земледельческого типа во всех социальных группах наблюдается очень высокий уровень сопряженности рабочего скота и посева практически на всех уровнях, кроме подворного[1]. В III–IV группах данная взаимосогласованность выражена коэффициентами корреляции от 0,73 до 0,91, а во II группе она близка к данному уровню (0,59–0,67). Особенно важен факт очень тесной взаимозависимости между рабочими лошадьми и посевом в расчете на 1 голову продуктивного скота. В III–V группах рассматриваемая взаимосвязь имеет значение от 0,73 до 0,83. Во II группе ее величина 0,59. Это несколько меньше, чем в 1901 г. (0,75). Это, несомненно, следствие трудностей военного времени, которые более

[1] Двор, как уже отмечалось, разномасштабная единица. Это ослабляет корреляцию в подворном аспекте.

всего сказались на хозяйствах бедняков. Можно также отметить, что взаимосвязь между рабочим скотом и посевами в расчете на 1 душу и на 1 семейного работника в зажиточных IV и V группах выше, чем во II и III группах: (0,84–0,91) против (0,66–0,75), что свидетельствует о более высокой степени рыночной модернизации зажиточных хозяйств.

В IV и V группах животноводческой специализации взаимосвязь лошадей рабочего возраста и продуктивного скота также превышает уровень 0,7 во всех аспектах, исключая подворный. Во II и III группах отмеченная закономерность проявляется только в производственно-техническом плане – в расчете на 1 дес. всего посева: теснота взаимозависимости 0,83–0,87. Это говорит о подчиненности хозяйств бедняков и середняков капиталистическому рынку. Таким образом, бедные животноводческие дворы, которые на рубеже веков сильно отставали в рыночной адаптации от подчиненных рынку средних и зажиточных дворов, по данным переписи 1916 г., уже находились в сфере регулирующего влияния закономерностей единого общероссийского рынка. Вместе с тем рассматриваемая взаимосвязь в душевом и организационно-производственном аспектах (в расчете на 1 работника) значительно ниже, чем в зажиточных дворах: от 0,22 до 0,66, что свидетельствует о меньшей степени их рыночного развития. Все отмеченные закономерности в полной мере проявляются и в общей совокупности животноводческих хозяйств.

В общем, для всех социальных типов крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX в. была характерна очень высокая степень сбалансированности основных производственно-технических компонентов. Взаимосвязи между основными элементами производственно-технической базы любого, даже мизерного, крестьянского хозяйства превышали уровень 0,7 либо были близки к нему[1]. Особенно тесны и стабильны взаимосвязи между типообразующими признаками в производственно-техническом аспекте – в расчете на 1 голову продуктивного скота или 1 дес. посева. Это означает, что в основе функционирования и развития производственной базы хозяйства крестьянского типа лежало воздействие рыночного фактора. Следовательно, производственно-технический строй хозяйства во всех социальных группах крестьянства региона подчинялся регулирующему воздействию объективных закономерностей общероссийского товарно-капиталистического рынка.

[1] По более точным бюджетным сведениям, данные корреляционные коэффициенты выше.

Таблица 48

Сбалансированность компонентов производственно-технической базы в различных группах крестьянских хозяйств (коэффициент корреляции 0, …)

Группа	Коррелируемые признаки в расчете	Специализация							
		Зерновая				Животноводческая			
		Пары коррелируемых признаков							
		Рабочие лошади – прод. скот	Рабочие лошади – посев	Прод. скот – посев	Ср. коэф. кор.	Рабочие лошади – прод. скот	Рабочие лошади – посев	Прод. скот – посев	Ср. коэф. кор.
V	1. На 1 двор	58	69	60	62	48	62	53	54
	2. На 1 душу	70	85	71	75	72	54	60	62
	3. На 1 семейного работника	80	91	84	85	78	47	53	59
	4. На 1 дес. посева, голов прод. скота		73		73	83			83
IV	1. На 1 двор	42	33	04	26	23	69	39	44
	2. На 1 душу	69	84	50	68	73	54	21	49
	3. На 1 семейного работника	69	90	61	73	76	56	34	55
	4. На 1 дес. посева, голов прод. скота		83		83	93			93
III	1. На 1 двор	53	23	31	36	21	64	39	41
	2. На 1 душу	77	73	65	72	22	28	10	20
	3. На 1 семейного работника	82	75	64	74	48	59	38	48
	4. На 1 дес. посева, голов прод. скота	81		81	81	87			87
II	1. На 1 двор	29	49	23	34	49	58	57	55
	2. На 1 душу	58	66	51	58	37	55	18	37
	3. На 1 семейного работника	60	67	54	60	66	65	58	63
	4. На 1 дес. посева, голов прод. скота		59		59	83			83
В целом	1. На 1 двор	77	82	68	76	63	74	65	67
	2. На 1 душу	74	68	48	63	50	48	59	52
	3. На 1 семейного работника	84	82	71	79	59	69	63	64
	4. На 1 дес. посева, голов прод. скота		73		73	67			67

Для подкрепления полученных выводов подробнее остановимся на выделенных производственно-технических признаках в расчете на 1 голову скота и 1 десятину посева, которые, если их интерпретировать более широко, являются показателями фондовооруженности хозяйства. Цель данной части исследования – определить, зависела или нет фондовооруженность различных типов крестьянских хозяйств, помимо уже определенного рыночно-капиталистического фактора, от экономической мощности дворов и других внутрихозяйственных факторов. Это еще раз позволит выяснить, в какой мере различные крестьянские хозяйства поддерживали издержки производства на уровне общественно необходимых затрат и тем самым создавали для себя возможность получать гарантированную среднюю прибыль. Равную для всех типов хозяйств среднюю прибыль обеспечивала равная фондовооруженость. Таким образом, выявив в различных группах крестьянских дворов наличие примерно одинаковой оснащенности производственными фондами, а значит и возможность получения средней прибыли, можно доказать их подчиненность закономерностям товарно-капиталистического рынка.

Рассмотрим результаты корреляционного анализа (см. табл. 49). Как следует из них, во всех группах дворов, включая бедную животноводческую, фондовооруженность хозяйств не зависела от уровня производства, обеспеченности рабочими ресурсами и капиталовооруженности труда (рабочий скот, продуктивный скот и посев в расчете на 1 душу и на 1 семейного работника). Не зависела она и от показателей расширенного воспроизводства – доли наемного труда и доли арендованного посева. Об этом свидетельствует тот факт, что большинство рассмотренных коэффициентов корреляции между фондовооруженностью и отмеченными хозяйственными сторонами незначимы либо малозначимы[1].

Таким образом, согласно обобщенным результатам корреляционного анализа подворных данных переписей 1901 и 1916 гг. во всех категориях крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX в. фондовооруженность дворов не зависела от внутрихозяйственных факторов. Ее уровень обусловливался единым для всех хозяйств внешним фактором – рыночным требованием придерживаться при производстве товара уровня обще-

[1] Для уровня доверительной вероятности 99,5%. Некоторые коэффициенты корреляции во II и III животноводческих группах превышают уровень значимости (от (–0,34) до (–0,53)). Это связано с тем, что в данной выборке оказалась заметная группа дворов зерновой специализации. Отмеченные коэффициенты, таким образом, говорят о том, что в производственных фондах этих дворов падала доля коров.

ственно необходимых затрат. Стало быть, все мелкотоварные крестьянские хозяйства региона имели примерно одинаковую фондовооруженность (издержки производства в расчете на производственную единицу) и на одинаковые производственные издержки получали одинаковую (среднюю) прибыль.

О примерно одинаковой оснащенности производственными фондами также свидетельствуют и наиболее существенные прямые данные переписи 1916 г. Так, в хозяйствах животноводческой направленности доля коров в стаде продуктивного скота во всех группах примерно одинаковая. Составляет она 69–72% (см. табл. 44). В хозяйствах зерновой специализации разброс среднегрупповых данных по этому показателю выше (55–69% – см. табл. 43). В зерновой выборке в общем посеве хлебов одинакова доля товарных культур яровой пшеницы и овса. Она колеблется здесь в пределах от 95 до 97% (см. табл. 43). Для молочной специализации разброс от 55 до 87% (см. табл. 44).

Итак, специальный анализ фондовооруженности подтверждает вывод о том, что производственно-технический строй хозяйства всех социальных групп в начале XX в. был подчинен закономерностям товарно-капиталистического рынка, при господстве которых регулятором рыночных цен являлись цены производства. Все типы мелкотоварных в своей основе крестьянских хозяйств функционировали, ориентируясь на общие рыночно-капиталистические требования, в среднем поддерживая производственные издержки на уровне общественно необходимых затрат, что давало им возможность получать среднюю прибыль. Это свидетельствует о том, что в сельском хозяйстве Западной Сибири, в зоне экономического влияния Сибирской железной дороги и региональной сети основных речных и сухопутных путей, в начале XX в. сформировалась средняя норма прибыли. Корреляционная методика, однако, не дает средств ее оценки, но все же можно предположить, что она была близка к той норме прибыли, которая сложилась в среднечерноземной полосе Европейской России. Здесь она, по подсчетам И.Д. Ковальченко, составляла 14–21%[1].

В заключение излагаемого раздела необходимо особо отметить объективную рыночную направленность функционирования мелкотоварного производства в маломощных дворах.

[1] *Ковальченко И.Д.* О буржуазном характере… С. 74–75.

Таблица 49

Взаимосвязи показателей фондовооруженности с основными элементами крестьянского хозяйства (коэффициент 0, …)

Группы	Показатели фондовооруженности	На 1 душу				На 1 семейного работника				Доля аренды в посеве	Уровень значимости
		Семейн. рабочих	Рабоч. скота	Прод. скота	Всего посева	Наемн. рабочих	Рабоч. скота	Прод. скота	Всего посева		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Хозяйства зерновой специализации в целом	На 1 голову рабочего скота:										22
	продуктивного скота	–10	–1	–	0	0	0	34	1	–8	
	всего посева	–16	–1	0	–	17	10	9	–	22	
	На 1 голову продуктивного скота:										
	рабочего скота	19	24	–15	20	1	17	–15	11	12	
	коров	–4	–7	–4	–19	–14	–7	–6	–15	–8	
	всего посева	8	4	–20	–	10	–7	–15	29	29	
	На 1 дес. посева:										
	рабочего скота	5	–	30	–8	–5	27	22	–9	–7	
	продуктивного скота	–2	14	–	–11	–5	8	–	–12	–8	
Хозяйства животноводческой специализации в целом	На 1 голову рабочего скота:										22
	продуктивного скота	–3	–1	–	22	11	6	–	19	0	
	посева	1	7	22	–	8	14	23	–	21	
	На 1 голову продуктивного скота:										
	рабочего скота	2	20	–22	–10	–3	0	–	–11	0	
	коров	–8	3	8	–7	7	4	14	–5	–1	
	всего посева	1	9	–15	–	–3	11	–17	–	23	
	На 1 дес. посева:										
	рабочего скота	0	–2	–4	–19	–8	2	–2	–19	–5	
	продуктивного скота	–3	–7	9	–15	–4	–3	14	–15	–4	

Продолжение табл. 49

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
V группа с посевом свыше 15 дек.	На 1 голову рабочего скота:										
	продуктивного скота	–5	–14	–	1	–6	–8	–	1	–17	
	всего посева	–3	–	–8	15	–13	–	11	10	18	
	На 1 голову продуктивного скота:										
	рабочего скота	17	19	–	1	0	3	–	–8	–22	32
	коров	9	23	34	18	–14	8	18	2	–12	
	всего посева	11	–5	–	13	–6	13	–	1	–	
	На 1 дек. посева:										
	рабочего скота	1	36	7	13	17	29	11	–8	–16	
	продуктивного скота	–7	6	–	–8	8	10	–	–2	–25	
IV группа с посевом 10,1–15 дек.	На 1 голову рабочего скота:										
	продуктивного скота	–4	–28	–	–29	–2	–27	–	–24	–9	
	всего посева	9	–	–40	–6	–23	–	–33	–8	–15	
	На 1 голову продуктивного скота:										
	рабочего скота	–9	18	–	–16	–8	27	–16	22	2	
	коров	–14	–8	–10	–23	5	–2	11	–9	0	35
	всего посева	–2	–2	–	–17	–18	6	–	18	–3	
	На 1 дек. посева:										
	рабочего скота	–3	–	–	5	26	–	37	4	10	
	продуктивного скота	–2	9	–	–20	14	–1	–	–26	–3	
III группа с посевом 5,1–10 дек.	На 1 голову рабочего скота:										
	продуктивного скота	–3	–9	–	4	1	–12	–	0	6	
	всего посева	–2	–	–21	11	–13	–	–25	6	–13	
	На 1 голову продуктивного скота:										
	рабочего скота	8	1	–	–6	–8	–1	–	–9	–8	
	коров	7	3	–8	0	–4	3	–8	0	–2	23
	всего посева	7	–19	–	–5	–13	–23	–	1	–9	
	На 1 дек. посева:										
	рабочего скота	3	–	29	–12	13	–	35	–9	1	
	продуктивного скота	0	33	–	–3	15	33	–	–2	6	

Продолжение табл. 49

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
II группа С посевом 0,1–5 дес.	На 1 голову рабочего скота:										
	продуктивного скота	–9	4	–	20	–2	–4	–	1	–1	
	всего посева	–5	0	14	–	–3	0	6	–	0	
	На 1 голову продуктивного скота:										
	рабочего скота	0	13	–16	0	3	17	–14	4	0	
	коров	–3	8	11	–3	7	11	20	0	–4	22
	всего посева	1	–8	–23	0	0	–6	–23	3	0	
	На 1 дес. посева:										
	рабочего скота	–4	–	20	–15	4	–	20	–15	0	
	продуктивного скота	0	9	–	–22	–3	–2	–	–32	–3	
V группа С 7 и более коровами	На 1 голову рабочего скота:										
	продуктивного скота	5	–17	–	12	0	–21	–	8	6	
	всего посева	11	–12	11	–	–12	–30	–6	–	34	
	На 1 голову продуктивного скота:										
	рабочего скота	–3	25	–	–12	5	21	–	–12	–11	
	коров	–17	–7	–11	–28	2	10	9	–19	–19	
	всего посева	14	–2	–21	–	–17	–10	–32	–	–	34
	На 1 дес. Посева:										
	рабочего скота	–17	–13	–2	–	–8	11	22	–	–19	
	продуктивного скота	–11	–12	23	–32	4	7	–	–25	12	
IV группа С 5–6 коровами	На 1 голову рабочего скота:										
	продуктивного скота	3	–	21	–37	–6	–	20	–32	13	
	всего посева	4	–24	–25	–	–2	–31	–29	–	7	
	На 1 голову продуктивного скота:										
	рабочего скота	4	–	–28	36	–4	25	–	25	5	
	коров	4	–12	–3	–	–32	–13	–10	–	–4	32
	всего посева	9	10	–	–	0	–3	–10	–	14	
	На 1 дес. посева:										
	рабочего скота	–18	–1	–9	–30	–6	15	6	–28	–6	
	продуктивного скота	–23	–11	–2	–	–6	12	22	–	0	

Окончание табл. 49

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
III группа с 3–4 коровами	На 1 голову рабочего скота:										
	продуктивного скота	–27	–	31	–26	–17	–	–	–23	–12	
	всего посева	17	–8	–1	–	–4	–5	1	–	23	
	На 1 голову продуктивного скота:										
	рабочего скота	22	–	–	32	29	–	–	29	–14	
	коров	–8	–2	–5	–53	6	–18	–18	–53	–4	26
	всего посева	20	20	–22	–	5	25	–21	–	23	
	На 1 дес. посева:										
	рабочего скота	–8	–11	–5	–31	–8	0	13	–28	–7	
	продуктивного скота	–8	–16	9	–27	–7	–8	22	–24	–5	
II группа с 1–2 коровами	На 1 голову рабочего скота:										
	продуктивного скота	–2	–5	14	0	9	–6	15	2	–7	
	всего посева	4	13	–1	–	24	16	19	–	13	
	На 1 голову продуктивного скота:										
	рабочего скота	13	–	–	24	–5	–	–14	18	–6	
	коров	–5	–34	–23	–39	–9	–38	–	–36	4	22
	всего посева	9	36	–15	–	15	32	4	–	15	
	На 1 дес. посева:										
	рабочего скота	4	2	–13	–15	17	6	–3	–4	5	
	продуктивного скота	0	–12	–12	–20	18	–6	0	–18	–4	

Дело в том, что у части исследователей сложилось мнение о слабом характере связей с рынком бедняцких хозяйств, обусловленном низким уровнем их материально-технической обеспеченности[1]. Согласно таким представлениям связь с рынком «полупролетарий» осуществлял в основном через продажу собственной рабочей силы, покупку продовольствия и предметов потребления. Его собственное хозяйство было целиком ориентировано на внутреннее потребление. Даже необходимость выплачивать подати не обязательно вела бедняка на рынок, поскольку он имел возможность оплачивать их за счет денег, вырученных от продажи своей рабочей силы.

Для того чтобы более детально разобраться в возникшем вопросе, обратимся к данным, отражающим сложившуюся в годы Первой мировой войны рыночную конъюнктуру и определим, как на нее реагировали различные типы хозяйства региона, включая бедняцкий. В рассматриваемый период текущая ситуация на сибирском рынке сельскохозяйственной продукции характеризовалась массовыми закупками овса для действующей армии. Так, из урожая 1915 г. в Западной Сибири Особое совещание по продовольствию закупило 10,4 млн пуд. овса и лишь 4,7 млн пуд. яровой пшеницы[2]. Всего же в этот год из Сибири (главным образом Западной Сибири) было вывезено 29 млн пуд. овса[3]. Закупки овса стали важнейшим фактором, воздействовавшим на мелкотоварное крестьянское хозяйство региона[4]. Вследствие повышения спроса на овес цены на него стали быстро расти. В период с 1914 по 1916 г. они выросли в Томской губернии примерно в 3 раза, в то время как на яровую пшеницу – только вдвое[5]. Крестьянское хозяйство региона отреагировало на изменившуюся конъюнктуру расширением посевных площадей под овес. В результате доля овса в посевных площадях стала повышаться (см. табл. 50).

---

[1] См.: *Тюкавкин В.Г.* Сибирская деревня накануне Октября… С. 295 и др.

[2] См.: *Управление* делами Особого совещания по продовольствию: Совещание уполномоченных 25–31 августа 1916 г.: Материалы. Пг., 1916. С. 9–10.

[3] См.: *Огановский Н.П.* Народное хозяйство Сибири… С. 51.

[4] По данным статистического отдела Томского переселенческого района на 1916 г., в 271 сообщении, полученном от добровольных корреспондентов отдела, 205 раз (из 353) отмечалось, что закупки зерна производились для нужд армии. См.: *Обзор* Томской губернии за 1916 год в сельскохозяйственном отношении… С. 221.

[5] См.: *Обзор* Томской губернии за 1914 год в сельскохозяйственном отношении… Приложения. С. 103–104, 111–112; *Обзор* Томской губернии за 1916 год в сельскохозяйственном отношении… С. 162–164, 166.

Таблица 50

Доля овса в посевных площадях крестьянского хозяйства Западной Сибири, %*

Регион	1916 г.	1917 г.
Алтайско-Томская часть Западной Сибири	28,0	29,8
Тобольская губерния	36,0	36,9
Акмолинская область	18,4	20,4

*Источники: *Предварительные* итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи. Пг., 1917. Вып. 3. С. 86–87, 100–101; *Итоги* сельскохозяйственной переписи 1916 г. в Акмолинской области. Омск, 1917. С. 18; *Труды* ЦСУ. М., 1921. Т. 5, вып. 1: Погубернские итоги всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. по 52 губерниям и областям. С. 72–73, 84–85. (Подсчеты мои. – *П.Н.*)

Таблица 51

Взаимосвязь долей посевных площадей овса и яровой пшеницы в посеве с показателями производства в хозяйствах земледельческой специализации (коэффициент 0, …)*

Показатели	Группы с посевом, дес.				Хозяйства в целом
	0,1–5 II	5,1–10 III	10,1–15 IV	Свыше 15 V	
Рабочего скота на 1 душу	30 / –28	17 / –24	30 / –30	18 / –10	41 / –4
Всего посева на 1 душу	40 / –35	20 / –20	24 / –28	12 / –3	53 / 7

* В числителе – взаимосвязи доли овса в посеве, в знаменателе – взаимосвязи доли яровой пшеницы.

Данные корреляционного анализа первичных материалов Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. по Томской губернии обнаруживают эту тенденцию в зерновых хозяйствах всех социальных групп (см. табл. 51). В самом деле, взаимосвязь доли посева с рабочим скотом на 1 душу во всех категориях хозяйств носила положительный характер, в то время как доля посева яровой пшеницы с отмеченными показателями была взаимосвязана отрицательно. Это указывает на то, что с ростом производственно-технической базы хозяйства и расширением посевных площадей крестьяне в большей степени увеличивали посевы овса, чем яровой пшеницы. Особенно ярко данная тенденция проявилась в бедной II группе, менее отчетливо – в высшей V группе. Но в рыночно мобиль-

ной зажиточной группе доля посевных площадей под овсом была уже более высокой: 36% против 19,6% во II группе.

Эта замечательная однородность реакции на изменение рыночной конъюнктуры, которую проявили различные социально-экономические типы крестьянских хозяйств региона, включая бедную группу, подчеркивает их равно глубокую вовлеченность в современные рыночные отношения[1].

Важным общим внехозяйственным признаком включенности разных групп крестьянских дворов в рыночно-капиталистические отношения и модернизационные процессы являлось участие в кооперативном движении[2]. В 1916 г. разными формами кооперации (маслодельческой, кредитной, сбытовой, потребительской) было охвачено более половины крестьянских хозяйств региона. Сибирская программа переписи 1916 г. фиксировала только принадлежность двора к тому или иному кооперативу. Согласно ее сведениям, в кооперации участвовали 55% дворов земледельческой специализации и 63% дворов скотоводческого направления (см. табл. 43 и 44). Самая высокая доля кооперированных хозяйств в обеих специализациях наблюдается в середняцкой III группе и в IV–V группах зажиточных середняков и богатых крестьян: здесь она варьирует в пределах от 60 до 83%. В малопосевных и малокоровных II группах доля дворов в кооперативных организациях несколько ниже среднего: от 49 до

[1] В животноводческой выборке бедные дворы были связаны с рынком сильнее, чем в земледельческих местностях, так как они вели в высокой степени ориентированное на рынок молочное хозяйство. Молоко сдавалось ими на маслодельческие предприятия. Так, по данным выборочного обследования старожильческих и переселенческих хозяйств Томской губернии, проведенного в 1912–1913 гг., около 45% расположенных в лесостепной зоне старожильческих дворов с посевом до 3 дес. (имели по 1–2 коровы) продавали сельскохозяйственные продукты. Более 70% из них продавали молочные продукты. В связанных с рынком бедняцких дворах более трех четвертей денежных доходов поступали от продажи молока. См.: *Переселенцы*, приселившиеся к старожилам… С. 426–427. (Подсчеты мои. – *П.Н.*).

[2] См.: *Тюкавкин В.Г.* Сибирская деревня накануне Октября… С. 381–414; *Алексеева В.К.* К истории сибирской маслодельной кооперации («Союз сибирских маслодельных артелей») // Вопросы истории Сибири досоветского периода. Бахрушинские чтения 1969 г. Новосибирск, 1973. С. 417–430; *Она же*. Кооперативное движение в Сибири…; *Она же*. Кооперация в Азиатской России…; *Иванов Б.В.* К вопросу о социальном составе сельской дореволюционной кредитной кооперации Сибири (начало XX в.) // Вопросы истории Сибири. Томск, 1976. Вып. 9. С. 28–38; *Горюшкин Л.М.* Кооперация в сибирской деревне в годы первой мировой войны… С. 141–155; *Крестьянство* Сибири в эпоху капитализма… С. 196, 243–246, 263–267; *Николаев А.А.* Роль маслодельческой кооперации Сибири в процессе модернизационного перехода…; *Он же*. Основные виды кооперации в России…; *Чедурова Е.М.* Кооперация Западной Сибири и ее роль в развитии аграрных технологий… и др.

52%. Наименьшей была доля кооперированных хозяйств в беспосевной и бескоровной группах (26–28%).

Кооперацией пропорционально были охвачены все социальные группы хозяйств. Особенно хорошо пропорциональность видна при сопоставлении долей разных социальных групп среди кооперированных хозяйств: доли бедняков (I и II группы), середняков (III группа) и зажиточных (IV и V группы) составляли примерно по одной трети от общего количества кооперированных дворов (см. табл. 43 и 44). Это говорит о том, что участие того или иного крестьянского двора в кооперативной организации не зависело от его экономической мощности и социально-групповой принадлежности. Более взвешенно и широко (на подворном уровне) данную взаимосвязь выражает корреляционный анализ. Он показал, что во всех социальных группах кооперативная принадлежность хозяйства не зависела от размеров его производственно-технической базы и общей экономической мощности. Действительно, взаимосвязи признака кооперированности двора с рабочими лошадьми, продуктивным скотом и посевами совершенно отсутствуют или очень слабы (0,15–0,20). Исключение представляли лишь беспосевные и бескоровные группы, в которых данные взаимозависимости значимы и имеют величину 0,30–0,40. Это указывает на необходимость для беднейших крестьян иметь при вступлении в кооператив минимальный товарно-производственный потенциал.

Главной причиной широкого развития в западносибирской деревне начала XX в. массового кооперативного движения являлось воздействие мощного внехозяйственного фактора – товарно-капиталистического рынка. Это свидетельствует о включенности в процесс функционирования рыночных отношений крестьянских хозяйств всех социальных групп. Вызванная воздействием капиталистического рынка крестьянская кооперация была коллективной системой адаптации к объективным рыночным закономерностям и отношениям конкуренции. Одновременно она являлась органичной деревенской (общинной) формой крестьянской экономической модернизации.

Таким образом, данные корреляционного анализа подворных сведений переписи 1916 г. свидетельствуют о том, что производственно-техническая подсистема крестьянских хозяйств региона всех типов подчинялась товарно-капиталистическому рынку. С другой стороны, будучи по-разному обеспечены производственными и рабочими ресурсами, различные экономические группы дворов имели неодинаковую рыночную

конкурентоспособность и располагали разными типами традиционных возможностей вести товарно-рыночную деятельность.

Это требует вновь обратиться к исследованию внутренней структуры хозяйств различных социальных групп на предмет различий в соотношении потребительских и предпринимательских черт, которое выражало групповые особенности взаимодействия и системной интеграции традиционной, семейно-трудовой и инновационной (рыночно-капиталистической) подсистем хозяйствования.

Для изучения предпринимательства необходимо остановиться на анализе структуры взаимосвязей тех показателей, которые в той или иной мере характеризуют расширенный тип воспроизводства и соотношение семейного и наемного труда. К таковым относятся уровень товарного производства, аренда земли, а также уровень и масштабы применения наемного труда.

Обратимся к взаимосвязи уровня производства с основными элементами крестьянского хозяйства (см. табл. 52). В качестве показателя уровня производства в земледельческой выборке был взят весь посев в расчете на 1 душу, а в животноводческой – продуктивный скот в расчете на 1 душу.

Как следует из данных табл. 52, в начале XX в. западносибирское крестьянство находилось в достаточно свободных земельных условиях. Во всех типах крестьянского хозяйства региона главную роль в процессе производства играла собственная пашня. Коэффициенты корреляции всего посева в расчете на 1 душу с уровнем обеспеченности собственной пашней (от 0,78 до 0,95) везде значительно выше, чем с посевом на арендованной пашне (от (–0,08) до 0,43). Вместе с тем наличие взаимозависимости уровня производства и аренды указывает на относительный характер земельной свободы в Западной Сибири.

Естественно, что степень земельной свободы была разной для тех или иных разрядов хозяйства. Это обусловливалось различиями в размахе производственной деятельности представителей различных социально-экономических групп крестьянства. Отмеченный аспект земельного вопроса в регионе может быть разрешен анализом корреляции между уровнем производства и уровнем обеспеченности хозяйства всей пашней. Здесь сразу привлекает внимание следующая особенность. В крупных крестьянских хозяйствах взаимосвязь между указанными признаками имеет чрезвычайно тесный характер (0,90), в то время как в остальных группах (II–IV) она находится на уровне ниже 0,7 (коэффициенты корреляции от 0,55 до 0,65). Это различие свидетельствует о возникновении в зажиточном крестьян-

ском хозяйстве региона качественно новой тенденции в системе ведения земледелия. Жесткая детерминированность между посевом и мягкой пашней, включавшей в себя посев и пары, указывает на то, что в хозяйстве зажиточного крестьянина происходила интенсификация полеводства, осуществлялся переход от залежно-паровой системы к паровой. В хозяйствах бедняков и середняков отмеченная тенденция была слабой, что указывает на сохранение значения залежей. Это было возможно лишь в условиях достаточной земельной свободы. Следовательно, земельное утеснение в большей степени испытывали крупные крестьянские дворы, что вызывалось большим размахом товарного производства в высшей группе. Не случайно именно в высшей группе наблюдается наиболее тесная связь с арендой (0,43) и долей посева в пашне (0,38). Испытывая земельные ограничения, зажиточные крестьяне обращались к аренде земли и интенсифицировали полеводство увеличением доли посева в пашне.

Таблица 52

Взаимосвязь уровня производства (всего посева в расчете на 1 душу) с основными элементами крестьянского хозяйства зерновой специализации (коэффициент корреляции 0,…)

Показатели	Группы хозяйств с посевом, дес.				Хозяйства в целом
	0,1–5 II	5,1–10 III	10,1–15 IV	Свыше 15 V	
На 1 душу:					
Семейных работников	37	43	38	47	12
Наемных рабочих	15	0	20	38	55
Рабочего скота	66	73	84	85	68
Продуктивного скота	52	62	50	71	48
Собственной пашни	39	48	51	72	56
Всей пашни	55	65	62	90	78
Посева на собственной пашне	95	78	79	82	83
Посева на арендованной пашне	0–8	27	42	43	56
На 1 семейного работника:					
Наемных рабочих	02	–03	15	31	50
Рабочего скота	29	28	41	51	64
Семейных работников:					
На 1 голову рабочего скота	–02	–21	–40	–48	–31
Другие показатели:					
Доля аренды в посеве	–05	–08	35	26	44
Доля посева в пашне	–10	21	20	38	35
Продуктивного скота на 1 хозяйство	21	04	–14	26	50
Возраст хозяйства	–02	08	0	26	19

Уровень производственной деятельности зажиточных крестьян определял и общую земельную обстановку в регионе. Действительно, в крестьянском хозяйстве региона величина корреляции между посевом и пашней в расчете на душу, как и в хозяйстве зажиточного типа (0,90), была выше 0,70 (0,78). Стало быть, наряду с переселениями крестьян важными причинами земельного «потеснения» западносибирского крестьянства являлись развитие в сельском хозяйстве региона товарного производства и связанный с этим процесс разборки земель мелкотоварными предпринимательскими хозяйствами.

Во всех категориях хозяйства западносибирского крестьянства решающую роль в развитии земледельческого производства играла обеспеченность рабочим скотом, или уровень обеспеченности материально-техническими ресурсами. Указывает на это очень тесный характер корреляции между посевом и тягловым скотом в расчете на душу (от 0,66 до 0,85). Зависимость уровня производства от уровня обеспеченности семейной рабочей силой значительно слабее (0,37–0,47). Ослабление ведущей роли семейной рабочей силы, характерной для натурального хозяйства, возрастание значения в процессе производства материально-технических ресурсов свидетельствует о том, что во всех социальных разрядах крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX в. вещественные средства производства функционировали не только как часть традиционного мелкотоварного хозяйства, но и как производственно-технический капитал[1]. Семейные работники при этом уже выступали как его субъектная движущая сила (основа).

Следует отметить, что общий процесс превращения рабочей силы в движущую силу производственно-технического капитала протекал в различных социальных группах с существенными отличиями. Они отображены в разной степени взаимосвязи уровня производства (посев на 1 душу) и уровня и масштаба использования наемного труда. Во дворах зажиточных крестьян эта зависимость значимая (с наемными рабочими в расчете на 1 душу 0,38; с долей наемных работников 0,31), а в хозяйствах бедняков и середняков она практически отсутствует. Отмеченный момент означает, что в крупном крестьянском хозяйстве превращение рабочей силы в часть технического капитала осуществлялось не только по-

[1] В настоящем случае под капиталом понимаются производственные фонды некапиталистического предприятия, функционирующего в условиях господства капиталистического рынка. В таком же смысле использовал данный термин А.В. Чаянов. См.: *Чаянов А.В.* Организация крестьянского хозяйства… Гл. 5.

средством увеличения расходов на воспроизводство семейной рабочей силы, как это было у основной массы хозяев, но и путем расширения денежных расходов на наем работников со стороны.

Далее акцентируем внимание на взаимозависимости уровня обеспеченности дворов посевами и показателей расширенного типа воспроизводства, взятых в комплексе. К таковым относятся наем, аренда, доля посева в пашне, показатели капиталовооруженности и производительности труда и обратные последним показатели доли затрат живого труда во всех производственных издержках. Наличие достаточно тесной, устойчивой соподчиненности названных признаков наблюдается лишь в хозяйствах высшей группы: соответственно 0,38; 0,43; 0,38; 0,51 и (–0,48) (см. табл. 52). К этому необходимо добавить отмеченный ранее факт интенсификации системы земледелия. Наличие прямой и довольно тесной взаимосвязи уровня производства с перечисленными показателями говорит о том, что в хозяйстве зажиточного крестьянина с повышением уровня производства постоянно возраставшие доходы[1] вкладывались в расширение масштабов производства путем введения в оборот новых земель и аренды пашни под посев, на повышение его интенсивности (рационализация системы земледелия, увеличение доли посевных площадей в пашне и др.), а также на расширение масштабов использования наемного труда. Другими словами, доходы (прибыль) в большей своей части принимали форму предпринимательских производственных расходов.

В хозяйствах зажиточных середняков (IV группа) наблюдаются отдельные проявления расширенного типа производства: прежде всего, определенная тенденция к сокращению доли живого труда в производственных издержках и повышению производительности труда (теснота взаимосвязи с рабочим скотом на 1 работника – 0,41). Здесь же обнаруживается более широкое обращение к аренде пашни под посев (0,35) которая, как показал последующий анализ, имела более потребительскую направленность[2]. Все это свидетельствует о наличии зачаточной и неустойчивой предпринимательской системы хозяйствования в данной группе.

Внутренний строй хозяйств бедняков и середняков (II и III группы) характеризуется полным отсутствием черт расширенного воспроизводства. Отмеченные существенные взаимосвязи между производственными компонентами были слабыми и выражали развитие в рамках воспроиз-

[1] Посев в расчете на 1 душу можно интерпретировать также как уровень доходности.
[2] Аренда рассмотрена в разд. 4.4.

водства традиционного мелкотоварного хозяйства, происходившего в условиях господства рыночно-капиталистических условий.

Как выяснилось из оценки корреляционных коэффициентов, сила воздействия на размеры и уровень производства наиболее сильного фактора (обеспеченности двора материально-техническими ресурсами) в различных категориях крестьянского хозяйства была приблизительно одинаковой. Примерно одинаковой была зависимость уровня производства и от другого важного фактора – уровня обеспеченности семейными рабочими ресурсами. В связи с этим для более точного учета в различных типах хозяйства сравнительной роли воздействующих на производственный процесс факторов необходимо прибегнуть к методу множественной регрессии. В качестве факторных признаков были взяты фигурировавшие в корреляционном анализе показатели[1], а также количество голов продуктивного скота в расчете на 1 двор, который отображает роль отраслевой структуры. Результаты множественного регрессионного анализа данных переписи по земледельческой выборке представлены в табл. 53.

Таблица 53

Роль различных факторов в воздействии на уровень производства в крестьянских хозяйствах земледельческой специализации

Факторные признаки	Группы хозяйств с посевом, дес.			
	0,1–5 II	5,1–10 III	10,1–15 IV	Свыше 15 V
	Удельный вес факторов, %			
Рабочего скота на 1 душу	43,6	53,5	71,9	72,6
Семейных работников на 1 душу	2,5	1,5	2,0	6,2
Посева на арендованной пашне на 1 душу	0	3,0	1,5	3,0
Продуктивного скота на 1 хозяйство	0	3,5	6,3	0
Доля всего посева в пашне	0	2,0	2,0	5,0
Семейных работников на 1 голову рабочего скота	0	1,0	10,0	4,1
Суммарная роль учтенных факторов	46,1	65,5	93,7	90,9
Неучтенные факторы	53,9	34,5	6,3	9,1

[1] Наем, как неустойчивый, случайный признак, из числа факторов исключен.

Как обнаруживается из итогов регрессионного анализа, в III–V группах доля учтенной вариации результирующего признака (всего посева на 1 душу), объясненной воздействием избранных факторов, превышает 50% (соответственно 65,5; 93,7; и 90,9). Это свидетельствует о том, что хозяйство среднего и зажиточного крестьянина в целом велось на основе собственных ресурсов. Доходы, которые давало собственное хозяйство, вполне позволяли им возмещать затраты на средства производства и средства существования и осуществлять как минимум простое воспроизводство. Однако в полной мере это утверждение можно отнести лишь к хозяйствам зажиточных середняков и богатых крестьян. Дело в том, что в чисто середняцкой (III) группе была довольно ощутима роль неучтенных факторов (34,5%), которыми, несомненно, являлись лежавшие вне земледельческого производства денежные доходы от промыслов и частичной продажи семейной рабочей силы[1]. Они вкладывались середняками в сельскохозяйственное производство с целью поддерживать его на уровне рыночных требований.

Главное значение среди отобранных в модель факторных признаков имеет «рабочий скот на 1 душу»: во II группе – 43,6; в III – 53,5; в IV – 71,9 и в V – 72,6%. Этот факторный признак отражает определяющее воздействие фактора обеспеченности материально-техническими ресурсами (производственно-технического капитала). Особенно велика его роль в зажиточных IV и V группах, что свидетельствует о резком увеличении доли производственных расходов.

Бедная группа из-за недостатка производственно-технических ресурсов не могла обеспечить даже простого воспроизводства. На это указывает тот факт, что в воздействии на уровень производства в данной группе преобладали внехозяйственные факторы (удельный вес неучтенных факторных признаков 53,9%). Главное место среди них занимали средства от продажи семейной рабочей силы и частично доходы от неземледельческих занятий. Резкий рост, в сравнении с данными на 1901 г., значения внехозяйственных источников доходов, несомненно, является следствием громадного притока в Западную Сибирь бедных и неустроенных переселенцев. Помимо использования средств от внеземледельческих заработков, бедняцкое хозяйство держалось чрезмерным напряжением семейных рабочих сил (удельный вес фактора 2,5%).

[1] Промыслы и факты продажи семейной рабочей силы в крестьянском хозяйстве переписью 1916 г. не регистрировались. Кроме того, следует иметь в виду, что модели данного типа в большей степени рассчитаны на зажиточные хозяйства, вследствие чего они не учли некоторые важные для бедных и середняцких дворов факторные признаки.

Из итогов регрессионного анализа также привлекает внимание более высокий сравнительно с другими типами хозяйств удельный вес фактора уровня обеспеченности семейными работниками в хозяйстве крестьянина-предпринимателя (6,2%). Это, несомненно, результат высокого уровня потребностей в рабочей силе, связанный с расширением масштабами производства в данного типа хозяйстве. В отмеченном факте, однако, есть и другая, не менее важная сторона. Она состоит в том, что рассматриваемый фактор, учитывая ограниченность семейных трудовых ресурсов, ставил развитию производства в хозяйстве состоятельного крестьянина известные пределы: сокращение числа собственных работников вело к некоторому свертыванию товарного производства, несмотря на возможность нанять работников со стороны. Это свидетельствует о том, что рынок наемного труда в Западной Сибири начала XX в. был ограниченным, наемных сельскохозяйственных рабочих не хватало[1]. В годы Первой мировой войны нехватка рабочей силы увеличилась в связи с мобилизацией мужчин. Таким образом, обеспеченность семейными работниками имела для развития товарного производства в хозяйстве зажиточного крестьянина более важное значение, чем наемный труд.

Обратимся теперь к отраслевому аспекту, точнее, к вопросу о соотношении в сельскохозяйственном производстве рыночной и вспомогательной отраслей. В этом плане очень показательны данные регрессионного анализа по III и особенно IV группам. Они говорят о том, что в хозяйствах указанных групп товарное производство развивалось путем огромного напряжения всех материальных и рабочих ресурсов и определенного сокращения капиталовложений во вспомогательную отрасль. В самом деле, во дворах зажиточных середняков и середняков велика доля фактора «продуктивного скота на 1 хозяйство» (6,3 и 3,5%). Это

[1] Недостаток рабочих рук в сельском хозяйстве региона был чертой не только военного и довоенного периода. Особенно он ощущался в местностях наивысшего развития товарного производства. Данный фактор был неотъемлемой чертой и итогом социально-экономической эволюции крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX в. Об этом свидетельствуют также наиболее важные источники и результаты многих исследований. См.: *Обзор* сельскохозяйственной жизни заселяемых районов Азиатской России за 1913 год по данным переселенческой статистики. СПб., 1914. С. 53; *1913 год* в сельскохозяйственном отношении по ответам, полученным от хозяев. СПб., 1913. Вып. 4. С. 17, 102, 104; *Борзунов В.Ф.* Влияние Транссибирской магистрали на развитие сельского хозяйства Сибири и Дальнего Востока в начале XX в. … С. 165; *Тюкавкин В.Г.* Сибирская деревня накануне Октября… С. 180; *Горюшкин Л.М.* Аграрные отношения в Сибири… С. 217 и др.

свидетельствует об ограниченности капиталов зажиточных середняков, что не позволяло им вести товарное производство, сбалансированное в отраслевом отношении. В результате возрастали издержки производства и падала конкурентоспособность их хозяйств. Ограниченность капиталов могла компенсироваться только за счет напряженного труда семейных работников. В крупнокрестьянских дворах, напротив, велось более гибкое и рациональное, сбалансированное в отраслевом плане рыночное хозяйство.

Между хозяйствами средних и зажиточных крестьян есть еще одно различие. Оно связано с методами повышения техники и интенсивности сельскохозяйственного производства. В данном плане показательна высокая роль фактора снижения доли живого семейного труда в производственных издержках («семейных работников на 1 голову рабочего скота» в IV группе). Здесь его удельный вес равен 10%, в V группе – 4,1%. Это свидетельствует о том, что хозяйствам зажиточных середняков был присущ самый доступный путь совершенствования техники сельского хозяйства, состоявший в расширении посева и соответственном сокращении числа своих рабочих на 1 голову рабочего скота (производственную единицу). В крупнокрестьянских хозяйствах он имел гораздо меньшее значение, поскольку они могли использовать более эффективные капиталоемкие способы модернизации техники земледелия: широкое применение усовершенствованного инвентаря и сельскохозяйственных машин, интенсификация системы земледелия (роль факторного признака «увеличение доли посева в пашне» – 5%), характерные для предпринимательских хозяйств.

В животноводческих дворах данные корреляционного анализа взаимосвязей уровня производства с основными элементами хозяйства, в силу уже отмеченных причин[1], выглядят более неопределенно (см. табл. 54). Тем не менее закономерности, установленные в результате анализа внутренней структуры крестьянского хозяйства земледельческой выборки, просматриваются и здесь. Проявляются они, однако, в иной форме. По отдельным аспектам, будучи выраженными расплывчато, закономерности выявляются на уровне более крупных социальных совокупностей крестьянских дворов (например, по зажиточным IV и V группам одновременно). По другим (наем, к примеру) они обнаруживают себя

[1] В скотоводческую выборку попала небольшая группа переселенческих дворов, имевших зерновую специализацию.

на уровне выборки в целом. Некоторые аспекты обнаруживаются при анализе исследуемых взаимосвязей в плане размеров хозяйства[1].

Таблица 54

Взаимосвязь уровня производства (продуктивного скота на 1 душу) с основными элементами крестьянского хозяйства скотоводческой специализации (коэффициент 0, …)

Показатели	Группы хозяйств с числом коров, голов				Хозяйства в целом
	1–2 II	3–4 III	5–6 IV	7 и свыше V	
На 1 душу:					
Семейных работников	01	–03	44	46	27
Наемных рабочих	03	01	32	29	25
Рабочего скота	37	22	73	72	50
Коров	88	93	95	93	94
Посева на арендованной пашне	01	–06	–09	49	28
Всего посева	19	10	21	60	59
На 1 семейного работника:					
Наемных рабочих	04	0	29	09	41
Рабочего скота	0	–05	34	21	59
Продуктивного скота	19	24	54	50	41
Семейных рабочих:					
На 1 голову рабочего скота	–33	–31	–23	–22	–22
На 1 голову продуктивного скота	–56	–54	–49	–47	–22
Другие показатели:					
Доля посева в пашне	–15	–12	–34	48	33
Всего посева на 1 хозяйство	03	–13	–25	02	36
Возраст хозяйства	11	15	19	17	18

Заканчивая характеристику особенностей корреляционной оценки данных по животноводческой специализации, необходимо заметить, что наибольшему искажению подверглась внутренняя структура хозяйства низших классов (II–III), в меньшей степени исказилась внутренняя структура хозяйства высших групп крестьянства, изучение которых и представляет наибольший интерес в плане исследуемой проблемы.

Из данных табл. 54 видно, что во всех типах животноводческих хозяйств, так же как и в земледельческой выборке, решающую роль в по-

[1] Переход к исследованию взаимосвязей в похозяйственном ракурсе возможен в силу того, что разброс признака «население двора» невелик. Кроме того, следует учитывать, что двор (усадьба) являлся системным центром и основой животноводства.

вышении уровня производства играла обеспеченность материально-техническими ресурсами: взаимосвязи продуктивного скота на 1 душу с душевым количеством рабочего скота по группам от 0,22 до 0,73; в целом 0,50. Обусловленность производства обеспеченностью семейными рабочими ресурсами была меньшей: от 0 до 0,46.

Как и в зерновой специализации, в высшей группе наблюдается зависимость между уровнем товарного производства и признаками расширенного типа воспроизводства: арендой 0,49; долей посева в пашне 0,48; эффективностью труда (продуктивный скот на 1 работника) 0,50; уровнем обеспеченности наемными работниками 0,29; взаимосвязь с долей наемных рабочих в хозяйствах V группы отсутствует. Это результат искажения. Действительно, по крестьянскому скотоводческому хозяйству в целом указанная взаимосвязь носит довольно тесный характер 0,41[1]. Отмеченные моменты свидетельствуют о расширенном типе воспроизводства хозяйства в высшей животноводческой группе. В IV группе проявляются только отдельные черты расширенного типа воспроизводства: взаимосвязь с наймом 0,32; с долей найма 0,29 и с продуктивным скотом на 1 душу 0,54. В рыночно-отраслевом плане зажиточные животноводческие хозяйства не были сбалансированы. Зерновая отрасль в них имела продовольственное и местное рыночное значение. На это указывает слабая взаимосвязь уровня производства с количеством рабочего скота на 1 семейного работника (0,21). Практически все капиталовложения шли на развитие молочно-маслодельческого направления.

Обратимся далее к результатам регрессионного анализа. В данной части работы представлены только регрессионно-факторные модели уровня скотоводческого производства по хозяйствам зажиточных середняков и богатых крестьян (IV–V группы). Дворы бедняков и середняков в целом сохранили традиционный мелкотоварный, семейно-потребительский уклад и простое воспроизводство, которые достаточно подробно рассмотрены на основе регрессионного анализа данных переписи 1901 г.[2] Тем не менее попытки создать работоспособные регрессионно-факторные модели предпринимались, но оказались неудачными по причине отсутствия в переписи 1916 г. очень важных для скотовод-

[1] Как уже отмечалось, структура главных социально-экономических взаимосвязей в крестьянском хозяйстве в целом образована системообразующими середняцкими и зажиточными хозяйствами. В аренде и найме практически все определяли зажиточные середняки и богатые хозяева (IV–V группы). Здесь их доля составляла 50–70% (см. табл. 45–46).

[2] См. разд. 3.2 настоящей работы.

ства сведений о кормах[1] и уже упомянутых «искажений», связанных с попаданием в животноводческую выборку определенной доли зерновых дворов.

Регрессионные факторные модели по IV и V группам даны в табл. 55. Они, в целом, дают примерно такую же картину как и по земледельческим волостям: решающее значение для производства имеет фактор обеспеченности рабочим скотом (техническим капиталом) соответственно 53,4 в IV и 52,7%. В V группах также заметную роль играют факторы расширенного воспроизводства – доля посева в пашне (3,0 и 3,7%) и «семейных работников на 1 голову продуктивного скота» (3,8 и 9,2%).

Вместе с тем, во дворах животноводческой специализации есть некоторые особенности. Так, в них выше роль фактора душевой обеспеченности хозяйств семейными рабочими силами: 13,1% в IV группе и 20,0% – в V группе. Это, очевидно, следствие меньшего количества семейных работников в скотоводческих хозяйствах сравнительно с земледельческими (0,44 работника на 1 душу против 0,51). С другой стороны, животноводческая отрасль меньше нуждалась в привлечении наемных работников, поскольку в пастбищный период скот пасли общинные пастухи. В целом же, это могло быть результатом более низкого уровня развития товарно-денежных отношений в попавших в животноводческую выборку волостях, поскольку них была гораздо выше доля переселенцев: 43% против 29,5% в земледельческих волостях. В переселенческих дворах, согласно сведениям переселенческой статистики, собственное хозяйство было менее товарным, чем у старожилов[2]. В более патриархальных крестьянских хозяйствах роль семейных рабочих сил в развитии производства была выше.

---

[1] Согласно результатам регрессионно-факторного анализа данных переписи 1901 г. в бедных и средних животноводческих дворах корма были главным фактором развития производства. См. разд. 3.2 настоящей работы.

[2] Об этом свидетельствуют сведения бюджетного характера по 745 дворам переселенцев и 736 дворам старожилов лесостепной зоны, которые подтверждают данное положение. Согласно им доля денежного прихода от занятий, промыслов и продажи продуктов сельского хозяйства в переселенческих дворах составила 41,1%, а в старожильческих – 45,3%. Если вычесть доходы от занятий промыслами и продажи собственной рабочей силы, в большей степени развитых в хозяйствах новоселов, и учесть, что организаторы обследования относили к переселенческим хозяйствам все дворы новоселов независимо от давности водворения, а в настоящей работе к таковым отнесены крестьяне, водворившиеся только 12 и менее лет назад, разница будет более существенной. См.: *Переселенцы*, приселившиеся к старожилам… С. 5. Бюджеты. С. 34, 37. (Подсчеты мои. – *П.Н.*).

Таблица 55

Роль различных факторов в воздействии на уровень производства (продуктивного скота на 1 душу) в хозяйствах высших групп молочной специализации

Факторные признаки	Группы хозяйств с числом коров, голов	
	IV 5–6	V 7 и свыше
	Удельный вес факторов, %	
Рабочего скота на 1 душу	53,4	52,7
Семейных рабочих на 1 душу	13,1	20,0
Всего посева на 1 хозяйство	12,0	0
Доля посева в пашне	3,0	3,7
Семейных работников на 1 голову продуктивного скота	–3,8	–9,2
Суммарная роль учтенных факторов	85,3	85,6
Неучтенные факторы	14,7	14,4

Другой особенностью рассматриваемых регрессионных моделей является более высокая роль в V группе сравнительно с группой зажиточных середняков фактора экстенсивного прогресса, представленного признаком «семейных работников на 1 голову продуктивного скота». В модели крупного зажиточного хозяйства удельный вес этого факторного признака составляет 9,2%, в модели IV группы – 3,8%. Это, несомненно, указывает на то, что сокращение издержек живого труда путем расширения поголовья молочного скота оставалось основной формой модернизации производства в животноводческом хозяйстве молочного направления. Так это, во всяком случае, выглядит по данным переписи 1916 г. Интенсивные формы развития животноводческой отрасли: совершенствование пород скота, повышение его продуктивности, инновационное улучшение кормовой базы – она не фиксировала.

В регрессионно-факторной модели IV группы также выделяется факторный признак «всего посева на 1 хозяйство» (12%). Он фиксирует в данной группе зажиточных середняков наличие небольшой доли дворов местной (волостной) земледельческой специализации, в которых велось сбалансированное в отраслевом отношении товарное хозяйство. Поэтому повышение уровня животноводства в них сопровождалось увеличением размеров посева.

Таким образом, в бедняцких (II группа) и середняцких (III группа) хозяйствах производилась лишь меньшая или большая часть необходимого продукта, в силу чего осуществлялось только традиционное простое или

даже сокращенное воспроизводство. Большая часть получавшихся в данных типах трудового крестьянского хозяйства доходов шла, главным образом, на лично-семейное потребление. На собственной основе воспроизводилось лишь середняцкое хозяйство. В бедных дворах простое воспроизводство обеспечивалось дополнительным привлечением в сельскохозяйственное производство средств от промыслов и продажи излишней семейной рабочей силы. На уровне рыночных требований оба типа хозяйства держались в основном за счет перенапряжения сил собственных рабочих ресурсов. Бедная и средняя группы крестьянских дворов, следовательно, представляли традиционное, мелкотоварное, семейно-потребительское хозяйство.

В традиционных хозяйствах зажиточных середняков (IV группа) проявлялись неустойчивые элементы предпринимательства, возникавшие из небольших излишков над необходимыми средствами существования. Устойчивая тенденция производства к развитию в расширяющемся масштабе сформировалась лишь в хозяйстве зажиточного крестьянина (V группа). Зажиточные крестьяне имели самую высокую капиталовооруженность и производительность труда. За счет этого они получали действительно большой постоянный избыток над необходимым продуктом. Избыточные средства в условиях воздействия рыночно-капиталистических отношений, как правило, направлялись на приобретение живого и мертвого инвентаря, расширение землепользования путем введения в оборот новых земель и аренды, интенсификацию системы земледелия и покупку дополнительной, наемной рабочей силы. Другими словами, излишек принимал форму предпринимательской прибыли и выступал основой расширенного воспроизводства. В результате в традиционном хозяйстве зажиточного крестьянина сформировалась устойчивая предпринимательская система хозяйствования. Она явно имела некапиталистический характер. Об этом свидетельствует относительно низкий уровень синхронности во взаимообусловленных изменениях уровня производства, а также уровня и масштабов применения наемного труда (коэффициенты корреляции на уровне 0,4–0,5).

Предпринимательская система возникла, развивалась в рамках традиционного мелкотоварного хозяйства и имела целью наилучшим образом удовлетворить личные и производственные потребности крестьянской семьи. Поэтому в крестьянском предпринимательстве наряду со стремлением к увеличению прибыли присутствовали и семейно-потребительские мотивы. Более того, товарно-предпринимательские формы деятельности

использовались и чисто потребительскими мелкотоварными хозяйствами с целью повысить уровень потребления семьи. Сложное, рыночное и потребительское содержание крестьянского предпринимательства требует исследования его зрелости (чистоты), которое необходимо провести путем более глубокого изучения социально-экономического содержания (природы) товарно-денежных, потенциально предпринимательских форм хозяйственной деятельности – земельной аренды и найма работников – в различных социальных группах западносибирского крестьянства. Это является предметом двух последующих разделов данной работы.

4.3. Социально-экономическая природа земельной аренды в хозяйстве западносибирского крестьянства начала XX в.

При изучении внутреннего социально-экономического строя крестьянского хозяйства региона огромное значение имеет характеристика земельной аренды – одного из самых существенных элементов системы товарно-хозяйственных отношений.

В имеющейся историографии крестьянской аренды в Западной Сибири начала XX в. практически абсолютно преобладают работы 60–80-х гг., и потому до настоящего времени господствует советская концепция проблемы. В советский период изучению земельной аренды региона было уделено очень много внимания[1]. В результате у исследователей сложились две противоположные точки зрения. Согласно первой из них в западносибирской деревне рассматриваемого периода преобладал мелкотоварный уклад и, следовательно, господствовала товарная, продовольственная аренда. Определенное место она занимала и в зажиточном крестьянском хозяйстве. Большинство исследователей, однако, констатируя господство богатого крестьянина в сельскохозяйственном производстве

[1] См.: *Скляров Л.Ф.* Указ. соч. С. 402–411; *Тюкавкин В.Г.* Сибирская деревня накануне Октября… С. 102–116; *Горюшкин Л.М.* Сибирское крестьянство… С. 126–137, 228–235; *Худяков В.Н.* Аренда земли и ее роль в сибирской деревне накануне строительства Сибирской железной дороги (80-е гг. – начало 90-х гг. XIX в.): (По материалам Томской губернии) // Науч. труды Омского пед. ин-та. 1971. Вып. 66.: Из истории Западной Сибири и Омской области. С. 3–18; *Соловьева Е.И.* Аренда в крестьянском хозяйстве Сибири во второй половине XIX в. // Крестьянство Сибири периода разложения феодализма и развития капитализма. Новосибирск, 1978. С. 43–60; *Слепцов Е.Я.* Аренда земли в старожильческой деревне Западной Сибири накануне 1917 г. // Из истории социально-экономической и политической жизни Сибири. Томск, 1980. С. 175–185; *Иванцова Н.Ф.* Западносибирское крестьянство… С. 43–46 и др.

края, квалифицировали его арендную деятельность как предпринимтельски-капиталистическую.

Что касается первой точки зрения, то она, несомненно, страдала «теоретическим» подходом: характер аренды определялся типом господствовавшего в крестьянском (в том числе и зажиточном) хозяйстве мелкотоварного уклада, экономическая природа которого в данной концепции четко и доказательно не квалифицирована. Теоретико-схоластические подходы в какой-то мере были присущи и сторонникам другой концепции: часть из них выводила предпринимательский характер зажиточной аренды, основываясь на априорном тезисе о преобладании в крупном крестьянском хозяйстве края капиталистического способа производства. Но все же «солью» концепции стали представительные массовые данные о предпринимательских мотивах и факторах в арендной и производственной деятельности состоятельных крестьян. К ним, прежде всего, следует отнести расширяющиеся масштабы товарного производства, введение элементов интенсивных систем земледелия, применение усовершенствованного инвентаря и сельскохозяйственных машин и широкое использование труда наемных работников. Отдельные исследователи вводили и количественные критерии капиталистической аренды. Однако для исчерпывающего решения проблемы всего этого оказалось недостаточно, поскольку не была учтена роль непроизводственных, потребительских факторов в зажиточной аренде и их соотношение с предпринимательскими мотивами. Это в значительной степени обусловливалось отсутствием в арсенале аграрников целостно-системных методов и методик.

Таким образом, дальнейшая разработка избранной проблемы должна заключаться, во-первых, в целостном подходе к изучению крестьянской аренды и, во-вторых, в точном измерении соотношения в ней производственных и потребительских факторов, основанном на эффективной методике. В итоге это даст более достоверные и доказательные средства для оценки характера и особенностей аграрной эволюции крестьянского хозяйства края в начале XX столетия.

Земельная аренда отражала процесс отделения земли как условия сельскохозяйственного производства от земельной собственности и подчинения ее товарно-денежным отношениям и являлась, следовательно, формой рыночной мобилизации земли[1]. Она вызывалась потребностями крупного товарного производства, функционировавшего в условиях раз-

[1] См.: *Маркс К.* Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25, ч. 2. С. 166–167.

витой земельной собственности и сложившейся монополии на землю как на объект хозяйства.

В Западной Сибири конца XIX – начала XX в. отмеченные обстоятельства определенно сформировались. Здесь сложилась достаточно развитая земельная собственность Казны и Кабинета, а также шли процессы выделения из ее состава общинной земли и становления крестьянской монополии на землю как на объект хозяйства, обусловленные самостоятельной эволюцией крестьянского хозяйства региона по пути интеграции в систему господствовавших рыночных отношений. Это привело к возникновению земельного утеснения, усиливаемого громадным ростом крестьянских переселений из Европейской России и правительственной землеустроительной политикой. В результате в западносибирской деревне стала интенсивно развиваться аренда земли. С учетом того, что арендованные земли крестьян включали в себя не только пашню, но и сенокосы, в арендных отношениях участвовали до 40% крестьянских хозяйств Западной Сибири[1]. Землю под пашней или сенокосами крестьяне арендовали у односельчан, своих и соседних сельских обществ, а также у Казны или Кабинета. В целом, по данным текущей переселенческой статистики, в Западной Сибири господствовала денежная форма аренды. Доля аренды в форме издольщины была ничтожной. Сроки арендных сделок были небольшими. В основном заключались свойственные колонизируемым аграрным территориям динамичные, одногодичные арендные договоры. Для долгосрочных аренд был характерен шестилетний срок. Арендные цены, по сообщениям корреспондентов, очень сильно колебались в зависимости от местных земельных условий. В среднем же они варьировали в пределах от 1,5 до 4,5 руб. за 1 дес. пашни и от 0,8 до 3,5 руб. за 1 дес. покоса[2]. В более свободной Томской губернии арендные цены были несколько ниже средних. В целом арендная плата в Западной Сибири была в 5–10 раз меньше, чем в Европейской России[3].

---

[1] См.: *Горюшкин Л.М.* Сибирское крестьянство… С. 129–131.

[2] См.: *Обзор* сельскохозяйственной жизни заселяемых районов Азиатской России за 1913 год по данным переселенческой текущей статистики. СПб., 1914. С. 65–71; *Сельскохозяйственный* обзор Акмолинской области за лето и осень 1913 г… С. 58–67; *Сельскохозяйственный* обзор Тобольской губернии за 1914–1915 сельскохозяйственный год… С. 138–143; *Сельскохозяйственный* обзор Томской губернии за 1913 год… С. 93, 99; *Обзор* Томской губернии за 1914 год в сельскохозяйственном отношении… С. 89–95; *Обзор* Томской губернии за 1916 год в сельскохозяйственном отношении… С. 110–115.

[3] См.: *Горюшкин Л.М.* Сибирское крестьянство… С. 135.

По типическим, выборочным сведениям сельскохозяйственной переписи за 1916 г., имеющимся в настоящем исследовании, в земледельческих волостях арендовали пашню 22,6% дворов, сдавали – 14,6%. В хозяйствах животноводческой специализации арендовали пашню 12,3% дворов.

Рассмотрим полученные арендные данные более подробно. Первоначально обратимся к сведениям об арендных отношениях в скотоводческих волостях. Они, включая результаты корреляционного анализа, помещены в табл. 56–58.

Таблица 56

Размеры производства и аренды в хозяйствах животноводческой специализации различных социальных групп

Показатели (в расчете 1 на двор)	Группы хозяйств с количеством коров, голов					Хозяйства в целом
	0	1–2	3–4	5–6	Свыше 6	
	I	II	III	IV	V	
Население, чел.	4,6	5,0	5,6	5,7	7,4	5,6
Семейные работники, чел.	1,8	2,0	2,3	2,6	3,3	2,3
Наемные рабочие, чел.	0	0,04	0,13	0,23	0,57	0,16
Рабочий скот, голов	1,4	2,2	3,2	4,2	6,3	3,3
Продуктивный скот, голов	0,4	2,4	5,1	7,6	13,9	5,7
Своя пашня, дес.	1,9	3,6	5,3	7,6	12,4	5,6
Сданная пашня, дес.	0	0,02	0	0,1	0,1	0,04
Арендованная пашня, дес.	0,2	0,2	0,7	1,0	1,6	0,6
Вся пашня, дес.	2,1	3,8	6,0	8,5	13,9	6,2
Посев на своей пашне, дес.	1,3	2,6	4,1	6,3	9,3	4,3
Посев на арендованной пашне, дес.	0,2	0,3	0,7	0,7	0,9	0,6
Весь посев, дес.	1,5	2,9	4,8	7,0	10,2	4,9
Количество дворов в группе	32	145	99	64	57	397
Доля дворов группы, %	8,1,	36,5	24,9	16,1	14,4	100

Как видно из табл. 56, в хозяйствах животноводческой специализации аренда пашни широкого распространения не получила. В среднем размер арендованной пашни на двор составил 0,3 дес. В зажиточной группе – 0,7 дес. Зерновое хозяйство имело в них, главным образом, продовольственное направление. Товарное значение приобрела обеспеченность скота кормами и в этой связи аренда сенокосных угодий, сведения о которой при проведении сельскохозяйственной переписи 1916 г. не собирались. Поэтому судить об экономической природе арендных отношений в хозяйствах скотоводческой специализации можно лишь по данным об

аренде земли. Они, однако, неопределенны из-за недостатков одномерной группировки по коровам (см. табл. 57): размер арендованной пашни на душу в группах зажиточных середняков (0,2 дес.) такой же, как и у богатых (0,2 дес.).

Таблица 57

Уровень производства и аренды в хозяйствах животноводческой специализации различных социальных групп

Показатель (в расчете на 1 душу)	Группы хозяйств с числом коров, голов					Хозяйства в целом
	0	1–2	3–4	5–6	Свыше 7	
	I	II	III	IV	V	
Семейные работники, чел.	0,48	0,42	0,42	0,49	0,46	0,44
Наемные рабочие, чел.	0	0,01	0,03	0,05	0,09	0,03
Рабочий скот, голов	0,3	0,45	0,6	0,8	0,9	0,6
Продуктивный скот, голов	0,1	0,6	1,0	1,6	2,2	1,1
Своя пашня, дес.	0,3	0,7	1,0	1,4	1,5	1,0
Сданная пашня, дес.	0	0	0	0,02	0	0
Арендованная пашня, дес.	0,1	0,05	0,1	0,2	0,2	0,1
Вся пашня, дес.	0,4	0,75	1,1	1,6	1,7	1,1
Посев на своей пашне, дес.	0,2	0,5	0,7	1,2	1,3	0,75
Посев на арендованной пашне, дес.	0,1	0,05	0,15	0,1	0,2	0,1
Весь посев, дес.	0,3	0,55	0,85	1,3	1,5	0,85
Долевые показатели						
Доля наемного труда, %	0	1,8	7,5	12,2	26,5	8,2
Доля сданной пашни, %	0	0,3	0	0,5	0,2	0,2
Доля арендованной пашни, %	0	4,8	15,7	10,9	3,9	4,4
Доля посева на арендованной пашне, %	0	5,6	11,5	9,7	11,9	7,3
Доля дворов группы, %	8,1,	36,5	24,9	16,1	14,4	100

Для более глубокого понимания места аренды в скотоводческих дворах рассмотрим корреляционные взаимосвязи «посева на арендованной пашне на 1 душу» с главными производственно-техническими показателями (см. табл. 58). Как следует из корреляционных данных, в животноводческих волостях пашню в основном арендовали те дворы, которые имели местную (волостную) зерновую или двойную – зерновую и мясомолочную специализацию. Об этом свидетельствует тот факт, что почти во всех социальных группах душевой «посев на арендованной пашне» достаточно тесно взаимосвязан лишь с относительными показателями,

сконструированными на основе признака «весь посев»: со всем посевом на 1 душу (0,35–0,70), на 1 семейного работника (0,28–0,53) и на 1 корову (0,33–0,65)[1]. Следовательно, появляется возможность оценивать социально-экономическую природу аренды в хозяйствах скотоводческой выборки по результатам анализа земельной аренды в крестьянских дворах зерновой специализации (выборки). Полученную оценку, учитывая, что общий характер аренды детерминируется экономической природой внутреннего строя крестьянского хозяйства, можно распространить на аренду сенокосных угодий.

Таблица 58

Взаимосвязь посева на арендованной пашне в расчете на 1 душу с основными элементами крестьянского хозяйства животноводческой специализации (коэффициент 0,…)

Показатели	Группы хозяйств с числом коров, голов					Хозяйства в целом
	0	1–2	3–4	5–6	Свыше 7	
	I	II	III	IV	V	
Рабочего скота на 1 душу, голов	04	02	06	19	45	23
Продуктивного скота на 1 душу, голов	0	–01	–09	–09	49	19
Посева на своей пашне на 1 душу, дес.	–21	06	–02	–09	09	04
Всего посева на 1 душу, дес.	36	33	41	35	70	45
Всего посева на 1 корову, дес.	65	33	65	50	14	45
Всего посева на 1 семейного работника, дес.	35	37	35	28	53	30
Доля всего посева во всей пашне, %	45	16	–04	04	76	20
Доля аренды в посеве, %	0	44	56	44	94	55
Доля наемных рабочих, %	0	27	–04	–04	04	0

В табл. 59 и 60 представлены данные, характеризующие земельную аренду в крестьянском хозяйстве зерновой специализации. Они ярко свидетельствуют об интенсивном развитии в западносибирской деревне начала XX в. товарно-денежных отношений. Действительно, средние подворные размеры посева на арендованной пашне резко увеличиваются по мере роста размеров земледельческого хозяйства: с 0,3 дес. во II группе до 2,1 дес. в зажиточной V группе (табл. 59). Еще более эффектно эта закономерность проявляется в плане уровня производства (см. табл. 60): с увеличением посева на 1 душу во II и V группах с 0,8 до 3,7 дес. (в

[1] Исключение представляет лишь V группа – 0,14.

4,6 раза) аренда пашни на душу выросла с 0,1 до 0,7 дес. (в 7 раз). С ростом зажиточности увеличивалась и доля арендованной земли – с 2,3% во II группе до 21,3% в V группе. Полученные арендные данные аналогичны сведениям о сданной в наем пашне. Хотя сдача крестьянами пашни не имела серьезного экономического значения, ее общая картина целиком вписывается в классическую схему. В аренду землю сдавали, прежде всего, крестьяне-бедняки I и II групп: 0,5 и 0,3 дес. на 1 душу, что составило соответственно 56 и 14% от собственной пашни. В хозяйствах середняков и зажиточных крестьян ее роль была ничтожной (см. табл. 60).

В общем, достаточно широкое распространение арендных отношений говорит о глубоком и необратимом вовлечении в систему рыночных связей хозяйств всех социальных групп. Несомненно и другое: в хозяйствах всех посевных (социальных) групп земельная аренда имела товарную природу. Товарно-денежная система хозяйствования в сибирской деревне начала XX в. были главным источником, движущей силой и содержанием земельно-арендных отношений.

Таблица 59

Размеры аренды и производства в хозяйствах зерновой специализации различных социальных групп

Показатели (в расчете на 1 двор)	Группы хозяйств с посевом на 1 двор, дес.					Хозяйства в целом
	I 0	II 0,1–5	III 5,1–10	IV 10,1–15	V Свыше 15	
Население, чел.	3,7	3,9	5,4	6,0	7,3	5,1
Семейные работники, чел.	1,8	1,8	2,3	2,9	3,5	2,4
Наемные рабочие, чел.	0,02	0,03	0,07	0,11	0,60	0,13
Рабочий скот, голов	0,7	1,6	3,4	4,5	6,5	3,1
Продуктивный скот, голов	1,0	1,7	3,0	4,5	6,6	3,1
Своя пашня, дес.	2,2	6,8	13,7	20,5	32,7	13,8
Сданная пашня, дес.	1,0	0,9	0,5	0,2	0,1	0,7
Арендованная пашня, дес.	0	0,5	1,1	1,5	5,1	1,2
Вся пашня, дес.	1,2	6,4	14,3	20,8	37,8	14,3
Посев на своей пашне, дес.	0	2,4	6,9	11,4	21,9	7,4
Посев на арендованной пашне, дес.	0	0,3	0,5	0,7	2,1	0,9
Весь посев, дес.	0	2,7	7,4	12,1	24,0	8,0
Количество дворов в группе	43	141	123	53	62	422
Доля дворов группы, %	10,2	33,4	29,1	12,6	14,7	100

Таблица 60

Уровень аренды и производства в хозяйствах зерновой специализации различных социальных групп (показатели в расчете на душу)

Показатели (в расчете на 1 душу)	Группы хозяйств с посевом, дес.					Хозяйства в целом
	0	0,1–5	5,1–10	10–15	Свыше 15	
	I	II	III	IV	V	
Семейные работники, чел.	0,53	0,53	0,46	0,53	0,51	0,51
Наемные рабочие, чел.	0,005	0,01	0,02	0,03	0,09	0,02
Рабочий скот, голов	0,25	0,5	0,75	0,9	1,0	0,7
Продуктивный скот, голов	0,4	0,6	0,7	0,8	1,0	0,7
Своя пашня, дес.	0,9	2,1	2,8	3,8	5,0	2,7
Сданная пашня, дес.	0,5	0,3	0,1	0,02	0,01	0,1
Арендованная пашня, дес.	0	0,1	0,3	0,3	0,7	0,3
Вся пашня, дес.	0,4	1,9	3,0	4,1	5,7	2,9
Посев на своей пашне, дес.	0	0,7	1,5	2,1	3,3	1,4
Посев на арендованной пашне, дес.	0	0,1	0,1	0,2	0,4	0,2
Весь посев, дес.	0	0,8	1,6	2,3	3,7	1,6
Долевые показатели						
Доля наемного труда, %	1	1,8	5,3	8,2	22,1	6,2
Доля сданной пашни, %	10,1	5,2	1,6	0,6	0,3	3,9
Доля арендованной пашни, %	0	2,3	4,0	12,5	21,3	7,4
Доля посева на арендованной пашне, %	0	1,7	1,7	12,3	18,2	7,9
Доля дворов группы, %	10,2	33,4	29,1	12,6	14,7	100

Очерченная картина аренды практически полностью совпадает с имеющейся сегодня общей концепцией арендных отношений в Сибири и заключает в себе все ее достижения и недостатки. Остановимся на очевидных недостатках. Существующая концепция рисует лишь общую картину земельной аренды в крестьянском хозяйстве в целом. В ней совершенно отсутствуют социально-групповые особенности аренды. Фактически эти особенности описываются почти интуитивно, с позиции методологически обусловленного здравого смысла: в хозяйствах бедняков и середняков она была товарно-потребительской; у зажиточных крестьян – предпринимательски-капиталистической. Между тем капиталистический характер зажиточной аренды вовсе не очевиден. Об этом четко «сигнализируют» более подробные подворные данные по аренде в высшей, состоятельной группе (табл. 61). Они указывают на то, что, помимо яркой предпринимательской тенденции, в зажиточной аренде были сильны и потребительские мотивы. В самом деле, в подгруппе богатых дворов, снимавших пашню под посев, была более низ-

кая душевая обеспеченность посевами на своей земле, чем у хозяйств, не прибегавших к аренде: 1,9 против 3,0 дес. Общая же обеспеченность посевом в расчете на 1 душу была в арендовавшей подгруппе чуть выше – 3,2 дес. Предпринимательские и потребительские черты в зажиточной аренде придавали ей переходный характер. В то же время они взаимно переплетались, образуя единое целое, которое, в свою очередь, являлось частью общего внутреннего строя состоятельного крестьянского хозяйства. Необходимо четкое качественное определение природы переходной, зажиточной аренды путем строгого измерения соотношения имеющихся в ней предпринимательских и потребительских факторов. Это требует проникновения внутрь его социально-экономической структуры крестьянского хозяйства с помощью тонкой корреляционной и регрессионно-факторной методики.

Таблица 61

Степень обеспеченности посевами хозяйств зажиточной группы

Показатели	Хозяйства с посевом более 15 дес.	
	без аренды	с арендой
Количество дворов	51	11
Население двора, чел.	8,9	7,9
Рабочего скота на 1 душу, голов	0,83	0,77
Своего посева на 1 душу, дес.	3,0	1,9
Посева на арендованной пашне на 1 душу, дес.	0	1,3
Всего посева на 1 душу, дес.	3,0	3,2

Предварительно необходимо обеспечить работоспособность избранной методики, построив наполненные конкретным содержанием теоретические корреляционные модели главных социально-экономических типов крестьянской аренды.

В условиях господства товарно-денежных отношений и подчинения им аренды в качестве арендатора мог выступить любой владелец денег (капитала) независимо от их размера, будь то богатый крестьянин-предприниматель или мелкий товаропроизводитель. Это общее обстоятельство отражало тот факт, что во всех социальных группах крестьянских хозяйств обращение к аренде было следствием потребностей производства. Сама же природа данных потребностей обусловливалась характером внутреннего строя той или иной категории крестьянского хозяйст-

ва и целью ведущегося в этом хозяйстве товарного производства. Собственно капиталистический или мелкотоварно-предпринимательский типы хозяйства, функционировавшие на расширенной основе, имели целью получение прибыли. Поэтому аренда в них приобретала предпринимательский (коммерческий) характер. В потребительском мелкотоварном крестьянском хозяйстве аренда осуществлялась с целью производства необходимого продукта, в связи с чем она принимала продовольственный характер.

В основе коммерческой аренды лежали потребности ведущегося в расширяющемся масштабе предпринимательского земледельческого хозяйства, поэтому ее уровень и размеры определялись экономической мощностью двора. Размер аренды возрастал по мере большего обеспечения крестьян землей. Такой земельной аренде соответствует корреляционная модель, в которой показатель аренды имеет устойчивые прямые взаимосвязи с основными элементами производственно-технической базы (рабочим и продуктивным скотом, инвентарем и т.д.) и наймом.

Аренда пашни с продовольственной целью вызывалась нехваткой своей земли. В этом случае в корреляционной модели аренды должна присутствовать и доминировать обратная (отрицательная) взаимозависимость между посевом на арендованной пашне и посевом на собственной земле. Взаимосвязь аренды с рабочим скотом и мертвым инвентарем не исключалась, поскольку снимать землю могли преимущественно обеспеченные сельские хозяева.

Полученные теоретическо-содержательные модели предпринимательской и продовольственной аренды будут маяком в дальнейшем анализе реальных арендных отношений, сложившихся в деревне Западной Сибири накануне 1917 г.

Обратимся к результатам корреляционного анализа аренды в различных социальных группах крестьянского хозяйства зерновой специализации (табл. 62).

Среди корреляционных коэффициентов аренды в крестьянских хозяйствах зерновой рыночной специализации сразу же привлекают внимание те, которые характеризуют направление и тесноту взаимосвязей между посевом на арендованной пашне и посевом на надельной земле в хозяйствах бедняков (II группа) и середняков (III группа). Согласно им в данных группах выделенная взаимосвязь была обратной и очень тесной (–0,50; –0,68). Это, безусловно, свидетельствует о единой потребительской природе аренды в бедняцких и середняцких дворах.

Таблица 62

Взаимосвязь уровня аренды (посева на арендованной пашне на 1 душу) с другими показателями крестьянского хозяйства зерновой специализации (коэффициент 0,…)

Показатель	Группы хозяйств с посевом, дес.				Хозяйства в целом
	0,1–5 II	5,1–10 III	10,1–15 IV	Свыше 15 V	
Рабочего скота на 1 душу, голов	–17	12	39	28	25
Посева на своей пашне на 1 душу, дес.	–38	–38	–20	–15	03
Всего посева на 1 душу, дес.	–08	27	42	43	46
Наемных рабочих на 1 душу, чел.	0	–04	36	44	46
Доля наемных рабочих, %	04	03	34	45	56
Посева на надельной пашне на 1 двор, дес.	–50	–68	–73	–34	05
Посева на арендованной пашне на 1 двор, дес.	94	87	96	95	93
Доля аренды в посеве, %	09	09	97	89	73
Рабочего скота на 1 семейного работника, голов	–14	–05	28	42	44
Всего посева на 1 семейного работника, дес.	0	–01	30	46	45
Всего посева на 1 голову продуктивного скота, дес.	10	–01	0	32	21
Семейных работников на 1 дес. посева, чел.	10	–04	–25	–38	–10
Уровень значимости*	14	15	23	21	08

* Для доверительной вероятности 95%.

Однако общий продовольственный характер аренды в хозяйствах рассмотренных социальных групп западносибирского крестьянства не означает, что в ней не было различий. Они заключались в разной силе проявления предпринимательских черт. Так, во II бедняцкой и III середняцкой группах совершенно отсутствуют какие-либо моменты, указывающие на предпринимательство в арендных отношениях: взаимосвязи посева на арендованной пашне на 1 душу с рабочим скотом и уровнем обеспеченности нанятыми работниками здесь либо незначимы, либо весьма слабы. Более того, в группе с посевом до 5 дес. взаимосвязь между тягловым скотом и посевом на арендованной земле имеет отрицательное значение (–0,17). Это указывает на абсолютно вынужденный, «голодный» характер аренды в низшей группе крестьянства, когда к съемке пашни под посев

прибегали, даже не располагая в должной мере рабочими лошадьми и инвентарем. Поэтому такой аренде земли сопутствовали наем «работника с конем» и аренда производственного инвентаря.

Наличие слабой обратной сопряженности между рабочим скотом на 1 душу и посевом на арендованной пашне на 1 душу во II группе свидетельствует также о том, что, бедные хозяева, не имея денежных доходов от своего хозяйства, были вынуждены вкладывать в аренду деньги, полученные от внеземледельческих промыслов и продажи собственной рабочей силы. Этому есть и прямое подтверждение, полученное в результате факторно-регрессионной обработки сведений переписи. Согласно ему в малопосевной группе доля вариации результативного признака «посев на арендованной пашне», объясненная внутрихозяйственными факторами (доходами от своего хозяйства), не превышала 35%[1]. Из этого вполне очевидно следует, что деньги на оплату аренды пашни под посев бедняки брали главным образом из доходов от промыслов и заработков.

Отдельные черты предпринимательской тенденции возникали лишь в хозяйстве зажиточного середняка (IV группа – с посевом от 10 до 15 дес.). Именно здесь наблюдается наличие слабой корреляции арендованного посева с рабочим скотом на 1 семейного работника (0,28), с количеством наемных работников на 1 душу и с долей наемного труда (0,36 и 0,34). Однако в группе зажиточных середняков, как отмечалось, в аренде были достаточно сильны и потребительские черты. Свидетельствует об этом довольно тесная обратная связь (–0,73) между арендой и посевом на надельной пашне. Из сопоставления силы предпринимательских и потребительских взаимосвязей вполне очевиден вывод о том, что у зажиточных середняков, несмотря на наличие серьезной предпринимательской тенденции, в целом аренда была потребительской, так как ее размеры в основном (более чем на 50%) определялись нехваткой имевшей продовольственное значение надельной земли.

Проявление черт коммерческой аренды в хозяйственной деятельности зажиточных середняков обусловливалось получением небольших по размеру излишков над необходимым продуктом, что позволило им получать некоторую прибыль и обращать ее на расширение производства. Получение же в арендуемом крестьянском хозяйстве небольших продающихся излишков в сочетании с практическим отсутствием в нем наемного труда, по мнению А.М. Анфимова, есть основание для выделения особого про-

[1] В хозяйствах III и IV групп доля объясненной вариации превосходила 50%.

межуточного вида аренды – товарной аренды[1], так что сообразно предложенной им классификации аренду зажиточного середняка следует отнести к товарной. Многие из исследователей пореформенного крестьянского хозяйства Сибири, собственно, такого мнения и придерживались[2].

Такой подход не только правомерен, но и методологически верен. Вместе с тем содержание предложенного А.М. Анфимовым понятия товарной аренды, включившего в себя только хозяйственный излишек, ограничено. В основу его концепции товарной аренды заложено представление о том, что в крестьянском хозяйстве товаром может быть только излишек над необходимым внутрихозяйственным продуктом[3]. Именно его крестьянин поставляет на рынок. Выдвинувший настоящее положение П.Г. Рындзюнский опирался на известные слова К. Маркса о том, что все «товары суть непотребительные стоимости для своих владельцев и потребительные стоимости для своих невладельцев»[4]. В этой мысли К. Маркса, однако, нет определения сущности товара. В ней всего лишь зафиксированы определенные свойства товара, возникающие из отношения «продавец – товар – покупатель». Сам же товар таковым на рынке и вообще в системе общественных экономических отношений уже признан.

Товар – это, прежде всего, категория, которая возникает из общественного разделения труда. «Предметы потребления, – отмечал в этой связи К. Маркс, – становятся вообще товарами лишь потому, что они суть продукты не зависимых друг от друга частных работ. Комплекс этих частных работ образует совокупный труд общества»[5]. Связь отдельных товаропроизводителей, а значит, и общественный учет производимых ими продуктов осуществляется путем обмена на рынке[6]. То же, какая часть продукта (излишек или часть необходимого) идет на рынок, обусловливалось глубиной общественного разделения труда. Крестьянское хозяйство участвовало в процессе производственной специализации и имело от

---

[1] К предпринимательской аренде А.М. Анфимов относил аренду во дворах с посевом 9–10 десятин и с систематическим использованием наемного труда. См.: *Анфимов А.М.* Земельная аренда в России в начале XX века. М., 1961. С. 95, 98, 99, 100, 115.

[2] См.: *Крестьянство* Сибири в эпоху капитализма… С. 262; и др.

[3] См.: *Рындзюнский П.Г.* О мелкотоварном укладе в России XIX века // История СССР. 1961. № 2. С. 48–79; *Он же*. Вопросы изучения мелкотоварного уклада в России XIX в. // История СССР. 1963. № 4. С. 95–114; *Анфимов А.М.* О мелком товарном производстве… С. 141–160; *Он же*. Экономическое положение и классовая борьба крестьян… С. 5–6.

[4] *Маркс К.* Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 95.

[5] Там же. С. 82.

[6] См.: Там же. С. 82–83.

этого серьезную выгоду. Первым среди исследователей это отметил И.Д. Ковальченко[1].

Итак, товаром является всякий продукт, доставленный крестьянином на рынок. Следовательно, товарный характер носила не только аренда в мелкотоварном хозяйстве, производившем излишек, но и аренда в подчиненном рынку хозяйстве, осуществлявшаяся с продовольственной целью для получения необходимого продукта. Поэтому, на наш взгляд, нет нужды выделять особую товарную аренду. В условиях господства в России и Сибири начала XX в. рыночных отношений есть основания выделять следующие товарные виды земельной аренды: капиталистическую, мелкотоварную предпринимательскую и мелкотоварную потребительскую (продовольственную).

При изучении арендных отношений в крестьянском хозяйстве наибольшую сложность представляет оценка экономической природы аренды в зажиточной группе (с посевом более 15 десятин). Связано это с ее переходным характером, обусловленным одновременным наличием предпринимательских и потребительских черт. Переходное состояние аренды очень хорошо просматривается в результатах структурного, корреляционного анализа (см. табл. 62).

В самом деле, во внутреннем строе хозяйства сельского предпринимателя наблюдается наиболее рельефное проявление взаимообусловленности между посевом на арендованной пашне и показателями производственной мощности хозяйства. Так, арендованный посев на 1 душу довольно тесно связан с количеством рабочих лошадей на 1 душу (0,28), посевом на всей земле (0,43) и с показателями капиталовооруженности двора – количеством рабочих лошадей и всего посева в расчете на 1 семейного работника (0,42 и 0,46). Самое же важное – наличие тесной взаимосвязи аренды с числом наемных работников на 1 душу и долей наемного труда (0,44 и 0,45). В то же время арендованный посев имеет устойчивую обратную взаимосогласованность с посевом на своей (надельной) пашне в расчете на 1 душу (–0,34).

Ни один из предпринимательских и потребительских факторов не оказывал на уровень аренды (посев на арендованной пашне в расчете на 1 душу) определяющего воздействия: уровень корреляции во всех случаях ниже 0,5. Поэтому, учитывая взаимную переплетенность факторных признаков, оценить, какие из них (предпринимательские или продоволь-

[1] См.: *Ковальченко И.Д.* Об изучении мелкотоварного уклада в России XIX века… С. 82, 87, 88; *Он же*. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967. С. 333–334.

ственные) преобладали, по итогам корреляционного исследования невозможно. Для этого следует обратиться к методике множественного регрессионно-факторного анализа. Его результаты отображены в табл. 63 и 64 в виде регрессионных моделей размеров и уровня посева на арендованной пашне[1].

Таблица 63

Зависимость размеров аренды (посева на арендованной пашне на 1 хозяйство) от различных факторов в хозяйстве зажиточного крестьянина

Факторные признаки	Удельный вес факторов, %
Рабочего скота на 1 хозяйство	28,2
Семейных работников на 1 хозяйство	22,6
Всего посева на 1 семейного работника	20,9
Посева на своей пашне на 1 хозяйство	14,6
Суммарная роль учтенных факторов	86,2
Роль неучтенных факторов	13,8

Таблица 64

Зависимость уровня аренды (посева на арендованной пашне на 1 душу) от различных факторов в хозяйстве зажиточного крестьянина

Факторные признаки	Удельный вес факторов, %
Рабочего скота на 1 хозяйство	34,1
Рабочего скота на 1 семейного работника	18,3
Всего посева на 1 голову продуктивного скота	15,4
Всего посева на 1 голову рабочего скота	8,4
Посева на своей пашне на 1 хозяйство	9,1
Суммарная роль учтенных факторов	85,3
Роль неучтенных факторов	14,7

Как видно из таблиц, зажиточная аренда не только проистекала из производственных нужд состоятельных хозяйств, но и почти полностью оплачивалась из денежных доходов собственной хозяйственной деятельности. Свидетельствует об этом тот факт, что размеры и уровень аренды практически целиком (на 86,2 и 85,3%) определялись внутрихозяйственными факторами. Сразу же следует сказать, что роль потребительских черт: вся доля факторного признака «посев на своей пашне на 1 хозяйство» и определенная часть воздействия фактора «семейных работников на

[1] Наем из числа факторных признаков исключен.

1 хозяйство»)[1] – была невелика: 25,9% для модели размеров аренды и 9,1% для модели ее уровня. Понятно, и почему выше значение потребительских моментов в воздействии именно на подворные размеры аренды. Это результат абсолютной нехватки своей земли, низкой ее душевой обеспеченности в части арендующих зажиточных дворов.

Преобладающее значение в воздействии на размеры и уровень аренды имели чисто производственные причины. Главную роль среди них, как об этом свидетельствуют данные табл. 63 и 64, играли размеры производственно-технической базы хозяйства, представленной показателем количества рабочих лошадей на двор (28,2 и 34,1%). Из других факторов – для их характеристики необходимо обратиться к более подробной в плане показа производственно-экономических причин факторной модели уровня аренды (см. табл. 64) – представлены следующие. Во-первых, это показатель капиталовооруженности и производительности труда – «рабочих лошадей на 1 семейного работника» (18,3%) и родственный ему показатель «всего посева на 1 голову тяглового скота», который можно интерпретировать как фактор оснащенности хозяйства усовершенствованным мертвым инвентарем (8,4%), и, во-вторых, фактор степени рыночной специализации хозяйства – «всего посева на 1 голову продуктивного скота» (15,4%). В плане характеристики роли производственных факторов интересно и значение признака «семейных работников на 1 хозяйство» в первой модели. Действительно, факт, связанный с тем, что среди денежных доходов, шедших на увеличение абсолютных размеров аренды, доля семейного труда не играла решающей роли (22,6%), показывает определяющее значение в хозяйственных доходах и расходах овеществленного труда: хозяйственных построек, усовершенствованного и простого инвентаря, затрат на совершенствование системы земледелия и т.д.

Таким образом, различия в размерах и уровне аренды в зажиточной группе определялись, прежде всего, факторами производственно-экономической мощности хозяйства, т.е. уровень и размер аренды определялись величиной затраченного производственно-технического капитала. Это неоспоримо свидетельствует о том, что в хозяйстве зажиточного западносибирского крестьянина начала XX в. аренда при наличии как потребительских, так и предпринимательских черт имела четко выраженную предпринимательскую природу.

[1] Возьмем на долю потребительских черт примерно 50% от всего воздействия этого фактора (11,3%).

Вместе с тем предпринимательство в зажиточной аренде было в тот период всего лишь преобладающей социально-экономической тенденцией, господствующим направлением ее развития, или, другими словами, процессом превращения земельной аренды в часть предпринимательской хозяйственной системы. Указывает на это все еще относительно низкий уровень корреляции аренды с наймом и производственно-техническими показателями: тягловым скотом и всем посевом в расчете на 1 работника и 1 голову продуктивного скота (0,4–0,5), а также наличие в ней заметно выраженных потребительских качеств. Кроме того, социальный анализ показал, что в рассматриваемый период в зажиточном крестьянском хозяйстве семейный труд по-прежнему преобладал над трудом наемных рабочих. Это – прямое свидетельство мелкотоварного типа предпринимательства в земельной аренде.

В общем, в крестьянском хозяйстве Западной Сибири начала XX в. преобладала потребительская аренда, имевшая целью воспроизводство необходимой для внутрихозяйственного и личного потребления продукции. Но в условиях бурного развития и утверждения в сибирской деревне товарно-денежной системы хозяйствования, которая эффективно дополняла и модернизировала традиционную хозяйственную культуру, социально-экономическая природа крестьянской аренды видоизменилась. Господствовавшую прежде продовольственную аренду сменила новая товарно-потребительская форма аренды. В зажиточном крестьянском хозяйстве она переросла в мелкотоварную предпринимательскую аренду, являвшуюся важной частью его общей товарно-предпринимательской подсистемы.

4.4. Социальная природа наемного труда в различных типах крестьянских хозяйств Западной Сибири в начале XX в.

Использование наемного труда в крестьянском хозяйстве являлось главным социально-экономическим признаком развития в деревне товарно-рыночных отношений и поэтому получило очень серьезное и широкое освещение в советской сибиреведческой литературе[1]. В центре внимания

[1] Вопрос о роли наемного труда в крестьянском хозяйстве края изучен достаточно подробно и все же исчерпывающего освещения не получил. Причина этого, как уже отмечалось, в отсутствии в статистических источниках полных данных о найме. См.: *Скляров Л.Ф.* Указ. соч. С. 411–415; *Прудникова Т.Р.* Образование сельскохозяйственного пролетариата в За-

исследователей крестьянского хозяйства региона конца XIX – начала XX в. оказались в первую очередь формы найма и заработной платы, степень и масштабы применения наемного труда в различных социальных типах крестьянских хозяйств, рынок наемных сельскохозяйственных рабочих. После освоения общих характеристик наемного труда в деревне сибиреведы, как и все российские аграрники, обратились к ключевой проблеме определения социально-экономической природы найма в различных социальных группах крестьянства. При ее решении, однако, исследователи столкнулись с очень серьезными трудностями, связанными, главным образом, с оценкой масштабов и сущности наемного труда в зажиточном крестьянском хозяйстве, которое, согласно ленинской концепции, эволюционировало в сторону предприятия фермерского, капиталистического типа. Эта проблема сохранила свою актуальность до настоящего времени, несмотря на смену типа научно-исторического мышления.

Возникшие еще в советское время трудности были порождены отсутствием в статистических источниках прямых представительных сведений о соотношении труда семейных и наемных работников и неспособностью традиционных статистико-описательных методов определить предпринимательскую направленность найма в хозяйствах состоятельных земледельцев. Дальнейшее исследование возможно лишь путем системно-структурного изучения внутреннего строя крестьянского хозяйства в различных социальных группах, включающего в себя рассмотрение взаимосвязей показателей найма с основными социальными и производственными компо-

---

падной Сибири в конце XIX века // Материалы научной конференции НИСКТ по итогам научно-исследовательской работы за 1967 год (секция истории народного хозяйства и потребительской кооперации). Новосибирск, 1968. С. 13–24; *Худяков В.Н.* Наемный труд в сибирском земледелии (80-е – начало 90-х гг. XIX в.) // Учен. зап. Ом. пед. ин-та им. А.М. Горького. 1970. Вып. 15: Вопросы истории Западной Сибири. Омск, 1970. С. 80–99; *Горюшкин Л.М.* Сибирское крестьянство… С. 112–125; *Он же*. О численности наемных рабочих в сибирской деревне накануне первой мировой войны (1912–1913 гг.) // Изв. Сиб. отд-ния АН СССР. 1974. № 11. Сер. обществ. наук. Вып. 3. С. 83–88; *Он же*. Рынок рабочей силы в сибирской деревне начала XX в. // Бахрушинские чтения. 1974 г. Новосибирск, 1974. С. 140–152; *Он же*. Аграрные отношения… Гл. 5; *Он же*. Наемный труд, источники его формирования в сибирской деревне в 1914–1917 гг. // Промышленность и рабочие Сибири в период капитализма. Новосибирск, 1980. С. 173–210; *Соловьева Е.И.* Наемный труд в крестьянском хозяйстве Сибири второй половины XIX в. // Крестьянство России периода феодализма и развития капитализма. Новосибирск, 1978. С. 79–98; *Пронин В.И.* Формирование рынка сельскохозяйственных рабочих в Сибири в период империализма (конец XIX – начало XX вв.) // Великий Октябрь и социалистические преобразования в Сибири. Новосибирск, 1980. С. 26–33; *Бузанова В.А.* Наемный труд в сельском хозяйстве Западной Сибири в конце XIX – начале XX веков: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Томск, 1991 и др.

нентами. Только их оценка позволит выяснить социально-экономическую природу найма рабочих в хозяйстве тех или иных социальных групп западносибирского крестьянства, а также разрешить вопрос о соотношении труда семейных и наемных работников в крупнокрестьянских дворах и тем самым определить уровень экономического развития хозяйства зажиточного крестьянина и крестьянского хозяйства региона в целом.

Применение наемного труда – признак и следствие глубокого развития товарно-денежных, капиталистических отношений, когда товаром становится даже рабочая сила. В этих условиях наемный труд используется не только на собственно капиталистических предприятиях, но и в массе мелких товарных хозяйств, включая различные типы крестьянского хозяйства[1]. Обусловливалось это единой с крупным капиталистическим производством рыночной природой мелкотоварного хозяйства. Обладая ориентированным на рынок предприятием и получая среднюю прибыль, мелкий товаропроизводитель мог по мере необходимости осуществлять наем работников со стороны.

Будучи детерминированным общей товарно-рыночной природой производства, использование труда наемных работников в различных по мощности типах крестьянского хозяйства приобретало неоднозначный характер. В хозяйствах, производивших прибавочный продукт, наем рабочих со стороны осуществлялся с целью получения прибыли, в связи с чем он приобретал предпринимательскую направленность.

В тех же крестьянских дворах, где получали ту или иную часть необходимого продукта и для осуществления процесса воспроизводства было достаточно собственных трудовых ресурсов, наем вызывался лишь нехваткой семейных работников и поэтому принимал потребительскую форму «найма из нужды».

В общем, количество нанимаемых работников определялось уровнем авансированного переменного капитала. Конкретно же масштабы найма обусловливались потребностями производительного капитала в необходимой для осуществления акта производства рабочей силе[2]. В хозяйстве предпринимательского типа эти потребности возникали из расширенного воспроизводства, когда обнаруживалась и все более возрастала нехватка рабочих ресурсов. Она и возмещалась покупкой рабочей силы на стороне. Следовательно, здесь наем рабочих становился необходимым услови-

[1] См.: *Ленин В.И.* Аграрный вопрос в России к концу XIX века… Т. 17. С. 107; *Ленин В.И.* Капиталистический строй современного земледелия… Т. 19. С. 335–336.
[2] См.: *Маркс К.* Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.23. С. 341–342, 372, 622.

ем ведения расширенного хозяйства, в силу чего складывался особый тип хозяйствования. В низших группах, где, как уже отмечалось, преобладал основанный на труде семейных рабочих процесс простого воспроизводства, наем, хотя и обусловливался производственной необходимостью, из процесса функционирования хозяйства не вытекал и поэтому был относительно данной системы хозяйствования случайным.

Исходя из приведенных сущностно-содержательных соображений, можно предположить, что корреляционная модель предпринимательского найма должна включать в себя достаточно тесные взаимосвязи с производственно-техническими компонентами. Для найма из нужды должны быть характерны взаимосвязи с показателями, указывающими на недостаток семейных рабочих. Взаимозависимость же найма и элементов производственно-технической базы хозяйства должна отсутствовать или, учитывая общую связь между возможностью нанимать работников со стороны и хозяйственной состоятельностью, носить слабо выраженный характер.

В реальных крестьянских хозяйствах присутствовали как черты предпринимательства, так и моменты потребительства. Касалась эта особенность и найма. Поэтому важно определить соотношение в найме предпринимательской и потребительской тенденций. В этом смысле особый интерес представляет изучение наемного труда в хозяйствах зажиточных крестьян, где его использование приобрело в изучаемый период довольно широкие масштабы. Обращение же к данным о взаимосвязи найма и производственных показателей в хозяйствах бедняков и середняков, в которых применение труда нанятых на стороне рабочих вполне определенно носило вынужденный характер, интересно, прежде всего, в плане проверки эффективности и адекватности применяемой методики.

При изучении найма в высшей группе очень важно выявить его соотношение с трудом семейных работников. Ибо только это позволит выяснить, завершился ли процесс превращения хозяйства зажиточного крестьянина в фермерское, собственно капиталистическое хозяйство. Определяющим критерием здесь служит количественное преобладание наемного труда над трудом семейных работников.

В начале XX в. использование наемного труда в крестьянском хозяйстве Западной Сибири получило весьма широкое распространение. Так, если согласно сведениям за 1897 г., обработанным Л.М. Горюшкиным, к найму прибегали до трети сельских хозяев[1], то по данным комплексного

[1] См.: *Горюшкин Л.М.* Аграрные отношения… С. 223.

и достаточно представительного обследования хозяйств старожилов и переселенцев 1912–1913 гг. труд наемных работников той или иной степени использовали 40–45% крестьян[1]. С учетом того, что отмеченное обследование проводилось в районах, где степень развития товарно-денежных отношений была несколько выше, чем в среднем по региону, можно полагать, что труд работников со стороны в начале XX в. использовали около 40% домохозяев.

В зависимости от срока и объема предстоявшей работы наем делился на годовую, сроковую, помесячную, поденную и сдельную формы[2]. Соотношение между ними, по сведениям обследования 1912–1913 гг., было следующим: годовым, сроковым и месячным работникам сельские хозяева выплатили 47% всех денег за наем, поденным и сдельным соответственно 32 и 21%. У зажиточных крестьян (с посевом более 9 дес. на 1 хозяйство) соотношение практически такое же. Лишь несколько выше доля труда поденщиков, большинство которых хозяева нанимали во время сенокоса и уборки. В целом же доля состоятельных хозяйств в общей сумме оплаты найма составила 61%. Примерно такой же: (57% – в годовой, 67% – в поденной и 61% – в сдельной) была их доля в отдельных формах найма[3].

Цены на рабочие руки в Западной Сибири, хотя и сильно разнились по уездам, на уровне губернии были близки к общерегиональным: годовой работник-мужчина на харчах хозяина получал 91,5 руб.; работница – 46 руб.; подросток – 36 руб.[4] В общем, с учетом и других форм найма, работница имела 50–55% от заработка мужчины, подросток – 40–45%. Оплата труда сроковых рабочих в летний период была выше зимней в 1,8–2 раза. Весенняя и летняя плата сроковым работникам была ниже летней соответственно на 35–40 и 20–25%[5]. Помесячная летняя оплата

---

[1] См.: *Переселенцы*, приселившиеся к старожилам… С. 198–199.

[2] См.: *Обзор* сельскохозяйственной жизни заселяемых районов Азиатской России за 1913 год… С. 53–54; *Сельскохозяйственный* обзор Акмолинской области за лето и осень 1913 г. … С. 46–56; *Сельскохозяйственный* обзор Тобольской губернии за 1913–1914 сельскохозяйственный год… С. 176–181; *Сельскохозяйственный* обзор Томской губернии за 1913 год… С. 87–91; *Обзор* Томской губернии за 1914 год в сельскохозяйственном отношении… С. 96–102.

[3] См.: *Переселенцы*, приселившиеся к старожилам… С. 197–198. (Подсчеты мои. – *П.Н.*)

[4] См.: *Обзор* сельскохозяйственной жизни заселяемых районов Азиатской России за 1913 год… С. 60. (Подсчеты мои. – *П.Н.*)

[5] См.: *Сельскохозяйственный* обзор Томской губернии за 1914 год в сельскохозяйственном отношении… С. 98–101; *Сельскохозяйственный* обзор Акмолинской области за лето и осень 1913 г… С. 48; *Сельскохозяйственный* обзор Тобольской губернии за 1913–1914 сельскохозяйственный год… С. 176–177. (Подсчеты мои. – *П.Н.*)

работнику-мужчине на харчах хозяина равнялась 10–17 руб. Сроки найма варьировали с 2⅓ до 7 мес., и сроковая плата рабочему со своей одеждой имела размеры от 25 до 85 руб.[1] Поденная плата зависела от периода, рода и объема сельскохозяйственных работ. Наивысшей была оплата в период уборки, несколько ниже – во время сенокоса и ощутимо меньше (на 15–25%) – в посевную пору. Систематизированные текущие данные о размере и динамике поденной заработной платы наемных работников-мужчин, собранные Отделом сельской экономии и сельскохозяйственной статистики, представлены в табл. 65.

Таблица 65

Поденная плата рабочих-мужчин в Западной Сибири в начале XX в., коп.*

Регион	1901–1910	1909–1913	1913	1914	1915	Период работ
Акмолинская область	42	50	65	60	85	Посев
	62	53	75	65	101	Сенокос
	64	84	70	105	111	Уборка
Тобольская губерния	52	62	55	55	93	Посев
	65	64	70	70	123	Сенокос
	68	69	75	95	133	Уборка
Томская губерния	51	56	55	65	81	Посев
	62	74	75	80	114	Сенокос
	71	75	80	90	110	Уборка

* Источник: *Сборник* статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств: Год десятый. Пг., 1917. С. 530–531.

Сдельная оплата рассчитывалась по роду, объему и интенсивности работы: вспашка 1 дес. целины с харчами работника стоила в 1913 г. в Томской губернии 5 руб. 76 коп., в Тобольской – 8 руб. 53 коп., в Акмолинской области – 7 руб. 50 коп., а распашка 1 дес. мягкой пашни соответственно: 3,47; 3,31 и 3,61 руб. Аналогично определялась сдельная оплата и для других видов сельскохозяйственного труда[2].

[1] См.: *Обзор* сельскохозяйственной жизни заселяемых районов Азиатской России за 1913 год … С. 60; *Обзор* Томской губернии за 1914 год в сельскохозяйственном отношении… С. 99–101; *Сельскохозяйственный* обзор Тобольской губернии за 1913–1914 сельскохозяйственный год… С. 177–179.

[2] См.: *Обзор* сельскохозяйственной жизни заселяемых районов Азиатской России за 1913 год… С. 60–63; *Сельскохозяйственный* обзор Томской губернии за 1913 год… С. 96–97; *Обзор* Томской губернии за 1914 год в сельскохозяйственном отношении… С. 101–102;

Заработную плату различных категорий наемных работников отличало также разное соотношение стоимостной и натуральной части. Довольно значительное натуральное довольствие выплачивалось хозяйскими харчами и одеждой. Во всех временных формах найма, включая поденную, питание обеспечивал хозяин. Оно составляло в среднем 4–8% величины всей зарплаты. Одежда выдавалась работнику в случае нужды. Ее доля в оплате варьировалась от 10 до 25%. Годовой и сроковой наем осуществлялись в двух формах: с одеждой хозяина и с одеждой работника. Сдельные рабочие могли наниматься с собственными лошадьми, инвентарем и харчами либо в различных сочетаниях – с хозяйским инвентарем, рабочим скотом и харчами. Таким образом, натуральная часть оплаты труда нанятого в крестьянское хозяйство работника колебалась в зависимости от формы найма в пределах от 5 до 30–35%[1].

Испольщина – оплата труда наемного работника частью урожая – практически отсутствовала[2]. В целом натуральная часть заработной платы наемных рабочих в крестьянском хозяйстве региона в начале XX в. была довольно значительной. Она, по существу, имела системный характер и являлась выражением воздействия на наем традиционных форм социальной и хозяйственной крестьянской культуры.

Далее рассмотрим общие данные переписи 1916 г. об использовании наемного труда в крестьянском хозяйстве типических волостей зерновой и животноводческой специализаций. Они отображены в табл. 66–69.

Данные таблиц фактически однородны. Они ярко свидетельствуют о широком распространении в сибирской деревне практики обращения к труду наемных работников. Труд годовых и сроковых работников в земледельческой специализации использовали 10,4% дворов, в скотоводческой – 14,6%. Наемный труд использовали крестьяне-хозяева всех групп. Его применение росло с увеличением размера производства и повышением его уровня.

Сельскохозяйственный обзор Тобольской губернии за 1913–1914 сельскохозяйственный год… С. 188–191; *Сельскохозяйственный* обзор Акмолинской области за лето и осень 1913 г. … С. 53–56.

[1] См.: *Обзор* сельскохозяйственной жизни заселяемых районов Азиатской России за 1913 год… С. 654; *Обзор* Томской губернии за 1914 год в сельскохозяйственном отношении. С. 96–102; *Сельскохозяйственный* обзор Акмолинской области за лето и осень 1913 г. … С. 46–56; *Сельскохозяйственный* обзор Тобольской губернии за 1913–1914 сельскохозяйственный год… С. 176–181. (Подсчеты мои. – *П.Н.*)

[2] *Горюшкин Л.М.* Аграрные отношения… С. 219–220.

Таблица 66

Размеры наемного труда в хозяйствах зерновой специализации различных социальных групп

Показатели	Группы хозяйств с посевом на двор, дес.					Хозяйства в целом
	I	II	III	IV	V	
	0	0,1–5	5,1–10	10,1–15	Свыше 15	
Население, чел.	3,7	3,9	5,4	6,0	7,3	5,1
Семейные работники, чел.	1,8	1,8	2,3	2,9	3,5	2,4
Наемные рабочие, чел.	0,02	0,03	0,07	0,11	0,60	0,13
Рабочий скот, голов	0,7	1,6	3,4	4,5	6,5	3,1
Продуктивный скот, голов	1,0	1,7	3,0	4,5	6,6	3,1
Посев на арендованной пашне, дес.	0	0,3	0,5	0,7	2,1	0,9
Весь посев, дес.	0	2,7	7,4	12,1	24,0	8,0
Количество дворов в группе	43	141	123	53	62	422
Доля дворов группы, %	10,2	33,4	29,1	12,6	14,7	100

Таблица 67

Уровень наемного труда (наемных рабочих на 1 душу) в хозяйствах зерновой специализации различных социальных групп

Показатели (в расчете на 1 душу)	Группы хозяйств с посевом, дес.					Хозяйства в целом
	0	0,1–5	5,1–10	10–15	Свыше 15	
	I	II	III	IV	V	
Семейные работники, чел.	0,53	0,53	0,46	0,53	0,51	0,51
Наемные рабочие, чел.	0,005	0,01	0,02	0,03	0,09	0,02
Рабочий скот, голов	0,25	0,5	0,75	0,9	1,0	0,7
Продуктивный скот, голов	0,4	0,6	0,7	0,8	1,0	0,7
Посев на арендованной пашне, дес.	0	0,1	0,1	0,2	0,4	0,2
Весь посев, дес.	0	0,8	1,6	2,3	3,7	1,6
Долевые показатели						
Доля наемного труда, %	1	1,8	5,3	8,2	22,1	6,2
Доля посева на арендованной пашне, %	0	1,7	1,7	12,3	18,2	7,9
Количество дворов в группе, %	43	141	123	53	62	422
Доля дворов группы, %	10,2	33,4	29,1	12,6	14,7	100

Так, в хозяйствах зерновой специализации (см. табл. 67), количество наемных работников на 1 душу постоянно увеличивалось при переходе к более высоким группам: во II группе – 0,01; в III – 0,02; в IV – 0,03 и в высшей V – 0,09; в животноводческих хозяйствах аналогично (см. табл. 69): во II – 0,01; в III – 0,02; в IV – 0,03 и в высшей V – 0,09. В общем, в зажиточных дворах уровень применения наемного труда был выше в 9 раз, чем в полупролетарских хозяйствах, и в 3–4 раза выше, чем у середняков.

Таблица 68

Размеры наемного труда в хозяйствах животноводческой специализации различных социальных групп

Показатели (в расчете на двор)	Группы хозяйств с количеством коров					Хозяйства в целом
	0	1–2	3–4	5–6	Свыше 6	
	I	II	III	IV	V	
Население, чел.	4,6	5,0	5,6	5,7	7,4	5,6
Семейные работники, чел.	1,8	2,0	2,3	2,6	3,3	2,3
Наемные рабочие, чел.	0	0,04	0,13	0,23	0,57	0,16
Рабочий скот, голов	1,4	2,2	3,2	4,2	6,3	3,3
Продуктивный скот, голов	0,4	2,4	5,1	7,6	13,9	5,7
Посев на арендованной пашне, дес.	0,2	0,3	0,7	0,7	0,9	0,6
Весь посев, дес.	1,5	2,9	4,8	7,0	10,2	4,9
Количество дворов в группе	32	145	99	64	57	397
Доля дворов группы, %	8,1,	36,5	24,9	16,1	14,4	100

Таблица 69

Уровень наемного труда (наемных рабочих на 1 душу) в хозяйствах животноводческой специализации различных социальных групп

Показатели (в расчете на душу)	Группы хозяйств с числом коров, голов					Хозяйства в целом
	0	1–2	3–4	5–6	Свыше 7	
	I	II	III	IV	V	
Семейные работники, чел.	0,48	0,42	0,42	0,49	0,46	0,44
Наемные рабочие, чел.	0	0,01	0,03	0,05	0,09	0,03
Рабочий скот, голов	0,3	0,45	0,6	0,8	0,9	0,6
Продуктивный скот, голов	0,1	0,6	1,0	1,6	2,2	1,1
Посев на арендованной пашне, дес.	0,1	0,05	0,15	0,1	0,2	0,1
Весь посев, дес.	0,3	0,55	0,85	1,3	1,5	0,85
Долевые показатели						
Доля наемного труда	0	1,8	7,5	12,2	26,5	8,2
Доля посева на арендованной пашне	0	5,6	11,5	9,7	11,9	7,3
Количество дворов в группе	32	145	99	64	57	397
Доля дворов группы, %	8,1,	36,5	24,9	16,1	14,4	100

В состоятельных группах были и самые большие масштабы постоянного наемного труда: доля нанимающих дворов составляла в них 50 и 48%. В зажиточных хозяйствах обеих специализаций было сосредоточено до 65% всех годовых и сроковых рабочих группы (см. табл. 45–46). Соответственно, у богатых хозяев была выше и доля наемного труда по отношению к труду семейных работников: 22,1 и 26,5% (табл. 67, 69).

Таблица 70

Степень обеспеченности средствами производства и семейными работниками зажиточных хозяйств с наймом и без найма

Показатели	Земледельческая специализация		Скотоводческая специализация	
	Хозяйства с посевом свыше 15 дес.		Хозяйства с 7 и более коровами	
	с наймом	без найма	с наймом	без найма
Количество дворов	31	31	28	29
Размеры семьи, чел.	8,4	7,4	8,6	7,3
Семейных работников на 1 душу	0,40	0,55	0,37	0,50
Наемных рабочих на 1 душу	0,15	0	0,15	0
Рабочего скота на 1 душу	0,93	0,88	0,89	0,82

Таким образом, наем увеличивался с ростом размеров и уровня производства и концентрировался в зажиточных группах крестьянских хозяйств (с посевом свыше 15 дес. и с 7 и более коровами), что свидетельствует о его товарно-предпринимательской природе. С другой стороны, к труду наемных рабочих прибегали потребительские хозяйства середняков и бедняков, что придавало найму товарно-потребительский характер. Зажиточное хозяйство было органичной частью традиционного крестьянского хозяйства в целом. Оно основывалось на семейном труде и традициях народной культуры. Поэтому наем в его системе, обусловленный воздействием социально-экономических и природных факторов, неминуемо обретал и традиционные семейно-потребительские черты. Об этом наглядно свидетельствуют данные табл. 70. В ней приведены сравнительные характеристики зажиточных дворов с наймом и дворов без найма. Из таблицы видно, что хозяйства с наймом лучше обеспечены рабочим скотом в расчете на 1 душу: 0,93 головы в земледельческой и 0,89 – в скотоводческой против 0,88 и 0,82 головы. Это указывает на предпринимательские причины найма. При этом у дворов, нанимавших работников, больше размеры семьи и ощутимо меньше количество семейных работников на 1 душу, что свидетельствует о наличии в найме потребительских черт. Социально-экономическая природа наемного труда в зажиточном крестьянском хозяйстве края, таким образом, предстает двойственной, поскольку описательные методы не дают целостного образа. С целью преодолеть возникшую неопределенность и целостно-системно квалифицировать деревенский наем, обратимся к корреляционной и регрес-

сионно-факторной методике. Предварительно произведем анализ и отбор показателей найма.

Данные о наемном труде представлены группой показателей: количеством годовых и сроковых наемных рабочих в расчете на 1 двор, на 1 душу, на 1 дес. посева, а также долей наемных работников. Все они оказались тесно связанными друг с другом (средний коэффициент корреляции – 0,85), поэтому имеет смысл акцентировать внимание на одном из них. Самым существенным и информативным среди перечисленных показателей найма, несомненно, является «доля наемного труда», рассчитанная в настоящем случае как отношение числа наемных работников к количеству семейных работников. Сохраняя все свойства других признаков найма, он одновременно характеризует масштабы использования наемного труда и содержит информацию о соотношении семейных и наемных рабочих ресурсов.

Обратимся к результатам корреляционного и факторного анализа подворных материалов первой сельскохозяйственной переписи. И прежде всего, к данным табл. 71, где отражена система взаимосвязей между долей годовых и сроковых рабочих и производственно-техническими компонентами по дворам зерновой специализации. Как видно из настоящей таблицы, во дворах бедняков и середняков (II и III группы) практически все взаимосвязи найма с указанными признаками незначимы, либо малозначимы. Так, с энерговооруженностью (голов рабочего скота на 1 работника) теснота взаимосвязи во II группе составляла 0,17; в III группе 0,26. Это свидетельствует о потребительском характере найма в бедняцких и середняцких дворах[1]. Предпринимательская тенденция в хозяйствах середняков практически не проявлялась.

В рассматриваемых группах есть и другая особенность. Несмотря на явно вынужденный характер найма, взаимосвязь доли нанятых работников с собственными рабочими выражена слабо (III группа – 0,19), либо отсутствует (II группа). Это, очевидно, результат недоучета переписью поденной и сдельной форм найма, которые преобладали в низших типах крестьянских хозяйств. Кроме того, рассматриваемую взаимозависимость затушевывало то обстоятельство, что сельские хозяева испытывали недостаток главным образом в мужской рабочей силе[2], в то время как в массе семейных работников в связи с войной преобладали женщины.

[1] В хозяйствах зерновой и животноводческой специализаций дворов без семейных работников и с одним своим работником было: во II группе 34–39%, в III группе 25–28%.
[2] Мужчины составляли не менее двух третей от числа наемных работников.

Таблица 71

Взаимосвязь доли наемного труда с основными элементами крестьянского хозяйства зерновой специализации (коэффициенты 0, …)

Показатели	Группы хозяйств с посевом на двор, дес.				Хозяйства в целом
	II 0,1–5	III 5,1–10	IV 10,1–15	V Свыше 15	
Населения на 1 двор, чел.	09	–04	–18	–13	14
Семейных работников на 1 двор, чел.	–03	–19	–37	–42	–06
Рабочего скота на 1 двор, голов	16	11	16	31	48
Продуктивного скота на 1 двор, голов	05	12	10	22	39
Посева на арендованной пашне на 1 двор, дес.	09	–01	28	35	68
Всего посева на 1 двор, дес.	09	–06	–17	24	42
Семейных работников на 1 душу, чел.	–06	–18	–23	–37	–20
Рабочего скота на 1 душу, голов	05	06	24	37	28
Продуктивного скота на 1 душу, голов	03	08	30	24	23
Посева на арендованной пашне на 1 душу, дес.	04	–03	34	45	36
Всего посева на 1 душу, дес.	02	–03	15	31	50
Рабочего скота на 1 семейного работника, голов	17	26	63	78	63
Продуктивного скота на 1 семейного работника, голов	04	23	67	69	58
Всего посева на 1 семейного работника, дес.	12	21	57	75	77
Семейных работников на 1 голову рабочего скота, чел.	–06	–22	–35	–58	18
Семейных работников на 1 голову продуктивного скота, чел.	–02	–19	–35	–34	–13
Семейных работников на 1 дес. всего посева, чел.	–06	–19	–38	–51	–17
Уровень значимости	14	15	23	21	14

В противоположность низшим категориям хозяйств во внутренней структуре хозяйства зажиточного крестьянина наблюдается довольно тесная взаимосвязь наемного труда с основными элементами производственно-технической базы: размером и уровнем обеспеченности рабочим скотом (0,31 и 0,37), а также посевами (0,24 и 0,31). Связь доли наемного

труда со вспомогательной, животноводческой отраслью выражена слабее (0,22 и 0,24). Имеются также довольно устойчивые прямые взаимозависимости с арендованным посевом в расчете на 1 двор и на 1 душу (0,35 и 0,45). Все это определенно свидетельствует о том, что использование труда наемных рабочих в хозяйстве зажиточных крестьян зерновой специализации носило систематический, предпринимательский характер. Указанная тенденция выражается также тесной обратной соподчиненностью масштабов найма и количества собственных работников на 1 голову рабочего скота (–0,58). Эта взаимосвязь свидетельствует о производственной обусловленности найма в высшей группе, связанной с нехваткой семейных работников при расширяющемся производстве.

Вместе с тем в социально-экономическом строе хозяйства зажиточного крестьянина обнаруживаются моменты, указывающие на то, что в использовании труда наемных рабочих были черты найма из нужды[1]. Свидетельствуют об этом факты обратной взаимозависимости доли наемных работников и размеров семейных рабочих ресурсов (–0,42). Правда, правильнее будет уловить эту закономерность при одномасштабном выражении показателей своего и наемного труда, что даст более точное ее значение. Действительно, сохраняя обратный характер, взаимосвязь между числом наемных рабочих и семейных рабочих в душевом и подворном планах проявляется менее ярко (–0,25 и –0,21).

Итак, расширение масштабов использования наемного труда в хозяйстве зажиточного крестьянина вызывалась не только потребностями возраставшего уровня производства, но в определенной степени и нехваткой семейных работников. Решить вопрос, какая из данных тенденций в развитии найма преобладала, можно еще на стадии корреляционного анализа. Для этого необходимо более тщательно рассмотреть взаимосвязь доли наемного труда и капиталовооруженности труда (тягловый скот в расчете на 1 семейного работника).

Как следует из табл. 71, избранная взаимозависимость имеет прямой характер. Она растет по мере повышения зажиточности, принимая по группам следующие значения: 0,17; 0,26; 0,63; 0,78. Эта взаимная связь указывает на то, что масштабы применения наемного труда в крестьянском хозяйстве росли по мере того, как в нем в силу тех или иных причин появлялась излишняя капиталовооруженность. Возникать же она могла двумя противопо-

[1] Среди зажиточных дворов было хозяйств с 1–2 семейными работниками (что ниже среднего уровня) по зерновой специализации 27%, по животноводческой – 42%. Среди нанимающих дворов доля таких хозяйств была выше примерно в 1,2 раза.

ложными путями: либо в связи с недостатком семейных рабочих ресурсов, либо как результат добавочного вложения части прибыли на повышение материально-технической оснащенности хозяйства. Нетрудно заметить в отмеченных путях возникновения избыточной капиталовооруженности отражение природы вынужденной и предпринимательской форм найма. Это, несомненно, следствие того, что показатель капиталооснащенности труда выражает органическое строение капитала (производственных фондов). Рассматриваемая же взаимосвязь доли найма и капиталовооруженности труда показывает степень сформированности данной стороны товарного производства. Вполне очевидно, что этот аспект производства окончательно формируется при преобладании или победе в мелкотоварном крестьянском хозяйстве предпринимательской тенденции. Учитывая, что в высшей группе анализируемая взаимосвязь была очень тесной (0,78), а удельный вес фактора недостатка семейных работников в воздействии на рост капиталовооруженности труда не превышал 28%[1], можно сделать вывод о господстве в зажиточном хозяйстве предпринимательской мотивации найма. Об этом же, как отмечалось, свидетельствует и наличие в его структуре достаточно тесных взаимосвязей показателей найма с посевом, рабочим скотом и арендой.

Во дворах зажиточных середняков (IV группа) наем сочетал в себе довольно яркие черты потребительства: взаимозависимость с семейными рабочими на 1 хозяйство и на 1 душу обратная и значимая: (–0,37) и (–0,23) и отчетливо выраженные элементы торговой системы хозяйства, которые проявлялись, однако, лишь при достаточно высокой душевой обеспеченности двора материально-техническими ресурсами[2]. Высокая душевая обеспеченность средствами производства достигалась только в малосемейных дворах состоятельных середняков, т.е. в условиях снижения общего объема семейного потребления[3]. Это яркое свидетельство неустойчивости элементов предпринимательства в верхней части середняцкой группы.

В системе взаимосвязей доли найма с производственно-техническими компонентами во дворах IV группы привлекает внимание взаимозависимость масштабов наемного труда и продуктивного скота на 1 душу (0,30). Скорее всего, это говорит о том, что элементы коммерческой деятельно-

[1] Корреляция между количеством своих работников и числом голов тяглового скота на 1 семейного рабочего (–0,53).

[2] Самый высокий уровень корреляции доля наемного труда имела с элементами производственно-технической базы в расчете на 1 душу.

[3] В 67% нанимающих дворов IV группы размеры семьи были ниже, чем в среднем по группе.

сти и найма здесь в большей мере были связаны с животноводческой отраслью[1]. Отмеченный факт, вероятно, является результатом участия определенной части состоятельных середняков в широко распространенной молочной специализации.

Окончательное суждение о социально-экономической природе найма в различных по состоятельности типах крестьянского хозяйства можно составить лишь после регрессионно-факторной оценки данных переписи. Рассмотрим ее результаты (табл. 72).

Таблица 72

Роль различных факторов в воздействии на масштабы наемного труда (наемных работников на двор) в крестьянском хозяйстве зерновой специализации, %

Факторные признаки	Группы хозяйств с посевом, дес.			
	II	III	IV	V
Рабочего скота на 1 работника	3	7	40	61
Посева на 1 хозяйство, дес.	0	0	8	0
Посева на арендованной пашне на 1 душу	0	0	0	2
Семейных работников на 1 душу	1	0	0	2
Суммарная роль учтенных факторов	4	7	48	65
Роль неучтенных факторов	96	93	52	35

Вынужденный, случайный характер найма во II и III группах очевиден: доля вариации результирующего признака (доли наемных работников), объясненной производственно-техническими причинами, не превышает в них 10%. Это же говорит о том, что труд рабочих со стороны оплачивался из внехозяйственных доходов от промыслов или продажи своей рабочей силы.

Более сложный случай представлен в факторной модели по переходной IV группе. Доля объясненной вариации составляет здесь 48%. Это говорит о том, что применение труда нанятых рабочих начинает в ней приобретать систематический характер. О том же свидетельствует решающая роль в воздействии на долю найма фактора капиталовооруженности (40%). Необходимо иметь в виду, что излишняя капиталооснащенность в хозяйстве зажиточного середняка возникала чаще (более чем на 50%) вследствие не-

[1] В среднем на каждый из нанимающих дворов IV группы приходилось 5,8 головы продуктивного скота против 4,7 по группе в целом.

достатка семейных рабочих рук[1], так что в рассматриваемом факторном признаке были очень сильны непроизводственные моменты.

Отмеченные факты, таким образом, свидетельствуют о том, что в хозяйстве зажиточного середняка использование наемных рабочих рук было вынужденной мерой. Покупка рабочей силы на стороне часто имела целью производство необходимого продукта. Вместе с тем верхушка зажиточных середняков использовала труд наемных работников в предпринимательских целях. В целом же предпринимательство зажиточных середняков более основывалось на труде семейных работников.

Результаты регрессионного анализа по хозяйству высшей V группы в том виде, в каком они даны в табл. 72, в целом лишь иллюстрируют итоги корреляционной оценки. Но их значение в том, что они очень наглядно демонстрируют систематический характер применения наемного труда в крупном крестьянском хозяйстве и его обусловленность производственными потребностями.

Аналогичная, хотя и несколько отличная картина складывается, если обратиться к регрессионным моделям иного порядка (табл. 73). Это две модели по высшей группе, показывающие сравнительную роль различных факторных признаков в воздействии на размеры найма (количество наемных работников на 1 двор).

Таблица 73

Роль различных факторов в воздействии на размеры найма в хозяйствах зажиточных крестьян зерновой специализации, %

Факторные признаки					
Рабочего скота на 1 хозяйство	Семейных работников на 1 душу	Доля коров в стаде продуктивного скота	Суммарная роль учтенных факторов	Роль неучтенных факторов	
21,0	19,1	3,9	44	56	
Рабочего скота на 1 хозяйство	Семейных работников на 1 хозяйство	Доля коров в стаде продуктивного скота	Население двора	Суммарная роль учтенных факторов	Роль неучтенных факторов
18	12,3	11,6	3,1	46	54

Как видно из указанной таблицы, в воздействии на размеры найма роль производственно-экономических факторов («рабочего скота на 1 хозяйство», «доля коров в стаде продуктивного скота») была более вы-

[1] Коэффициент корреляции между количеством своих работников и капиталовооруженностью (рабочий скот на 1 семейного работника) составлял по IV группе (–0,72).

сокой, чем роль потребительских факторных признаков («семейных работников на 1 двор» и «население двора»). В первом случае она составляла 24,9% против 19,1%; во втором – 30,6% против 15,4%.

Эти модели, однако, оказались неполными, поскольку в них неучтенные переписью факторы превысили 50%. Следовательно, первая факторная модель доли наемного труда оказалась более эффективной. Она косвенно «схватила» и воздействие незафиксированных обследованием интенсивных производственных факторов: хозяйственных строений и усовершенствованного инвентаря. Их воздействие отразил фактор капиталовооруженности труда («голов рабочего скота на 1 семейного работника»).

Неполнота факторных моделей наемного труда обусловлена тем, что сельскохозяйственная перепись 1916 г. учла лишь натуральную форму компонентов крестьянского хозяйства. Необходимые для точного исследования бюджетные данные о денежных расходах на наем работников со стороны в ней отсутствуют.

В более интенсивной животноводческой специализации, в связи с включением в выборку небольшой группы дворов зерновой специализации и отсутствием в переписи бюджетно-стоимостных сведений, уловить природу социально-экономических процессов оказалось значительно сложнее. Выявленные при изучении найма в зерновых хозяйствах закономерности проявились здесь менее выраженно (табл. 76). И все же корреляционный анализ зарегистрировал их в плане показателей, рассчитанных на 1 семейного работника и на 1 голову скота.

Так, в хозяйстве зажиточного крестьянина молочной специализации имеет место довольно тесная обратная соразмерность между долей наемных рабочих и долей затрат живого семейного труда в производственных издержках: (–0,65) при расчете издержек на 1 голову тяглового скота и (–0,55) при расчете на 1 голову продуктивного скота. Наблюдается также очень тесная прямая взаимообусловленность масштабов найма и капиталовооруженности, выраженной количеством голов рабочего скота на 1 семейного работника: коэффициент корреляции 0,74. Это свидетельствует о победе предпринимательской тенденции в применении наемного труда в крупном крестьянском хозяйстве животноводческого типа. В найме, имевшем место в остальных категориях крестьянского хозяйства, включая дворы зажиточных середняков, преобладали потребительские мотивы, поскольку рассматриваемая взаимосвязь в них была по уровню значительно ниже 0,7 (0,06; 0,47; 0,50).

Таблица 74

Взаимосвязь доли наемного труда с основными элементами крестьянского хозяйства животноводческой специализации (коэффициент 0, ...)

Показатели	Группы хозяйств с числом коров				Хозяйства в целом
	II 1–2	III 3–4	IV 5–6	V 7 и свыше	
На 1 хозяйство					
Населения, чел.	04	–03	–01	–19	08
Семейных работников, чел.	–01	–15	–25	–44	–12
Рабочего скота, голов	03	29	12	13	33
Продуктивного скота, голов	20	03	39	12	29
Всего посева, дес.	26	05	10	–07	21
Доля посева на арендованной пашне, %	08	–03	–05	02	–01
На 1 душу					
Семейных рабочих, чел.	–04	–12	–14	–46	–15
Рабочего скота, голов	0	36	33	25	35
Продуктивного скота, голов	04	0	29	10	23
Всего посева, дес.	22	24	29	04	20
На 1 семейного работника					
Рабочего скота, голов	06	47	50	74	56
Продуктивного скота, голов	19	23	42	66	52
Всего посева, дес.	23	22	44	42	42
Семейных работников					
На 1 голову рабочего скота	–04	–21	–23	–65	–23
На 1 голову продуктивного скота	–09	–14	–34	55	–11
На 1 десятину всего посева	08	09	–18	–53	–11
Уровень значимости	14	17	21	22	14

В обобщенном и уточненном виде все это сведено в таблицу итогов регрессионно-факторного анализа (табл. 75).

Из материалов таблицы складывается картина, однотипная той, что наблюдалась в хозяйствах зерновой специализации (см. табл. 72). Действительно, во II–IV группах наем был потребительским и случайным по отношению к процессу производства и вызывался недостатком семейных рабочих рук. Крестьянин-предприниматель покупал рабочую силу на стороне систематически, что обусловливалось потребностями производства в расширяющемся масштабе. При этом среди причин найма преобладали причины производственного характера[1].

[1] Избыточная капиталовооруженность труда в хозяйстве зажиточного крестьянина возникала в основном за счет добавочных вложений капитала. Роль фактора нехватки семейных рабочих рук не превышала 27%.

Таблица 75

Роль различных факторов в воздействии на долю наемного труда в крестьянских хозяйствах животноводческой специализации

Факторные признаки	Группы дворов с числом коров			
	II 1–2	III 3–4	IV 5–6	V 7 и свыше
	Удельный вес факторов, %			
Рабочего скота на 1 семейного работника	0	22,0	25,0	55,5
Коров на 1 хозяйство, голов	2,0	2,0	0	0
Посева на арендованной пашне на душу	7,5	0	0	0
Доля посева в пашне, %	0	0	5,0	1,5
Семейных работников на 1 душу	0	0	0	1,5
Население двора, чел.	0	0	0	1,5
Суммарная роль учтенных факторов	9,5	24,0	30,0	60,0
Роль неучтенных факторов	90,5	76,0	70,0	40,0

Таким образом, корреляционно-факторный анализ показал, что в использовании наемной рабочей силы в различных по состоятельности типах крестьянского хозяйства кабинетской деревни начала XX в. имели место существенные отличия. Они заключались в неоднозначном соотношении потребительских и предпринимательских мотивов найма. Предпринимательская тенденция, будучи очень слабой в середняцких хозяйствах, постепенно нарастала к группам более состоятельным, приобретая относительную широту и устойчивость уже во дворах зажиточных середняков. И все же в бедном и среднем хозяйстве, включая его зажиточные элементы, применение наемного труда было вынужденным и систему ведения хозяйства не образовывало. Работники со стороны нанимались в связи с нехваткой собственных рабочих для производства необходимого продукта, шедшего как в торговый, так и во внутрихозяйственный оборот. Это была потребительская форма найма. Предпринимательская тенденция в найме победила лишь во дворах высшего слоя западносибирского крестьянства. Потребность в наемном труде была здесь результатом недостатка семейной рабочей силы, который возникал в связи с товарным производством, осуществлявшимся во все более расширяющихся масштабах с целью получения прибыли. Поэтому наемный труд в крупном крестьянском хозяйстве использовался все более широко, постепенно создавая предпосылки к тому, чтобы стать одной из основ всей системы хозяйствования. Однако в начале XX в. использование труда наемных работников в зажиточном крестьянском хозяйстве Западной Сибири не имело решающего значения. Его трудовой основой по-прежнему являлись семейные работники.

Глава 5

ЭВОЛЮЦИЯ ВНУТРЕННЕГО СТРОЯ КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В НАЧАЛЕ XX в.

5.1. Развитие внутренней структуры крестьянского хозяйства региона в начале XX в.

На рубеже XIX–XX вв. мелкотоварное крестьянское хозяйство Западной Сибири, существовавшее до этого в рамках узкого регионального рынка, включилось в систему общероссийского капиталистического рынка. Это резко ускорило процесс его модернизации.

Экономическая эволюция сибирской деревни в начале XX в. являлась, по сути, сложным процессом движения семейно-трудового, мелкотоварного крестьянского хозяйства по рыночному экономическому пути. Она включала в себя, во-первых, циклическое воспроизводство традиционной, семейно-потребительской основы хозяйства и, во-вторых, ускоренное развитие во всех социальных типах крестьянских предприятий товарно-денежных отношений. В зажиточных хозяйствах этот взаимосвязанный процесс перешел в фазу формирования устойчивой массовой предпринимательской системы, вызванного усилением воздействия аграрного капиталистического рынка страны и интенсивным ростом товарного производства. О бурном рыночно-товарном развитии крестьянского хозяйства региона свидетельствуют данные статистики железнодорожных перевозок. За период с 1900 по 1913 г. перевозка главных сельскохозяйственных грузов по Сибирской железной дороге[1] увеличилась в 3–5 раз: хлеба – с 21,6 до 65 млн пудов; сливочного масла – с 1 до 5,5 млн пудов[2].

Огромное влияние на развитие крестьянского хозяйства в данный период оказала интенсивная земледельческая колонизация Сибири, происхо-

[1] Доля товарной продукции сельского хозяйства Западной Сибири в данных перевозках составляла около 90%.

[2] См.: *Коновалов П.С.* Грузооборот Сибирской железной дороги в 1895–1913 гг. // Хозяйственное освоение Сибири: История, историография, источники. Томск, 1991. Вып. 1. С. 160, 161.

дившая в рамках Столыпинской аграрной реформы 1906–1916 гг. В Западную Сибирь из Европейской России переселилось более 2,5 млн крестьян, стремившихся восстановить и расширить свое традиционное хозяйство и культуру. Увеличение численности крестьянских хозяйств привело к сокращению фонда свободных земель и осложнению земельной обстановки в регионе. Земельное утеснение сибирских крестьян также усилило практическое завершение землеустройства в наиболее развитых земледельческих территориях региона. Начавшаяся мировая война привела к сокращению рабочих ресурсов крестьянских хозяйств и частично дезорганизовала свободный рынок сельскохозяйственной продукции.

На протяжении 1901–1916 гг. экономика западносибирской деревни развивалась в условиях влияния многофакторных природных и социально-экономических процессов. Их общее, интегральное воздействие на экономическое развитие земледельческого хозяйства в конечном счете выразил рынок. Таким образом, общероссийский аграрный рынок в начале XX в. выступал уже как очень мощный внешний фактор, определявший как адаптационную форму, так и экономическое содержание аграрно-крестьянской эволюции. В этой связи вопрос о степени продвижения крестьянского хозяйства региона по пути модернизации, несмотря на краткость рассматриваемого периода, приобретает особую актуальность. В избранном нами методологическом плане, связанном с анализом внутренней структуры, – это вопрос о глубине и формах адаптации экономического строя крестьянского хозяйства к товарно-капиталистическому рынку. Произошедшая за рассматриваемый период модернизация хозяйственного строя должна выразиться в видимых количественных и качественных изменениях общего состояния и структуры взаимосвязей его социальных и производственно-технических компонентов.

С целью определить произошедшие изменения сравним соответствующие данные сельскохозяйственных переписей 1901 и 1916 гг., но прежде приведем группировки их подворных данных к относительно сопоставимому виду. Классификация дворов по сведениям обследования 1901 г. при этом сохранится в прежней форме: I группы в обеих специализациях – беспосевные и бескоровные; II – с посевом 0,1–3,9 дес. и с 1–2 коровами; III – с посевом 4–8,9 дес. и с 3–6 коровами; IV – с посевом 9 и более дес. и 7 и более коровами. Первые три группы подворных данных переписи 1916 г. также имеют прежние интервалы: I – беспосевные и бескоровные; II – с посевом 0,1–5 дес. и с 1–2 коровами; III – с посевом 5,1–10 дес. и с 3–4 коровами. В сравниваемую IV, зажиточную группу

объединены все хозяйства с предпринимательской тенденцией (IV и V группы 1916 г.): в земледельческой специализации – с посевом более 10 дес.; в скотоводческой – с 5 и более коровами. Кроме того, в сравнительных таблицах, помимо сопоставимых сведений о числе коров, используется и формально несравнимые данные об учтенном продуктивном скоте, поскольку они в некоторых случаях более точно показывают соотношение уровней хозяйства 1901 и 1916 гг.

Как видно из сравниваемых данных переписей 1901 и 1916 гг. (табл. 76 и 77), крестьянское хозяйство региона на протяжении всего рассматриваемого периода имело примерно одинаковые масштабы и уровень производственной деятельности. Это принципиально свидетельствует о социально-экономическом единстве и однородности всего рассматриваемого периода и сохранении семейно-трудовой, мелкотоварной природы земледельческого хозяйства. Имеющиеся изменения и различия являлись выражением его товарно-рыночной эволюции, земледельческой колонизации Сибири и особенностей социально-экономической конъюнктуры. Так, для периода Первой мировой войны был характерен недостаток семейных работников, вызванный мобилизацией мужчин в действующую армию: во дворах зерновой специализации в 1916 г. на 1 душу приходилось 0,51 работника против 0,55 в 1901 г.; в животноводческих дворах 0,44 против 0,52. Перепись 1916 г. несколько сгладила нехватку семейной рабочей силы, поскольку в работники записывали со слов хозяев по субъективному критерию трудоспособности без учета возраста, в результате чего в разряд полных семейных работников попали способные к хозяйственным работам подростки и старики. Таким образом, недостаток программы помог засвидетельствовать семейно-трудовые источники и резервы устойчивости крестьянского хозяйства.

Серьезные, «возмущающие» динамику процесса особенности есть и в сведениях, отражающих развитие производства. Это, конечно, очень высокие данные 1901 г. о количестве продуктивного и рабочего скота в хозяйствах IV групп. Действительно, в состоятельных дворах зерновой специализации в 1901 г. на 1 душу было 1,7 рабочих лошади и 1,4 коровы; в животноводческих зажиточных хозяйствах на 1 душу приходилось 2,1 лошади и 2,4 коровы. В целом по обеим специализациям, это примерно в 2 раза превысило уровень 1916 г. Как уже отмечалось, высокий уровень обеспеченности зажиточных дворов продуктивным скотом обусловливался в первую очередь благоприятной рыночной конъюнктурой на мясную продукцию, сложившуюся в сельском хозяйстве региона в 1897–

1901 гг. в связи с введением в строй Транссибирской магистрали. О динамике рыночного спроса в данный период ярко свидетельствуют сведения о вывозе из Западной Сибири мяса. Так, если в конце 80-х гг. XIX в. его вывозилось примерно 100 тыс. пудов, то в 1897 г. – 543 тыс. пудов, а в 1901 г. – уже 2869 тыс. пудов[1]. Резкий рост рыночной конъюнктуры на мясной скот даже породил особый вид предпринимательства: зажиточные крестьяне в большом количестве скупали скот на летний откорм для его последующей продажи. Этому способствовал неурожай хлебов и трав 1900 г. Значительная часть крестьян была вынуждена распродать весь необеспеченный кормами скот[2]. В дальнейшие годы темпы роста вывоза мяса упали: в 1913 г. было вывезено 4161 тыс. пудов, в 1914 г. – 3037 тыс. пудов[3]. Существенно повышал уровень обеспеченности скотом и фактор сохранения патриархальной старожильческой системы производства, требовавшей содержания большого количества страхового, ремонтного и резервного скота. В новых условиях бурно развивающихся торговых отношений лишний скот легко переводился в товарную форму, обеспечивая животноводству высокую рыночную мобильность и быстрое вовлечение комплексного крестьянского хозяйства (независимо от его торговой специализации) в общероссийский рынок. В целом же более высокая обеспеченность скотом зажиточного хозяйства на рубеже XIX–XX вв. является лишь свидетельством его конъюнктурно мощного вступления в систему рыночно-капиталистических отношений и не может служить начальным критерием для определения глубины его модернизации. Помимо отмеченных причин, различия данных 1901 и 1916 гг. обусловливались уменьшением роли молочно-маслодельческого животноводства и сбросом поголовья коров в годы Первой мировой войны. В этот период произошел общий поворот крестьянского хозяйства региона в сторону зернового производства[4].

В связи с этим во дворах зерновой специализации резко усиливается роль признака площади всех посевов. Его показания уверенно свидетельствуют об увеличении в период с 1901 по 1916 г. посевов в расчете на 1 душу во всех социальных группах: во II – с 0,6 до 0,8 дес.; в III – с 1,25 до 1,6 дес.; в IV – с 2,6 до 3,1 дес. и в целом – с 1,3 до 1,6 дес. И напротив, душевая обеспеченность коровами во всех группах снизилась, снижение

[1] См.: *Пронин В.И.* Скотоводство в Сибири в XIX – начале XX в. … С. 123.
[2] См.: *Сельскохозяйственный* обзор Алтайского округа… С. 46.
[3] См.: *Пронин В.И.* Скотоводство в Сибири в XIX – начале XX в. … С. 124.
[4] См.: *Ильиных В.А.* Аграрный строй Сибири в XX веке… С. 646 и др.

составило 40% (с 0,75 до 0,45 дес.). Отмеченные факты говорят об углублении специализации земледельческих дворов. Усиление зерновой специализации сопровождалось увеличением в посевах совместной доли товарных культур овса и яровой пшеницы (с 94 до 96%) и сохранением мясного направления товарного животноводства в зажиточной группе. Об этом свидетельствует значительно меньшая, сравнительно с состоятельной молочно-животноводческой группой, доля коров в стаде продуктивного скота: 56 против 71% (см. табл. 76 и 77).

Таблица 76

Уровень крестьянского хозяйства земледельческой специализации в начале XX в.

Показатели	Группы хозяйств								Хозяйства в целом	
	I		II		III		IV			
	1901	1916	1901	1916	1901	1916	1901	1916	1901	1916
Население, чел.	3,6	3,7	4,9	3,9	5,7	5,4	6,5	6,7	5,5	5,1
Семейных работников на 1 двор, чел.	1,8	1,8	2,4	1,8	3,0	2,3	3,6	3,2	2,9	2,4
Семейных работников на 1 душу, чел.	0,56	0,53	0,51	0,53	0,54	0,46	0,58	0,52	0,55	0,51
Рабочего скота на 1 душу, голов	0,2	0,25	0,5	0,5	0,8	0,75	1,7	0,95	0,9	0,7
Коров на 1 душу, голов	0,3	0,3	0,5	0,4	0,6	0,45	1,4	0,55	0,75	0,45
Всего посева на 1 душу, дес.	0	0	0,6	0,8	1,25	1,6	2,6	3,1	1,3	1,6
Доля ржи в посеве, %	0	0	2	2	8	4	7	5	6	4
Доля пшеницы в посеве, %	0	0	64	78	55	63	52	60	57	63
Доля овса в посеве, %	0	0	34	20	37	33	41	35	37	33
Доля пшеницы и овса в посеве, %	0	0	98	98	92	96	93	95	94	96
Доля коров в стаде учтенного скота, %	96	64	87	69	84	66	84	56	86	64
Доля дворов группы, %	12,6	10,2	25,6	33,4	35,1	29,1	26,7	27,3	100	100

Таблица 77

Уровень крестьянского хозяйства скотоводческой специализации в начале XX в.

Показатели	Группы хозяйств								Хозяйства в целом	
	I		II		III		IV			
	1901	1916	1901	1916	1901	1916	1901	1916	1901	1916
Население, чел.	3,2	4,6	5,0	5,0	5,4	5,6	5,8	6,5	5,3	5,6
Семейных работников на 1 двор, чел.	1,2	1,8	2,2	2,0	2,7	2,3	3,1	2,9	2,6	2,3
Семейных работников на 1 душу, чел.	0,40	0,48	0,48	0,42	0,55	0,42	0,56	0,48	0,52	0,44
Рабочего скота на 1 душу, голов	0,1	0,3	0,5	0,45	0,8	0,6	2,1	0,85	1,0	0,6
Коров на 1 душу, голов	0	0	0,35	0,4	0,9	0,7	2,6	1,4	1,2	0,7
Всего посева на 1 душу, дес.	0,04	0,3	0,55	0,55	0,95	0,85	1,65	1,35	1,0	0,85
Доля ржи в посеве, %	0	45	5	37	6	21	7	13	6	26
Доля пшеницы в посеве, %	100	49	65	46	59	58	51	56	59	53
Доля овса в посеве, %	0	6	30	17	35	21	42	31	35	21
Доля пшеницы и овса в посеве, %	100	55	95	63	94	79	93	87	94	74
Доля коров в стаде учтенного скота, %	0	0	84	69	86	69	89	71	86	70
Доля дворов группы, %	5,4	8,0	32,2	36,6	33,9	24,8	28,5	30,3	100	100

Усиление товарно-капиталистической специализации происходило и в хозяйствах скотоводческого направления. Углубление животноводческой специализации в начале XX в. осуществлялось в форме перехода от экстенсивного мясного к более интенсивному молочному (молочно-мясному) направлению, обслуживавшему западносибирское кооперативное и частное маслоделие[1]. Из имеющихся в настоящем исследовании

[1] См.: *История* Сибири. Т. 3: Сибирь в период капитализма… С. 203–204, 318–319; *Крестьянство* Сибири в эпоху капитализма… С. 195–196, 245, 263–264; *Асалханов И.А.* Сельское хозяйство Сибири… С. 193–207, 263–265; *Пронин В.И.* Скотоводство в Сибири в XIX – начале XX в. … С. 109–125 и др.

данных об этом свидетельствует более высокая, сравнительно с земледельческой специализацией, доля коров в стаде всего учтенного продуктивного скота на 1916 г.: 70 против 64% (см. табл. 76–77). В 1901 г., когда преобладало мясное торговое направление, в крестьянских хозяйствах обеих специализаций доля коров была одинаковой: 86% учтенного (без молодняка) продуктивного стада. Что касается других изменений в общем состоянии скотоводческих дворохозяйств, связанных с развитием главной специализации, то они прямым сопоставлением данных 1901 и 1916 гг. не обнаруживаются. Процесс развития специализации выявляется косвенным путем, с привлечением дополнительной информации и учетом «аномально» высокого уровня обеспеченности скотом хозяйств зажиточной группы в 1901 г. В первую очередь рост специализации выразился в падении роли неспециализированной, зерновой отрасли производства и изменении соотношения отраслей в пользу животноводческого направления. Именно на это указывает уменьшение в скотоводческих дворах в целом среднедушевого размера посевов с 1,0 до 0,85 дес. (см. табл. 77). Данная тенденция ярко проявилась в III средней (уменьшение с 0,95 до 0,85 дес.) и IV зажиточной группах (с 1,65 до 1,35). Соответственно, в пользу животноводства изменилось и отраслевое отношение, отраженное некоторыми показателями фондовооруженности. Так, показатель «коров на 1 голову рабочего скота» вырос с 1,2 до 1,3. И напротив, обратный ему коэффициент «всего посева на 1 голову учтенного продуктивного скота» уменьшился с 1,05 до 0,95.

Развитие животноводческой специализации в начале XX в. сопровождалось общим уменьшением приходившегося на 1 душу числа коров с 1,2 до 0,7 головы (см. табл. 77). Решающая роль в данном процессе принадлежала зажиточным хозяйствам, у которых подушевое количество коров сократилось с 2,6 до 1,4 головы. Вместе с тем общее сокращение продуктивного стада сочеталось с увеличением доли молочного скота с 64 до 70% (см. табл. 76 и 77).

Рассмотрим далее прямые сведения переписей 1901 и 1916 гг., позволяющие оценить социально-экономическую сущность и направление развития производственно-технической базы крестьянского хозяйства региона. Это данные о капиталовооруженности, эффективности труда и фондовооруженности хозяйств. Они представлены в табл. 78 и 79.

[1] Доля коров в 1901 г. примерно равнялась доле молочного скота в земледельческой выборке 1916 г., поскольку зерновые хозяйства сохранили прежнее мясо-молочное направление животноводства.

Как следует из данных табл. 78, во дворах зернового направления происходил устойчивый рост капиталовооруженности (технической оснащенности) труда. Об этом свидетельствует неуклонное – от группы к группе – увеличение количества всех посевов, приходящихся на 1 семейного работника: во II – с 1 до 1,6 дес.; в III – с 2,4 до 3,9 дес.; в IV – с 4,8 до 5,9 дес. В целом этот показатель за период с 1901 по 1916 г. вырос с 2,5 до 3,7 дес. Рост капиталовооруженности увеличивал производительность крестьянского труда и снижал издержки живого труда, повышая тем самым его эффективность, о чем свидетельствует падение числа семейных работников на 1 дес. всего посева во всех земледельческих группах, включая самую мощную IV (с 0,3 до 0,2 чел.). По всем хозяйствам количество семейных работников в расчете на 1 дес. посева снизилось с 0,65 до 0,4.

В хозяйствах скотоводческого направления, в силу перехода к молочному животноводству и конъюнктурно высокого уровня скота в 1901 г., (в зажиточных хозяйствах) специализированный показатель капиталовооруженности «коров на 1 семейного работника» динамику процесса не отражает. Поэтому можно лишь опереться на менее динамичный показатель «всего посева на 1 семейного работника». Он фиксирует наращивание капиталооснащенности во всех группах дворов. В целом же данный признак увеличил свое значение от 1,95 до 2,2 (см. табл. 79). Соответственно, обратный ему показатель «семейных работников на 1 дес. всего посева» указывает на уменьшение издержек живого труда и повышение эффективности труда, о чем свидетельствует снижение его значения с 0,8 до 0,7.

Значительные изменения произошли в оснащенности хозяйств производственными фондами. Так, в земледельческих дворах всех социальных групп заметно уменьшилось количество голов рабочего скота на 1 дес. посева: во II – с 1,1 до 0,65; в III – с 0,7 до 0,5; в IV – с 0,65 до 0,3 и в целом – с 0,75 до 0,45. Это свидетельствует о сокращении в производственных фондах доли живого инвентаря (скота). Соответственно, увеличивалась доля расходов на усовершенствованный сельскохозяйственный инвентарь, интенсификацию залежно-паровой системы земледелия, аренду и наем. Особенно бурно процесс модернизации производственных фондов протекал в зажиточной группе. Состоятельным хозяевам пришлось также освободиться от излишнего скота, увеличивавшего нерациональные расходы.

Среди показателей фондовооруженности дворов зернового направления обращает на себя внимание признак «всего посева на 1 голову рабочего скота», который отражает нагрузку на 1 рабочую лошадь. За период с 1901 по 1916 г. его величина возросла с 1,45 до 2,2. Это говорит о росте приме-

нения усовершенствованного инвентаря на конной тяге. Кроме того, данный факт свидетельствует о существенном увеличении в производственных фондах земледельческих хозяйств доли расходов на выращивание товарных культур и значительном росте товарного зернового производства, связанном с развитием специализации.

Таблица 78

Капиталовооруженность, эффективность труда и фондовооруженность крестьянских хозяйств земледельческой специализации в начале XX в.

Показатели	Группы хозяйств						Хозяйства в целом	
	II		III		IV			
	1901	1916	1901	1916	1901	1916	1901	1916
Капиталовооруженность, производительность труда								
Рабочего скота на 1 семейного работника, голов	0,9	1,0	1,6	1,8	3,2	2,0	1,7	1,6
Коров на 1 семейного работника, чел.	0,8	0,8	1,1	1,1	2,6	1,2	1,3	1,0
Учтенного продуктивного скота на 1 семейного работника, голов	0,9	1,1	1,3	1,6	3,0	2,0	1,6	1,6
Всего посева на 1 семейного работника, дес.	1,0	1,6	2,4	3,9	4,8	5,9	2,5	3,7
Эффективность труда								
Семейных работников на 1 голову рабочего скота, чел.	1,36	1,0	0,8	0,8	0,5	0,65	0,9	0,85
Семейных работников на 1 корову, чел.	1,55	1,2	1,5	1,45	0,7	1,3	1,3	1,4
Семейных работников на 1 голову учтенного продуктивного скота, чел.	1,4	1,7	1,25	1,0	0,6	0,7	1,1	1,1
Семейных работников на 1 десятину всего посева, чел.	1,2	0,9	0,55	0,35	0,3	0,2	0,65	0,4
Фондовооруженность хозяйств								
Рабочего скота на 1 десятину всего посева, голов	1,1	0,65	0,7	0,5	0,65	0,3	0,75	0,45
Учтенного продуктивного скота на 1 десятину всего посева, голов	1,2	0,85	0,55	0,45	0,6	0,4	0,75	0,55
Коров на 1 голову рабочего скота, голов	1,07	0,75	0,70	0,6	0,87	0,6	0,87	0,65
Учтенного продуктивного скота на 1 голову рабочего скота, голов	1,2	1,04	0,85	0,93	1,0	1,0	1,0	1,0
Всего посева на 1 голову рабочего скота, дес.	1,15	1,55	1,6	2,45	1,8	3,4	1,45	2,2

Таблица 79

Капиталовооруженность, эффективность труда и фондовооруженность крестьянских хозяйств скотоводческой специализации в начале XX в.

Показатели	Группы хозяйств						Хозяйства в целом	
	II		III		IV			
	1901	1916	1901	1916	1901	1916	1901	1916
Капиталовооруженность, производительность труда								
Рабочего скота на 1 семейного работника, голов	1,0	1,1	1,65	1,5	3,6	2,2	1,9	1,5
Коров на 1 семейного работника, чел.	0,7	0,6	1,8	1,8	4,5	3,4	2,1	1,8
Учтенного продуктивного скота на 1 семейного работника, голов	0,85	1,3	2,05	2,7	5,1	4,7	2,45	2,7
Всего посева на 1 семейного работника, дес.	1,2	1,4	1,95	2,1	3,1	3,2	1,95	2,2
Эффективность труда								
Семейных работников на 1 голову рабочего скота, чел.	1,4	1,0	0,85	0,9	0,4	0,6	0,85	0,85
Семейных работников на 1 корову, чел.	1,8	1,5	0,75	0,7	0,3	0,45	0,95	0,8
Семейных работников на 1 голову учтенного продуктивного скота, чел.	1,5	1,0	0,65	0,5	0,25	0,3	0,8	0,6
Семейных работников на 1 десятину всего посева, чел.	1,2	1,1	0,8	0,7	0,4	0,35	0,8	0,7
Фондовооруженность хозяйств								
Коров на 1 голову рабочего скота, голов	0,8	0,75	1,2	1,5	1,6	1,65	1,2	1,3
Учтенного продуктивного скота на 1 голову рабочего скота, голов	1,0	1,1	1,35	2,1	1,8	2,25	1,35	1,85
Всего посева на 1 голову рабочего скота, дес.	1,3	1,05	1,25	1,45	1,0	1,25	1,15	1,3
Рабочего скота на 1 корову, голов	1,25	1,3	0,85	0,7	0,65	0,6	0,85	0,75
Коров на 1 голову учтенного продуктивного скота, голов	0,84	0,69	0,86	0,69	0,89	0,71	0,86	0,70
Всего посева на 1 голову учтенного продуктивного скота, дес.	1,45	1,1	1,05	0,9	0,65	0,8	1,05	0,95

Аналогичные процессы модернизации производственных фондов протекали и в хозяйствах скотоводческой специализации. В производственных фондах животноводческих дворов снизилась доля рабочего скота и увеличилось значение мертвого инвентаря, более рациональных систем скотоводства и наемного труда. Об этом свидетельствует групповое и общее (с 0,85 до 0,75 головы) уменьшение показателя «рабочего скота на 1 корову» (см. табл. 79). В структуре фондов повысилась доля производственных расходов на продуктивный скот, на что указывает увеличение в группах и в целом количества коров, приходившегося на 1 голову рабочего скота (с 1,2 до 1,3 головы).

Таким образом, сравнительный анализ данных переписей 1901 и 1916 гг. показал, что в крестьянском хозяйстве Западной Сибири начала XX в. происходила модернизация материально-технической базы и отраслевой структуры производства, обусловленная воздействием расширяющегося товарно-капиталистического рынка. Социально-экономическая модернизация западносибирской деревни проявлялась в углублении рыночной специализации, рационализации производственно-технической базы крестьянских хозяйств и создании предпосылок для расширения хозяйственных инноваций и наемного труда.

Углубление специализации происходило путем расширения и совершенствования специализированной, рыночной отрасли и сокращения потребительского направления хозяйства. В земледельческих дворах росли размеры и уровень зернового производства и увеличивалась доля товарных культур – яровой пшеницы и овса. В хозяйствах скотоводческого направления осуществлялся переход к более интенсивной молочной форме животноводства, уровень зернового хозяйства понижался. Общий процесс развития специализации в крестьянских хозяйствах региона сопровождался относительным уменьшением стада рабочего и продуктивного скота.

Параллельно с углублением торговой специализации происходил тесно связанный с ней процесс повышения капиталовооруженности крестьянских хозяйств, что способствовало росту производительности и эффективности труда семейных работников. Излишки капиталовооруженности, возникавшие в состоятельных дворах, давали им возможность увеличивать применение наемного труда. Все это служило твердой основой стабильного развития предпринимательской системы в крупнокрестьянских хозяйствах.

Важной стороной модернизации крестьянского хозяйства региона являлась рационализация его производственно-технической базы. Она обеспечивала наиболее оптимальное сочетание производственных ком-

понентов хозяйства, что служило первой материальной предпосылкой для поддержания производственных издержек на уровне общественно-необходимых затрат. Рационализация производственных фондов крестьянских хозяйств происходила путем сокращения доли рабочего скота (живого инвентаря)[1] и увеличения удельного веса расходов на мертвый инвентарь, хозяйственные постройки, совершенствование систем земледелия, скотоводства. Вместе с этим в производственных фондах повышалась доля расходов на специализированную, рыночную отрасль хозяйства. Рыночная оптимизация производственно-технической базы опиралась на определенный социально-культурный тип модернизационного трудового поведения. В хозяйствах бедняков и середняков рационализация вызывала интенсификацию и перенапряжение труда семейных работников, в состоятельных дворах – совершенствование семейного труда, расширение применения наемного труда и дальнейшее развитие предпринимательской системы хозяйствования.

Происходившая в начале XX в. рыночно-капиталистическая модернизация экономики западносибирской деревни внесла серьезные количественные изменения в состав и соотношение компонентов производственно-технической базы крестьянских хозяйств всех социальных групп. Однако она практически не изменила сложившейся на рубеже XIX–XX вв. социально-экономической группировки дворов и роли отдельных групп крестьянских дворов в различных сторонах сельскохозяйственного производства. Об этом свидетельствуют обобщенные данные табл. 80 и 81. Согласно им зажиточная IV группа, включавшая чуть более четверти дворов, в течение изучаемого периода обладала половиной всего рабочего скота и производила примерно 60% товарной продукции и 50% продукции в рамках внутрихозяйственного потребления. Середняцкая III группа, охватывавшая около трети дворов, давала около 25% товарной и 30% внутрихозяйственной продукции. Бедные хозяйства (I и II группы), которые имели в своем составе примерно 40% всех дворов, производили 15–20% всей продукции. Единственное, что следует отметить, некоторое повышение производственной роли бедняков. Особенно хорошо это видно по скотоводческой специализации, в которой полностью совпадают интервалы бедной группы для данных 1901 и 1916 гг. (0–2 коровы). За последующий период доля бедняков выросла: по учтенному продуктивному скоту с 9,2 до 16,2%; по посеву – с 15,4 до 21,3%. Некоторое возрастание хозяйственного значения

[1] В современном понимании это сокращение энергозатрат в производственных издержках.

бедняцкой группы, безусловно, объясняется резким увеличением доли переселенцев, хозяйства которых находились в динамичной фазе становления и роста. Это свидетельствует о том, что благодаря аграрной колонизации в бедных крестьянских хозяйствах Западной Сибири преобладал земледельческий вектор развития.

Сохранение в начале XX столетия однотипной социально-экономической стратификации западносибирской деревни, сформировавшейся на момент ее системного включения во всероссийский капиталистический рынок, является еще одним принципиальным свидетельством неизменности социокультурной и экономической природы крестьянского хозяйства региона. Оно было семейно-трудовым мелкотоварным. Бедное крестьянство вело сокращенное традиционное, мелкотоварное хозяйство.

Таблица 80

Доли различных групп крестьянских хозяйств земледельческой специализации в семейно-трудовых и производственных ресурсах в начале XX в., %

Показатели	Группы хозяйств								Хозяйства в целом	
	I		II		III		IV			
	1901	1916	1901	1916	1901	1916	1901	1916	1901	1916
Население, чел.	8,3	7,4	23,1	25,7	36,7	31,0	31,9	35,9	100	100
Семейных работников на 1 двор, чел.	7,9	7,8	21,6	25,8	36,8	28,7	33,7	37,7	100	100
Рабочий скот, голов	1,8	0,2	14,0	17,2	26,1	31,8	58,1	48,8	100	100
Учтенный продуктивный скот, голов	2,6	0,3	14,1	18,4	28,2	28,3	55,1	50,0	100	100
Весь посев, дес.	0	0	9,1	11,1	32,5	26,6	58,4	62,3	100	100
Дворов в группе	12,6	10,2	25,6	33,4	35,1	29,1	26,7	27,3	100	100

Таблица 81

Доли различных групп крестьянских хозяйств скотоводческой специализации в семейно-трудовых и производственных ресурсах в начале XX в., %

Показатели	Группы хозяйств								Хозяйства в целом	
	I		II		III		IV			
	1901	1916	1901	1916	1901	1916	1901	1916	1901	1916
Население, чел.	3,3	6,6	30,5	32,8	34,8	25,0	31,4	35,6	100	100
Семейных работников на 1 двор, чел.	2,6	6,2	27,0	31,2	35,8	24,6	34,6	38,0	100	100
Рабочий скот, голов	0,9	3,4	12,9	24,4	26,7	24,2	59,5	48,0	100	100
Учтенный продуктивный скот, голов	0	0,6	9,2	16,2	24,8	23,6	66,0	59,6	100	100
Весь посев, дес.	0,1	2,4	15,4	21,3	32,8	24,1	51,7	52,2	100	100
Дворов в группе	5,4	8,1	32,2	36,5	33,9	24,9	28,5	30,4	100	100

В средних дворах преобладало устойчивое мелкотоварное, семейно-трудовое хозяйство. В зажиточной группе сложилось расширенное мелкотоварное, семейно-потребительское хозяйство, которое сочеталось с предпринимательской системой хозяйствования и все более расширявшимся применением наемного труда.

Обратимся теперь к анализу тех изменений, которые в исследуемый период произошли во внутреннем строе крестьянского хозяйства региона. Вкупе с описательно-статистическими сведениями это даст более взвешенные, целостно-интегральные средства для оценки различных сторон, этапов и степени вовлечения крестьянского хозяйства в товарно-денежные и капиталистические отношения. В развернутом виде корреляционные данные представлены в табл. 22, 23 и 48. Для сравнительного анализа сведения этих таблиц в обобщенной форме сведены в табл. 82 и 83.

В сравнительных таблицах обращает на себя внимание замечательный факт однородности и однотипности внутренней структуры крестьянского хозяйства: на протяжении всего начального периода XX в. сбалансированность основных компонентов материально-технической базы во всех аспектах держалась на стабильно высоком уровне 0,7–0,8. Особенно существенна высокая сбалансированность хозяйственных элементов в производственно-техническом плане (в расчете на 1 дес. посева или 1 голову продуктивного скота), поскольку она свидетельствует о подчинении производственной базы хозяйства регулирующему воздействию закономерностей товарно-капиталистического рынка. Очень сильная взаимосопряженность рабочих лошадей, продуктивного скота и посевов в подворном, подушевом и организационно-производственном (в расчете на 1 семейного работника) планах отражает довольно высокую степень рыночно-капиталистической адаптации производственно-технической подсистемы крестьянского хозяйства региона.

Вместе с тем сравнительный анализ групповых корреляционных данных показал, что процесс вовлечения различных хозяйственных групп в современные рыночные отношения был неравномерным. Первыми, в течение 1897–1901 гг., в систему всероссийского аграрного рынка вошли зажиточные и средние крестьянские хозяйства Западной Сибири. С большим напряжением сил и ресурсов, опираясь на сложившуюся в регионе систему вывозной хлебной торговли, к этому процессу подключились также бедные дворы зерновой специализации. Бедные скотоводческие хозяйства, в основном державшие по 1–2 головы молочного скота в целях семейного потребления, практически не обладали товарным мясным скотом и поэто-

му не имели возможности включиться в общероссийский мясной рынок (коэффициент 0,44). Товарная животноводческая продукция бедных дворов получила лишь местное значение, о чем свидетельствуют корреляционные взаимосвязи между производственными компонентами на уровне 0,4–0,6. Достаточно благоприятные условия для их вхождения в сферу рыночно-капиталистических отношений сложились позже, с переходом скотоводческих хозяйств на молочно-маслодельческое направление. Можно предположить, что это произошло в 1906–1910 гг. – период резкого увеличения объемов производства западносибирского масла[1]. По данным переписи 1916 г., бедные животноводческие дворы уже находились в сфере влияния капиталистического рынка (коэффициент 0,83).

Таблица 82

Средняя сбалансированность основных компонентов производственно-технической базы (рабочих лошадей, продуктивного скота и посева) в крестьянских хозяйствах земледельческой специализации в начале XX в. (коэффициент корреляции 0, …)

Группы	Аспекты сбалансированности: коррелируемые признаки в расчете	Средние коэффициенты корреляции	
		1901	1916
II	На 1 двор	0	34
	На 1 душу	0	58
	На 1 семейного работника	0	60
	На 1 голову продуктивного скота	75	59
III	На 1 двор	48	36
	На 1 душу	78	72
	На 1 семейного работника	72	74
	На 1 голову продуктивного скота	90	81
IV	На 1 двор	56	26
	На 1 душу	81	68
	На 1 семейного работника	83	73
	На 1 голову продуктивного скота	81	83
V	На 1 двор	–	62
	На 1 душу	–	75
	На 1 семейного работника	–	85
	На 1 голову продуктивного скота	–	73
Хозяйства в целом	На 1 двор	80	76
	На 1 душу	81	63
	На 1 семейного работника	85	79
	На 1 голову продуктивного скота	77	73

Среди сведений о дворах животноводческой специализации есть данные, представляющие проблемно-методологический интерес. Они характе-

[1] См.: *История* Сибири. Т. 3… С. 318–319.

ризуют отношение общей и групповых структур крестьянских хозяйств. Согласно сведениям 1901 г., производственно-технический строй крестьянского хозяйства в целом совпадает со структурами III средней и IV зажиточной групп: значения взаимосвязей между главными компонентами в расчете на 1 душу, на 1 семейного работника и на 1 десятину посева имеют принципиально одинаковый уровень 0,7–0,8. В то же время в бедной группе рассматриваемые значения располагаются в пределах от 0,44 до 0,63. Это свидетельствует о том, что общекрестьянская хозяйственная система в целом определялась производственно-техническим строем середняцких и зажиточных хозяйств. Их ведущая роль обусловливалась, с одной стороны, стабильностью функционирования и воспроизводства традиционного хозяйства в условиях господства товарно-денежных отношений, с другой – наличием положительного вектора развития, направленного на расширение и совершенствование товарного производства.

Таблица 83

Средняя сбалансированность основных компонентов производственно-технической базы (рабочих лошадей, продуктивного скота и посева) в крестьянских хозяйствах животноводческой специализации в начале XX в. (коэффициент корреляции 0, …)

Группы	Аспекты сбалансированности: коррелируемые признаки в расчете	Средние коэффициенты корреляции	
		1901	1916
II	На 1 двор	56	55
	На 1 душу	63	37
	На 1 семейного работника	62	63
	На 1 десятину всего посева	44	83
III	На 1 двор	61	41
	На 1 душу	42	20
	На 1 семейного работника	54	48
	На 1 десятину всего посева	87	87
IV	На 1 двор	64	44
	На 1 душу	45	49
	На 1 семейного работника	54	55
	На 1 десятину всего посева	86	93
V	На 1 двор	–	54
	На 1 душу	–	62
	На 1 семейного работника	–	59
	На 1 десятину всего посева	–	83
Хозяйства в целом	На 1 двор	78	67
	На 1 душу	66	52
	На 1 семейного работника	70	64
	На 1 десятину всего посева	80	67

В центре настоящего раздела – структурный анализ динамики развития в крестьянском хозяйстве региона товарно-денежных отношений. По сравниваемым корреляционным данным переписей 1901 и 1916 гг. положительные структурные изменения практически не обнаруживаются. Единственное исключение – положительная динамика в бедных дворах обеих специализаций, связанная с ускорением процесса вовлечения в рыночно-капиталистические отношения. По остальным группам прослеживается, скорее, отрицательная динамика. Особенно выделяется она при составлении уровней сбалансированности компонентов в общих производственно-технических структурах. В самом деле, во дворах земледельческой специализации средняя теснота взаимосвязей производственных компонентов в разных аспектах по сведениям 1901 г. располагается в диапазоне от 0,77 до 0,85 (0,77; 0,80; 0,81; 0,85), в то время как по данным 1916 г. – в пределах от 0,63 до 0,79 (0,63; 0,73; 0,76; 0,79). В скотоводческих дворах аналогичное положение: уровень взаимосвязей на 1901 г. находится в границах от 0,66 до 0,80; на 1916 г. – в диапазоне от 0,52 до 0,67. Устойчивая картина некоторого понижения уровня сбалансированности основных производственных компонентов в 1916 г., безусловно, свидетельствует об определенной дезорганизации и нарушении нормального функционирования общероссийского капиталистического рынка факторами военного времени. Как следует из сравниваемых данных, меньше всех от военных условий пострадали хозяйства зажиточных середняков (IV групп) и богатых крестьян (V группа). В общем же, некоторое падение сбалансированности не противоречит концептуальному положению об интенсивном развитии в крестьянском хозяйстве региона в изучаемый период подсистемы объективных рыночно-капиталистических отношений. Из полученных в настоящем исследовании результатов об этом свидетельствуют углубление специализации, рост капиталовооруженности и эффективности труда, а также рационализация производственно-технической базы хозяйств.

Значительное влияние на развитие традиционного мелкотоварного крестьянского хозяйства региона начала XX в. в рамках капиталистической народнохозяйственной системы оказывала форма торговой специализации. Так, хорошо известно, что скотоводство было наиболее мобильной рыночной отраслью аграрного производства. Оно имело самую высокую товарность. Это обеспечивало более высокие темпы рыночного развития животноводческих дворов. Помимо местной (волостной) специализации крестьянских хозяйств, большую роль играла общая регио-

нальная специализация Западной Сибири в общероссийской системе народного хозяйства. Таким образом, общее воздействие фактора торговой специализации определялось тем или иным сочетанием местной и региональной (западносибирской) специализации. Как следует из сравниваемых корреляционных данных, на протяжении всего начального периода XX в. в хозяйствах зерновой специализации уровень развития рыночно-капиталистических отношений был стабильно более высоким, чем в животноводческих дворах. И действительно, сбалансированность производственных компонентов земледельческих дворов во всех рассматриваемых аспектах заметно превосходила уровень сопряженности в скотоводческих хозяйствах: в 1901 г. в среднем 0,81 против 0,74; в 1916 г. – 0,73 против 0,63. Это говорит о том, что, во-первых, хлебно-зерновая, территориальная специализация рассматриваемого района Западной Сибири имела более длительную и глубокую историю развития в рамках регионального рынка (во второй половине XIX в.), а затем и в составе общероссийского рынка (в начале XX в.), во-вторых, она, несмотря на бурное развитие в начале XX в. молочного товарного животноводства маслодельческого направления, продолжала занимать в крестьянском хозяйстве края системообразующее рыночное положение[1]. На основе анализируемых данных также можно выдвинуть предположение, что уровень рыночного развития был выше в тех крестьянских хозяйствах, у которых местное (волостное) торговое направление совпадало с общерегиональной специализацией. Это, по-видимому, обусловливалось гарантированным спросом на продукцию специализированной отрасли и наличием развитой рыночной инфраструктуры, обслуживавшей скупку, хранение, перевозку и сбыт данной продукции.

В общем, начало XX в. представляет собой единый этап в социокультурном и экономическом развитии западносибирской деревни. В течение всего изучаемого периода крестьянское хозяйство в целом имело одинаковую, однотипную производственно-техническую структуру, которая

[1] На наш взгляд, необходимо учитывать, что большинство крестьянских хозяйств получали доходы от сдачи молока маслодельческим заводам, а не от продажи масла. Они меньше маслодельческих в 25–30 раз. При таком подходе к расчетам доходы крестьян от молочного животноводства составят не 70–80%, как полагают некоторые исследователи, а только 25–30% от общей величины доходов. Это также свидетельствует о ведущей рыночной роли зерновой специализации крестьянского хозяйства региона. Маслоделие относилось к обрабатывающей, промышленной отрасли сельского хозяйства региона. О роли молочно-маслодельческой специализации сельского хозяйства Западной Сибири в начале XX в. см.: *Ильиных В.А.* Аграрный строй Сибири в XX веке… С. 644–647.

свидетельствовала о его включенности в систему российского капиталистического рынка. Некоторые групповые различия имели несущественное значение. Они лишь свидетельствуют о запаздывании рыночного развития бедных дворов на рубеже XIX–XX вв. и замедлении темпов рыночно-капиталистического развития экономики деревни в годы Первой мировой войны.

5.2. Социокультурная и экономическая природа крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX в.

В определении внутренней природы крестьянского хозяйства региона большим подспорьем являются методы многофакторного анализа. Они особенно эффективны при исследовании двойственного – традиционного и предпринимательского – характера экономического строя зажиточных хозяйств. Это связано с тем, что факторный анализ позволяет выявить и охарактеризовать не выраженные в исходных показателях, но содержательно объяснимые, общие факторы, которые обусловили анализируемую корреляционную структуру земледельческого предприятия[1]. Для решения данной задачи был избран один из разделов факторного анализа – метод главных компонент (факторов)[2]. Компонентный анализ используется при изучении групп сильно коррелируемых признаков. Такого рода наборы взаимосвязанных показателей – характерная особенность корреляционной структуры исследуемого крестьянского хозяйства региона.

Определившие структуру общие факторы выражаются в факторных нагрузках. Факторные нагрузки – это значения коэффициентов корреляции общих факторов с исходными признаками. Взятые вместе, они образуют матрицу (таблицу) факторных нагрузок. Для анализа содержания и интерпретации фактора используют его самые большие факторные нагрузки. В нашем случае это коэффициенты корреляции более 0,700. Отбор главных общих факторов производится последовательно, по мере убывания их вкладов в суммарную дисперсию показателей и прекращается при достижении 70–80% ее полной величины. В число анализируемых обобщенных характеристик обычно включаются факторы, учитывающие не менее 4–5% суммарной общности показателей.

---

[1] См.: *Количественные* методы… С. 276–289.
[2] См.: *Иберла К.* Факторный анализ / Пер. с нем. М., 1980. С. 103–122, 240–244 и др.

Помимо факторных нагрузок, компонентный метод определяет факторные веса изучаемых объектов (крестьянских хозяйств). Они показывают положение объектов на оси каждого фактора. Чем больше по значению факторный вес наблюдения, тем сильнее у него проявляется свойство, присущее данному фактору[1]. Сами факторы определяются как стандартизированные показатели с нулевым средним значением и единичной дисперсией. Поэтому положительные значения факторного веса соответствуют тем объектам, которые характеризуются степенью проявления данного свойства больше средней, а отрицательные факторные веса соответствуют тем объектам, в которых степень проявления свойства меньше средней[2]. Факторные веса позволяют ранжировать наблюдения (хозяйства) по каждому фактору и осуществлять их многомерную классификацию[3]. Кроме того, они дают возможность наглядного, графического представления и классификации объектов. Компактные скопления точек хозяйств следует трактовать как группы похожих, сходных объектов[4].

Рассмотрим теперь результаты компонентного факторного анализа крестьянского хозяйства в целом проведенного по подворным данным переписи 1901 г. (табл. 84 и 85). Прежде следует отметить принципиальную однородность систем выявленных факторов, определявших внутренние структуры хозяйств обеих торговых специализаций. Ключевую роль играют первые два фактора, дающие 41–45,5% совокупной дисперсии признаков. Более широко и целостно систему обобщенных характеристик представляют пять факторов, объясняющих 68,2–70,4% дисперсии.

Ведущее значение имеет первый фактор – «уровень производственно-экономической мощности хозяйства», отражающий 26,2–28,2% дисперсии. В земледельческой выборке в него входят основные производственные ресурсы крестьянского хозяйства: скот, сено и посевы, взятые в расчете на 1 душу и на 1 работника. В скотоводческой специализации главное место в данном факторе заняли подворные показатели скота и посевов, выражающие размеры хозяйственной мощи. Это определенно связано с тем, что крестьянский двор являлся системно-производственным центром животноводства. Фактор производственно-экономической мощ-

---

[1] См.: *Ковальченко И.Д., Моисеенко Т.Л., Селунская Н.Б.* Указ. соч. С. 82–83.

[2] См.: *Милов Л.В., Булгаков М.Б., Гарскова И.М.* Системно-структурный подход к изучению аграрного развития России 1-й половины XVII в. и проблемы типологии феодального хозяйства: (Многомерный анализ писцовых книг) // Математические методы и ЭВМ в исторических исследованиях. М., 1985. С. 34–35.

[3] См.: *Ковальченко И.Д., Моисеенко Т.Л., Селунская Н.Б.* Указ. соч. С. 112–122.

[4] См.: *Количественные* методы… С. 288.

ности играл системообразующую роль и, безусловно, представляет традиционную, мелкотоварную, семейно-потребительскую основу (подсистему) крестьянского хозяйства региона.

Второй фактор (14,8–16,7% дисперсии) выражают тесно взаимосвязанные показатели скота и посева рассчитанные на 1 голову скота или 1 десятину всего посева. В зерновой специализации это рабочие лошади и посев на 1 голову продуктивного скота, в животноводческой – рабочие лошади и продуктивный скот на 1 дес. всего посева. Они отражают сбалансированную, специализированную часть производственных фондов крестьянского хозяйства, порожденную воздействием капиталистического рынка. Следовательно, рассматриваемую обобщенную характеристику можно интерпретировать как фактор социально-рыночной адаптационной подсистемы крестьянского хозяйства.

Таблица 84

Общие факторы и их максимальные нагрузки на признаки во внутренней структуре крестьянского хозяйства земледельческой специализации

Факторы и входящие в них признаки	Факторные нагрузки на признаки	Вклады факторов в суммарную дисперсию, %
1	2	3
I фактор. Уровень производственно-экономической мощности хозяйства		28,8
1. Рабочего скота на 1 душу	0,886	
2. Коров на 1 душу	0,869	
3. Продуктивного скота на 1 душу	0,880	
4. Посева пшеницы на 1 душу	0,829	
5. Посева овса на 1 душу	0,856	
6. Всего посева на 1 душу	0,872	
7. Сена в копнах на 1 душу	0,778	
8. Рабочего скота на 1 семейного работника	0,843	
9. Коров на 1 семейного работника	0,862	
10. Продуктивного скота на 1 семейного работника	0,871	
11. Всего посева на 1 семейного работника	0,841	
12. Сена в копнах на 1 семейного работника	0,724	
II фактор. Капиталистический рынок, капитализированные производственные фонды. Социально-рыночная, адаптационная подсистема		16,7
1. Рабочего скота на 1 корову	0,926	
2. Всего посева на 1 корову	0,898	
3. Рабочего скота на 1 голову продуктивного скота	0,905	
4. Посева овса на 1 голову продуктивного скота	0,862	
5. Всего посева на 1 голову продуктивного скота	0,919	

Окончание табл. 84

1	2	3
III фактор. Природно-хозяйственная адаптационная подсистема		9,2
1. Запасов хлеба на 1 двор	0,966	
2. Запасов хлеба на 1 душу	0,893	
3. Запасов хлеба на 1 семейного работника	0,922	
4. Запасов хлеба на 1 голову рабочего скота	0,963	
5. Запасов хлеба на 1 голову рабочего скота	0,918	
6. Запасов хлеба на 1 дес. всего посева	0,971	
IV фактор. Природная, рыночно-специализированная адаптационная подсистема		8,6
1. Посева овса на 1 голову рабочего скота	–0,817	
2. Всего посева на 1 голову рабочего скота	–0,944	
3. Рабочего скота на 1 дес. всего посева	0,912	
V фактор. Обеспеченность скота кормами. Кормовая база		7,1
1. Рабочего скота на 1 копну сена	0,898	
2. Коров на 1 копну сена	0,807	
3. Продуктивного скота на 1 копну сена	0,817	
VI фактор. Уровень обеспеченности крестьянской семьи своей рабочей силой		5,1
1. Семейных работников на 1 душу	0,947	
2. Семейных душ на 1 семейного работника	–0,960	
VII фактор. Семейно-трудовая, демографическая основа хозяйства		4,4
1. Размер семьи	0,735	
2. Семейных работников на 1 двор	0,743	
VIII фактор. Уровень семейного потребления ржаного хлеба		4,1
1. Посева ржи на 1 двор	0,891	
2. Посева ржи на 1 душу	0,817	
3. Посева ржи на 1 дес. всего посева	0,947	

Группа трех последующих факторов имеет в разных специализациях одинаковый состав, но они занимают в последовательности разное место. Поэтому дальнейшее истолкование выявленных общих характеристик будет осуществляться с привязкой к зерновой специализации.

Третий фактор в домохозяйствах земледельческого направления (дисперсия 9,2%) и пятая общая характеристика в животноводческих дворах (дисперсия 7,9%) достаточно прозрачны. Они включают в себя страховые запасы хлеба во всех рассматриваемых аспектах: на 1 двор, на 1 душу, на 1 работника, на 1 голову рабочего или продуктивного скота, на 1 дес. всего посева. Этот фактор представляет традиционную (натуральную) природно-хозяйственную адаптационную подсистему.

Таблица 85

Общие факторы и их максимальные нагрузки на признаки во внутренней структуре крестьянского хозяйства скотоводческой специализации

Факторы и входящие в них признаки	Факторные нагрузки на признаки	Вклады факторов в суммарную дисперсию, %
1	2	3
I фактор. Размеры и уровень производственно-экономической мощности хозяйства		26,2
1. Рабочего скота на 1 двор	0,822	
2. Коров на 1 двор	0,720	
3. Продуктивного скота на 1 двор	0,738	
4. Посева пшеницы на 1 двор	0,851	
5. Посева овса на 1 двор	0,838	
6. Всего посева на 1 двор	0,885	
7. Рабочего скота на 1 душу	0,773	
8. Посева пшеницы на 1 душу	0,825	
9. Посева овса на 1 душу	0,759	
10. Всего посева на 1 душу	0,839	
11. Рабочего скота на 1 семейного работника	0,757	
12. Всего посева на 1 семейного работника	0,782	
II фактор. Капиталистический рынок. Капитализированные производственные фонды хозяйства. Социально-рыночная адаптационная подсистема		14,8
1. Рабочего скота на 1 дес. посева	0,840	
2. Коров на 1 дес. посева	0,780	
3. Продуктивного скота на 1 дес. посева	0,836	
III фактор. Природная, рыночно-специализированная адаптационная подсистема		9,9
1. Коров на 1 голову рабочего скота	0,740	
2. Продуктивного скота на 1 голову рабочего скота	0,754	
3. Рабочего скота на 1 корову	–0,904	
4. Всего посева на 1 корову	–0,772	
5. Рабочего скота на 1 голову продуктивного скота	–0,940	
6. Всего посева на 1 голову продуктивного скота	–0,777	
IV фактор. Обеспеченность скота кормами		9,4
1. Рабочего скота на 1 копну сена	0,708	
2. Коров на 1 копну сена	0,907	
3. Продуктивного скота на 1 копну сена	0,915	
V фактор. Природно-хозяйственная адаптационная подсистема		7,9
1. Запасов хлеба на 1 двор	0,966	
2. Запасов хлеба на 1 душу	0,893	
3. Запасов хлеба на 1 работника	0,983	
4. Запасов хлеба на 1 голову рабочего скота	0,930	
5. Запасов хлеба на 1 голову продуктивного скота	0,963	
6. Запасов хлеба на 1 дес. всего посева	0,764	

Окончание табл. 85

1	2	3
VI фактор. Уровень обеспеченности крестьянской семьи своей рабочей силой		5,2
1.Семейных работников на 1 душу	0,938	
2. Количество семейных душ на 1 семейного работника	–0,930	
VII фактор. Семейно-трудовая, демографическая основа хозяйства		4,8
1. Размер семьи	0,899	
2. Семейных работников на 1 двор	0,874	
VIII фактор уровень семейного потребления ржаного хлеба		3,9
1. Посева ржи на 1 двор	0,832	
2. Посева ржи на 1 душу	0,868	
3. Посева ржи на 1 дес. всего посева	0,944	

Наиболее сложны в интерпретации четвертый фактор в земледельческих дворах (8,6% дисперсии) и третий – в скотоводческой специализации (9,8% дисперсии). В них входят слабо сбалансированные показатели производственных фондов. В хозяйствах зернового направления это рабочий скот на 1 дес. всего посева и весь посев в расчете на 1 голову рабочего скота; в животноводческих дворах – рабочие лошади и продуктивный скот, рассчитанные относительно друг друга. По существу, данные показатели характеризуют излишние (нерациональные) производственные фонды, базирующиеся на специализированной отрасли хозяйства. Они свидетельствуют о том, что в земледельческих дворах при вынужденном сокращении производства, вызванном природными бедствиями или падением рыночной конъюнктуры, хозяева в первую очередь стремились сохранить тягловый скот. Это вело к определенной перегруженности фондов рабочими лошадьми. В скотоводческих хозяйствах крестьяне, попав в трудное экономическое положение, стремились оставлять в резерве преимущественно продуктивный скот. В результате в их производственных фондах увеличивалась доля молочного и мясного скота. Излишние производственные фонды являлись универсальным потребительским[1] и рыночно-производственным резервом крестьянского хозяйства региона, который придавал ему дополнительную устойчивость в экстремальных природных и общественно-экономических условиях. Анализируемый фактор, таким образом, выражает традиционную, производст-

[1] В хозяйствах зерновой специализации чисто потребительское значение имел резервный мясной скот. Об этом свидетельствует факторная нагрузка на признак «продуктивного скота на 1 дес. всего посева», равная 0,470.

венно-адаптационную подсистему, базирующуюся на подчиненной ей мобильной рыночной отрасли хозяйства[1].

Пятое место во дворах зернового направления принадлежит фактору обеспеченности тяглового и продуктивного скота сеном, наиболее обобщенно представляющему кормовую базу крестьянского хозяйства (7,1% дисперсии). В скотоводческой специализации значение фактора кормовой обеспеченности больше (9,4% дисперсии), и он занимает четвертое место.

Последние из восьми выбранных обобщенных характеристик играют примерно одинаковую роль (4–5% дисперсии) и занимают в хозяйствах разных торговых специализаций одинаковое положение. Они совершенно прозрачны и отражают воздействие разных сторон традиционной, семейно-потребительской системы хозяйствования. Это прежде всего шестой фактор «уровень обеспеченности крестьянской семьи своей рабочей силой» и седьмой фактор, представляющий семейно-трудовую демографическую основу домохозяйства. Определенный интерес представляет фактор «уровень семейного потребления ржаного хлеба».

Таким образом, совокупность выявленных обобщенных характеристик свидетельствует о том, что внутренний хозяйственный строй западносибирской деревни в изучаемый период включал в себя две тесно взаимосвязанные производственно-экономические подсистемы: традиционную, семейно-потребительскую систему хозяйствования, которая была структурообразующей основой хозяйства в целом, и социально-адаптационную, рыночную подсистему, образовавшуюся вследствие воздействия на традиционное мелкотоварное хозяйство закономерностей товарно-капиталистического рынка. Сложившаяся внутренняя структура крестьянского предприятия являлась, таким образом, результатом взаимодействия данных подсистем, осуществлявшегося на общей основе семейно-трудовых отношений и мелкотоварного производства.

Основополагающая семейно-потребительская система хозяйствования представлена большинством общих факторов. В первую очередь это самый сильный интегральный фактор уровня производственно-экономической мощности. Он выражает системообразующую производственно-техническую базу хозяйства во всех ее социально-экономических аспектах и главных взаимосвязях. В традиционную систему также входят обобщенные характеристики природной и специализированно-производственной (50% ее величины) адаптации, отражающие отношения хозяй-

[1] Данный фактор условно поделим на две равные части: традиционно-потребительскую (50%) и рыночную (50%).

ства с природной и социальной средой, и факторы кормовой обеспеченности, уровня семейно-трудовых ресурсов, демографический и потребления хлеба, которые показывают отдельные стороны и подразделения хозяйства. Все вместе они объясняют 63% дисперсии по дворам зерновой специализации и 62,4% по животноводческим дворам.

Интегрированную в состав крестьянского хозяйства рыночно-капиталистическую подсистему прямо отображает только второй фактор социально-рыночной адаптационной подсистемы. К нему также можно присоединить половину величины обобщенного показателя производственно-адаптационной подсистемы. Их совместное действие дает 21% дисперсии по земледельческим дворам и 19,7% дисперсии по животноводческим хозяйствам.

Как следует из сопоставления роли традиционных и модернизационных факторов (62–63% дисперсии против 20–21%), внутренняя социально-экономическая структура и природа крестьянского хозяйства региона, безусловно, определялась его мелкотоварной, семейно-потребительской подсистемой (основой), которая, следовательно, продолжала сохранять значение целостно-системного качества всего хозяйства. Выработанная традиционно-хозяйственной культурой рыночно-капиталистическая подсистема подчинялась ей, выполняя «продиктованную» крестьянской традицией адаптивную социально-рыночную функцию, направленную на стабильное удовлетворение личных и производственных потребностей земледельцев. Стало быть, социально-рыночная система хозяйствования включалась в производственно-техническую структуру крестьянского хозяйства как подчиненная ему подсистема, становясь органичной частью всего крестьянского экономического комплекса. Самостоятельная роль (функция) рыночно-капиталистической подсистемы заключалась в адаптивной интеграции крестьянского хозяйства региона в общероссийскую народнохозяйственную систему и его последующей модернизации.

В крестьянском хозяйстве Западной Сибири конца XIX – начала XX в. выделялась экономически очень сильная зажиточная группа. В крупнокрестьянских хозяйствах сформировалась устойчивая предпринимательская система. Она являлась результатом взаимодействия относительно мощной традиционной, мелкотоварной основы и сложившейся в результате воздействия всероссийского аграрного рынка адаптационной товарно-капиталистической подсистемы. В более узком, факторном плане, учитывая системообразующую роль экономической мощности хозяйства, можно считать, что предпринимательская система в зажиточных дворах

порождена взаимодействием общих факторов производственно-экономической мощности и капиталистического рынка. Поэтому решение вопроса о соотношении в состоятельных крестьянских дворах традиционного, мелкотоварного хозяйства и предпринимательской системы хозяйствования следует перевести в плоскость отношения данных факторов, не исключая привлечения и других обобщенных характеристик.

Основой исследовательской работы в данном направлении является измерение и анализ факторных весов всех крестьянских дворов, определяющих их положение на оси каждого фактора. Первоначально необходимо определить факторные веса дворов по интегрально-системному фактору производственно-экономической мощности и, опираясь на это, провести многомерную группировку крестьянских хозяйств. Далее следует оценить положение каждого двора и социальной группы в пространстве главных факторов. Это позволит достаточно точно определить, являлись ли зажиточные предпринимательские хозяйства органичной частью общей семейно-потребительской, мелкотоварной совокупности крестьянских дворов или они образовали качественно новую, обособленную общность фермерских, капиталистических по характеру и тенденции развития, предпринимательских хозяйств. Другими словами, факторный анализ, несмотря на отсутствие в материалах переписи 1901 г. сведений о наемных работниках, даст возможность оценить внутреннюю экономическую форму и уровень товарно-капиталистической модернизации крупнокрестьянских хозяйств региона.

Обратимся теперь к факторным весам дворов II–IV групп, определяющих их положение на оси системообразующего фактора производственно-экономической мощности. Выявленные факторные веса 143 земледельческих дворов имеют значения от (–0,838) до 6,653; группа из 131 животноводческого хозяйства получила значение от (–1,123) до 5,252. Из общего числа зерновых дворов только 42 хозяйства имеют уровень выше среднего (0,020 и более); в скотоводческих дворах положительный индекс (от 0,033) получили 44 хозяйства. Большинство крестьянских дворов (68,6% по обеим специализациям) имеют отрицательные факторные веса.

По сведениям об уровне производственно-экономической мощности хозяйств были проведены группировки в обеих торговых специализациях во 2-ю, бедную группу включены дворы с индексами менее (–0,450); в 3-ю, среднюю – от (–0,450) до 0,300 и в высшую, 4-ю – более 0,300. Ее результаты, в соотношении с используемыми в настоящей работе одномерными классификациями по посеву и количеству коров, даны в табл. 86 и 87.

В многомерную группировку не попали дворы первых одномерных групп (24 зерновых и 9 животноводческих), а также некоторые из дворов вторых групп (соответственно 18 и 21). Это хозяйства, у которых имеются один или несколько нулевых подворных признаков. Поэтому у них отсутствуют те группы относительных показателей, в знаменатели которых попали нулевые значения данных признаков (работники, рабочий скот, коровы, продуктивный скот, посев и сено). Такие показатели и дворы из расчетов исключались. Это, однако, не ослабляет представительность дворов II группы, оставшихся в многомерной классификации, поскольку среди исключенных в обеих специализациях было только 5–7 хозяйств с действительно подорванной экономической силой. Они имели нулевые значения одновременно по двум из трех главных подворных показателей (рабочих лошадей, продуктивного скота и посевов). Все не попавшие в многомерную группировку хозяйства II социальной группы отнесены к нерассматриваемой в таблицах 1-й группе по уровню экономической мощи.

Проведем далее сопоставление результатов многомерной и одномерной группировок. Для этого, прежде всего, определим их содержательный смысл в контексте решаемой в настоящем исследовании проблемы. Многомерная группировка, несомненно, отражает производственно-экономический потенциал и возможные социально-экономические перспективы крестьянских хозяйств. Основанная на действительных сведениях одномерная классификация показывает реальное положение того или иного двора, или, другими словами, возможности реализации потенциала и перспектив эволюции (табл. 86 и 87).

Таблица 86

Социальная и производственно-экономическая структура крестьянского хозяйства земледельческой специализации

Многомерные, производственно-экономические группы	Одномерные, социальные группы по размерам посева			Всего
	II	III	IV	
Число дворов в группах				
2-я	21	23	8	52
3-я	10	33	18	61
4-я	0	6	24	30
Всего	31	62	50	143
Производственно-экономическая структура групп по размерам посева, %				
2-я	67,7	37,1	16,0	36,4
3-я	32,3	53,2	36,0	42,7
4-я	0	9,7	48,0	20,9
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

Основная часть малопосевных и малокоровных дворов II групп (67,7 и 66,7%) имела очень низкий уровень производственно-экономической мощности и слабые возможности повысить свое социально-экономическое положение[1].

Таблица 87

Социальная и производственно-экономическая структура крестьянского хозяйства скотоводческой специализации

Многомерные, производственно-экономические группы	Одномерные, социальные группы по числу коров			Всего
	II	III	IV	
Число дворов в группах				
2-я	22	24	5	51
3-я	10	25	13	48
4-я	1	4	27	32
Всего	33	53	45	131
Производственно-экономическая структура группы по числу коров, %				
2-я	66,7	45,3	11,1	38,9
3-я	30,3	47,2	28,9	36,6
4-я	3,0	7,5	60,0	24,5
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

Для этого им было необходимо дополнительно продавать свою рабочую силу. Реально улучшить свое положение могла лишь треть дворов II группы, попавших в многомерную классификацию. Они имели уровень хозяйственной мощности, соответствующий 3-й группе.

Примерно половина дворов средней, III группы (53,2% зерновой специализации и 47,2% в животноводческой) попала в 3-ю среднюю группу по производственно-экономическому уровню и имела достаточно твердое социально-экономическое положение. Вместе с тем 37,1–45,3% середняцких дворов могли при неблагоприятных условиях опуститься в группу бедняков. На это указывает их одновременная принадлежность ко 2-й многомерной группе. Верхняя часть середняков (7,5–9,7%) относилась к высшей, 4-й группе по уровню хозяйственной мощности и реально претендовала на значительное повышение своего социального статуса.

В многопосевных и многокоровных IV группах выделяется нижняя часть хозяйств. К ней относятся 11,1–16% дворов, входящих во 2-ю группу по уровню экономической мощности, и 28,9–36% дворов, чей уровень соответствовал 3-й группе. Дворы 2-й группы, очевидно, поднялись благода-

[1] К ним следует присоединить 18 земледельческих и 21 животноводческий двор, отнесенные в 1-е многомерные группы.

ря неучтенным переписью 1901 г. промыслам и торговле, другие – чрезмерным напряжением труда семейных работников. Однако их благополучное положение было неустойчивым и они могли попасть в слой середняков. Твердое положение имела примерно половина хозяйств зажиточной IV группы (48–60%). Именно эта группа зажиточных дворов обладала реальной возможностью превратиться в будущем в чисто предпринимательские хозяйства. Их доля среди всех хозяйств составляла 10–15%.

В целом для системы крестьянских хозяйств Западной Сибири была характерна довольно высокая межгрупповая социальная мобильность. Ее объективной основой являлись различия хозяйств в уровне экономической мощности и несовпадение производственно-экономической структуры дворов с их реальной социально-экономической (статусной) группировкой. Это толкало земледельцев к улучшению своего социально-экономического статуса и достижению крестьянского идеала достаточного (состоятельного) хозяйства путем повышения уровня его производственно-экономической мощности или усилением напряженности своего труда. Главным источником и движущей силой данного социально-культурного процесса являлись ценностно-трудовая основа экономического менталитета хозяйствующих крестьян и семейный труд.

Социальная межгрупповая мобильность – признак социокультурной и экономической однородности крестьянских хозяйств различных социальных групп. Особенно ярко об этом свидетельствует взаимное перемещение дворов бедной II и средней III групп: 30,3–32,3% бедных дворов готовы переместиться в среднюю группу и 37,1–45,3% средних дворов могут при неблагоприятных условиях перейти в группу бедняков. Менее широк, но столь же социально значим взаимный переток дворов середняцкой и зажиточной групп: 7,5–9,7% средних хозяйств имеют возможность подняться в разряд богатых; половина достаточных дворов может опуститься в группу середняков. Своеобразным социально-экономическим центром межгрупповых перемещений являлась средняя, 3-я производственно-экономическая группа. Она включала 36,6–42,7% дворов. Хозяйства данной группы пропорционально входили во все рассматриваемые социальные группы: 30,3–32,3% – во II бедную; 47,2–53,2% – в III середняцкую и 28,9–36% в IV зажиточную. В свою очередь, IV группа включала не только дворы экономически наиболее мощной 4-й группы, но и хозяйства из 2-й (11,1–16%) и 3-й групп (28,9–36%).

В общем, изучение межгрупповой мобильности, так же как и предшествующий анализ, показало, что состоятельные дворы являлись органич-

ной (однородной) частью всей системы мелкотоварных крестьянских хозяйств. Следовательно, зажиточное хозяйство имело мелкотоварную семейно-трудовую природу и предпринимательство входило в него как подчиненная культурно-хозяйственная подсистема.

Определение места зажиточной группы в общей системе крестьянских хозяйств по оси фактора «уровень производственно-экономической мощности» – необходимое, но неполное исследование, допускающее некоторую свободу интерпретации. Это связано с тем, что в группе состоятельных дворов производственно-экономическая мощь хозяйства включает не только мелкотоварно-потребительское, но и предпринимательское содержание. Кроме того, в зажиточной группе обеих специализаций есть дворы, несколько выпадающие из общей картины (4 земледельческих и 3 скотоводческих двора). Индексы их экономической мощности превышают уровень 2,500. Поэтому следует решить задачу более системно: рассмотреть в геометрическом (графическом) представлении положение (факторные веса) дворов в двухмерном пространстве первых четырех факторов, объясняющих 78–80% влияния (дисперсии всех признаков).

Предварительно определим область значений, показывающих общинное положение дворов по осям потребительских и рыночных факторов, в системе координат которых зажиточная группа дворов должна входить в общую совокупность мелкотоварных крестьянских хозяйств как ее однородная часть. Такой подход дает возможность выработать количественные критерии, которые позволят отнести состоятельные хозяйства к мелкотоварному типу или выделить их основную часть в самостоятельную предпринимательскую группу.

Как показал предварительный анализ, крестьянские хозяйства расположились по осям общих факторов единой целостной группой, в виде довольно компактной области с очень плотным ядром, в которое входили дворы всех анализируемых социально-экономических групп. Эта фактически общинная область значений факторных характеристик положения дворов в пространстве семи главных факторов[1] охватывает 97–98% всех хозяйств. В положительной части интервала типические мелкотоварные значения индексов дворов по данным факторам достигают величины 2,5. Другими словами, традиционно-общинная область значений по всем факторам находится в пределах до 2,500.

[1] Они давали 78–80% влияния на формирование внутренней структуры крестьянских хозяйств.

Обратимся к главному фактору производственно-экономической мощности. По нему крестьянские хозяйства также образовали в пределах интервала до величины 2,500 достаточно компактное скопление, в которое вошли 92–94% зажиточных дворов. Это свидетельствует о том, что абсолютное большинство состоятельных крестьян вело мелкотоварное предпринимательское хозяйство.

Вместе с тем 6–8% зажиточных дворов (4 земледельческих и 5 животноводческих) обладали более высокой экономической мощью. Потенциально данные крупнокрестьянские дворохозяйства, составляющие 2–3% от числа всех хозяйств, могли развиваться по индивидуально-семейному фермерскому пути. Однако анализ факторных весов дворов по другим производственно-экономическим обобщенным характеристикам выявил, что они в целом находились в пределах традиционно-общинных значений (табл. 87). Это, с известными оговорками, также позволяет их отнести к общинному мелкотоварному типу предпринимательских хозяйств и сделать вывод об общинной форме их аграрной эволюции.

Таблица 87

Положение потенциально фермерских крупнокрестьянских хозяйств в пространстве главных общих факторов-подсистем (факторные веса дворов)

Производственно-экономическая мощность (26–29% влияния)	Рыночно-капиталистическая адаптационная подсистема (15–17% влияния)	Природно-хозяйственная адаптационная подсистема (8–9% влияния)	Природная рыночно-специализированная адаптационная подсистема (9–10% влияния)	Кормовая база (7–9% влияния)	Семейно-трудовая подсистема (5% влияния)	Демографическая семейная и трудовая подсистема (4–5% влияния)
Земледельческие дворы						
2,629	0,503	–0,403	–0,184	2,977	–1,113	0,229
3,365	–0,352	–0,913	–1,939	–1,201	0,209	–0,631
4,270	–0,216	–1,037	1,486	0,714	1,249	–0,328
6,238	–0,174	2,626	0,503	–1,491	–0,723	–0,513
Скотоводческие дворы						
2,925	1,335	–0,556	0,265	–1,256	–0,138	–1,983
3,068	–0,225	–0,236	–1,483	0,530	0,099	–0,547
3,091	0,219	0,267	–0,007	–2,442	–2,325	–1,308
3,274	–1,939	1,232	–0,437	0,715	1,512	–3,425
3,390	2,549	–0,619	0,050	0,374	0,147	0,442

Рассмотрим далее проблему оценки социально-экономического характера предпринимательства и внутренней экономической природы зажи-

точного крестьянского хозяйства на основе сведений сельскохозяйственной переписи 1916 г. Ее западносибирские материалы содержат сведения о сроковой и постоянной формах найма. Это дает возможность решить поставленную задачу без обращения к многомерному факторному анализу[1].

Проведенное исследование найма в зажиточных дворах показало его предпринимательскую природу и постепенное перерастание в системообразующий элемент хозяйствования. Теперь следует определить, стал ли наем преобладающей формой труда[2], ибо только это позволит решить вопрос о том, произошло ли превращение западносибирского крестьянина-предпринимателя в сельскохозяйственного капиталиста.

С этой целью обратимся к данным табл. 71 и 74, из них следует, что в крупнокрестьянском хозяйстве взаимозависимости между наймом и основными производственными компонентами (тягловый скот, посевы, молочный скот) в расчете на 1 двор и на 1 душу были значительно ниже 0,7 (на уровне 0,3–0,5). Это свидетельствует о преобладающей роли труда семейных рабочих.

Есть и другие доказательства, которые основаны на сопоставлении типов социально-трудовых структур крестьянского и капиталистического типов аграрных предприятий. Для семейно-трудового земледельческого хозяйства характерно наличие прямой взаимосвязи между производственными показателями и числом семейных работников. В зажиточном крестьянском дворохозяйстве к этому добавляется прямая взаимозависимость производственных элементов и растущего наемного труда. В момент, когда количество наемных работников превысит число семейных, прямая взаимозависимость размеров производства и найма сохранится, а взаимообусловленность между производством и числом семейных рабочих изменится: она станет обратной или потеряет свое значение. Следовательно, для внутреннего строя капиталистического аграрного хозяйства характерно наличие прямой взаимосвязи между производством и наймом и обратной (либо незначимой) – между производством и семейными работниками. Крупнокрестьянскому предприятию присуща прямая связь производства как с наемным, так и с семейным трудом.

Как было выяснено, внутреннему строю зажиточного земледельческого предприятия одновременно были свойственны прямые связи производствен-

[1] Можно с уверенностью предположить, что многомерный факторный анализ данных переписи 1916 г. даст аналогичные результаты, поскольку корреляционные структуры крестьянского хозяйства 1901 и 1916 гг. однородны.

[2] Представительных прямых данных о соотношении семейного и наемного труда в источниках нет.

ных компонентов с обеими категориями рабочих ресурсов. Следовательно, в крупном крестьянском хозяйстве главную роль играл труд семейных работников и оно сохраняло семейно-трудовой мелкотоварный характер.

В подтверждение этого очень важного вывода можно привести иллюстративные бюджетные данные по 4 зажиточным крестьянским предприятиям Томской губернии за 1911/12 сельскохозяйственный год (табл. 88).

Таблица 88

Соотношение семейного и наемного труда в зажиточных крестьянских хозяйствах Западной Сибири по данным бюджетного обследования 1912/13 г.*

Показатели	Среднее зажиточное хозяйство лесостепи		Бюджетное хозяйство			
			степи	лесостепи		тайги
	Зерновая специализация	Молочная специализация	№ 1	№ 2	№ 3	№ 4
Рабочий скот, голов	6,5	6,3	15	12	9	15
Посев, дес.	24,0	10,2	26	21	36	15
Коровы, голов	3,6	9,7	15	18	10	10
Затрачено человеко-дней:						
семейных работников	–	–	749	748	618	1040
наемных рабочих	–	–	764	680	475	269

*Источник: Переселенцы, приселившиеся к старожилам, и старожилы Алтайско-Томской части Сибири: Материалы статистико-экономического исследования, собранные и разработанные под руководством и редакцией В.Я. Нагнибеды. Томск, 1927. С. 463, 477–479. (Подсчеты мои. – *П.Н.*). Всего полному бюджетному описанию было подвергнуто 21 старожильческое хозяйство.

Выбранные типические бюджетные хозяйства, как следует из их сопоставления со средними зажиточными дворами зернового и животноводческого типа, фактически представляли верхние слои сельских предпринимателей западносибирской деревни. Однако в большинстве из них семейный труд явно преобладал над наемным. Выделяется лишь степное бюджетное хозяйство, где труд рабочих со стороны использовался в большей мере. Но и здесь, если исключить не относившиеся к сфере сельскохозяйственного производства работы по дому, баланс будет в пользу семейного труда: 626 против 475. Представляется вполне правомерным экстраполировать эти результаты на среднее зажиточное хозяйство региона в целом. Полученные выводы также подтверждаются исследованием В.Н. Разгона, Д.В. Колдакова и К.А. Пожарской, основанным на обработке массовых данных сельскохозяйственной переписи 1917 г. по Алтайской губернии, содержащих сведения о количестве наемных работников в деревне[1].

[1] См.: *Разгон В.Н., Колдаков Д.В., Пожарская К.А.* Указ. соч. С. 37–39.

Процесс перерастания крупнокрестьянского хозяйства в собственно капиталистическое предприятие серьезно тормозился хозяйственно-культурным механизмом действовавшей в условиях господства рыночных отношений закономерности. Она проявлялась в том, что сельский предприниматель, стремясь расширить и удешевить производство продукта, предпочитал экономить на покупке труда наемных работников и в первую очередь вкладывал свободные деньги в приобретение средств производства[1].

Особенно остро данная закономерность проявлялась в условиях мелкотоварного крестьянского хозяйства, функционировавшего на основе очень ограниченных денежных средств. Поэтому для предприятия крестьянского типа самым естественным способом хозяйствования являлось более широкое и интенсивное использование менее дорогого (в смысле денежных издержек) семейного труда[2], сочетавшегося с интенсивным применением усовершенствованных сельскохозяйственных орудий и машин на конной тяге. Яркое выражение эта тенденция получила в зажиточном крестьянском хозяйстве Западной Сибири: 14,3–14,7% дворов высшей группы как зерновой, так и молочной специализации сосредоточили у себя 20,2–22,1% всех семейных рабочих (см. табл. 45, 46). Четверть самых богатых дворов в 1917 г. владела 40–90% разных видов усовершенствованного инвентаря[3].

Отмеченные особенности системы товарно-производственного хозяйствования, связанные со стремлением сельских предпринимателей ограничить использование наемного труда, хотя и обусловливались экономическими причинами, в общем коренились в традиционной общекрестьянской ментальности, требовавшей вести хозяйство и накапливать собственность своим трудом. Это – существенное духовно-культурное свидетельство традиционного мелкотоварного характера сформировавшейся в зажиточных крестьянских дворах предпринимательской подсистемы хозяйствования.

Подводя итоги факторного анализа и оценки роли наемного труда, можно вполне обоснованно утверждать, что в начале XX в. зажиточные дворы являлись органичной частью всей системы мелкотоварно-потребительских хозяйств региона. Сложившаяся в них предпринимательская система хозяйствования выросла на основе семейно-потребительского хозяйства как социально-экономическая адаптационная подсистема и имела мелкотоварную природу. Она играла подчиненную роль, работая на удовлетворение коренных личных и хозяйственных потребностей крестьянской семьи.

---

[1] См.: *Маркс К.* Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25, ч. 2. С. 245.
[2] См.: *Чаянов А.В.* Организация крестьянского хозяйства… С. 372–373, 393.
[3] См.: *Разгон В.Н., Колдаков Д.В., Пожарская К.А.* Указ. соч. С. 33–34.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На рубеже XIX–XX вв., с проведением Сибирской железной дороги, мелкотоварное семейно-трудовое хозяйство Западной Сибири включилось в систему общероссийского капиталистического рынка. Первыми в единую народнохозяйственную систему страны вошли зажиточные и средние крестьянские хозяйства. Вместе с ними в данный процесс втянулись бедные дворы зерновой специализации. Скотоводческие хозяйства бедной группы присоединились к единому рынку позже, с переходом на молочно-маслодельческую специализацию.

Интеграцию экономики западносибирской деревни в общероссийский аграрный рынок резко ускорило ее социально-экономическое развитие на основе товарно-денежных отношений. Интенсивное движение крестьянского хозяйства региона по товарно-рыночному экономическому пути являлось, по сути, сложным процессом циклического воспроизводства и развития традиционной системы хозяйствования, происходившим в условиях воздействия единого общероссийского рынка.

Общее состояние экономики западносибирской деревни начала XX в. в целом определялось обеспеченностью земледельческих дворов производственно-техническими ресурсами и степенью их вовлеченности в товарно-денежные отношения. Усиленное влияние рыночных отношений, сочетавшееся с процессом демографической дифференциации крестьянских семей, углубило и закрепило сложившуюся в последней трети XIX столетия традиционную социально-экономическую структуру деревни, которую составляли группы бедных (40–45%), средних (30–35%) и богатых хозяйств (около 25%, включая дворы зажиточных середняков). Зажиточная группа дворохозяйств имела наибольшую экономическую мощь. Душевой уровень обеспеченности производственно-техническими ресурсами (рабочим, продуктивным скотом, посевами, кормами и др.) был в ней в 2–2,5 раза выше среднего и примерно в 4–5 раз превосходил уровень бедных дворов. Состоятельные домохозяйства производили примерно 60% всей сельскохозяйственной продукции; средние и бедняцкие дворы – соответственно 25–30 и 10–15%.

Значительное преобладание зажиточных крестьянских хозяйств в сфере сельскохозяйственного производства, несомненно, свидетельствует о том, что в них, наряду с базисной семейно-потребительской системой хозяйствования, складывалась предпринимательская экономическая культура. На это также указывает господство состоятельных хозяев в аренде (60%) и использовании труда годовых и сроковых наемных рабочих (70–95%). В массе бедных и средних домохозяйств безусловно доминировала семейно-потребительская система экономики.

Экономический строй крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX столетия представлял собой структуру, которая сложилась в результате взаимодействия традиционной семейно-потребительской системы хозяйствования и внешнего рыночно-капиталистического фактора, выражавшего влияние общей народнохозяйственной системы. Под разрушающим воздействием рынка в рамках традиционного крестьянского хозяйства сформировалась адаптационная рыночно-капиталистическая подсистема, которая должна была обеспечить его устойчивое функционирование и развитие в новых условиях единого общероссийского рынка. Таким образом, внутренняя производственно-экономическая структура мелкотоварного земледельческого предприятия являлась целостно-интегральным выражением взаимодействия базисной мелкотоварной семейно-трудовой системы хозяйствования и инновационной (рыночной) экономической подсистемы, подчиненной общим потребительским целям хозяйства. Следовательно, природа внутреннего строя в различных социально-экономических группах крестьянских хозяйств зависела от системного соотношения (соподчиненности) традиционной и рыночной подсистем хозяйствования.

Внутренний строй семейно-трудового крестьянского хозяйства в производственно-потребительном плане включал взаимосвязи между размерами семьи, семейными работниками и производственно-техническими показателями (скот, посевы и др.). Согласно структурным данным, величина семьи не определяла размеров земледельческого производства. Главную роль в развитии производства в системе семейно-потребительского хозяйства играли его материально-техническая база и семейная рабочая сила. Во всех группах дворов и в крестьянском хозяйстве в целом взаимосвязи между производственными компонентами: рабочими лошадьми, продуктивным скотом и посевами во всех аспектах (на 1 двор, 1 душу работника и производственную единицу (1 голову скота, 1 дес. посева) имели значения на уровне 0,7 и выше. Это свидетельствует о том, что функционирование и развитие производственной базы крестьянского

хозяйства региона определялось воздействием очень сильного внешнего экономического фактора – системы общероссийского товарного рынка. Производственно-технический строй хозяйства всех социальных групп западносибирского крестьянства в начале XX в. был подчинен регулирующему влиянию закономерностей товарно-капиталистического рынка. Следовательно, большинство земледельческих предприятий, расположенных в обширной зоне влияния Сибирской железной дороги и магистральных речных путей, развивали свое товарное производство с учетом современных рыночных требований. Они в целом поддерживали производственные издержки (производственные фонды) на уровне общественно необходимых затрат и получали среднюю прибыль (чистый доход), гарантировавшую устойчивость хозяйства.

Массовое системное приспособление земледельцев к новым капиталистическим условиям, по существу, являлось формой социокультурной адаптации семейно-трудового хозяйства к резко усложнившейся социальной среде. Выработанную традиционной экономической культурой адаптационную рыночно-капиталистическую подсистему в производственной структуре крестьянского хозяйства наиболее чисто (без серьезного влияния других факторов) выражали взаимосвязи показателей фондовооруженности. Адаптационная форма включения земледельческих дворохозяйств в сферу рыночно-капиталистических отношений обеспечивала сохранение традиционной семейно-потребительской системы хозяйствования и ее устойчивое воспроизводство и развитие в динамично изменявшейся социально-экономической среде.

Экономическое воспроизводство являлось основой процессов функционирования и развития крестьянского хозяйства. Реальный процесс воспроизводства земледельческих предприятий региона начала XX в. являлся интегральным результатом взаимодействия воспроизводства мелкотоварной семейно-потребительской системы хозяйствования и рыночных факторов, проявлявшихся во взаимосвязях производственно-технических признаков. Сущность данного взаимодействия состояла в том, что крестьяне обеспечивали устойчивое воспроизводство своего традиционного хозяйства, опираясь на его материальные, трудовые, культурные ресурсы и одновременно ориентируясь на общественно необходимые рыночные требования и даваемые товарно-капиталистическими отношениями преимущества (доходы от продажи и покупки наемного труда, использование произведенного промышленностью сельскохозяйственного инвентаря и т.д.).

Бедные крестьянские дворы обладали недостаточными для традиционного воспроизводства материально-техническими ресурсами. Поэтому они расширяли свое производство и поднимали его уровень путем повышения обеспеченности рабочим и продуктивным скотом, кормами и увеличивая затраты труда собственных работников. Обладая из-за нехватки средств производства излишками семейной рабочей силы, они сдавали ее в наем зажиточным хозяевам, вкладывая полученные денежные средства в расширение производственно-технической базы хозяйства. Источником для удовлетворения личных потребностей служило собственное производство. В общем, все производственные усилия бедняков были направлены на воссоздание и обеспечение полноты и целостности простого воспроизводства, свойственного полнокровному земледельческому хозяйству. Стремясь реализовать свой общинный хозяйственный идеал, бедные крестьяне в ущерб специализации развивали сбалансированное мелкотоварное потребительское хозяйство. Экономическое поведение бедняков, несмотря на определенную хозяйственную неполноценность, было традиционно-крестьянским.

Средние крестьяне были обеспечены средствами производства в достаточной степени. Тем не менее производственный процесс (воспроизводство) в их дворохозяйствах обусловливался теми же факторами: в зерновой специализации – рабочим скотом и количеством необходимых для него кормов; в скотоводческой – кормовой базой для продуктивного скота. Достаточно существенную роль в развитии товарного производства играла обеспеченность семейной рабочей силой. Нижний слой середняков боролся за достижение простого воспроизводства; более зажиточные хозяева – за повышение в процессе простого воспроизводства уровня личного и производственного потребления. Большое значение также придавалось созданию достаточных страховых запасов хлеба и сена. Все это предопределило прочную сбалансированность середняцкого хозяйства в товарно-потребительском аспекте и создало условия для формирования устойчивой рыночной специализации, которая поддерживалась перенапряжением сил семейных работников. Неспециализированная отрасль имела товарно-потребительское значение. В целом среднее земледельческое хозяйство региона представляло собой стабильно воспроизводившийся на собственной материальной и трудовой основе тип традиционного семейно-потребительского, мелкотоварного хозяйства с явно выраженной ориентацией на общероссийский рынок.

Зажиточные крестьянские хозяйства региона имели производственно-техническую базу, превышавшую необходимый (средний) уровень примерно в 2 раза. Поэтому их экономическое функционирование и развитие происходило в рамках расширенного воспроизводства, основанного на постоянном росте производства, который обусловливался увеличением доли и объемов производственных расходов. Расширение производства в состоятельных крестьянских дворах обеспечивалось повышением уровня оснащенности тягловым скотом в зерновой специализации и ростом кормовой базы для продуктивного скота – в хозяйствах скотоводческого направления. Определенную роль играл фактор увеличения семейной рабочей силы. Однако в силу его ограниченности решающее значение приобрели чисто предпринимательские факторы: повышение капиталовооруженности и производительности труда, расширение применения усовершенствованного инвентаря и снижение издержек живого труда, совершенствование традиционных систем земледелия и скотоводства, а также все более широкое использование труда наемных рабочих. Увеличение производственных расходов позволяло постоянно получать значительный излишек над необходимым продуктом, преобладающая часть которого вновь направлялась на расширение производства: приобретение живого и мертвого инвентаря, расширение землепользования (включая аренду пашни и сенокосов) и покупку наемной рабочей силы. В результате все большая часть чистого дохода принимала форму предпринимательской прибыли. Это свидетельствует о том, что в конце XIX – начале XX в. в зажиточном крестьянском хозяйстве Западной Сибири сформировалась устойчивая предпринимательская система хозяйствования, связанная с включением сельского хозяйства региона в общероссийский капиталистический рынок. В крупных зерновых хозяйствах в орбиту предпринимательства было также включено мясное скотоводство. В зажиточных скотоводческих дворах система предпринимательского хозяйствования опиралась только на профильную, животноводческую отрасль: в конце XIX в. – на мясо-молочное направление и в течение начального периода XX в. – на молочно-маслодельческую специализацию. Предпринимательская система хозяйствования в крупнокрестьянских дворах выросла в рамках мелкотоварной семейно-потребительской экономической культуры. Она сочеталась с традиционной системой хозяйствования.

Процесс воспроизводства земледельческого хозяйства в целом происходил на традиционной экономико-культурной основе. Помимо воспроизводства, большое влияние на внутреннюю структуру и развитие эконо-

мики крестьянских хозяйств региона оказывали аренда земли и наемный труд, выражавшие воздействие утвердившихся в стране рыночно-капиталистических отношений. Как и другие аспекты крестьянского хозяйства, аренда и наем несли на себе «отпечаток» целостно-системной природы его внутреннего строя.

Аренда земли в бедных и средних дворах вызывалась нехваткой собственной земли и имела мелкотоварную потребительскую природу. Она обслуживала господствовавшую в основной массе крестьянских хозяйств Западной Сибири традиционную семейно-трудовую систему хозяйствования. В зажиточной группе потребительские черты сочетались с предпринимательством. В целом преобладала предпринимательская мотивация, связанная с необходимостью обеспечить земельными угодьями расширенное воспроизводство хозяйства. Аренда в крупнокрестьянских дворах носила мелкотоварный предпринимательский характер и являлась компонентом предпринимательской системы хозяйствования.

Использование наемного труда было распространенным явлением в сибирской деревне. Земледельческие дворы бедной и средней групп нанимали работников со стороны при недостатке собственной рабочей силы для обеспечения производства необходимого продукта. Потребительский по форме, вынужденный наем, таким образом, становился частью традиционной хозяйственной системы и служил ее целям. В зажиточных хозяйствах преобладали предпринимательские причины найма. Потребность в наемном труде была здесь результатом недостатка семейной рабочей силы, который возникал в связи с постоянным ростом производства, осуществлявшегося с целью увеличения чистого дохода (прибыли). Поэтому наемный труд в крупных крестьянских дворах применялся все более широко, становясь органичной частью предпринимательской системы хозяйствования. Вместе с тем в начале XX в. труд наемных работников в зажиточном крестьянском хозяйстве региона не был преобладающим. Его трудовой основой по-прежнему являлись семейные работники. Это свидетельствует о мелкотоварном характере крестьянского предпринимательства.

Вхождение семейно-трудового крестьянского хозяйства Западной Сибири в состав единого общероссийского рынка дало сильный импульс его модернизации. Главным внутрихозяйственным объектом модернизации являлась включенная в систему современных рыночных отношений производственно-техническая структура. Внутренним материальным источником и движущей силой модернизационного процесса служила сформи-

ровавшаяся на основе материальной базы традиционного мелкотоварного производства адаптационная рыночно-капиталистическая подсистема.

Экономическая модернизация западносибирской деревни в начале XX в. выражалась в развитии торгово-рыночной специализации и рационализации производственно-технической базы земледельческих хозяйств. В зажиточных дворах она также проявлялась в росте применения хозяйственных инноваций и наемного труда.

Общий для всех крестьянских предприятий процесс развития товарно-производственной специализации происходил путем расширения, совершенствования и углубления специализированной рыночной отрасли хозяйства и постепенного сокращения его вспомогательного внутрипотребительского направления. В земледельческих дворах росли размеры и уровень зернового производства, увеличивалась доля товарных культур, улучшалась сложившаяся система кормов для рабочего скота. Зажиточные хозяева увеличивали долю коров в стаде, интенсифицировали залежно-паровую систему земледелия. Доля животноводства сокращалась. В хозяйствах скотоводческого направления развитие рыночной специализации осуществлялось в форме перехода от мясо-молочной к более интенсивной молочно-маслодельческой форме животноводства. Процесс интенсификации скотоводства сочетался с увеличением доли молочных коров и улучшением традиционной кормовой базы продуктивного скота. Уровень зерновой отрасли понижался. Развитие специализации в земледельческих и животноводческих хозяйствах региона в исследуемый период в целом сопровождалось относительным уменьшением поголовья рабочего и продуктивного скота, связанным с освобождением от его нерациональных излишков.

Вместе с углублением торговой специализации происходило повышение капиталовооруженности крестьянских хозяйств. Увеличение их капиталооснащенности способствовало росту производительности и эффективности труда семейных работников. Излишки капиталовооруженности, возникавшие в зажиточных дворах, давали им возможность расширять применение наемного труда. Все это создавало прочную основу для стабильного развития предпринимательской системы в крупнокрестьянских хозяйствах.

Существенной стороной модернизации крестьянского хозяйства региона являлась рационализация его производственно-технической базы. Она обеспечивала наиболее оптимальное сочетание производственных компонентов хозяйства, которое главной материальной предпосылкой

поддержания производственных издержек на уровне общественно необходимых затрат. Рационализация производственных фондов крестьянских хозяйств осуществлялась путем сокращения приходящейся на них доли рабочего скота и увеличения расходов на мертвый инвентарь, хозяйственные постройки, совершенствование систем земледелия, скотоводства, аренду и наем. Вместе с этим в производственных фондах повышалась доля расходов на специализированную, рыночную отрасль хозяйства. Рыночная оптимизация производственно-технической базы опиралась на определенный социальный тип модернизационного трудового поведения. В хозяйствах бедняков и середняков рационализация сочеталась с интенсификацией и перенапряжением труда семейных работников, в состоятельных дворах – с основанным на высокой капиталовооруженности семейным трудом, который соединялся с расширенным применением наемного труда и дальнейшим развитием предпринимательской системы хозяйствования.

Происходившие в начале XX в. модернизационные процессы не изменили сущностно-содержательной природы хозяйственного строя западносибирской деревни. Среди скрытых факторов, сформировавших внутреннюю структуру крестьянского хозяйства, решающую роль играли факторы (подсистемы), представлявшие традиционную хозяйственную систему: производственно-экономическая мощность хозяйства, природный и производственный (50% его величины) адаптационные факторы системы, кормовая база, семейно-трудовые ресурсы, демографическая и продовольственная подсистемы. Их совокупное влияние составило 62–63%. Роль рыночно-капиталистической адаптационной подсистемы была значительно меньше: 20–21%. Стало быть, в крестьянском хозяйстве региона господствовала традиционная семейно-потребительская система хозяйствования. Она подчиняла себе рыночно-капиталистическую хозяйственную подсистему и направляла ее на стабильное удовлетворение личных и производственных потребностей земледельцев. Следовательно, внутренний строй крестьянских хозяйств региона имел традиционную (некапиталистическую) мелкотоварную семейно-потребительскую природу.

Однако безоговорочно это принципиальное положение можно распространить только на хозяйства бедняков и середняков. Зажиточную группу дворов отличало наличие устойчивой предпринимательской системы. Она сложилась в результате развития относительно мощной мелкотоварной производственной основы богатых дворохозяйств в условиях общероссийского рынка и была ее неотъемлемой частью. Во внутри-

структурном плане предпринимательская система являлась интегральным итогом взаимодействия традиционной системы хозяйствования и адаптационной рыночно-капиталистической подсистемы. Традиционную экономическую систему, которая была основой экономики крестьянского двора, целостно представлял системообразующий фактор (подсистема) экономической мощности хозяйства. Абсолютное большинство состоятельных домохозяйств (92–94%) компактно располагалось по данному фактору в общей, традиционной области значений, свойственных мелкотоварным семейно-трудовым хозяйствам. За пределы традиционных значений вышли лишь 6–8% самых мощных дворов (2–3% всего количества дворохозяйств). Они, однако, по другим факторам занимали нормальное (среднеобщинное) положение. Следовательно, вся экономическая основа зажиточных дворов, которую совокупно составляли традиционная и предпринимательская системы хозяйствования, имела в целом мелкотоварную (некапиталистическую) природу. Предпринимательская деятельность велась зажиточными домохозяевами в рамках традиционной экономической системы и была направлена на удовлетворение коренных потребностей крестьянской семьи. Стало быть, предпринимательская система относительно традиционного хозяйственного уклада занимала подчиненное положение и носила мелкотоварный (некапиталистический) характер. О мелкотоварной сущности крестьянского предпринимательства также свидетельствует преобладание в состоятельных дворах семейного труда над трудом наемных работников.

Таким образом, внутренний социально-экономический строй крестьянского хозяйства Западной Сибири конца XIX – начала XX в. имел традиционно-общинную, семейно-трудовую, мелкотоварную потребительскую природу.

На рубеже веков традиционное земледельческое хозяйство вовлеклось в систему рыночно-капиталистических отношений. В результате его производственно-техническая структура была подчинена регулирующему воздействию рынка и на ее основе образовалась адаптационная социально-рыночная подсистема, которая приспособляла традиционную систему хозяйствования к новой экономической среде. Она обеспечивала устойчивое воспроизводство и развитие семейно-трудового крестьянского хозяйства и вписывала его в систему современных рыночных отношений.

Адаптационная рыночная подсистема, будучи продуктом влияния общей народнохозяйственной системы товарно-денежных отношений,

являлась также внутренней основой осуществлявшейся земледельцами модификации своих хозяйств. Это предопределило адаптационную форму крестьянской экономической модернизации. В производственном аспекте ее главное содержание составляли углубление отраслевой специализации, рационализация материально-технической базы и совершенствование структуры производственных фондов хозяйства в товарно-рыночном направлении. Зажиточные крестьяне применяли инновационные элементы, улучшавшие систему хозяйствования. Они вкладывали определенные средства в интенсификацию систем земледелия и скотоводства, аренду земли, совершенствование кормовой базы хозяйства, расширение использования усовершенствованного инвентаря и наемного труда и др. В целом модернизация проводилась на традиционном базисе: путем усиления сбалансированности компонентов имевшейся производственно-технической базы, сокращения нерациональных излишков скота и избытка натуральных хозяйственных и страховых запасов, а также на основе рациональной перестройки традиционных хозяйственных подсистем (сокращение неспециализированных отраслей, увеличение доли товарных зерновых культур и видов продуктивного скота и др.).

Модернизация производственно-технической базы земледельческого хозяйства опиралась на модифицированные социально-трудовые процессы и формы трудового поведения: сокращение нерационального труда и издержек живого труда, рост доли квалифицированного труда, увеличение объемов и интенсификации семейного труда, расширение использования труда наемных работников.

Социально-экономическая модернизация экономики западносибирской деревни способствовала формированию и развитию предпринимательской системы хозяйствования. В итоге в семейно-трудовых земледельческих предприятиях региона утвердились два основных экономических типа: мелкотоварно-потребительские и мелкотоварно-предпринимательские хозяйства. В первую группу вошли бедные и средние дворы, во вторую – зажиточные. Авангардная роль в модернизационных процессах принадлежала предпринимательским дворам.

Предпринимательская система хозяйствования базировалась на высоком уровне обеспеченности материально-техническими ресурсами и обусловливалась стремлением зажиточных хозяев повысить уровень жизни семьи. Предпринимательская мотивация основывалась на традиционном крестьянском идеале трудового материального достатка. Очень важным фактором, толкавшим крестьян к предпринимательству и хозяйственному

накоплению, являлась социокультурная необходимость обеспечить будущее взрослых детей при их выделении или разделах хозяйства. Определенное влияние оказывало также понимание крестьянами государственного и общественного значения их рыночно-хозяйственной деятельности.

Предпринимательством в той или иной степени занимались до четверти сельских хозяев. Но достаточным производственным потенциалом, который необходим для устойчивого системного ведения предпринимательских дел, обладала только половина из них, что составляло 12–14% от числа всех хозяйств. В массе зажиточных дворов с устойчивой предпринимательской тенденцией развития примерно 6–8% хозяйств имели очень высокий экономический потенциал (мощность), выходивший за пределы общинного мелкотоварного типа. При соответствующих социокультурных и экономических условиях эта группа, представлявшая 2–3% от числа всех крестьянских хозяйств региона, могла, очевидно, эволюционировать в предприятия чисто капиталистического, фермерского типа. Однако данные по традиционно-экономическим и потребительским факторам (природно-адаптационный, кормовая база, семейно-трудовые ресурсы, демографический и продовольственный) не подтверждают этого предположения. Самые мощные дворы располагались по ним в традиционно-общинной области значений. Это свидетельствует в пользу принадлежности данных хозяйств к общекрестьянской общинной тенденции (форме) социально-экономического развития.

Таким образом, сибирская крестьянская община выступала не только в качестве земельно-распорядительного субъекта и организатора экономической жизни деревни, но и как коллективный рыночно-хозяйственный субъект, отстаивавший общие интересы земледельцев во внешней макроэкономической среде. Экономическую субъектность общины представляла общегрупповая внутренняя структура крестьянских хозяйств. Сравнительно с хозяйственным строем отдельных групп она имела наиболее сбалансированный вид и стабильный характер. Главную роль в складывании общей экономической структуры деревни играли дворохозяйства середняков и зажиточных крестьян, дававшие 80–85% валовой и более 95% товарной продукции. Община формировала общедеревенский стандарт рыночно-хозяйственной деятельности и задавала ее уровень, необходимый для обеспечения общей устойчивости крестьянских хозяйств.

Господство общины и общинных социокультурных механизмов в процессах воспроизводства, социально-природной адаптации и инновационного развития традиционной хозяйственной культуры обусловило и

предопределило преобладание общего кооперативного и артельного пути экономической эволюции крестьянского хозяйства Западной Сибири в начале XX в. На 1916 г. различными формами кооперации было охвачено 50–60% крестьянских дворов региона. Наибольшую кооперативно-артельную активность проявлял коренной социокультурный массив крестьянства: середняки – 60–65% и зажиточные домохозяева – 65–75%. Достаточно серьезным было и участие бедняков – 40–45%. Доля бедняков, середняков и зажиточных крестьян среди кооперированных дворов была примерно одинаковой, соответственно 32–36%; 32% и 32–36%. Кооперативный путь эволюции хозяйства западносибирской деревни обеспечивал участие крестьян в системе рыночных отношений в качестве равноправного экономического субъекта; создавал оптимальные условия для модернизации производственно-технической базы земледельческих дворов и инновационного агрикультурного развития зажиточных предпринимательских хозяйств и в конечном счете формировал основы для устойчивого воспроизводства и развития семейно-трудового крестьянского хозяйства в современных народнохозяйственных условиях. Кооперация также являлась наиболее оптимальной формой, связывавшей хозяйственную деятельность крестьян с экономическими интересами государства и общества.

Экономическое развитие западносибирской деревни в начале XX в. представляло собой чистый крестьянский (некапиталистический) тип аграрной эволюции. Он осуществлялся в достаточно благоприятной для крестьянства социально-экономической обстановке – в условиях отсутствия помещичьих хозяйств, относительной земельной свободы и интенсивных земледельческих переселений, которые расширяли и укрепляли влияние традиционно-общинной хозяйственной культуры. Решающее значение для реализации крестьянского типа аграрного развития имело включение сельского хозяйства Сибири в состав общероссийского рынка.

По сути, чисто крестьянский (общинно-кооперативный) вариант аграрной эволюции являлся модернизацией традиционного семейно-трудового земледельческого хозяйства, которая проводилась крестьянами с целью его сохранения и обеспечения устойчивого развития. Модернизация осуществлялась путем адаптации к требованиям рынка производственно-технической структуры, семейно-трудовой основы хозяйства и использования преимуществ, создаваемых рыночной системой хозяйствования. Главным источником и движущей силой социально-трудовой и производственной модернизации земледельческих хозяйств являлась

модифицированная в свете рыночных требований система трудовых духовных ценностей и установок традиционного хозяйственного поведения крестьян.

Экономическая модернизация охватила все социальные группы земледельческих дворов. Она опиралась на традиционную общинную культуру и поэтому не нарушила социокультурной однородности западносибирской деревни. Это также свидетельствует об общинном характере крестьянской модернизации в Сибири. Община формировала ее социокультурную основу (механизм) и предопределила ее кооперативную форму. Кооперирование являлось главным социально-экономическим путем крестьянской модернизации. Потенциальные крестьяне-фермеры были частью социально-культурной и поземельной общины и вели свою экономическую деятельность в рамках традиционно-общинной хозяйственной культуры. Фермерский путь развития зажиточных земледельческих хозяйств не имел корней в крестьянской культуре Сибири и поэтому мог реализоваться лишь спорадически, в особо благоприятных социокультурных и экономических условиях, при всемерном содействии правительства.

Крестьянская аграрная эволюция представляла собой народный поток модернизации. Она исходила из самых глубин традиционного народного бытия, опиралась на вековой общинный и семейно-трудовой культурный базис и была направлена на осовременивание и сохранение материально-хозяйственного строя и духовно-культурного генотипа крестьянской жизни. Главным внутренним духовным источником и движущей силой народной модернизации служило ценностно-трудовое и православно-религиозное ядро традиционной крестьянской культуры. Народная модернизация стала ответом крестьянства на вызовы времени и представляла собой подлинно российскую, внутренне обусловленную социокультурную модель современной экономической эволюции, альтернативную западнической государственной модернизации.

ЛИТЕРАТУРА

ИСТОЧНИКИ

Архивные документы

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 391. Переселенческое управление Главного управления землеустройства и земледелия. Оп. 1. Д. 743, 829; Оп. 2. Д. 694, 716, 1152; Оп. 3. Д. 704, 705; Оп. 4. Д. 1422, 1515; Оп. 5. Д. 75, 102, 873, 899, 900; Оп. 6. Д. 8, 9, 17, 44, 108, 230; Оп. 7. Д. 2392; Оп. 10 Д. 9, 22, 33, 34. Ф. 1273. Комитет Сибирской железной дороги. Оп. 1. Д. 32. Ф. 1291. Земский отдел МВД. Оп. 30. Д. 33; Оп. 84. Д. 12, 16. Ф. 468. Кабинет Е.И.В. Оп. 22. Д. 1060.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1797. Министерство земледелия временного правительства. Оп. 1. Д. 389, 442, 443. Ф. 6809. Министерство земледелия. Особое совещание для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу. Оп. 1. Д. 4, 22, 52, 69. Ф. 9453. Статистический комитет Министерства земледелия. Оп. 1. Д. 2.

Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. 48. Помощник заведующего поземельно-устроительным и переселенческим делом в Тобольской губернии. Оп. 1. Д. 7.

Государственный архив г. Тобольска (ГАТ). Ф. 417. Тобольский губернский статистический комитет. Оп. 1. Д. 515, 522, 523, 575, 674, 717, 725, 727. Ф. 580. Заведующий поземельно-устроительным и переселенческим делом в Тобольской губернии. Оп. 1. Д. 984, 985.

Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Томское губернское правление. Оп. 44. Д. 568–2372; 2404–2499, 2732–2749, 2751–2757, 2759–2953. Ф. 234. Томский губернский статистический комитет. Оп. 1. Д. 296–299, 320, 437. Ф. 239. Томский переселенческий район. Оп. 12. Д. 3–4; Оп. 13. Д. 3а, 4, 5; Оп. 16. Д. 1–211; Оп. 17. Д. 4–7, 24–34, 35–52; Оп. 19. Д. 76.

Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК). Ф. 229. Алтайский губернский земельный комитет. Оп. 1. Д. 6, 23, 677, 936.

Статистические и описательно-статистические материалы

Алтайско-Томская часть Сибири по данным сельскохозяйственной переписи 1916 года: Материалы с.-х. переписи, собранные и разработанные под руководством и редакцией В.Я. Нагнибеда. Томск: Изд-во «Красное знамя», 1927. 217 с.

Атлас Азиатской России. СПб.: Переселенческое упр. Главное упр. землеустройства и земледелия, 1914. 27 с. 39 карт.

Ваганов Н.А. Хозяйственно-статистическое описание крестьянских волостей Алтайского округа. СПб.: [б. и.], 1886. Ч. I–IV. 462 с.

Виды на урожай хлебов и трав в 1915 году. Томск: Тип. В.М. Перельман, 1915. 11 с.

Волости и населенные места 1893 года. Вып. 12. Томская губерния. СПб.: Изд. Центр. стат. ком. Мин. внутренних дел, 1894. Т. 246, № 9. 116 с.

Вольский З.Д. Вся Сибирь: справочная книга по всем отраслям культурно-торговой и торгово-промышленной жизни. СПб.: [б. и.], 1908. 582 с.

Итоги сельскохозяйственной переписи 1916 г. в Акмолинской волости. Омск: [б. и.], 1916. 36 с.

Итоги сельскохозяйственной переписи 1916 г. Кишинёв: [б. и.], 1918. 21 с.

Календарь сибирской кооперации 1917 г. Томск: Изд. Ком. содействия сиб. кооперации при Том. об-ве изучения Сибири, 1916. 139 с.

Кауфман А.А. Хозяйственное положение переселенцев, водворенных на казенных землях Томской губернии, по данным произведенного в 1884 г. подворного исследования. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1895–1896. Т. 1, ч. 1. 1895. Т. 25, № 348. 177 с.; Т. 1, ч. 2. 1895. Т. 5, № 140. 81 с.; Т. 1, ч. 3. 1896. 487 с.; Т. 2, ч. 1.

Краткий обзор Степного края и 4-х сибирских губерний в сельскохозяйственном отношении за летний период. СПб.: Тип. Мин. внутренних дел, 1903. 50 с.; 3 л. карт.

Краткий обзор Степного края, Тургайской области, Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерний в сельскохозяйственном отношении. 1904 год. Летний и осенний период. СПб.: Электро-тип. Н.Я. Стойковой, 1905. 175 с.; 4 л. карт.

Краткий обзор Степного края, Тургайской области, Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерний в сельскохозяйственном отношении. 1905 год. СПб.: Электро-тип. Н.Я. Стойковой, 1906. 54 с.

Крестьянское хозяйство в России: Извлечение из описания хозяйств, удостоенных премий в память трехсотлетия царствования Дома Романовых: Азиатская Россия и Кавказ. Пг.: Изд-во ГУЗиЗ. Департамент земледелия, 1915. Т. 3. 198 с.

Мамырин Г. Краткие сведения о Томской губернии. 2-е изд. Полтава: Изд-во Бюро Южно-Рус. обл. земельной переселенческой орг., 1903. 35 с.

Материалы анкетного обследования кустарно-ремесленной промышленности Томской губернии. Томск: Том. губ. кустарный ком., 1915. 371 с.

Материалы для изучения быта переселенцев, водворённых в Тобольской губернии за 15 лет (с конца 70-х гг. до 1893 г.). М., 1895–1897. Т. 1: Историко-статистическое описание 100 поселков. 1895; Т. 2: Итоговые и комбинационные таблицы. 1897.

Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. СПб.: [б. и.], 1888–1889. Вып. 1–22.

Материалы по земельному вопросу в Азиатской России. Пг.: Изд. Переселенческого упр., 1918. Вып. 4: Итоги переселенческого дела за Уралом с 1906 по 1915 г. 41 с.

Материалы по исследованию арендного хозяйства в Алтайском округе / Сост. С.П. Швецов. Барнаул: Тип. И.Д. Реброва, 1896. Т. 1. 233 с.

Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Ялуторовского округа Тобольской губернии. М.: [б. и.], 1897. Т. 1.

Материалы по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Бийском округе / Сост. С.П. Швецов. Барнаул: Стат. отд. при Гл. упр. Алт. окр., 1898–1901. Вып. 1–4.

Материалы по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Томском округе / Сост. С.П. Швецов. Барнаул: Стат. отд. при Гл. упр. Алт. окр., 1899. Т. 1, вып. 1–2, № 439. 4 с.; Вып. 2. № 345. 3 с.

Материалы по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Томском округе / Сост. С.П. Швецов, П.М. Юхнев. Барнаул: Стат. отд. при Глав. упр. Алт. окр., 1898–1900. Т. 2, вып. 1: Население, жилища. 1898. XXXIII, 138 с.; Вып. 2: Землевладение и землепользование. 1898. 283, 15, 8, 4 с.; Вып. 3: Промыслы населения. 1900. 250, 18 с.; Вып. 4: Подати и повинность. 1900. 85 с.

Материалы по обследованию переселенческого хозяйства в Степном крае, Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях. СПб.: Изд. Переселенческого управления, 1905–1906. Ч. 1, вып. 19, 24; Ч. 2, вып. 32; Ч. 3, вып. 33.

Материалы по обследованию районов Сибирской железной дороги: Животноводство. Томск: Т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1901–1905. Вып. 1: Овцеводство в районе Западного участка Сибирской железной дороги. 1904. 237 с.; Вып. 2: Скотоводство в районе Западного участка Сибирской железной дороги. 1905. 146 с.

Материалы по экономическому исследованию внутренних водных путей. Пг.: Тип. МПС, 1916. Отдел второй: Сельское хозяйство в Алтайском округе. 327 с.

Могилянский Н.К. Из итогов сельскохозяйственной переписи 1916 г. Кишинёв: [б. и.], 1918. 22 с.

Нагнибеда В.Я. Неприписанные переселенцы в Томской губернии в 1909 году // Вопросы колонизации. 1911. № 9. С. 225–250.

Нагнибеда В.Я. Неприписанные переселенцы Томской губернии в 1910 году: (Итоги повторной переписи) // Вопросы колонизации. 1912. № 11. С. 283–298.

Нагнибеда В.Я. Организация Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 года в Алтайско-Томской части Сибири: (Краткий очерк). Томск: Том. губстатбюро, 1920. 33 с.

Нагнибеда В.Я. Сельское хозяйство Томской губернии. Томск: Тип. Томского-Нарымского союза тов-в, 1924. 135 с.

Нарымский край: Материалы статистико-экономического исследования 1910–1911 гг., собранные и разработанные под руководством и редакцией В.Я. Нагнибеда. Томск: Изд-во «Красное знамя», 1927.

Обзор Акмолинской области за 1895 г. Омск: Тип. Акмол. обл. правления, 1897. 90 с.; 14 л. прил.

Обзор Акмолинской области за 1914 г. Омск: Тип. Акмол. обл. правления, 1915. 76 с.; табл.

Обзор сельскохозяйственной жизни заселяемых районов Азиатской России за 1913 год по данным переселенческой текущей статистики: (районы: Тургайско-Уральский, Акмолинский, Тобольский, Томский, Енисейский и Иркутский). Год первый / Сост. П.П. Румянцев. СПб.: Типо-литогр. «Экономия», 1914. Т. 99, вып. 13. 486 с.

Обзор Тобольской губернии за 1901 г. (Приложение к всеподданнейшему отчёту). Тобольск: Изд. Тобол. губ. стат. ком., 1902. 44 с.; 40 л. табл.

Обзор Тобольской губернии за 1913 год. Тобольск: Изд. Тобол. губ. стат. ком., 1914. 40 с.; 40 л. табл.

Обзор Тобольской губернии за 1914 год. Тобольск: Изд. Тобол. губ. стат. ком., 1915. 40 с.; 40 л. табл.

Обзор Томской губернии за 1901 год. Томск: Изд. Том. губ. стат. ком., 1902. № 4. 55 с.; 42 л. табл.

Обзор Томской губернии за 1914 год в сельскохозяйственном отношении. Томск: Т-во «Печатня Яковлева», 1915. Т. 3, № 162. 273 с.

Обзор Томской губернии за 1916 год в сельскохозяйственном отношении. Томск: Том. губстстбюро, 1921. 233 с.

Окулич И.К. Указатель маслодельных заводов Западной Сибири в 1902 г. Томск: Изд-во Мин. земледелия и гос. имуществ, 1903. 243 с.

Описание Акмолинской области. Пг.: Тип. «Содружество», 1916. 74 с.; 1 л. карт.

Описание Тобольской губернии. Пг.: Тип. «Содружество», 1916. 77 с.; 1 л. карт.

Описание Томской губернии. Пг.: Тип. «Содружество», 1916. 68 с.; 1 л. карт.

Основные элементы сельскохозяйственного производства СССР в 1916 и 1923–1927 гг. М.: Статиздат ЦСУ СССР, 1930. 175 с.

Памятная книжка Акмолинской области на 1913 год. Омск: Акмол. обл. стат. ком., 1913. 502 с.

Памятная книжка Акмолинской области на 1914 год. Омск: Акмол. обл. стат. ком., 1914. 263 с.

Памятная книжка Акмолинской области на 1915 год. Омск: Акмол. обл. стат. ком., 1915. 155 с.

Памятная книжка Западной Сибири. Омск: Тип. Окружного штаба, 1881. 390 с.

Памятная книжка Тобольской губернии на 1913 год. Тобольск: Изд. Тобол. губ. стат. ком., 1913. 327 с.

Памятная книжка Томской губернии на 1914 год. Томск: Изд. Том. губ. стат. ком., 1914. 248 с.

Памятная книжка Томской губернии на 1915 год. Томск: Изд. Том. губ. стат. ком., 1915. 282 с.

Переселенцы, приселившиеся к старожилам и старожилы Алтайско-Томской части Сибири: Материалы статистико-экономического исследования, собранные и разработанные под руководством и редакцией В.Я. Нагнибеда. Томск: Изд-во «Красное знамя», 1927. 625 с.

Поволостные итоги некоторых основных экономических данных Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 года по Алтайской губернии. Барнаул: [б. и.], 1919. 39 с.

Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по 57 губерниям и областям // Труды ЦСУ. 1923. Т. 5, вып. 1.

Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по 57 губерниям и областям // Труды ЦСУ. 1923. Т. 5, вып. 2.

Предварительные погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по 29 губерниям и 6 областям. М.: [б. и.], 1919. 63 с.

Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года: (По подсчетам, произведенным местными переписными учреждениями). Пг., 1916–1917. Вып. 1: Европейская Россия. 1916. 702 с.; Вып. 2: Кавказ. 1917. XIV, 153, VI с.; Вып. 3: Степной край, Сибирь и Дальний Восток. 1917. X, 131, V с.

Предварительные итоги сельскохозяйственной переписи 1917 года по Тобольской губернии. Общинные хозяйства: Поуездные и погубернские итоги и некоторые выводы из полученных переписью данных. Тобольск: [б. и.], 1918. Вып. 6.

Путинцев Н.Д. Статистический очерк Томской губернии: Отчет по командированию представителем Военного министерства в экспедицию для изучения Западно-Сибирской железной дороги. Самара: [б. и.], 1892. 135 с.; 1 карта.

Район железной дороги Томск – Енисейск в экономическом отношении. Пг.: Изд. Мин. путей сообщения, 1914. VIII, 42, 199, 73 с.

Район Южно-Сибирской железной дороги в экономическом отношении. СПб.: Изд. Мин. путей сообщения, 1913. № 495. 80 с.

Россия 1913 год: Статистико-документальный справочник / Сост. А.И. Анфимов, А.П. Корелин. СПб.: ИРИ РАН: «Блиц», 1995. 415 с.

Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. СПб.; Пг., 1908–1917. Год первый. СПб., 1908. XIII, 524 с.; Год шестой. СПб., 1913. XIV, 601 с.; Год седьмой. Пг., 1914. XIV, 624 с.; Год восьмой. Пг., 1915. XIV, 640 с.; Год девятый. Пг., 1916. XIV, 649 с.; Год десятый. Пг., 1917. XIV, 673 с.

Сборник статистических материалов по уездам, округам и районам в границах бывшей Томской губернии за 1917, 1924 и 1925 годы. Томск: Изд. Том. окрисполкома, 1928. 215 с.

Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Сибири: Материалы по обследованию типичных переселенческих посёлков, собранные и разра-

ботанные под руководством и редакцией В.К. Кузнецова. СПб.: Переселенческое упр. ГУЗиЗ, 1912–1913. Вып. 1. 1912. XIII, 209 с.; Вып. 2. VIII, 291 с.; Вып. 3. 1912. 395 с.; Вып. 4. 1912. VII, 123 с.; Вып. 5. 1913. XV, 172 с.

Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губернии. Уезды: Барнаульский, Каинский, Томский и Мариинский: Материалы по исследованию переселенческих хозяйств, собранные и разработанные под руководством и редакцией В.Я. Нагнибеда. Томск: Тип. В.М. Перельман, 1913. Вып. 1. XXVIII, 144 с.; Вып. 2. VIII, 468 с.

Сведения о земледельческой полосе Сибири: справочное издание Переселенческого управления. СПб.: Тип. МВД, 1901. 167 с.

Сельское хозяйство России в XX веке: Сборник статистико-экономических сведений за 1901–1922 гг. М.: Новая деревня, 1923. 347 с.

Сельскохозяйственные машины и орудия в Европейской и Азиатской России в 1910 г. СПб.: Изд-во Центр. стат. ком., 1913. 119 с.

Сельскохозяйственный обзор Алтайского округа за 1896 год. Барнаул: Типо-литогр. при Гл. упр. Алт. окр., 1897. 3, 226, 118 с.; 2 л. карт.

Сельскохозяйственный обзор Алтайского округа за 1901 год. (Шестой год). Барнаул: Типо-литогр. при Гл. упр. Алт. окр., 1902. 3, 71, 19, 149 с.; 4 л. картограмм.

Сельскохозяйственный обзор Акмолинской области за лето и осень 1913 г. Омск: Тип. Акмол. обл. правления, 1914. Вып. 2. 347 с.

Сельскохозяйственный обзор Тобольской губернии за 1913–1914 сельскохозяйственный год. Тобольск: Стат. отд. Тобол. переселенческого р-на, 1915. 272 с.

Сельскохозяйственный обзор Тобольской губернии за 1914–1915 сельскохозяйственный год. Тобольск: Стат. отд. Тобол. переселенческого р-на, 1916. 297 с.

Сельскохозяйственный обзор Томской губернии за 1913 год. Томск: Типо-Литогр. Сиб. т-ва печ. дела, 1914. Т. 2, № 99. 151 с.

Сибирский торгово-промышленный календарь на 1898 г. Томск: Изд-во Ф.П. Романова, 1898. 728 с.

Современное крестьянское хозяйство в районе осушительных работ Томской гидротехнической партии. Томск: Скоропечатня «Энергия», 1916. 161 с.

Справочная книжка по маслоделию для Западной Сибири на 1900 г. Тобольск: Тип. Епархиального братства, 1900. 215 с.

Справочная книжка по маслоделию для Западной Сибири / Под ред. И.К. Окулича, Н.Л. Скалозубова. Томск: Типо-литогр. П.И. Макушина, 1901. IV, 176 с.

Справочная книжка по Акмолинскому переселенческому району на 1912 год. СПб.: Изд. Переселенческого упр. ГУЗиЗ, 1912. 22 с.

Справочная книжка по Тобольскому переселенческому району на 1912 год. СПб.: Изд. Переселенческого упр. ГУЗиЗ, 1912. 32 с.

Справочная книжка по Томскому переселенческому району на 1912 год. СПб.: Изд. Переселенческого упр. ГУЗиЗ, 1912. 19 с.

Справочник по хлебной торговле. СПб.: Отд. торговли Мин. торговли и промышленности, 1911. 802 с.

Справочник по торговле продуктами животноводства. СПб.: Изд. Отд. торговли Мин. торговли и промышленности, 1913. XXIV, 847 с.

Статистика Российской империи. СПб.; Пг., 1910–1914. Т. 72: Военно-конская перепись 1908 г. СПб., 1910; Т. 83: Военно-конская перепись 1912 г. Пг., 1914. XII, 441 с.

Статистические данные о положении крестьянского хозяйства в Ишимском округе Тобольской губернии после неурожая 1891–1892 гг. СПб.: [б. и.], 1897. 70 с.

Статистические материалы по анкетному обследованию переселенческих хозяйств в Степном крае (Акмолинской и Семипалатинской областей). Омск: Изд. Акмол. переселенческого р-на, 1911. 148 с.

Статистический ежегодник России. Пг., 1915–1918. 1914 г.: Год 11-й. 1915. 702 с.; 1915 г.: Год 12-й. 1916. 659 с.; 1916 г.: Год 13-й. Вып. 1. 1918. 125 с.

Статистический обзор железных дорог и внутренних водных путей России. СПб.: Тип. МПС, 1900. 196 с.; прил.

Статистический справочник по аграрному вопросу. М.: Универсальная б-ка, 1917. Вып. 2: Сельское хозяйство. Ч. 1.: Сельскохозяйственная перепись 1916 г. 24 с.

Томская губерния: Статистический очерк / Сост. В.Я. Нагнибеда. Томск: Тип. В.М. Перельман, 1917. I, 33 с.

Томская губерния: Статистический очерк. 2-е изд. Томск: Том. губстатбюро, 1921. Вып. 1. 42 с.

Труды Комиссии по исследованию района Туркестан-Сибирской железной дороги. СПб.: Изд. Мин. путей сообщения, 1909. Ч. 2. 302 с.

Указатель маслодельных заводов по Томской губернии: Сост. на основании данных за 1911 г. Новониколаевск: [б. и.], 1912. 54 с.

Урожай 1901 г. в Европейской и Азиатской России. СПб.: Изд. Центр. стат. ком., 1902. 132 с.

Урожай хлебов в России в 1916 году. Пг.: Изд. Центр. стат. ком., 1916. 174 с.

Урожай хлебов и трав в Томской губернии в 1913 г. (по сообщениям корреспондентов стат. отдела). Томск: Тип. В.М. Перельман, 1913. IV, 38, 46 с.

Урожай хлебов и трав в Томской губернии за 1914 год в сельскохозяйственном отношении. Томск: Тип. В.М. Перельман, 1915. 45 с.

Филиппов И.Т. Сельскохозяйственная перепись в Томской губернии. Прил. 1: Таблица итогов сельскохозяйственной переписи в Томской губернии // Статистико-экономические бюллетени. 1917. № 6. С. 28–44.

Хозяйственное положение переселенцев на таежных участках Томской губернии: Материалы обследования 1909 г. Томск: Тип. В.М. Перельман, 1910. 11 с.

Швецов С.П. Материалы по исследованию мест водворения переселенцев в Алтайском округе: Результаты статистического обследования в 1894 году // Алтайский сборник. Барнаул: Типо-литогр. Гл. упр. Алт. окр., 1899. Т. 4, вып. 1: Экономические таблицы. XI, 173, 33, 16, 13 с.; Вып. 2: Описание переселенческих поселков. VIII, 563 с.

Экономическое исследование маслоделия в Сибири: Подворные переписи Барнаульской волости. Маслодельные заводы. Сельскохозяйственные машины Томской губ. Движение грузов по Сибирской железной дороге. Движение населения Томской губернии. Харьков: Т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1906. IV, 53, 178 с.

Экономическое положение населения Причулымского края б. Томской губернии: Материалы подворного статистического исследования 1912–1913 гг., собранные и разработанные под руководством и редакцией В.Я. Нагнибеда. Томск: Изд-во «Красное знамя», 1927. II, 153 с.

Делопроизводственная документация

Всеподданнейший отчет статс-секретаря Куломзина по поездке в Сибирь для ознакомления с положением переселенческого дела. СПб.: Гос. тип., 1896. Вып. 4. 187 с.

Всеподданнейший доклад министра земледелия и государственных имуществ по поездке в Сибирь летом 1898 г. СПб.: Тип. Киршбаума, 1899. 59 с.

Гинс Г., Шафранов П. Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет его деятельности (1837–1912 гг.). Пг.: Канц. Главноуправляющего землеустройством и земледелием, 1914. 465 с.

Деятельность Особого совещания по продовольственному делу и его комиссий. Приложение к № 25–26 Известий Особого совещания по продовольственному делу. Пг.: [б.и.], 1916. 116 с.

Дополнение к инструкции Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. для регистраторов по Тверской губернии. Тверь: [б.и.], 1916. 14 с.

Дополнение к обзору деятельности Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу за полугодие 17 февраля – 17 мая 1916 года. Пг.: [б.и.], 1916. 27 с.

Дунин-Горкавич А.А. Состояние сельского хозяйства на Тобольском Севере в 1912 г.: Доклад шестому Тобольскому агрономическому совещанию 13–20 февраля 1913 г. Тобольск: Губ. тип., 1913. 104 с.

Ермолов А.С. Всеподданнейший доклад министра земледелия и государственных имуществ по поездке в Сибирь осенью 1895 г. СПб.: Тип. Киршбаума, 1896. 53 с.

Женин В. Деятельность Сибирской железной дороги за 5-летие 1899–1903 гг. // Сибирская жизнь. 1907. 20 сент.

Журналы заседаний съезда деятелей сельского хозяйства 1–12 августа 1911 г. в г. Омске. Омск: Худож. типо-литогр., 1912. Вып 3. 88 с.

Записка Председателя Совета министров и Главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Сибирь и Поволжье в 1910 г.: Приложение к всеподданнейшему докладу. СПб.: Гос. тип., 1910. 168 с.

Инструкция по производству Всероссийской сельскохозяйственной переписи в Тобольской губернии. Омск: [б.и.], 1916. 45 с.

Инструкция по производству Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года. Пг., 1916. 20 с. 20 л. формуляров.

Инструкция по производству Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. Томск, 1917. 45 с.

Инструкция по производству Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. Пг., 1917. 47 с.

Итоги переселенческого дела Урала за десятилетие с 1906 по 1915 гг. Пг.: Переселенческое упр. Мин. земледелия, 1916. 41 с.

Итоги работ за последнее пятилетие (1909–1913 гг.): Отчет Главного управления землеустройства и земледелия. СПб.: Изд. ГУЗиЗ, 1914. 41 с.

Итоги сельскохозяйственной переписи 1916 г. в Акмолинской области. Омск, 1916. 36 с.

Краткий обзор деятельности правительственной агрономической организации в Сибири в 1911 г. СПб: Тип. Сойкина, 1912. 222 с.

Краткий обзор коммерческой деятельности Сибирской железной дороги за 1901 г. по сравнению с таковой же деятельностью за 1898, 1899, 1900 гг. Томск: Т-во «Печатня П.С. Яковлева», 1903. Вып. 3. 147 с.

Краткий отчет об агрономических исследованиях и мероприятиях в Азиатской России в 1908 г. СПб.: [б.и.], 1909. 50 с.

Крестьянское землепользование и хозяйство в Тобольской и Томской губерниях: по исследованиям чинов Министерства государственных имуществ. СПб.: Изд. Мин. гос. имуществ. Департамент общих дел, 1894. 428 с.

Критическая оценка материалов Всероссийской сельскохозяйственной переписи и система ее разработки: Самарская губерния. Самара: Тип. Губ. земства, 1916. 105 с.

Куломзин А.Н. Всеподданнейший отчет по поездке в Сибирь для ознакомления с положением переселенческого дела. СПб.: Гос. тип., 1896. 187 с.

Курсы по подготовке инструкторов Всероссийской сельскохозяйственной переписи при Харьковских высших коммерческих курсах. 15–19 мая 1916 г. Харьков, 1916. 60 с.

Материалы по организации сельскохозяйственной переписи к съезду статистиков 15–16 апреля 1916 года. М.: [б.и.], 1916. 20 с.

Меньшиков А.А. Основные положения программы местной обработки материалов Всероссийской сельскохозяйственной переписи. Томск: [б.и.], 1917. 14 с.

О системе и программе разработки материалов Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года. Пг.: [б.и.], 1918. 234 с.

Обзор деятельности Алтайского округа за пятилетие 1911–1915 гг. Барнаул: Упр. Алт. окр., 1916. 196 с.

Обзор деятельности Министерства земледелия и государственных имуществ за девятый год его существования (30 марта 1902 г. – 30 марта 1903 г.). СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1903. 328 с.; прил.

Обзор деятельности Особого совещания для обсуждения мероприятий по продовольственному делу 17 августа 1915 г. – 17 февраля 1916 г. Пг.: [б.и.], 1916. 660 с.

Обзор коммерческой деятельности Сибирской железной дороги за десять лет (1900–1909 гг.) / Сост. А.З. Сахаров. Томск: Печатня С.П. Яковлева, 1914. 433 с.

Окулич И.К. Отчет правительственного агронома Томской губернии за 1899 г. Департаменту земледелия. Томск: Паров. типо-литогр. П.И. Макушина, 1900. 43 с.; прил.

Отчет о деятельности Западно-Сибирского общества сельского хозяйства с 16 марта 1901 г. по 1 января 1904 г. Томск: Тип. «Печатня С.П. Яковлева», 1904. 12 с.

Отчет о деятельности Западно-Сибирского общества сельского хозяйства за время с 1 января 1905 г. – по 1 января 1911 г. Томск: Типо-литогр. Т-ва Печатного дела, 1911. 15 с.

Отчет о деятельности сельскохозяйственных складов Переселенческого управления за 1913 год. Омск: Электро-тип., 1914. Вып. 47. 100 с.

Отчет о деятельности Курганского отдела Московского общества сельского хозяйства за 14 лет его существования (1897–1910 гг.). Курган: Изд-во Курган. об-ва сельского хоз-ва, 1911. 166 с.

Отчет о деятельности Омского отдела Московского общества сельского хозяйства за 1910–1915 гг. и первой Западно-Сибирской выставке 1911 г. Омск: Худож. тип., 1916. 151 с.

Отчет правительственного агронома по Томской губернии Департаменту земледелия за 1902 г. Томск: Изд-во Мин. земледелия и гос. имуществ, 1903. 250 с.

План организации Всероссийской сельскохозяйственной переписи в Томской губернии. Томск: [б.и.], 1916. 13 с.

Постановление Съезда статистиков, созванного Главными комитетами Всероссийского земского и городского союзов 15–18 апреля 1916 года. М.: [б.и.], 1916. 10 с.

Прибавление к всеподданнейшему докладу министра земледелия и государственных имуществ по поездке в Сибирь осенью 1895 г. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1896. 280 с.

Программа центральной разработки материалов Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года. Пг.: [б.и.], 1917. 181 с.

Протоколы Сибирского областного совещания статистиков переселенческого управления, состоявшегося 13–21 мая 1916 г. в Иркутске. Томск: Тип. Г.И. Ливен, 1916. 69 с.

Резолюция съезда статистиков, созванного Главными комитетами Всероссийского земского и городского союзов 5–7 марта 1916 г. М.: [б.и.], 1916. 4 с.

Свод резолюций совещания по экономическим вопросам, связанным с дороговизной и снабжением, созванного в Москве 11–13 июня. М.: [б.и.], 1915. 21 с.

Скалозубов Н.Л. Сельское хозяйство в Тобольской губернии: (Извлечение из отчета за время с 1 мая по 1 сентября 1894 г.). СПб.: Тип. В. Демакова, 1895. 29 с.

Техническая инструкция по производству сельскохозяйственной переписи в Томской губернии. Томск: [б.и.], 1916. 24 с.

Труды второго Западно-Сибирского съезда представителей учреждений мелкого кредита в г. Томске 22–24 июня 1913 г. СПб.: Типо-литогр. «Сила», 1913. 303 с.

Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1903. Т. 57: Степной край. 119 с.

Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1903. Т. 53: Тобольская губерния. 3, 426 с.

Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб.: Тип. т-ва «Народная польза», 1904. Т. 54: Томская губерния. 296 с.

Труды 1-го всероссийского сельскохозяйственного съезда в Киеве 1–10 сентября 1913 г. Киев, 1913–1914. Вып. 1: Постановления съезда. 1913. 45 с.; Вып. 3: Журналы заседаний и докладов. 1914. 582 с.

Труды сельскохозяйственного и кооперативного съезда в г. Омске 2–16 января 1916 г. Омск: Худож. тип., 1917. 326 с.

Труды совещания агрономического персонала Западной Сибири. 17–26 февраля 1910 г. в г. Омске. СПб.: Тип. «Рассвет», 1910. 84 с.

Труды Совещания земских и городских статистиков 21–23 ноября 1915 г. в Москве. М., 1915. Вып. 1: Тезисы прочитанных на Совещании докладов и резолюций. 22 с.

Труды съезда молочных хозяев и деятелей по молочному хозяйству в г. Кургане при выставке продуктов маслоделия Западной Сибири в 1910 г. Томск: Изд-во Императ. Моск. об-ва сельского хоз-ва. Первый Тобол. отд., 1902. 180 с.

Труды третьего губернского агрономического совещания в гор. Тобольске, 24 мая – 3 июня 1911 г. Тобольск: Губ. тип., 1911–1912. Ч. 1: Журналы. 1911. 41 с.; Ч. 2: Доклады. 1912. 71 с.

Цифровые данные по учету сельскохозяйственного населения при поземельном устройстве Алтайского округа. Барнаул: Изд. Алт. землеустройства, 1916. 174 с.

Юбилейный сборник Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. СПб: Изд-во Центр. стат. ком., 1913. 328 с.; 44 л. диаграмм, карт.

Научно-публицистические работы, очерки и путевые записки

Азиатская Россия. СПб.: Переселенческое упр. Гл. упр. землеустройства и земледелия, 1914. Т. 2: Земля и хозяйство. 638, 11 с.

Алтай: Историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа. Томск: Тип. Михайлова и Макушина, 1890. IV, II, 436 с.

Великая Сибирская железная дорога и вспомогательные предприятия // Сибирский торгово-промышленный календарь на 1896 г. Томск: Тип. Романова, 1896. С. 19–40.

Гамов И. Очерки далекой Сибири. Гомель: Изд-во кн. магазина Я.С. Сыркина, 1894. 117 с.

Ермолов А.С. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1905. Ч. 3, № 7. 555 с.

Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении / Под ред. П.П. Семёнова. СПб.: Изд-во т-ва М.О. Вольф, 1884. Т. 11: Западная Сибирь. № 379. 14 с.

Зобнин Ф.К. Из года в год. Описание круговорота крестьянской жизни в с. Усть-Ницинском Тюменского округа Тобольской губернии // Живая старина. СПб., 1894. Вып. 1. С. 37–64.

Зобнин Ф.К. Поездка на Алтай // Живая старина. СПб., 1898. Вып. 3–4. С. 267–293.

Капустин С.Я. Очерки порядков поземельной общины в Тобольской губернии: (По сведениям, собранным западносибирским отделом Императорского Русского географического общества // Литературный сборник: Изд. ред. «Восточного обозрения»: Сб. науч. и лит. ст. о Сибири и Азиатском Востоке. СПб., 1885. С. 59–113.

Капустин С.Я. Хозяйственный быт сибирского крестьянина // Литературный сборник: Издание редакции «Восточного обозрения»: Сб. науч. и лит. ст. о Сибири и Азиатском Востоке. СПб., 1885. С. 304–322.

Колесников Г.И. Травосеяние в Западной Сибири. Омск: Омск. губ. земельного упр., 1923. 102 с.

Красноженова М.В. Из народных обычаев крестьян деревни Покровка // Известия Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Красноярск, 1914. Т. 2, вып. 6. С. 67–116.

Макаренко А.А. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении: Восточная Сибирь. Енисейская губерния. СПб.: РГО. Отд-ние этнографии, 1913. Вып. 8. 269 с.

Маляревский Г.Я. Экономические нужды средней части Тобольской губернии. Тобольск: Изд. Тобол. губ. стат. ком., 1907. 52 с.

Молодых И.А., Кулаков П.Е. Иллюстрированное описание быта сельского населения Иркутской губернии. СПб.: ВСО РГО, 1896. 242 с.

Научные очерки Томского края. Томск: Типо-литогр. М.Н. Кононова и И.Ф. Скулимовского, 1898. 502 с.

Новомбергский Н.Я. По Сибири: сборник статей по крестьянскому праву, народному образованию, экономике и сельскому хозяйству. СПб.: Тип. Дома призрения малолетних бедняков, 1903. 331 с.

Очерк развития и деятельности Сибирской железной дороги за время с 1901 по 1910 г. по данным, изготовленным для Омской выставки 1911 г. Томск: Изд-во т-ва «Печатня С.П. Яковлева», 1912. 167 с.

Петропавловский Н.Е. (Каронин Н.Е.) По Ишиму и Тоболу: из путешествий и исследований крестьянского быта Западной Сибири // Записки Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. Омск, 1886. Кн. 8, вып. 1. С. 1–90.

Продовольственный вопрос в Сибири в 1915/1916 гг. Пг.: [б.и.], 1916. 31 с.

Родзевич А.И. Хлебный район Западно-Сибирской и Средне-Сибирской железной дорог: Статистико-экономическое исследование. М.: [б.и.], 1898. 43 с.

Россия**:** Полное географическое описание нашего Отечества / Сост. В.П. Семёнов-Тян-Шанский. СПб.: Изд. Девриена, 1907. Т. 16: Западная Сибирь. 59 с.

Рубакин Н.А. Рассказы о Западной Сибири или о губерниях Тобольской и Томской и как там живут люди. М.: Изд-во «Посредник», 1915. 198 с.

Сборник статей по сельскому хозяйству (полеводство, травосеяние и пчеловодство). Томск: Изд. Зап.-Сиб. об-ва сельского хоз-ва, 1912. 118 с.

Сборник статей по сельскому хозяйству (полеводство, травосеяние и пчеловодство), применительно к условиям хозяйства в Томской губернии. Томск: Тип. губ. упр., 1913. 106 с.

Селихов М. Очерк хлебной торговли в районе Западно-Сибирской железной дороги. СПб: [б.и.], 1895. 195 с.

Селихов М.Н. Сибирь под влиянием Великого рельсового пути. Экономический очерк. Томск: Изд. В.П. Романова, 1898. Ч. 2. 184 с.

Сибирь и Великая сибирская железная дорога: (С приложением карты Сибири). СПб.: Изд. Мин. финансов, 1898. Вып. 8. 309 с.; 1 л. карт.

Сибирь под влиянием рельсового пути. СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1902. 4, 221 с.

Скалозубов Н.Л. Народный календарь: Поверья, приметы о погоде и сроки сельскохозяйственных работ у крестьян Тобольской губернии // Ежегодник Тобольск. губ. музея. Тобольск, 1898. Вып. 9. С. 69–80.

Труды Западно-Сибирского общества сельского хозяйства за 1913–1915 гг. Томск: Тип. Сиб. т-ва печатного дела, 1917. Кн. 4. 455 с.

Труды Томского отдела Императорского Московского общества сельского хозяйства. Томск: Паров. типо-литогр. П.И. Макушина, 1896–1898. Кн. 1. 1896. 343 с.; Кн. 2. 1898. 297 с.

Чудновский С.Л. Переселенческое дело на Алтае: (Статистико-экономический очерк). Иркутск: Тип. «Восточное обозрение», 1889. Вып. 3. 154 с.

Ядринцев Н.М. Поездка по Западной Сибири и в Горный Алтайский округ // Записки Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. Омск, 1880. Кн. 2. С. 1–134.

Периодические и повременные издания

Алтайский крестьянин: журнал кооперативного союза кредитных и ссудо-сберегательных товариществ. Барнаул, 1913–1917. Еженед.

Вестник сельского хозяйства: журнал Московского общества сельского хозяйства. М., 1916. Еженед.

Вопросы колонизации: периодический сборник. СПб., 1907–1917. 2 раза в год.

Восточное обозрение: газета политическая и литературная. С.-Петербург; Иркутск, 1882–1887. Еженед.

Жизнь Алтая: внепартийная, прогрессивная, общественная и литературная газета. Барнаул, 1916. Ежеднев.

Нужды Западно-Сибирского сельского хозяйства: сельскохозяйственный журнал Омского отдела Московского общества сельского хозяйства. Омск, 1913–1916. 2–4 раза в месяц.

Сибирская жизнь: газета политическая, литературная и экономическая. Томск. 1897–1902; 1912–1916. Ежеднев.

Сибирские вопросы: периодический сборник. СПб., 1905–1913. Еженед.

Сибирский листок. Тобольск, 1907–1909; 1913–1916. 3 раза в нед.

Сибирское сельское хозяйство: сельскохозяйственный и кооперативный журнал Западносибирского общества сельского хозяйства. Томск, 1912–1916. 2 раза в нед.

Статистико-экономические бюллетени: Издание Томского переселенческого района. Томск, 1915–1917. № 1–7.

Исследования

Абрамова Н.Т. Коммуникация и традиция // Философия науки. М.: ИФ РАН, 2000. Вып. 6. С. 65–83.

Агеев А.Д. Сибирь и американский запад: движение фронтиров. М.: Аспект Пресс, 2005. 335 с.

Аграрные преобразования и сельское хозяйство Сибири в XX веке: Очерки истории. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2008. 308 с.

Аграрные технологии в России IX–XX вв. XIV сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: Тез. докл. и сообщ. Арзамас, 10–13 сентября 1996 г. М.: ОИ РАН, 1996. 188 с.

Азиатская Россия. СПб.: Гл. упр. землеустройства и земледелия. Переселенческое упр., 1914. Т. 1: Люди и порядки за Уралом. VIII, 578 с.; Т. 2: Земля и хозяйство. 638 с.

Александров Н.М. К проблеме эволюции сельского хозяйства в пореформенной России: плотность населения как один из основных факторов сельскохозяйственного развития (на материалах губерний Верхнего Поволжья) // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград, 2005. С. 80–90.

Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Зубков К.И. и др. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI–XX вв. М.: Наука, 2004. 600 с.

Алексеева В.К. Методологические проблемы изучения дореволюционной кооперации Сибири (2-я половина XIX – начало XX вв.) // Методологические проблемы изучения истории: Бахрушинские чтения 1988. Новосибирск, 1988. С. 130–137.

Алексеева В.К. Кооперативное движение в Сибири. Конец XIX – начало XX вв. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1993. 119 с.

Алиев Э.Г. К истории рынка хлебов в России в конце XIX – начале XX в. // Экономическая история России: проблемы, поиски, решения. Москва; Волгоград, 2001. Вып. 3. С. 348–356.

Алексеева Г.Д. Историческая наука в России: Идеология. Политика (60–80-е гг. XX в.). М.: ИРИ РАН, 2003. 248 с.

***Альтерно*:** Новый сборник статей о Сибири // Сибирские вопросы. 1908. № 33–34. С. 15–28.

Андреева Е.А. Ментальность городского населения Западной Сибири в конце XIX – начале XX в.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Томск, 2009. 27 с.

Андюсев Б.Е. К вопросу о результатах эволюции стереотипов-значений в ментальности русских старожилов в процессе освоения Сибири // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Омск, 2004. Ч. 2. С. 32–36.

Андюсев Б.Е. Традиционное сознание крестьян-старожилов Приенисейского края 60-х гг. XVIII в. – 90-е гг. XIX в.: Опыт реконструкции. Красноярск: РИ КГПУ, 2004. 247 с.

Аникеев И.А. Историческая информатика в России. Ставрополь: Ставроп. гос. ун-т, 1999. 179 с.

Ансон А.А. Аграрное движение // Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск: Сибкрайиздат, 1929. Стб. 13–15.

Ансон А.А. Классовое расслоение и классовая борьба в сибирской деревне до революции 1917 года // На ленинском пути. 1931. № 3–4. С. 39–56.

Анфимов А.М. К вопросу о характере аграрного строя Европейской России в начале XX в. // Исторические записки. М., 1959. Т. 65. С. 119–162.

Анфимов А.М. Земельная аренда в России в начале XX века. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 208 с.

Анфимов А.М. Российская деревня в годы первой мировой войны (1914 – февр. 1917 г.). М.: Соцэкгиз, 1962. 383 с.

Анфимов А.М. О мелком товарном производстве в сельском хозяйстве // История СССР. 1962. № 2. С. 141–160.

Анфимов А.М. Прусский путь развития капитализма в сельском хозяйстве и его особенности в России // Вопросы истории. 1965. № 7. С. 62–76.

Анфимов А.М. В.И. Ленин и проблемы аграрного капитализма // История СССР. 1969. № 4. С. 3–25.

Анфимов А.М. В.И. Ленин о российском крестьянстве // В.И. Ленин о социальной структуре и политическом строе капиталистической России. М.: Наука, 1970. С. 80–130.

Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство России 1881–1904. М.: Наука, 1980. 239 с.

Анфимов А.М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. 1881–1904 гг. М.: Наука, 1984. 232 с.

Анфимов А.М. Неоконченные споры // Из истории экономической мысли и народного хозяйства России. Москва; Волгоград, 1997. Вып. 2, ч. 2. С. 94–159.

Анфимов А.М. П.А. Столыпин и российское крестьянство. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2002. 300 с.

Арутюнов С.А., Мкртумян Ю.И. Проблемы типологического исследования механизмов жизнеобеспечения в этнической культуре // Типология основных элементов традиционной культуры. М., 1984. С. 19–33.

Асалханов И.А. Сельское хозяйство Сибири конца XIX – начала XX в. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1975. 267 с.

Афанасьев В.Г. Системность и общество. М.: Политиздат, 1980. 368 с.

Ахиезер А.С. Самобытность России как научная проблема // Отечественная история. 1994. № 4–5. С. 3–25.

Ахиезер А.С. Архаизация в российском обществе как научная проблема // Общественные науки и современность. 2001. № 2. С. 89–100.

Бабашкин В.В. Современные концепции аграрного развития: теоретический семинар // Крестьяноведение. Теория. История. Современность: Ежегодник. 1996. М., 1996. С. 291–300.

Балковая Н.А. Социально-экономические отношения в Нарымском крае в конце XIX – начале XX в.: Дис. … канд. ист. наук. Томск, 1973. 200 с.

Балуев Б.П. Либеральное народничество на рубеже XIX–XX веков. М.: Наука, 1995. 268 с.

Балюк Н.А. Развитие земледельческого хозяйства Западной Сибири (конец XVI – начало XX в.). Тюмень: Тюмен. гос. нефтегаз. ун-т, 2002. 180 с.

Балюк Н.А. Крестьянское хозяйство Зауралья в конце XVI – начале XX в. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2003. 187 с.

Балюк Н.А. Опыт устойчивого развития крестьянского хозяйства Зауралья (конец XVI – начало XX в.) // Сибирская деревня: проблемы истории. Новосибирск, 2004. С. 42–65.

Барг М.А. Категории и методы исторической науки. М.: Наука, 1984. 343 с.

Барг М.А. Эпохи и идеи: Становление историзма. М.: Наука, 1987. 348 с.

Барг М.А. О категории «цивилизация» // Новая и новейшая история. 1990. № 5. С. 25–40.

Барсуков В.Л. Потребительская кооперация Сибири и её взаимосвязи с переселением крестьян (1906–1914 гг.) // Кооперация в Сибири в XX в.: Опыт, уроки, перспективы. Новосибирск, 1994. С. 20–29.

Барулин В.С. Социально-философская антропология. Человек и общественный мир: Учеб. пособие. М.: Академический проект: Альма Матер, 2007. 600 с.

Барыков С.И. К характеристике земледелия в Алтайском округе. СПб.: Тип. Акц. об-ва «Альфа», 1923. 125 с.

Белянин Д.А. Внутринадельное размежевание крестьянских хозяйств Томской губернии в годы Столыпинской аграрной реформы 1906–1914 гг. // Сибирская деревня: История, современное состояние, перспективы. Омск, 2002. Ч. 1. С. 74–76.

Березина Т.И. Обучение и воспитание детей в процессе сельскохозяйственного труда у русских крестьян Сибири периода капитализма // Участие крестьянства в освоении восточных окраин России (конца XVII – начала XX в.). Новосибирск, 1990. С. 82–92.

Березина Т.И. Трудовое воспитание в народной педагогике русских крестьян Сибири (1861–1917): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 1991. 19 с.

Бернштейн Б.М. Традиция и социокультурные структуры // Советская этнография. 1981. № 2. С. 107–109.

Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Системный подход в социальных исследованиях // Вопросы философии. 1967. № 9. С. 100–111.

Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. М.: Наука, 1973. 270 с.

Блинов Н.В. Очерки дореволюционной историографии и источниковедения рабочего класса Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1974. 158 с.

Бовыкин В.И. Россия накануне великих свершений: К изучению социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции. М.: Наука, 1988. 153 с.

Боголепов М.И. Торговля в Сибири // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. СПб., 1908. С. 169–200.

Боженко Л.И. Сибирская деревня в восстановительный период 1921–1925 гг.: (Социально-экономические процессы и их регулирование в сибирской деревне). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978. 264 с.

Бокарев Ю.П. Бюджетные обследования крестьянских хозяйств 20-х годов как исторический источник. М.: Наука, 1981. 310 с.

Бокарев Ю.П. Бунт и смирение (крестьянский менталитет и его роль в крестьянских движениях) // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). М., 1996. С. 167–172.

Бокарев Ю.П. Проблемы сравнительно-исторических исследований // Историко-экономический альманах. М., 2004. С. 183–242.

Борзунов В.Ф. Влияние транссибирской магистрали на развитие сельского хозяйства Сибири и Дальнего Востока в начале XX в. (1900–1914 гг.) // Особенности аграрного строя России в период империализма. М., 1962. С. 160–186.

Бородавкин А.П. Реформа 1861 г. на Алтае. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1972. 284 с.

Бородавкин А.П., Говорков А.А. К истории торговли и торгово-ростовщического капитала в Сибири (1861–1891 гг.) // Вопросы истории Сибири. Томск, 1965. Вып. 2. С. 37–60.

Бородавкин А.П., Рабинович Г.Х., Сухотина Л.Г. Об особенностях развития капитализма в Сибири (1861 – середина 90-х гг. XIX в.) // Вопросы истории Сибири. Томск, 1965. Вып. 2. С. 3–19.

Бородкин Л.И. Многомерный статистический анализ в исторических исследованиях. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. 188 с.

Бородкин Л.И. Историк и математические модели // Исторические записки. М., 1999. № 2 (120). С. 60–87.

Бородкин Л.И. Синергетика и история: моделирование исторических процессов // История и математика: Анализ и моделирование социально-политических процессов. М., 2007. С. 8–48.

Бородкин Л.И., Пиотух Н.В. Методологические проблемы исторической информатики и квантитативной истории // Новая и новейшая история. 1997. № 3. С. 87–106.

Бородкин Л.И., Свищев М.А. Применение количественных методов и ЭВМ в изучении аграрной истории: (По материалам советско-американского симпозиума) // История СССР. 1988. № 4. С. 123–134.

Бочаров А.В. Основные методы исторического исследования: Учеб. пособие. Томский государственный университет, 2006. 190 с.

Бочанова Г.А. Животноводство в Сибири конца XIX – начала XX в.: Улучшение содержания и породности крупного рогатого скота // Опыт природопользования в Сибири в XIX–XX вв. Новосибирск, 2001. С. 115–150.

Бруцкус Б.Д. Аграрный вопрос и аграрная политика. Пг., 1922. 87 с.

Буганов В.И. Земская статистика крестьянского хозяйства в работе В.И. Ленина «Развитие капитализма в России» // Проблемы источниковедения. М., 1962. Вып. 10. С. 19–49.

Будаев В.И. Смоленская деревня в конце XIX – начале XX в.: К вопросу о темпах, уровне и степени развития аграрного капитализма. Смоленск: Моск. рабочий, 1972. 467 с.

Бузанова В.А. Техническая оснащенность сельского хозяйства Томской губернии в начале XX в. // Из истории Томской области. Томск, 1988. С. 35–44.

Бузанова В.А. Опубликованные статистические материалы о наемном труде в сельском хозяйстве Западной Сибири в период империализма (1895–1917 гг.) // Источники по истории освоения Сибири в период капитализма. Новосибирск, 1989. С. 71–79.

Бузанова В.А. Наемный труд в сельском хозяйстве Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Томск, 1991. 18 с.

Буховец О.Г. Ментальность и социальное поведение крестьян // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). М., 1996. С. 183–191.

Буховец О.Г. Массовые источники по общественному сознанию российского крестьянства: (Опыт применения контент-анализа при изучении приговоров и наказов 1905–1907 гг.) // История СССР. 1986. № 4. С. 104–119.

Буховец О.Г. Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX века: новые материалы, методы, результаты. М.: Мосгосархив, 1996. 399 с.

Василевский Е.Г. Аграрный вопрос в работах В.И. Ленина (1893–1915). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1964. 154 с.

Введенский И. Переселенческий и аграрный вопрос // Вопросы колонизации. 1909. № 5. С. 1–78.

Введенский И. Частное землевладение в Западной Сибири // Вопросы колонизации. 1912. № 10. С. 35–81.

Введенский И. Землеустройство и колонизация // Вопросы колонизации. 1912. № 11. С. 59–120.

Введенский И. Земледелие и кооперация // Вопросы колонизации. 1913. № 12. С. 1–51.

Введенский И. Оценка земли в Сибири // Вопросы колонизации. 1914. № 14. С. 28–73.

Введенский И. Организация сельского хозяйства в Сибири и его прогрессивный рост // Вопросы колонизации. 1914. № 16. С. 40–65.

Великий незнакомец: Крестьяне и фермеры в современном мире: хрестоматия. М.: Изд. группа «Прогресс», «Прогресс–Академия», 1992. 431 с.

Венецкий И.Г., Венецкая В.И. Основные математико-статистические понятия и формулы в экономическом анализе: Справочник. 2-е изд. М.: Статистика, 1979. 417 с.

Ветошкин М.К. Очерки по истории большевистских организаций и революционного движения в Сибири. М.: Госполитиздат, 1953. 308 с.

Вечер Е.В. Вопрос об экономическом значении Транссибирской железнодорожной магистрали в отечественной историографии // Вестник филиала Кемеров. гос. ун-та в г. Анжеро-Судженске. Томск, 2004. Вып. 3. С. 34–54.

Вибе П.П. Крестьянская колонизация Тобольской губернии в эпоху капитализма: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Томск, 1989. 21 с.

Вибе П.П. Экономический потенциал переселенцев Тобольской губернии во второй половине XIX – начале XX в. // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 1994. № 3. С. 94–114.

Виноградов С.В. Мелкотоварное крестьянское хозяйство Поволжья в 1920-е годы. М., 1998. 234 с.

Винокуров М.А., Суходолов А.П. Экономика Сибири, 1900–1918. Новосибирск: Наука. Сиб. изд. фирма РАН, 1996. 320 с.

Винокуров М.А. Экономико-географические особенности аграрного освоения Сибири // Иркутский историко-экономический ежегодник, 1990. Иркутск, 1999. С. 46–49.

Владимиров В.Н. Историческая информатика: геоинформационные системы в исторических исследованиях. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 192 с.

Владимиров В.Н., Силина И.Г. Размещение переселенцев на территории Алтайского округа в 1889–1905 гг.: Историко-картографический анализ // Круг идей: Историческая информатика на пороге XXI века. Чебоксары, 1999. 174–183.

Владимиров В.Н., Силина И.Г. Демографические и хозяйственные процессы в Томском округе Алтайского горного округа Томской губернии во второй половине XIX в. // Российское крестьянство: от капитализма к социализму (вторая половина XIX – начало XX в.). Тамбов, 2004. Вып. 1. С. 57–80.

Владиславлев В. Хозяйственное положение тобольских новоселов // Русское богатство. 1899. № 6 (9). С. 102–127.

Влияние переселений на социально-экономическое развитие Сибири в эпоху капитализма: Межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1991. 144 с.

Волков А.А. Менталитет крестьянства и российский политический процесс. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1997. 159 с.

Волков В.В. Межформационная модернизация экономического строя России в XIX – начале XX в. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2004. 183 с.

Волков Е.З. Аграрно-экономическая статистика России: В итогах ее научных и методологических достижений земского опыта и практики последних лет революционного перелома (1865–1922). 2-е изд. М.; Пг. 1924. 376 с.

Вопросы истории капиталистической России: Проблема многоукладности. Свердловск, 1972. 376 с.

Воронин Д.И. Переселенческая деревня Томской губернии на рубеже XIX–XX вв. // Проблемы истории, историографии и источниковедения России XVIII–XX вв. Томск, 2003. С. 180–185.

Воронкова С.В. Проблемы источниковедения истории России периода капитализма: (итоги и задачи изучения). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. 160 с.

Воронцов В.П. Очерки крестьянского хозяйства: Статьи 1882–1886 гг. СПб.: Тип. Альтшуллера, 1911. 270 с.

Воронцов В.П. (В.В.) Прогрессивные течения в крестьянском хозяйстве. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1892. VI, 261 с.

Вощинин В. На сибирском просторе: Картины переселения. СПб.: Тип. т-ва «Наш век», 1912. 93 с.

Вощинин В. Переселенческий вопрос в Государственной думе III созыва: Итоги и перспективы. СПб.: Тип. Т-ва «Наш век», 1912. 148 с.

Вощинин В.П. Колонизационное дело при А.В. Кривошеине // Вопросы колонизации. 1916. № 18. С. 3–24.

Всеподданнейший отчет статс-секретаря Куломзина по поездке в Сибирь для ознакомления с положением переселенческого дела. СПб.: Гос. тип., 1896. IV, 187 с.

Вылцан М.А. Индивидуализм и коллективизм крестьян // Менталитет и аграрное развитие (XIX–XX вв.). М., 1996. С. 334–347.

Гайдашова В.А., Жеравина А.Н., Никулин П.Ф. и др. Интеграция приписной деревни и горно-заводского производства на кабинетских землях в Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. 200 с.

Гайстер А. Сельское хозяйство капиталистической России: от реформы 1861 г. до революции 1905 г. М.: Ком. акад., 1928. 175 с.

Гайстер А.И. Расслоение советской деревни. М.: Ком. акад., 1928. 210 с.

Гарскова И.М., Давыдов М.А. Структура хлебного рынка России в конце XIX – начале XX вв. // Россия на рубеже XIX–XX веков: Материалы научных чтений памяти проф. В.И. Бовыкина. М., 1999. С. 198–222.

Гинс Г. Переселение и колонизация // Вопросы колонизации. 1913. № 12. С. 73–120; № 13. С. 39–99.

Головачев Д.М. Частное землевладение в Сибири // Сибирские вопросы. 1905. № 1. С. 122–170.

Головачев П.М. Сибирь: Природа. Люди. Жизнь. 2-е изд., испр. и доп. М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1905. 401 с.

Головачев П.М. Экономическая география Сибири. М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1914. 183 с.

Голубев В.А. Мифологизированное сознание как фактор российской модернизации // Мировосприятие и самосознание русского общества (XI–XX вв.). М., 1994. Вып. 1. С. 187–204.

Голубев П. Оскудение Западной Сибири // На сибирские темы. СПб., 1905. С. 69–91.

Голубев П.А. Землевладение. Земледелие. Скотоводство и эпиозотии // Алтай: Историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа. Барнаул, 1890. С. 27–78.

Голубев П.А. Очерки сибирской жизни // Северный вестник. 1890. № 2. С. 64–76.

Гордеев Г.С. Сельское хозяйство в войне и революции. М.; Л.: Госиздат, 1925. 203 с.

Гордон А.В. Крестьянство Востока: исторический субъект, культурная традиция, социальная общность. М.: Наука, 1989. 222 с.

Гордон А.В. Хозяйствование на земле – основа крестьянского мировосприятия // Менталитет и аграрное развитие России XIX–XX вв.). М., 1996. С. 57–74.

Гордон А.В. Типология семейного хозяйствования в крестьяноведении (90-е годы XIX в. – 90-е годы XX в.) // Крестьяноведение: Теория. История. Современность: Ученые записки. М., 1999. С. 5–25.

Гордон А.В. Формирование хозяйствующей личности в пореформенной российской деревне и отражение этого процесса в современный литературе // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе. Вологда, 2001. С. 230–240.

Гордон А.В. Цивилизационный сдвиг в пореформенной российской деревне (конец XIX – начало XX в.) // Культура в эпоху цивилизационного слома. М., 2001. С. 663–674.

Горлова И.Д. Материалы комиссии Н.А. Ваганова как источник для характеристики крестьянской общины на Алтае // Крестьянская община в Сибири XVII – начала XX в. Новосибирск, 1977. С. 229–236.

Горьковская З.П. Трудовые традиции русских крестьян в промыслах Сибири периода капитализма // Крестьянство Сибири периода разложения феодализма и развития капитализма: Сб. науч. тр. Новосибирск, 1981. С. 108–122.

Горюшкин Л.М. Социально-экономические предпосылки социалистической революции в сибирской деревне. Новосибирск: Изд-во АН СССР. Сиб. отд-ние, 1962. 129 с.

Горюшкин Л.М. Об освещении в советской исторической литературе вопроса о путях развития капитализма в сельском хозяйстве Сибири // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1965. Вып. 3. С. 149–177.

Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков: Конец XIX – начало XX в. Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1967. 412 с.

Горюшкин Л.М. О многоукладности экономики сибирской деревни периода империализма // Изв. Сиб. отд-ния АН СССР. 1973. № 6: Сер. обществ. наук. Вып. 2. С. 104–112.

Горюшкин Л.М. Развитие капитализма вширь и характер аграрно-капиталистической эволюции в России периода империализма // История СССР. 1974. № 2. С. 49–70.

Горюшкин Л.М. Крестьянская община и маслодельная кооперация в Сибири (конец XIX – начало XX в.) // Крестьянство Сибири XVIII – начала XX в.: (Классовая борьба, общественное сознание и культура). Новосибирск, 1975. С. 187–206.

Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1976. 343 с.

Горюшкин Л.М. Кооперация в сибирской деревне в годы первой мировой войны // Хозяйственное освоение Сибири и рост народонаселения (XVIII–XX вв.). Бахрушинские чтения 1979 г. Новосибирск, 1979. С. 141–155.

Горюшкин Л.М. Историография Сибири (период капитализма): Учеб. пособие. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1979. 79 с.

Горюшкин Л.М. Наемный труд, источники его формирования в сибирской деревне в 1914–1917 гг. // Промышленность и рабочие Сибири в период капитализма. Новосибирск, 1980. С. 173–210.

Горюшкин Л.М. Источники по истории крестьянства и сельского хозяйства Сибири во второй половине XIX – начале XX в.: Учеб. пособие. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1988. 96 с.

Горюшкин Л.М. Общее и особенное в аграрном развитии Сибири во второй половине XIX начале XX вв. Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1988. 36 с.

Горюшкин Л.М. Переселенческое движение и сельское хозяйство Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1989. 25 с.

Горюшкин Л.М. Областники о хозяйственной самостоятельности Сибири во второй половине XIX – начале XX веков // Изв. СО АН СССР. История, филология и философия. 1991. № 1. С. 37–44.

Горюшкин Л.М., Сагайдачный А.Н. Современные англо-американские историки о социально-экономическом развитии Сибири в конце XIX – начале XX в. // Методологические и философские проблемы истории. Новосибирск, 1983. С. 216–234.

Горюшкин Л.М., Миненко Н.А. Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI – начало XX в.). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1984. 318 с.

Горюшкин Л.М., Бочанова Г.М., Ноздрин Г.А. Опыт народной агрономии в Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.). Новосибирск: Наука. Сиб. изд. фирма, 1993. 263 с.

Гридасов Р.А. К характеристике колониального прошлого Сибири: (На примерах колонизации, заселения и развития сельского хозяйства) // Записки Сарат. план. ин-та. 1940. Вып. 6. С. 153–183.

Гринин Л.Е. Производительные силы и исторический процесс. М.: ТЕИС, 2000. 266 с.

Грисюк С.В. Некоторые проблемы применения количественных методов при изучении аграрной истории периода капитализма // Социально-экономические и политические проблемы истории народов СССР. М., 1986. С. 90–104.

Громыко М.М. Труд в представлениях сибирских крестьян (XVIII – первой половины XIX в.) // Крестьянство Сибири XVIII – начала XX в.: (классовая борьба, общественное сознание и культура). Новосибирск, 1975. С. 110–133.

Громыко М.М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII – первая половина XIX в.). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1975. 351 с.

Громыко М.М. Территориальная крестьянская община Сибири (30-е гг. XVIII – 60-е гг. XIX в.) // Крестьянская община Сибири XVII – начала XX в. Новосибирск, 1977. С. 33–103.

Громыко М.М. Место сельской (территориальной) общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиций // Советская этнография. 1984. № 5. С. 70–80.

Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М.: Наука, 1986. 274 с.

Громыко М.М. Культура русского крестьянства XVII–XIX веков как предмет исторического исследования // История СССР. 1987. № 3. С. 39–60.

Громыко М.М. Мир русской деревни. М.: Молодая гвардия, 1991. 446 с.

Громыко М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа. М.: Паломник, 2000. 543 с.

Гудзенко А. Русский менталитет. М.: ПАИМС, 2001. 240 с.

Гурвич И.А. Переселение крестьян в Сибирь // Юридический вестник. 1887. № 1. С. 81–107.

Гурвич И.А. Переселение крестьян в Сибирь: Исследование И.А. Гурвича. М.: Тип. А. Левенсон и К°, 1888. X, 147 с.

Гуревич А.Я. Новая историческая наука во Франции: достижения и трудности: (Критические заметки медеевиста) // История и историки: Историографический ежегодник. 1981. М., 1985. С. 99–127.

Гуревич А.Я. К пониманию истории как науке о человеке // Историческая наука на рубеже веков. М., 2001. С. 166–174.

Гуревич А.Я. История нескончаемый спор: Медеевистика и скандинавистика: Статьи разных лет. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2005. 889 с.

Гущин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму: (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции. 1926–1932 гг.). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1973. 518 с.

Давыденко Н.А. К изучению социокультурных факторов развития сибирского животноводства (конец XIX – начало XX в.) // «Сибирь мой край»: Проблемы региональной истории и исторического образования. Новосибирск, 1999. С. 105–117.

Давыденко Н.А. Трудовые традиции сибирских крестьян в животноводстве (вторая половина XIX – начало XX в.): Дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 2006. 266 с.

Давыдов М.Л. Очерки аграрной истории России в конце XIX – начале XX в.: (По материалам транспортной статистики землеустройства). М.: РГГУ, 2003. 556 с.

Даниельсон Н.Ф. Очерки нашего пореформенного хозяйства. СПб.: Тип. Бенке, 1893. 353 с.

Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М.: Наука, 1977. 318 с.

Данилов В.П. О характере аграрной эволюции России после 1861 года // Крестьянское хозяйство: история и современность. Вологда, 1992. Ч. 1. С. 53–64.

Данилов В.П. Русская революция в судьбе А.В. Чаянова // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Ежегодник. 1996. М., 1996. С. 96–133.

Данилов В.П. Л.Н. Литошенко и его исследование аграрной революции в России // Литошенко Л.Н. Социализация земли в России. Новосибирск, 2001. С. 7–45.

Данилов В.П. Аграрные реформы и аграрные революции в России. (1861–2001) // Россия в XX веке: Реформы и революции. М., 2002. Т. 1. С. 20–37.

Данилова Л.В. Природное и социальное в крестьянском хозяйстве // Крестьяноведение: Теория. История. Современность: Ученые записки. 1999. М., 1999. С. 21–52.

Данилова Л.В., Данилов В.П. Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). М., 1996. С. 22–39.

Дегальцева Е.А. Образ жизни сибиряков во второй половине XIX – начале XX в. Барнаул: Изд-во Алт. техн. ун-та, 2005. 188 с.

Демографическое и хозяйственное развитие алтайской деревни во второй половине XIX – начале XX в.: (по материалам массовых источников): Сб. ст. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. 150 с.

Дорожкин Г.А. Полемические вопросы теории модернизации в российском варианте // Проблемы истории, филологии, культуры. Москва; Магнитогорск, 2000. Вып. 9. С. 260–271.

Дорожкин Г.А. Уровень жизни русского крестьянства в 1861–1905 гг. в освещении современной германской историографии // Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск, 2001. Вып. 11. С. 318–329.

Дорофеев М.В. Земельные отношения в Томской губернии во второй половине XIX – начале XX века. Новокузнецк: Изд-во Куз. ГПА, 2007. 135 с.

Дружинин Н.М. Русская деревня на переломе, 1861–1880. М.: Наука, 1976. 207 с.

Дубровский С.М. Столыпинская реформа: Капитализация сельского хозяйства в XX веке. Л.: Прибой, 1925. 302 с.

Дубровский С.М. К вопросу об уровне развития капитализма в сельском хозяйстве России и характере классовой борьбы в деревне в период империализма (две социальные войны) // Особенности аграрного строя России в период империализма. М., 1962. С. 5–44.

Дубровский С.М. Столыпинская земельная реформа: Из истории сельского хозяйства и крестьянства России в начале XX в. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 599 с.

Дубровский С.М. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. М.: Наука, 1975. 398 с.

Дулов В.И. Крестьянство Восточной Сибири в годы первой русской революции. Иркутск: Кн. изд-во, 1956. 270 с.

Дулов В.И., Тюкавкин В.Г. О путях развития капитализма в сельском хозяйстве Сибири // Вопросы истории. 1964. № 4. С. 45–60.

Дулов В.И., Тюкавкин В.Г. К вопросу о двух типах аграрной эволюции в России // Сибирь периода капитализма. Новосибирск, 1967. Вып. 3: Общественно-политическое движение в Сибири в 1861–1917 гг. С. 18–34.

Дунин-Горкавич А.А. Современное состояние сельского хозяйства на Тобольском Севере. Тобольск: Изд-во Тобольск. губ. стат. ком., 1908. 42 с.

Дутчак Е.Е. Из «Вавилона» в «Беловодье»: адаптационные возможности таежных общин староверов-странников (вторая половина XIX – начало XXI в.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. 414 с.

Дякин В.С. Деньги для сельского хозяйства. 1892–1914 гг.: Аграрный кредит в экономической политике царизма. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1997. 355 с.

Евдокимов Л.А. К вопросу о расслоении крестьянства Южного Зауралья в конце XIX – начале XX в. // Крестьянство Зауралья в XX веке: уроки истории и современность. Курган, 2001. С. 6–19.

Егоров В.Г. Кооперативное движение в дореволюционной России: (Новый взгляд) // Вопросы истории. 2005. № 6. С. 3–18.

Емельянов Н.Ф., Важенина Т.Г., Тарасов Н.Л. Курганская деревня при капитализме. Курган: Изд-во Кург. гос. пед. ин-та, 1993. 153 с.

Ерасов Б.С. Цивилизации: Универсалии и самобытность. М.: Наука, 2002. 524 с.

Еремеев А.П. Родина сибирского маслоделия: Страницы истории предприятий молочной промышленности Зауралья. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1989. 173 с.

Ерёмин И.А. Томская губерния как тыловой район России в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Барнаул: Барн. гос. пед. ун-т, 2005. 272 с.

Ерёмин И.А., Кижаева Т.А. Алтай в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) // История Алтайского края XVIII–XX вв. Барнаул, 2005. С. 225–237.

Ермолов А.С. Всеподданнейший доклад министра земледелия и государственных имуществ по поездке в Сибирь осенью 1895 г. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1896. 53 с.

Ермолов А.С. Наш земельный вопрос. I. Земля и труд. II. Крестьяне и земля. III. Действительность и земельные утопии. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1906. VII, 293 с.

Есиков С.А. Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в начале XX в. (1900–1921 гг.). Тамбов: Тамбов. гос. техн. ун-т, 1998. 198 с.

Жеравина А.Н. Кабинетское хозяйство в Сибири (1747–1861 гг.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 324 с.

Жигунова М.А., Шелегина О.Н. Материальная культура русского населения Сибири в XX веке: Традиции и новации // Русский этнос Сибири в XX веке. Новосибирск, 2004. С. 62–89.

Жидков В.С. Эволюция культуры: системный подход // Системные исследования: Методологические проблемы: Ежегодник – 1998. Ч. 2. М., 2000. С. 252–281.

Жидков В.С., Соколов К.Б. Десять веков российской ментальности: картина мира и власть. СПб.: Алетейя, 2001. 640 с.

Жидков Г.П. Кабинетское землевладение (1747–1917 гг.) Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1973. 264 с.

Журавлев В.В. Цивилизационный подход к истории и вопросы её одушевления // Сб. науч. ст. М., 2005. С. 5–18.

Журов Ю.В. Енисейское крестьянство в годы Гражданской войны. Красноярск: Краснояр. гос. пед. ин-т, 1972. 250 с.

Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе: Материалы XXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда: ВГПУ: Изд-во «Русь», 2001. 432 с.

Зарубина Т.М. Сибирская ярмарочная торговля 80–90 гг. XIX в.: (На примере Томской губернии) // Из истории Юго-Западной Сибири. Кемерово, 1993. С. 36–45.

Захарова А.К. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Западной Сибири: (Пореформенный период): Дис. … канд. ист. наук. М., 1952. 302 с.

Захарова Н.В. Индивидуализация крестьянского землевладения в Тобольской губернии в годы столыпинской аграрной реформы // Малоизученные и дискуссионные проблемы отечественной истории. Нижневартовск, 2005. С. 166–180.

Зверев В.А. Изменение образа жизни крестьянства в ходе земледельческого освоения Сибири (XVII – начало XX в.). Новосибирск, 1985. С. 94–104.

Зверев В.А. Роль семьи в закреплении и передаче опыта хозяйственной деятельности русских крестьян Сибири (конец XIX – начало XX в.) // Земледельческое освоение Сибири в конце XVII – начале XX в.: (Трудовые традиции крестьянства). Новосибирск, 1985. С. 112–128.

Зверев В.А. Итоги и задачи изучения образа жизни русского крестьянства Сибири эпохи капитализма // Хозяйственное освоение Сибири в период капитализма: Историография проблемы. Новосибирск, 1988. С. 150–170.

Зверев В.А. Крестьянское население Сибири в эпоху капитализма: (проблема физического и социального возобновления): Учеб. пособие. Новосибирск: НГПИ, 1988. 88 с.

Зверев В.А. Традиционный аграрный опыт русских крестьян Сибири эпохи капитализма // Участие крестьянства в освоении восточных окраин России (конец XVII – начало XX в.). Новосибирск, 1990. С. 53–70.

Зверев В.А. Семейное крестьянское домохозяйство эпохи капитализма: историко-демографический анализ. Новосибирск: НГПИ, 1991. 265 с.

Зверев В.А. Людность семейного домохозяйства у русского и аборигенного крестьянства Сибири в конце XIX – начале XX в.: (Опыт сравнительного анализа) // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Отечественная история. 1996. № 2. С. 10–18.

Зверев В.А. Региональные условия воспроизводства крестьянских поколений в Сибири (1861–1917 гг.). Новосибирск: НГПУ, 1998. 118 с.

Зверев В.А. Образ жизни сельского населения Сибири в начальный период модернизации российского общества: проблемы исторического изучения // Сибирская деревня: проблемы истории. Новосибирск, 2004. С. 75–84.

Зверев В.В. Н.Ф. Даниельсон, В.П. Воронцов: капитализм и пореформенное развитие русской деревни (70-е начало – 90-х гг. XIX в.) // Отечественная история. 1998. № 1. С. 157–167.

Земледельческое освоение Сибири в конце XVII – начале XX в.: (Трудовые традиции крестьянства). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1985. 161 с.

Зерновое хозяйство России (1865–1997 гг.): Историко-экономический очерк. М.: Воениздат, 1998. 224 с.

Зиновьев В.П. Индустриальные кадры старой Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. 258 с.

Зиновьев В.П. Современная историография хозяйственного освоения Сибири в XVII – начале XX века // Роль государства в хозяйственном и социокультурном развитии Азиатской России XVII – начала XX века: Новосибирск, 2007. С. 26–34.

Зубкова Е.Ю., Куприянов А.И. Ментальное измерение истории // Вопросы истории. 1995. № 7. С. 155–160.

Зырянов П.Н. Крестьянская община Европейской России. 1907–1914 гг. М.: Наука, 1992. 256 с.

Зырянов П.Н. Полтора века споров о русской сельской общине // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX века. СПб., 1999. С. 87–100.

Иберла К. Факторный анализ: Пер. с нем. М.: Статистика, 1980. 398 с.

Иванова Н.А. Проблемы многоукладности на современном этапе развития науки // Экономическая история России XIX–XX вв.: Современный взгляд. М., 2000. С. 592–604.

Иванова Н.А., Желтова В.В. Сословно-классовая структура России в конце XIX – начале XX века. М.: Наука, 2004. 350 с.

Иванцова Н.Ф. О рынке наемного труда в сельском хозяйстве Сибири (Начало XX в.) // Аграрный рынок в его историческом развитии. М., 1991. С. 88–90.

Иванцова Н.Ф. Западносибирское крестьянство в 1917 – первой половине 1918 г. М.: Прометей, 1993. 352 с.

Иванченко Н.В. Земледелие в Алтайском округе 80–90-х гг. XIX в. // Актуальные вопросы истории Алтая. Барнаул, 1980. С. 142–157.

Иванченко Н.В. Скотоводство Алтайского горного округа в пореформенный период // Вопросы социально-экономического развития Сибири в период капитализма. Барнаул, 1984. С. 142–157.

Иванченко Н.В. Сельские предприниматели Алтая в пореформенное время // Предпринимательство на Алтае. XVIII в. – 1920-е гг. Барнаул, 1993. С. 44–49.

Изместьева Т.Ф. Россия в системе европейского рынка. Конец XIX – начало XX в.: (опыт количественного анализа). М.: Изд-во МГУ, 1991. 192 с.

Илимский Дм. Национальная политика в Сибири // Северные записки. 1916. № 2. С. 153–182.

Илимский Дм. Материалы к вопросу о производительных силах Сибири. Томск: Бюро воен.-техн. помощи, 1917. 70 с.

Ильиных В.А. Крестьянское хозяйство Сибири (конец 1980-х – начало 1940-х годов): Тенденция и этапы развития // Крестьянская семья и двор в Сибири в XX веке: проблемы изучения. Новосибирск, 1999. С. 33–76.

Ильиных В.А. Аграрный строй Сибири в XX веке: поиск моделей устойчивого развития // Россия в XX веке: Реформы и революция: В 2 т. М., 2002. Т. 1. С. 644–654.

Ильиных В.А. Крестьянская семья и двор в XX в.: Историография проблемы // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории. Новосибирск, 2004. С. 90–113.

Индова Е.И., Преображенский А.А., Тихонов Ю.А. Буржуазное расслоение крестьянства в России XVII–XVIII вв. // История СССР. 1962. № 3. С. 80–105.

Ионин Л.Г. Социология культуры: Учеб. пособие. М., 1996. 233 с.

Ионов И.Н. Цивилизационное сознание и историческое знание: Проблемы взаимодействия. М.: Наука, 2007. 499 с.

История и культурология: Учеб. пособие. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Логос, 2004. 472 с.

История и синергетика: Методологические исследования. М.: Комкнига, 2005. 184 с.

История Сибири: Учеб. пособие. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. 472 с.

История Сибири с древнейших времен до наших дней. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1968. Т. 3: Сибирь в эпоху капитализма. 530 с.

Йетс Ф. Выборочный метод в переписях и обследованиях: Пер. с англ. М.: Статистика, 1965. 436 с.

Кабанов В.В. Пути и бездорожье аграрного развития России // Вопросы истории. 1993. № 2. С. 34–46.

Кабанов В.В. Крестьянская община и кооперация России XX века. М.: ИРИ РАН, 1997. 155 с.

Каблуков Н.А. Об условиях развития крестьянского хозяйства в России: (очерки по экономии сельского хозяйства). М.: Маг. «Книжное дело», 1899. 309 с.

Кабытов П.С. Аграрные отношения в Поволжье в период империализма (1900–1917 гг.). Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1982. 199 с.

Кабытов П.С. Русское крестьянство в начале XX века: Учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. Самара: Самар. ун-т, 1999. 154 с.

Камынин В.Д. Эволюция методологических и концептуальных представлений в провинциальной исторической науке в конце 80–90-х гг. XX столетия // Уральский исторический вестник. 2001. № 7. С. 158–170.

Капустин С.Я. Современное положение крестьянства в Сибири // Восточное обозрение. 1884. 13, 27 сент.

Капустин С.Я. Очерки порядков поземельной общины в Тобольской губернии: (По сведениям, собранным западносибирским отделом Императорского русского географического общества // Литературный сборник: Издание редакции «Восточного обозрения»: Сборник научных и литературных статей о Сибири и Азиатском Востоке. СПб., 1885. С. 59–113.

Капустин С.Я. Хозяйственный быт сибирского крестьянина // Литературный сборник: Издание редакции «Восточного обозрения»: Сборник научных и литературных статей о Сибири и Азиатском Востоке. СПб., 1885. С. 304–322.

Карагодин А.В. Изучение пореформенного российского крестьянства в современном западном россиеведении: основные концепции, подходы и перспективы: Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2001. 27 с.

Карлина А.А. Перспективы предпринимательства в сельском хозяйстве России в конце XIX – начале XX веков: (По материалам деятельности Московского общества сельского хозяйства) // Поволжье в системе Всероссийского рынка: история и современность. Чебоксары, 2000. С. 180–193.

Карлин А.С. Культурология: Учеб. 3-е изд., стер. СПб.: Изд-во «Лань», 2004. 928 с.

Катионов О.Н. Московско-Сибирский тракт и его жители в XVII–XIX вв. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 2004. 567 с.

Катионов О.Н. Исследование В.И. Прониным проблем формирования рынка в Сибири периода капитализма (1861–1917 гг.) // Пишем времена и случаи: Материалы Всерос. науч.-практ конф., посвящ. 70-летию кафедры отечественной истории НГПУ. Новосибирск: Изд. НГПУ, 2008. С. 107–111.

Кауфман А.А. Влияние переселенческого элемента на развитие сельского хозяйства и общинной жизни в Западной Сибири: (К вопросу о сравнительной характеристике переселенца и коренного сибирского крестьянина) // Северный вестник. 1891. № 4. С. 27–52.

Кауфман А.А. Общинные порядки восточных волостей Томского округа и северо-западной половины Мариинского округа // Алтайский сборник / Изд. Общества любителей исследования Алтая. Томск, 1894. Вып. 1. С. 90–161.

Кауфман А.А. Очерк крестьянского хозяйства. Томск: Типо-литогр. П.И. Макушина, 1894. II, 90 с.

Кауфман А.А. Крестьянская община в Сибири по местным исследованиям 1886–1892 гг. СПб.: Кн. магазин А.Ф. Цинзерлинга, 1897. VII, 277 с.

Кауфман А.А. Сибирские вопросы в сельскохозяйственных комитетах 1902 г. // Сибирские вопросы. 1905. № 1. С. 1–32.

Кауфман А.А. Колонизация Сибири в настоящем и будущем // Сибирские вопросы. 1905. № 1. С. 171–201.

Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1905. IX, 349, 81 с.

Кауфман А.А. Русская община в процессе ее зарождения и роста. М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1908. IX, 455 с.

Кауфман А.А. Земельный вопрос и переселения // Сибирь, современное состояние и ее нужды. СПб., 1908. С. 141–168.

Кауфман А.А. Формы хозяйства в их историческом развитии. М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1910. 131 с.

Кауфман А.А. Община. Переселение. Статистика. М.: Изд. К.А. Лемана и Б.Д. Плетнева, 1915. 512 с.

Кауфман А.А. Аграрный вопрос в России: Курс народного университета. 2-е изд., доп. М.: Моск. науч. изд-во, 1918. 268 с.

Кауфман А.А. Статистическая наука в России: Теория и методология. 1906–1917: Историко-критический очерк. М.: Центр. стат. упр., 1922. 218 с.

Керов В.В. Духовный строй старообрядческого предпринимательства: альтернативная модернизация на основе национальной традиции // Экономическая история: Ежегодник 1999. М., 1999. С. 195–234.

Керов В.В. «Се человек и его дело…» Конфессиональные этические факторы старообрядческого предпринимательства в России. М.: ЭКОН-ИНФОРМ, 2004. 658 с.

Керов В.В. О междисциплинарном подходе в историко-антропологических исследованиях: методы социологии и психологии в выявлении и анализе хозяйственного менталитета // Ежегодник историко-антропологических исследований. 2005. М., 2006. С. 5–26.

Кириллов А.К. Переселение и крестьянское налогообложение в Сибири // Сибирский плавильный котёл: социально-демографические процессы в Северной Азии XVI – начала XX века: Сб. науч. ст. Новосибирск, 2004. С. 215–223.

Кириллов А.К. Система денежного налогообложения сибирских крестьян в конце XIX – начале XX века // Налоги и заготовки в Сибирской деревне (1890–19200-е гг.). Новосибирск, 2004. С. 3–37.

Кириллов А.К. Традиции и новации: Россия пореформенная // Модернизация и традиция в истории России: Сб. науч. тр. Новосибирск, 2005. С. 46–61.

Кирьяков В.В. Очерки по истории переселенческого движения в Сибири. М.: Типолитогр. т-ва И.Н. Кушнерев, 1902. 370 с.

Клейн Н.Л. Экономическое развитие Поволжья в конце XIX – начале XX в.: К вопросу о предпосылках буржуазно-демократических революций в России. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1981. 199 с.

Клеменц Д. Население Сибири // Сибирь, ее современное состояние и нужды. СПб., 1908. С. 36–78.

Климин И.И. Столыпинская аграрная реформа и становление крестьян-собственников в России. СПб.: Кино, 2002. 333 с.

Климин И.И. Российское крестьянство в годы Гражданской войны (1917–1921). СПб., 2004. 376 с.

Ковалев Д.В. Из истории модернизационных процессов в крестьянском хозяйстве России конца XIX – первой четверти XX века (на материалах Подмосковья) // Отечественная история. 2002. № 5. С. 177–187.

Ковалев Д.В. Модернизация крестьянского аграрного производства в столичных губерниях России конца XIX – начала XX века // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград, 2003. С. 115–122.

Ковалев Д.В. Аграрные преобразования и крестьянство столичного региона в первой четверти XX в.: (по материалам Московской губернии). М.: МГПУ, 2004. 312 с.

Ковальченко И.Д. Об изучении мелкотоварного уклада в России XIX века // История СССР. 1962. № 1. С 74–93.

Ковальченко И.Д. Некоторые вопросы генезиса капитализма в крестьянском хозяйстве России // История СССР. 1962. № 6. С. 65–87.

Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1967. 400 с.

Ковальченко И.Д. В.И. Ленин о характере аграрного строя капиталистической России // Вопросы истории. 1970. № 3. С. 30–51.

Ковальченко И.Д. Соотношение крестьянского и помещичьего хозяйства в земледельческом производстве капиталистической России // Проблемы социально-экономической истории России. М.: Наука, 1971. С. 171–194.

Ковальченко И.Д. Аграрный рынок и характер аграрного строя Европейской России в конце XIX – начале XX века // История СССР. 1973. № 2. С. 42–74.

Ковальченко И.Д. О моделировании исторических явлений и процессов // Вопросы истории. 1978. № 8. С. 72–93.

Ковальченко И.Д. Исторический источник в свете учения об информации // История СССР. 1982. № 3. С. 129–148.

Ковальченко И.Д. О буржуазном характере крестьянского хозяйства Европейской России в конце XIX – начале XX века: По бюджетным данным среднечерноземных губерний // История СССР. 1983. № 5. С. 50–81.

Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 1987. 440 с.

Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2003. 486 с.

Ковальченко И.Д. Аграрное развитие России и революционный процесс // Реформы или революция?: Россия 1861–1917. СПб., 1992. С. 246–263.

Ковальченко И.Д. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований. Заметки и размышления о новых подходах // Новая и новейшая история. 1995. № 1. С. 3–33.

Ковальченко И.Д. Проблемы многомерной периодизации экономического развития России в 1861–1913 гг. // Исторические записки. М., 1999. № 2. Памяти академика И.Д. Ковальченко. С. 11–25.

Ковальченко И.Д. Аграрный строй России второй половины XIX – начала XX в. М.: РОССПЭН, 2004. 530 с.

Ковальченко И.Д., Бородкин Л.И. Аграрная типология губерний Европейской России на рубеже XIX–XX вв.: (Опыт многомерного количественного анализа) // История СССР. 1979. № 1. С. 59–95.

Ковальченко И.Д., Бородкин Л.И. Структура и уровень аграрного развития районов Европейской России на рубеже XIX–XX веков: (Опыт многомерного анализа) // История СССР. 1981. № 1. С. 76–99.

Ковальченко И.Д., Бородкин Л.И. Вероятностная многомерная классификация в исторических исследованиях: (По данным об аграрной структуре губерний Европейской России на рубеже XIX–XX вв.) // Математические методы и ЭВМ в исторических исследованиях. М., 1985. С. 6–30.

Ковальченко И.Д., Бородкин Л.И. Современные методы изучения исторических источников с использованием ЭВМ: Учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. 87 с.

Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Всероссийский аграрный рынок. XVIII – начало XX в.: Опыт количественного анализа. М.: Наука, 1974. 413 с.

Ковальченко И.Д., Селунская Н.Б., Литваков Б.М. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма: Источники и методы изучения. М.: Наука, 1982. 264 с.

Ковальченко И.Д., Моисеенко Т.Л., Селунская Н.Б. Социально-экономический строй крестьянского хозяйства Европейской России в эпоху капитализма: (Источники и методы исследования). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. 224 с.

Когут М.Т. Начальный этап поземельного устройства сибирских крестьян (1898–1906 гг.) // Аграрная политика царизма в Сибири. Омск, 1969. С. 3–25.

Когут М.Т. К вопросу об итогах поземельно-устроительной реформы царизма на государственных землях Сибири к 1917 г. // Аграрная политика царизма в Сибири в эпоху капитализма. Омск, 1987. С. 41–71.

Когут М.Т. К характеристике источников по землеустроительной политике царизма в Сибири в конце XIX – начале XX вв. // Источники и историография: археология и история. Омск, 1988. С. 97–110.

Когут М.Т. Отношение сибирских крестьян к земельной политике правительства как проявление ментальности российского крестьянства (1896–1917 гг.) // Проблемы историографии и истории. Омск, 2002. С. 124–139.

Козлов С.А. Аграрные традиции и новации в дореформенной России (центрально-черноземные губернии). М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. 560 с.

Козлов С.А. Аграрная модернизация Центрально-Нечерноземной России в конце XIX – начале XX века: (Основные этапы) // Отечественная история. 2004. № 2. С. 20–27.

Козлов С.А., Швейковская Е.Н. Проблемы социально-экономической истории в работе симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (1958–2003 гг.) // Отечественная история. 2003. № 6. С. 158–173.

Кознова И.Е. XX век в социальной памяти российского крестьянства. М.: ИФРАН, 2000. 207 с.

Козьмин Н.Н. Очерки прошлого и настоящего Сибири. СПб.: Т-во «Печатный труд», 1910. 273 с.

Колесников А.Д. Классовое расслоение сибирского крестьянства накануне Великой Октябрьской социалистической революции: (По материалам Среднего Прииртышья) // Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири. Курган, 1971. С. 388–399.

Количественные методы в исторических исследованиях. М.: Высш. шк., 1984. 384 с.

Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом. Изд. Канц. Комитета министров. СПб.: Гос. тип., 1900. X, 376 с.; 7 л. картограмм.

Кон С.С. К вопросу о применении выборочного метода при разработке сельскохозяйственных переписей. Пг., [б. и.], 1917. 37 с.

Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М.: Изд-во Наркомзема «Новая деревня», 1922. 437 с.

Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М.: Наука, 1995. 487 с.

Кондрашин В.В. Голод в крестьянском менталитете // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). М., 1996. С. 115–123.

Коновалов И.Н. Крестьянская кооперация в России (1900–1917). Саратов: Сарат. акад. права, 1998. 187 с.

Коновалов П.С. Грузооборот Сибирской железной дороги в 1895–1913 гг. // Хозяйственное освоение Сибири. История, историография, источники. Томск, 1991. Вып. 1. С. 155–167.

Кооперация Сибири в XX в.: Опыт, уроки, перспективы: Сб. статей. Новосибирск: ИИФиФ СО РАН, 1994. Вып. 1. 217 с.

Корелин А.П. Зарождение кооперативного движения в России: взлеты и падения (1860-е – середина 90-х гг. XIX в.) // Экономическая история: Ежегодник. 2002. М., 2003. С. 421–454.

Корелин А.П. Российская кооперация на рубеже веков: переломное десятилетие (1895–1904 гг.) // Экономическая история: Ежегодник. 2004. М., 2004. С. 183–242.

Корелин А.П. Ключевые проблемы социально-экономической истории пореформенной России // Государственное и муниципальное управление России: История и современность. Самара, 2004. С. 81–96.

Корель Л.В. Классификация адаптаций: Словарь основных понятий. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 1996. 44 с.

Корель А.В. Социология адаптаций: Этюды апологии. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 1997. 160 с.

Кореневская Н.Н. Бюджетные обследования крестьянских хозяйств в дореволюционной России. М.: Изд-во АН СССР, 1954. 239 с.

Костров Н.И., Никитин Н.П., Эмме А.А. Очерки организации крестьянского хозяйства по материалам бюджетных исследований начала XX века. М.: Новая деревня, 1925. 167 с.

Котович Л.В. Организация общинного самоуправления русских крестьян Сибири в конце XIX – начале XX в. // Община и семья в сибирской деревне XVIII – начала XX в. Новосибирск, 1989. С. 39–50.

Котович Л.В. Крестьянская община Сибири периода капитализма (80-е гг. XIX в. – 1917 г.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 1990. 18 с.

Котович Л.В. Регулирование поведения крестьянства Сибири в эпоху капитализма: (этическая функция общины) // Культурный потенциал Сибири в досоветский период. Новосибирск, 1992. С. 74–85.

Котович Л.В. Крестьянское самоуправление Западной Сибири в 1915 г.: (По материалам приговоров сельских сходов) // Социальные конфликты в истории России: Материалы Всерос. науч. конф. Омск, 2004. 348–350.

Котович Л.В., Родигина Н.Н. Самоуправление западносибирской деревни как предмет публицистического и исследовательского дискурса на рубеже XIX–XX вв. // Вопросы социальной истории России конца XVIII – начала XX вв. Омск, 2004. С. 29–45.

Коцонис Я. Как крестьян делали отсталыми: Сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России. 1861–1914: Пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 313 с.

Кочаровский К.Р. Крестьянское хозяйство и переселение (итоги размеров и результатов переселенческого движения за истекшие 30-летие) // Русская мысль. 1894. № 6, отд. 2. С. 60–80.

Красин Л.Б. Судьбы капитализма в Сибири // Восточное обозрение. 1896. 13, 18 окт., 3 нояб.

Крестьяноведение**:** Теория. История. Современность: Ежегодник. 1996. М.: Аспект Пресс, 1996. 352 с.

Крестьяноведение**:** Теория. История. Современность: Ежегодник. 1997. М., 1997. 380 с.

Крестьяноведение**:** Теория. История. Современность: Ученые записки. М., 1999. 323 с.

Крестьянская община в Сибири XVII – начала XX в. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1977. 288 с.

Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917–1937). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1983. 389 с.

Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1983. 399 с.

Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1982. 504 с.

Кром М.М. Историческая антропология: Пособие к лекционному курсу. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2000. 78 с.

Кротт И.И. Из истории развития животноводства в предпринимательских хозяйствах Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. // Странички философии, методологии и истории. Омск, 2000. С. 114–137.

Кротт И.И. К вопросу об экстенсивном характере земледелия в предпринимательских хозяйствах Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. // Степной край Евразии: Историко-культурное взаимодействие и современность. Омск, 2005. С. 102–105.

Кротт И.И. Развитие животноводства в предпринимательских хозяйствах Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. // Западная Сибирь: история и современность. Тюмень, 2005. Вып. 7. С. 37–68.

Кузнецов В. Экономические результаты переселения в Сибирь и Степной край // Вопросы колонизации. 1908. № 2. С. 69–83.

Кузнецов И.В. Об укладах и многоукладности капиталистической России // Вопросы истории. 1974. № 7. С. 20–32.

Кузнецов С.В. Вера и обрядность в хозяйственной деятельности русского крестьянства // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). М., 1996. С. 284–292.

Кузнецов С.В. Нравственность и религиозность в хозяйственной деятельности русского крестьянства // Православная жизнь русских крестьян XIX–XX веков. М., 2001. С. 168–182.

Кузьмин В.П. Принцип системности в истории и методологии К. Маркса. 3-е изд. М.: Политиздат, 1986. 400 с.

Кузьмин С.А. Социальные системы: Опыт структурного анализа. М.: Наука, 1996. 191 с.

Кукушкин Ю.С., Тимофеев Н.С. Самоуправление крестьян России (XIX – начало XXI в.). М.: Изд-во МГУ, 2004. 208 с.

Культурная (социальная) антропология: Учеб. пособие для вузов. М.: Академический проект, 2004. 480 с.

Кучумова Л.И. Крестьянский двор и семья в общине Европейской России во второй половине XX века // Крестьянское хозяйство: история и современность. Вологда, 1992. С. 41–52.

Ланской Г.Н. Современные историографические концепции истории России второй половины XIX – начала XX в.: традиции и новаторство // Новый исторический вестник. 2001. № 1. С. 28–45.

Лебедева А.А. Формирование русского населения в Притоболье и хозяйственный быт (XVIII – начало XX в.) // Хозяйство и быт западносибирского крестьянства. XVIII – начало XX в. М.: Наука, 1979. С. 63–108.

Левин М. Деревенское бытие: нравы, верования, обычаи // Крестьяноведение: Теория. История. Современность: Ежегодник. 1997. М., 1997. С. 84–127.

Ленин В.И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве // Полн. собр. соч. Т. 1. С. 347–534.

Ленин В.И. Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. Т. 3. С. 347–534.

Ленин В.И. Аграрный вопрос и критики Маркса // Полн. собр. соч. Т. 5. С. 95–268.

Ленин В.И. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905–1907 годов // Полн. собр. соч. Т. 16. С. 193–413.

Ленин В.И. Аграрный вопрос в России к концу XIX века // Полн. собр. соч. Т. 17. С. 57–137.

Ленин В.И. Капиталистический строй современного земледелия // Полн. собр. соч. Т. 19. С. 319–344.

Ленин В.И. Новые данные о законах развития капитализма в земледелии. Вып. 1. Капитализм и земледелие в соединенных штатах Америки // Полн. собр. соч. Т. 27. С. 129–227.

Липинская В.А. Русское население Алтайского края: Народные традиции в материальной культуре (XVIII–XX вв.). М.: Наука, 1987. 224 с.

Липинская В.А. Старожилы и переселенцы: Русские на Алтае. XVIII – начало XX в. М.: Наука, 1996. 269 с.

Липинская В.А. Традиционное сельское хозяйство русских крестьян в Сибири и на Дальнем Востоке // Традиционный опыт природопользования в Сибири. М., 1998. С. 184–225.

Литвак Б.Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX – начала XX в. М.: Наука, 1979. 294 с.

Литвак К.Б. Опыт количественного анализа пообщинных сводок земских подворных переписей начала XX в. // Математические методы в социально-экономических и археологических исследованиях. М., 1981. С. 128–155.

Литвак К.Б. Социально-экономический строй крестьянского хозяйства Полтавской губернии: (по материалам земских подворных переписей 1880-х гг. и 1910 г.) // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1982. С. 217–237.

Литвак К.Б. О пределах информативности пообщинных сводок земских переписей при изучении типов крестьянских хозяйств // Математические методы ЭВМ в исторических исследованиях. М., 1985. С. 67–80.

Литошенко Н.Л. Эволюция и прогресс крестьянского хозяйства. М.: Русский книжник, 1923. 262 с.

Литягина А.В. Уровень религиозности населения Западной Сибири // Вопросы истории. 2006. № 9. С. 117–124.

Лурье С.В. Историческая этнология: Учеб пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 1997. 448 с.

Люблинская А.Д. В.И. Ленин о ранних формах развития капитализма в сельском хозяйстве // В.И. Ленин и проблемы истории. Л., 1970. С. 363–377.

Лященко П.И. Очерки аграрной эволюции России: В 2 т. СПб.: Редакция периодических изданий Мин. фин., 1908. Т. 1: Разложение натурального строя и условия образования сельскохозяйственного рынка. VI, 2, 446 с.

Лященко П.И. Социальная экономия сельского хозяйства. М.; Л.: Госиздат, 1930. Т. 1: Основные элементы социальной экономии сельского хозяйства. 400 с.; Т. 2: Система капиталистического сельского хозяйства в целом. 303 с.

Лященко П.И. История народного хозяйства СССР: Учеб. пособие. 4-е изд. М.: Госполитиздат, 1956. Т. 2: Капитализм. 728 с.

Майдачевский Д.Я. Сибирские аналогии А.А. Кауфмана, или Живая история хозяйства // Иркутский историко-экономический ежегодник, 1999. Иркутск, 1999. С. 29–35.

Макаров Н.П. Крестьянское кооперативное движение в Западной Сибири. М.: Сотрудничество, 1910. 205 с.

Макаров Н.П. Крестьянское хозяйство и его интересы. М.: Университетская б-ка, 1917. 109 с.

Макаров Н.П. Крестьянское хозяйство и его эволюция. М.: Тип. Н. Желудковой, 1920. XVI, 392 с.

Малахинов П.И. О двух типах аграрной эволюции в России. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1962. 441 с.

Малютин Г.Г. К вопросу о классовом расслоении сибирского крестьянства (начало XX в.) // Изв. Сиб. отд-ния АН СССР. № 11. Сер. обществ. наук. Вып. 3. С. 101–107.

Малютин Г.Г. Социально-экономическое развитие крестьянства Алтайского горного округа накануне и в годы первой мировой войны (1907 – март 1917 гг.): Дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 1979. 222 с.

Малютин Г.Г. Культура быта, труда и хозяйствования западносибирского крестьянства в конце XIX – начале XX веков // Культура Зауралья: прошлое и настоящее. Курган, 1999. Вып. 2. С. 64–71.

Мамонтова М.А. Современная отечественная историография: историко-антропологический аспект // История. Культура. Общество: Междисциплинарные подходы. М., 2003. С. 268–312.

Мамсик Т.С. Хозяйственное освоение Южной Сибири: Механизм формирования и функционирования агропромысловой структуры. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1989. 240 с.

Мамсик Т.С. Западносибирская приписная деревня в системе товарно-денежного хозяйства: Кайлинская волость по материалам окладных книг 1857 г. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2001. 267 с.

Маркарян Э.С. Узловые проблемы теории культурной традиции // Советская этнография. 1981. № 2. С. 78–96.

Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23–25.

Марусин С. (Швецов С.П.) Очерк форм пользования землей у крестьян Тюкалинского уезда // Восточное обозрение. 1887. 16 апр.; 7, 28 мая; 4 июня; 2 июля.

Марусин С. (Швецов С.П.) Купля-продажа крестьянских земель в Тобольской губернии // Сибирский сборник. СПб., 1887. С. 43–54.

Марусин С. (Швецов С.П.) Старожилы и переселенцы в Сибири // Сибирский листок. 1891. 14, 21, 28 февр.

Маслов С.Л. Крестьянское хозяйство: Очерки экономики мелкого земледелия. 2-е изд., перераб. и доп. М.: [б. и.], 1915. 180 с.

Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. М.: Наука, 1979. 415 с.

Матвеева А.Ф. Крестьянство Тобольской губернии 1775–1860 гг.: хозяйственный уклад и социокультурный облик: Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2007. 39 с.

Математические методы в исторических исследованиях. М.: Наука, 1972. 234 с.

Математические методы в исследованиях по социально-экономической истории. М.: Наука, 1975. 320 с.

Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях. М.: Наука, 1977. 384 с.

Математические методы в социально-экономических и археологических исследованиях. М.: Наука, 1981. 415 с.

Математические методы и ЭВМ в исторических исследованиях. М.: Наука, 1985. 343 с.

Математические методы и ЭВМ в историко-типологических исследованиях. М.: Наука, 1989. 271 с.

Мелких А.М. Из экономической жизни Западной Сибири. М.: Тип. П.П. Рябушинского, 1912. 116 с.

Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.): Материалы международной конференции. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1996. 440 с.

Методологические проблемы истории: Учеб. пособие. Минск: ТетраСистемс, 2006. 352 с.

Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы. М.: Логос, 2005. 192 с.

Милов Л.В. Парадокс хлебных цен и характер аграрного рынка России в XX веке // История СССР. 1974. № 2. С. 78–95.

Милов Л.В. О российском типе генезиса капитализма // Новая и новейшая история. 1987. № 2. С. 78–95.

Милов Л.В. Академик РАН И.Д. Ковальченко (1923–1995): труды и концепции // Отечественная история. 1996. № 6. С. 85–105.

Милов Л.В. Природно-капиталистический фактор и менталитет русского крестьянства // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). М., 1996. С. 40–57.

Милов Л.В. Творческий путь академика И.Д. Ковальченко // Исторические записки. М., 1999. № 2 (120). С. 26–59.

Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. 576.

Милов Л.В., Булгаков М.Б., Гарскова И.М. Системно-структурный подход к изучению аграрного развития России 1-й половины XVII в. и проблемы типологии феодального хозяйства: (Многомерный анализ писцовых книг) // Математические методы и ЭВМ в исторических исследованиях. М., 1985. С. 31–66.

Милов Л.В., Селунская Н.Б. Иван Дмитриевич Ковальченко: К 80-летию со дня рождения // Ковальченко И.Д. Аграрный строй России второй половины XIX – начала XX в. М., 2004. С. 7–36.

Милоголова И.Л. О праве собственности в пореформенной крестьянской семье. 1861–1900 гг. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8, История. 1995. № 1. С. 22–31.

Миненко Н.А. Крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – первой половины XIX в.). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1979. 351 с.

Миненко Н.А. Роль крестьянской общины в организации сельскохозяйственного производства (по материалам Западной Сибири. XVIII – первая половина XIX в.) // Земледельческое освоение Сибири в конце XVII – начале XX в.: (Трудовые традиции крестьянства). Новосибирск, 1985. С. 40–58.

Миненко Н.А. История культуры русского крестьянства в период феодализма: Учеб. пособие. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1986. 92 с.

Миненко Н.А. Живая старина: будни и праздники сибирской деревни в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1989. 160 с.

Миненко Н.А. Крестьянская община в Западной Сибири. XVIII – первая половина XIX века. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1991. 265 с.

Минжуренко А.В. Роль временного фактора в положении переселенческих хозяйств в Сибири в конце XIX – начале XX в. // Некоторые вопросы расстановки классовых сил накануне и в период Великой Октябрьской социалистической революции. Томск, 1976. С. 100–114.

Минжуренко А.В. Влияние переселения на разложение крестьянства Европейской России и переселенцев Сибири в конце XIX – начале XX веков // Проблемы общественных наук в работах молодых учёных. Томск, 1976. Ч. 1. С. 10–20.

Минжуренко А.В. Переселенческая деревня Западной Сибири в конце XIX – начале XX в.: Дис. … канд. ист. наук. Томск, 1977. 244 с.

Минжуренко А.В. Непричисленные переселенцы Сибири (конец XIX – начало XX в.) // Вопросы формирования русского населения Сибири в XVIII – начале XX в. Томск, 1978. С. 40–70.

Минжуренко А.В. Влияние природно-географического фактора на устройство переселенцев Сибири (конец XIX – начало XX вв.) // Проблемы исторической демографии СССР. Томск, 1980. С. 263–275.

Минжуренко А.В. Устройство и становление переселенческих хозяйств Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. // Экономические и социальные проблемы истории Сибири. Томск, 1984. С. 100–118.

Минжуренко А.В. Влияние трудовых навыков переселенцев на хозяйственную жизнь старожилов Сибири: (Историография вопроса) // Земледельческое освоение Сибири в конце XVII – начале XX в.: (Трудовые традиции крестьянства). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1985. С. 71–87.

Минжуренко А.В. Дореволюционная историография о социальном составе крестьян-переселенцев Сибири в конце XIX – начале XX в. // Хозяйственное освоение Сибири в период капитализма. Новосибирск, 1988. С. 42–61.

Мирзоев В.Г. Историография Сибири (домарксистский период). М.: Мысль, 1970. 391 с.

Миронов Б.Н. Проверка надёжности статистических данных в исторических исследованиях методами математической статистики // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1974. Сб. 6. С. 185–211.

Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демографической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2 т. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1999. Т. 1. 549 с; Т. 2. 567 с.

Могильницкий Б.Г. Некоторые итоги и перспективы методологических исследований в отечественной историографии // Новая и новейшая история. 1993. № 3. С. 9–20.

Могильницкий Б.Г. В поисках новой парадигмы истории: последние работы И.Д. Ковальченко // Материалы научных чтений памяти И.Д. Ковальченко. М., 1997. С. 165–181.

Могильницкий Б.Г. Академик РАН И.Д. Ковальченко как методолог истории (К 80-летию со дня рождения) // Отечественная история. 2003. № 6. С 152–157.

Моисеенко Т.Л. Методы изучения крестьянской аренды в России по данным земской статистики конца XIX века // История СССР. 1979. № 4. С. 66–82.

Моисеенко Т.Л. Земская статистика как источник для изучения крестьянской аренды в России в конце XIX века: (По материалам Центрально-Черноземного района): Дис. … канд. ист. наук. М., 1981. 182 с.

Моисеенко Т.Л. Методы типизации крестьянских хозяйств по сводным данным земской статистики // Математические методы и ЭВМ в историко-типологических исследованиях. М., 1989. С. 87–99.

Моисеенко Т.Л. Методы анализа маркетизации крестьянского хозяйства России // ЭВМ и математические методы в исторических исследованиях. М., 1994. С. 74–96.

Мухин А.А. Влияние Сибирской железной дороги на социально-экономическое развитие Восточной Сибири (1897–1917 гг.) // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961. С. 109–118.

Мюллер П., Найман П., Шторм Р. Таблицы по математической статистике: Пер. с нем. М.: Финансы и статистика, 1982. 278 с.

Начальный этап генезиса капитализма в России // Вопросы истории. 1966. № 10. С. 65–90.

Николаев А.А. Крестьянская община и маслодельческая кооперация в Сибири: Историографический аспект // Сибирь на этапе становления индустриального общества в России (XIX – начало XX в.): К 75-летию чл.-кор. Л.М. Горюшкина. Новосибирск, 2002. С. 41–44.

Николаев А.А. О влиянии крестьянской общины на развитие маслодельной кооперации в Сибири // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Омск, 2002. Ч. 1. С. 130–134.

Николаев А.А. Роль маслодельческой кооперации Сибири в процессе модернизационного перехода // Сибирское общество в контексте модернизации XVIII–XX вв. Новосибирск, 2003. С. 232–244.

Николаев А.А. Развитие маслоделия и маслодельной кооперации в Сибири в первой трети XX в. // Сибирь в XVII–XX веках: демографические процессы и общественно-политическая жизнь: Сб. науч. тр. Новосибирск, 2006. С. 198–209.

Никольский С.А. Аграрный курс России: (мировоззрение реформаторов и практика аграрных реформ в социально-историческом, экономическом и философском аспектах). М.: Колос, 2003. 376 с.

Никонов А.А. Спираль многовековой драмы: Аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.). М.: Энциклопедия российских деревень, 1995. 573 с.

Никулин П.Ф. Материалы сельскохозяйственной переписи 1901 г. по Томской губернии новый источник по истории крестьянского хозяйства Западной Сибири // Актуальные вопросы истории Сибири. Пятые науч. чтения памяти проф. А.П. Бородавкина: Сб. науч. тр. Барнаул, 2005. С. 91–92.

Новиков И.Н. Развитие сельского хозяйства Сибири в 60–90-х гг. XIX века // Учен. зап. Омск. пед. ин-та. 1965. Вып. 22. С. 119–142.

Ноздрин Г.А. Материалы обследования переселенцев и переписи населения Сибири в дооктябрьский период: (Историографический обзор) // Хозяйственное освоение Сибири в период капитализма // Историография проблемы. Новосибирск, 1988. С. 121–134.

Ноздрин Г.А. Проблема освоения Сибири в материалах обследования переселенцев на казенных землях Томской губернии (1894 г.) // Источники по истории освоения Сибири в период капитализма. Новосибирск, 1989. С. 58–70.

Ноздрин Г.А. Хозяйственное и социокультурное развитие русской сибирской деревни в начале XX в. // Русский этнос в Сибири в XX веке. Новосибирск, 2004. С. 90–113.

Ноздрин Г.А. Ветеринария в Сибири в XIX – начале XX в. // Опыт природопользования в Сибири в XIX–XX вв. Новосибирск, 2001. С. 52–80.

Ноздрин Г.А. Л.М. Горюшкин исследователь и организатор сибирской исторической науки // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Отечественная история. 2007. № 2. С. 26–31.

Носова Е.А. Хлеботорговля и хлеботорговцы на Алтае (2-я половина XIX в.) // Предпринимательство на Алтае. XVIII в. – 1920-е гг. Барнаул, 1993. С. 31–43.

Носова Е.А. Развитие сети местных хлебных рынков Западной Сибири во второй половине XIX в. // Актуальные вопросы истории Сибири: Научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. Барнаул, 1998. С. 98–103.

Носова Е.А. Хлебная торговля Западной Сибири во второй половине XIX в.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Барнаул, 2007. 24 с.

Обожда В.А. К вопросу о взаимосвязи элементов крестьянского хозяйства в начале XX в. // Математические методы в исследованиях по социально-экономической истории. М., 1975. С. 111–127.

Образ жизни сибирского крестьянства периода разложения феодализма и развития капитализма: Сб. науч. тр. Новосибирск: НГПИ, 1983. 130 с.

Община и семья в сибирской деревне XVIII – начала XX в. Новосибирск: НГПИ, 1989. 108 с.

Овсянкин И. Колонизация и переселенческое дело // Алтай: Историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа. Барнаул, 1890. С. 327–360.

Огановский Н.П. Закономерность аграрной эволюции. Саратов: Электро-типо-литогр. Б.Л. Рабинович, 1909. Ч. 1: Теория капиталистического развития. Общий ход и фазисы аграрной эволюции. 310 с.

Огановский Н.П. Закономерность аграрной эволюции. Саратов: Электро-типо-литогр. Б.Л. Рабинович, 1911. Ч. 2: Очерки по истории земельных отношений в России. 631 с.

Огановский Н.П. Закономерность аграрной эволюции. М.; Саратов: Электро-типо-литогр. Б.Л. Рабинович, 1914. Т. 3: Обновление земледельческой России и аграрная политика. Вып. 1: Население. Переселенческий вопрос. 335 с.

Огановский Н.П. Индивидуализация землевладения в России и его последствия. М.: Тип. О.Л. Сомовой. 1914. 98 с.

Огановский Н.П. Народное хозяйство Сибири. Омск: Изд-во Сиб. отд-ния Центр. союза потреб. об-в, 1921. 175 с.

Опыт природопользования в Сибири в XIX–XX вв. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2001. 225 с.

Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв. М.: Наука, 2000. 246 с.

Осипов Н.О. К вопросу о поземельном устройстве крестьян Западной Сибири: (Крестьянские землепользование и хозяйство в Томской и Тобольской губерниях) // Русское богатство. 1894. № 5. С. 52–79.

Особенности аграрного строя России в период империализма. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 352 с.

Осокина Е.А. Жалобы и прошения как источник для изучения отношения крестьянства к земле (60–80-е гг. XIX в.) // Социально-экономические и политические проблемы истории народов СССР. М., 1986. С. 90–104.

Осокина Е.А. Земские подворные переписи 1880–1913 гг.: (Опыт обработки и анализа в русской и советской историографии) // Исторические и источниковедческие проблемы народов СССР. М., 1987. С. 67–84.

Осокина Е.А. Социально-экономическая структура крестьянского хозяйства Центрального промышленного района в конце XIX – начале XX в.: (Опыт количественного анализа территориальных сводок земской статистики): Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1987. 17 с.

Осокина Е.А. Внутренний строй крестьянского хозяйства Центрального промышленного района: (Опыт количественного анализа территориальных сводок земской статистики) // Математические методы и ЭВМ в историко-типологических исследованиях. М., 1989. С. 100–111.

Осокина Е.А. Закономерности эволюции социально-экономической структуры крестьянского хозяйства промышленного центра России в условиях развития капиталистического рынка // ЭВМ и математические методы в исторических исследованиях. М., 1994. С. 159–186.

Остафьев В.А. Переселенцы в Сибири // Юридический вестник. 1891. № 5–6. С. 111–137; № 7–8. С. 397–436.

Островская Л.В. Некоторые замечания о характере крестьянской религиозности: (на материалах пореформенной Сибири) // Крестьянство Сибири XVIII – начала XX в.: Классовая борьба, общественное сознание и культура. Новосибирск, 1975. С. 172–186.

Островский А.В. Динамика процесса раскрестьянивания в Европейской России конца XIX – начала XX века // Крестьянское хозяйство: история и современность. Вологда, 1992. С. 69–84.

Островский А.В. Сельское хозяйство Европейского Севера России. 1861–1914 гг. СПб.: Нестор, 1998. 355 с.

Островский И.В. Из истории организации всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. в Сибири // Очерки социально-экономической и культурной жизни Сибири. Новосибирск, 1972. Ч. 2. С. 98–110.

Островский И.В. Материалы сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 гг. по Западной Сибири: (Источниковедческое исследование): Дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 1973. 257 с.

Островский И.В. Математико-статистические методы в исследованиях аграрной истории России // Крестьянство России периода разложения феодализма и развития капитализма. Новосибирск, 1978. С. 107–117.

Островский И.В. Материалы сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 гг. по Западной Сибири как исторический источник // Крестьянство Сибири периода разложения феодализма и развития капитализма. Новосибирск, 1979. С. 112–122.

Островский И.В. Материалы сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 гг. источник для изучения сельского хозяйства и аграрных отношений накануне Октябрьской революции // Источниковедение отечественной истории: Сб. ст. 1981. М., 1982. С. 72–99.

Островский И.В. Сельскохозяйственные навыки сибирского крестьянства в период империализма // Земледельческое и промысловое освоение Сибири XVII – начала XX в.: (Трудовые традиции крестьянства). Новосибирск, 1985. С. 87–97.

Островский И.В. Аграрная политика царизма в Сибири в период империализма. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. 308 с.

Паклин М.И. Производственная деятельность русского крестьянства Алтайского горного округа в пореформенный период (60–90-е гг. XIX в.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Горно-Алтайск, 1999. 25 с.

Панарин А.С. Понимание и консенсус: (От формационного монолога к цивилизационному диалогу) // История как объект философского знания. М., 1991. С. 114–136.

Паршукова Н.П. Некоторые социокультурные аспекты аграрного освоения Сибири: (по материалам печати второй половины XIX – начала XX в.) // Аграрное и демографическое развитие Сибири в контексте российской и мировой истории. Новосибирск, 1999. С. 42–44.

Паршукова Н.П. К вопросу о менталитете сибирской культуры: (по материалам демократической публицистики второй половины XIX в.) // Население, управление, экономика, культурная жизнь Сибири XVII–XX вв. Барнаул, 2003. С. 236–243.

Пастухов В.Б. Особенности взаимодействия основных элементов российской цивилизации // Цивилизационные исследования. М., 1996. С. 188–199.

Переход от феодализма к капитализму в России: Материалы всероссийской дискуссии. М.: Наука, 1969. 413 с.

Перепелицын А.В., Фурсов В.Н. Крестьянское хозяйство Центрально-Черноземных губерний России в пореформенный период. Воронеж: ВГПУ, 2005. 204 с.

Першин П.Н. Земельное устройство дореволюционной деревни. Москва; Воронеж: Изд. ком. НКЗ, 1928. 485 с.

Першин П.Н. Аграрная революция в России: Историко-экономическое исследование. М.: Наука, 1966. Кн. 1: От реформ к революции. 490 с.

Петропавловский Н.Е. (Каронин Н.Е.) По Ишиму и Тоболу. Из путешествий и исследований крестьянского быта // Записки Западно-Сибирского одела Императорского русского географического общества. Омск, 1886. Кн. 8, вып. 1. С. 1–90.

Петропавловский Н.Е. (Каронин Н.Е.) Схема истории сибирской общины // Сибирский сборник. СПб., 1886. Кн. 2. С. 62–82.

Платонов О.А. Русский труд. М.: Современник, 1991. 334 с.

Платонов О.А. Русская цивилизация. М.: Роман-газета, 1995. 224 с.

Платонов О.А. Русская экономика без глобализма. М.: Алгоритм, 2006. 800 с.

Платонов Ю.П. Психология национального характера: Учеб. пособие. М.: Изд. центр «Академия», 2007. 240 с.

Плахов В.Д. Традиция и общество. М.: Мысль, 1982. 220 с.

Побережников И.В. Экономическая модернизация: обзор теоретико-методологических подходов // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Отечественная история. 2008. № 2. С. 37–40.

Покровский Н.Н. Мирная и монархическая традиция в истории российского крестьянства // Новый мир. 1989. № 9. С. 225–231.

Покишевский В.В. Заселение Сибири: (Историко-географический очерк). Иркутск: Обл. гос. изд-во, 1951. 208 с.

Полторанин И.А. Переселенческий вопрос и проблема общины в трудах А.А. Кауфмана: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 1970. 30 с.

Полторанин И.А. Проблема общины в трудах А.А. Кауфмана // Крестьянская община в Сибири XVII – начала XX в. Новосибирск, 1977. С. 237. 265.

Полферов Я. Сибирь и её возможности // Вопросы колонизации. 1914. № 15. С. 1–25.

Помпеев Ю.А. Основы экономической культуры: Учеб. пособие. СПб.: ГКУ, 1997. 205 с.

Пономарев С. Сибирская община и переселение // Северный вестник. 1887. № 5. С. 60–89.

Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат в период Первой мировой войны (1914 – март 1918 г.). Екатеринбург: УрО РАН, 2000. 415 с.

Поршнева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М.: РОССПЭН, 2004. 368 с.

Поршнева О.С. Междисциплинарные методы в историко-антропологических исследованиях: Учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. 136 с.

Постников В.Е. Южно-русское крестьянское хозяйство. М.: Тип. В. Киршбаума, 1891. 392 с.

Православная жизнь русских крестьян XIX–XX вв.: Итоги этнографических исследований. М.: Наука, 2001. 363 с.

Пронин В.И. Земледельческие орудия и сельскохозяйственные машины в Сибири второй половины XIX – начала XX в. // Из истории крестьянства Сибири. Томск, 1978. С. 80–98.

Пронин В.И. Скотоводство в Сибири в XIX – начале XX в. // Из истории Сибири. Томск, 1978. С. 95–129.

Пронин В.И. Формирование рынка сельскохозяйственных рабочих в Сибири в период империализма // Великий Октябрь и социалистические преобразования в Сибири. Новосибирск, 1980. С. 26–33.

Пронин В.И. Уровень экономического развития сибирской деревни накануне социалистической революции // Вопросы истории Сибири. Томск, 1982. Вып. 11: Из истории крестьянства Сибири. С. 97–111.

Пронин В.И. Влияние трудовых традиций крестьян на развитие земледелия в Сибири в конце XIX – начале XX в. // Земледельческое и промысловое освоение Сибири XVII – начала XX в.: (Трудовые традиции крестьянства). Новосибирск, 1985. С. 98–112.

Пронин В.И. Аграрный рынок Сибири эпохи капитализма в советской историографии // Хозяйственное освоение Сибири в период капитализма: Историография проблемы. Новосибирск, 1988. С. 61–80.

Пронин В.И. Города Сибири как рынки сбыта сельскохозяйственной продукции в период капитализма // Город и деревня Сибири досоветского периода и их взаимосвязи. Новосибирск, 1988. С. 61–73.

Пронин В.И. Губернаторские отчеты как источник для изучения аграрного рынка Сибири XIX в. // Источники по истории освоения Сибири периода капитализма. Новосибирск, 1989. С. 12–27.

Пронин В.И. Торговля Сибири с Европейской Россией в период домонополистического капитализма // Проблемы истории дореволюционной Сибири. Томск, 1989. С. 94–112.

Пронин В.И. Развитие сети местных рынков для сбыта хлеба в Западной Сибири периода капитализма // Участие крестьянства в освоении восточных окраин России (конец XVIII – начало XX в.). Новосибирск, 1990. С. 37–53.

Пронин В.И. Дорожная сеть Сибири и её влияние на развитие внутреннего рынка в период капитализма // Хозяйственное освоение Сибири: История, историография, источники. Томск, 1991. С. 136–154.

Пронин В.И. Вывозная хлебная торговля в Сибири в конце XIX – начале XX в. // Хозяйственное освоение Сибири: Вопросы истории XIX – первой трети XX в. Томск, 1994. С. 71–88.

Пронин В.И. Уровень хлебных цен в Сибири в XIX веке (1842–1890 гг.) // Сибирь в XVI–XX веках: Экономика, общественно-политическая жизнь и культура. Новосибирск, 1997. С. 95–107.

Пронин В.И. Хлебная торговля Сибири в конце XIX – начале XX в. // «Сибирь мой край»: Проблемы региональной истории и исторического образования. Новосибирск, 1999. С. 47–66.

Пронин В.И. Сибирь в составе всероссийского и мирового рынков в начале XX в. (1897–1917 гг.): Материалы к спецкурсу. Новосибирск: НГТУ, 1999. 89 с.

Пронин В.И. Землевладение и землепользование сибирских крестьян в начале XX в. в контексте аграрной политики царизма в регионе // Опыт природопользования в Сибири в XIX–XX вв. Новосибирск, 2001. С. 171–206.

Пронин В.И. Проблемы аграрного рынка в научном наследии Л.М. Горюшкина // Сибирь на этапе становления индустриального общества в России (XIX – начало XX в.): К 75-летию чл.-кор. РАН Л.М. Горюшкина. Новосибирск, 2002. С. 14–20.

Пронин В.И. Землевладение и землепользование сибирских крестьян в начале XX в. в контексте аграрной политики царизма в регионе // Опыт природопользования в Сибири в XIX–XX вв. Новосибирск, 2001. С. 171–206.

Прудникова Т.П. Разложение западносибирского крестьянства в Томской губернии в конце XIX в. // Бахрушинские чтения. Новосибирск, 1971. Вып. 2: Из истории социально-экономического и политического развития Сибири в XVIII – начале XX в. С. 94–101.

Прудникова Т.П. Влияние идей уравнительности на общинные порядки пореформенной западносибирской деревни (60–90-е гг. XIX в.) // Крестьянская община в Сибири XVII – начала XX в. Новосибирск, 1977. С. 199–228.

Пушкарев Л.Н. Духовный мир русского крестьянина по пословицам XVII–XVIII веков. М.: Наука, 1994. 192 с.

Рабинович. Г.Х. К вопросу о многоукладности экономики Сибири в конце XIX – начале XX в. // Научная сессия по проблемам многоукладности экономики в период империализма: (Тезисы сообщений). Свердловск, 1969. С. 170–179.

Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1982. 459 с.

Рагозин Н.Е. Влияние Сибирской железной дороги на экономическое развитие Западной Сибири в начале XX века // Учен. зап. Белорус. ун-та. 1953. Вып. 16. С. 165–194.

Радаев В.В. Экономическая социология: Курс лекций: Учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 1997. 368 с.

Разгон В.Н. Промысловые занятия сельского населения Алтая по материалам сельскохозяйственной переписи 1917 г. // Историческое профессиоведение. Барнаул, 2004. С. 136–159.

Разгон В.Н., Колдаков Д.В., Пожарская К.А. Демографическое и хозяйственное развитие западных волостей Алтайской губернии в начале XX в.: (анализ базы данных крестьянских хозяйств по сельскохозяйственной переписи 1917 г.) // Демографическое и хозяйственное развитие Алтайской деревни во второй половине XIX – начале XX в. Барнаул, 2002. С. 22–61.

Разгон И.М., Бородавкин А.П. В.И. Ленин и некоторые вопросы истории Сибири // В.И. Ленин и некоторые вопросы истории. Томск, 1970. С. 64–87.

Разгон И.М., Сухотина Л.Г. К вопросу о «государственном феодализме» в Сибири // Вопросы истории Сибири. Томск, 1967. Вып. 3. С. 295–301.

Рамазанов С.П. Методологические искания отечественной исторической мысли XX века: Новации и традиции // Историческая наука и методология истории в России XX века: К 140-летию со дня рождения акад. А.С. Лаппо-Данилевского. СПб., 2003. Вып. 1. С. 7–33.

Ратушняк В.И. Сельскохозяйственное производство Северного Кавказа в конце XIX – начале XX века: (К проблеме развития аграрного капитализма). Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1982. 251 с.

Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: Фронтир в контексте относоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск: ИД «Сова», 2005. 196 с.

Репина Л.П. Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории // Социальная история: Ежегодник, 1998/99. М., 1999. С. 11–52.

Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания: Пособие для вузов. 2-е изд., стереотип. М.: Дрофа, 2006. 288 с.

Рогалина Н.Л. Реформаторство XX века и крестьянский менталитет // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). М., 1996. С. 215–227.

Рогалина Н.Л. Аграрные реформы в России 10–20-х годов: (Историко-сравнительный анализ) // Россия в XX веке: Реформы и революция: В 2 т. М., 2002. Т. 1. С. 543–563.

Рогалина Н.Л. Аграрный кризис в российской деревне начала XX века // Вопросы истории. 2004. № 7. С. 10–22.

Рогалина Н.Л., Громова Н.Н. Концепция крестьянского хозяйства А.В. Чаянова // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1993. № 4. С. 35–46.

Родиков М.Л. Российская деревня: дискуссия о путях развития и уроки аграрных реформ (конец XIX – 20-е гг. XX в.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1996. 22 с.

Роднов М.И. Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900–1917 гг.): социальная структура, социальные отношения. Уфа: ИИЯЛ, 2002. 132 с.

Российская цивилизация (этнокультурные и духовные аспекты): К 70-летию проф. М.П. Мчедлова. М.: РНИС и НП, 1998. 552 с.

Россия сельская. XIX–XX века. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 368 с.

Рощевский П.И. Тобольская губерния в годы первой мировой империалистической войны (1914–1917 гг.) // Вопросы истории Западной Сибири. Тюмень, 1974. Вып. 1. С. 24–55.

Рубинштейн Н.Л. О разложении крестьянства и так называемом первоначальном накоплении в России // Вопросы истории. 1961. № 8. С. 61–85.

Рубинштейн Н.Л. О мелкотоварном производстве и развитии капитализма в России XIX в. // История СССР. 1962. № 4. С. 66–86.

Румянцев О.К. Трансформация традиции как проблема исследования культуры // Методологические проблемы теоретико-прикладных исследований культуры. М., 1989. С. 197–214.

Румянцева М.Ф. Теория истории: Учеб. пособие. М.: Аспект-Пресс, 2002. 319 с.

Русакова О.Ф. Философия и методология истории в XX веке: школы, проблемы, идеи. Екатеринбург: Ин-т философии и права. Урал. отд-ние РАН, 2000. 354 с.

Русская история: проблемы менталитета: Тез. докл. науч. конф., Москва 4–6 октября 1994 г. М.: ИРИ РАН, 1994. 177 с.

Русские: история и этнография. М.: АСТ: Олимп, 2008. 751 с.

Русские Сибири: Культура, обычаи, обряды: Сб. науч. тр. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние. 1998. 208 с.

Руткевич М.Н. Общество как система: Социологические очерки. СПб.: Алетейя, 2003. 444 с.

Рындзюнский П.Г. По поводу статьи Н.Л. Рубинштейна «О разложении крестьянства и так называемом первоначальном накоплении в России» // Вопросы истории. 1962. № 3. С. 206–213.

Рындзюнский П.Г. Вопросы изучения мелкотоварного уклада в России в XIX в. // История СССР. 1963. № 4. С. 95–111.

Рындзюнский П.Г. Утверждение капитализма в России. 1850–1880 гг. М.: Наука, 1978. 295 с.

Рындзюнский П.Г. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века: (Взаимоотношение города и деревни в социально-экономическом строе России). М.: Наука, 1982. 270 с.

Рынков В.М. Сельское ростовщичество, кооперация, община: к вопросу об их взаимодействии в Сибири в первое двадцатилетие XX в. // Сибирь на этапе становления индустриального общества в России (XIX – начало XX в.): К 75-летию чл.-кор. РАН Л.М. Горюшкина. Новосибирск, 2002. С. 50–54.

Рынков В.М. Государственные продовольственные заготовки в Сибири в 1914–1919 гг. // Налоги и заготовки в Сибирской деревне (1890–1920-е гг.). Новосибирск, 2004. С. 3–47.

Рынков В.М. Рынок сельскохозяйственной продукции Сибири в годы Первой мировой войны: поведение покупателя и продавца // Сибирь: проблемы истории повседневности XVII–XX вв.: Бахрушинские чтения 2005 г. Новосибирск, 2005. С. 68–80.

Рынков В.М. Сельскохозяйственный рынок Алтая в 1914–1916 гг. // Актуальные вопросы истории Сибири: Пятые научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. Барнаул, 2005. С. 95–97.

Рынков В.М. Государственное регулирование аграрного рынка Сибири в годы Первой мировой войны в оценках Омского сельскохозяйственного и кооперативного съезда (2–12 января 1916 г.) // Исторический ежегодник. 2007. Новосибирск, 2007. С. 88–102.

Рябушкин Т.В., Симчера В.М.. Машихин Е.А. Теоретические концепции в отечественной статистике. М.: Наука, 1986. 312 с.

Рязанов В.В. Тенденции развития уральской и западносибирской деревни в XIX – начале XX в. // Проблемы отечественной истории. 2002. Вып. 7. С. 5–21.

Рязанов В.Т. Экономическое развитие России: Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. СПб.: Наука, 1998. 797 с.

Саблер С.В., Сосновский Н.В. Сибирская железная дорога в ее прошлом и настоящем. СПб.: Изд. Мин. путей сообщения, 1903. 508 с.

Сабурова Л.М. Культура и быт русского населения Приангарья (конец XIX – начало XX в.). Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1967. 280 с.

Савельев П.И. Два пути аграрно-капиталистического развития в дискуссиях историков-марксистов 20-х годов // Проблемы историографии истории Великой Октябрьской социалистической революции. Самара, 1991. С. 96–111.

Савельев П.И. Пути аграрного капитализма в России. XIX век: (по материалам Поволжья). Самара: Самар. ун-т, 1994. 359 с.

Савельев П.И. Региональные процессы в аграрном развитии России // Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX в.). М., 1997. С. 67–85.

Савельев П.И. Русское фермерство в его исторической перспективе: (По материалам юго-востока Европейской России) // Отечественная история. 1998. № 5. С. 46–61.

Савельев П.И. Пути аграрного развития России в дискуссиях российских историков // Россия сельская. XIX – начало XX века. М., 2004. С. 25–53.

Савельева И.М., Полетаев А.В. История как знание о социальном мире // Социальная история: Ежегодник 2001/2002. М., 2004. С. 7–36.

Сагайдачный А.Н. Демографические процессы в деревне Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX века. Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2000. 144 с.

Садовский В.Н. Основания общей теории систем: Логико-методологический анализ. М.: Наука, 1974. 279 с.

Самосудов В.М. Положение крестьянства и крестьянское движение в Западной Сибири между двумя буржуазно-демократическими революциями в России: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1964. 27 с.

Сафьянова А.В. Хозяйственная жизнь русского населения Прииртышья во второй половине XIX – начале XX в. // Крестьянство и быт западносибирского крестьянства XVII – начала XX в. М.: Наука, 1989. С. 109–142.

Сахаров А.Н. О новых подходах в российской исторической науке. 1990-е годы // История и историки: Историографический вестник. 2002. М., 2002. С. 3–28.

Свавицкий Н.А. Земские подворные переписи: (Обзор методологии). М.: Госстатиздат, 1961. 355 с.

Свешников Н.А. Аграрное развитие Сибири в эпоху империализма в свете ленинской теории о двух путях развития капитализма в сельском хозяйстве // Труды Всесоюз. заоч. фин.-экон. ин-та. 1972. Вып. 8. С. 6–46.

Свешников Н.А. Экономика Сибири в период империализма: Учеб. пособие. М.: Всесоюз. заоч фин.-экон. ин-т, 1975. 240 с.

Селунская Н.Б. Моделирование социальной структуры помещичьего хозяйства России конца XIX – начала XX в. // Математические методы в исследованиях по социально-экономической истории. М., 1975. С. 151–179.

Селунская Н.Б. Крестьянское хозяйство Европейской России накануне Октября: (К методике изучения переписи 1917 г.) // История СССР. 1987. № 5. С. 110–128.

Селунская Н.Б. Производственно-технический уровень и наемный труд в крестьянском и помещичьем хозяйстве Европейской России в 1917 г. // Аграрная эволюция в России и США в XIX – начале XX века. М., 1991. С. 152–173.

Селунская Н.Б. Методологические приемы изучения аграрного строя пореформенной России в трудах И.Д. Ковальченко // Материалы научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. М., 1997. С. 59–73.

Селунская Н.Б. Концепция аграрного строя пореформенной России в трудах И.Д. Ковальченко // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1997. С. 58–73.

Селунская Н.Б. Концепция аграрного строя в пореформенную эпоху // Исторические записки. М., 1999. № 2 (120). Памяти акад. И.Д. Ковальченко. С. 11–25.

Сенчакова Л.Т. Приговоры и наказы российского крестьянства 1905–1907 гг.: По материалам центральных губерний. М.: 1994.

Сенчакова Л.Т. Приговоры и наказы – зеркало крестьянского менталитета // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). М., 1996. С. 173–182.

Сенявский А.С. Цивилизационный подход в изучении российской истории XX века: некоторые теоретико-методологические аспекты // Россия и мировая цивилизация: К 70-летию чл.-кор. РАН А.Н. Сахарова. М., 2000. С. 558–570.

Сибирское общество в контексте модернизации XVIII–XX вв.: Сборник материалов конф. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2003. 324 с.

Сибирь в составе российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 368 с.

Сибирь, ее современное состояние и ее нужды: Сб. ст. / Под ред. И.С. Мельника. СПб.: Изд. А.Ф. Девриена, 1908. VIII, 296 с.

Сибирь и Великая сибирская железная дорога. С приложением карты Сибири. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд. Департ. торговли и мануфактуры Мин. финансов, 1896. 283 с.

Сибирь под влиянием рельсового пути. СПб.: Редакция периодических изданий. Мин. финансов, 1902. III, 221 с.

Сидоренко С.А. Классовое расслоение сибирского крестьянства накануне Октября // Из истории Южного Урала и Зауралья. Челябинск, 1966. Вып. 4. С. 50–67.

Сидоренко С.А. Сельское хозяйство Сибири в годы первой мировой войны // Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1966. С. 310–318.

Сидоров А.Л. Экономические предпосылки социалистической революции в России // История СССР. 1957. № 4. С. 9–39.

Сидорцов В.Н. Методология исторического исследования: (Механизм творчества историка). Минск: БГУ, 2000. 233 с.

Силина И.Г. Массовые источники по истории миграционных процессов в Алтайском округе второй половины XIX – начала XX в. // Демографическое и хозяйственное развитие алтайской деревни во второй половине XIX – начале XX вв.: (на материалах массовых источников). Барнаул, 2002. С. 3–21.

Силласте Г. Экономическая социология: Учеб. пособие. М.: Гардарики, 2005. 383 с.

Скалабан И.И. История Западно-Сибирского отдела Русского географического общества (70-е гг. XIX – 30-е гг. XX в.): Историография вопроса // Культурный потенциал Сибири в досоветский период. Новосибирск, 1992. С. 114–124.

Скляров Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. 588 с.

Скобелев К.В. Природно-климатический фактор и менталитет сибирского крестьянства (1861–1917 гг.) // Вопросы методологии истории в работах молодых ученых. Омск, 2002. С. 22–57.

Скобелев К.В. Формирование менталитета сибирского крестьянства в эпоху капитализма (1861–1917 гг.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Омск, 2002. 21 с.

Скорлупин Г.Н. Социальный облик крестьянских хозяйств в Томской губернии в начале XX века // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград, 2003. С. 154–158.

Скубневский В.А. Барнаул как торговый центр сельскохозяйственными продуктами в конце XIX – начале XX в. // Из истории Западной Сибири: Науч. тр. Новосиб. гос. пед. ин-та. Новосибирск, 1970. Вып. 45. С. 148–167.

Скубневский В.А. Влияние Уральской железной дороги на экономику пореформенной Сибири // Взаимодействие технического и социально-экономического развития в период капитализма. Свердловск, 1989. С. 62–64.

Скубневский В.А. Города Алтая второй половины XIX в.: Центры торговли // Города Алтая (эпоха феодализма и капитализма). Барнаул: Изд-во АГУ, 1986. С. 135–150.

Скубневский В.А. Маслоделие и маслоторговля на Алтае в конце XIX – начале XX в. // Предпринимательство на Алтае. XVIII – 1920-е гг. Барнаул, 1993. С. 77–92.

Скубневский В.А. Вопросы истории предпринимательства в трудах Л.М. Горюшкина // Сибирь на этапе становления индустриального общества в России (XIX – начало XX вв.): К 75-летию чл.-кор. РАН Л.М. Горюшкина. Новосибирск, 2002. С. 21–25.

Славко Т.И. Математико-статистические методы в исторических исследованиях. М.: Наука, 1981. 158 с.

Сластухин Ф., Чешихин Г. Заселение и процесс капитализации сельского хозяйства Сибири до революции // Северная Азия. 1930. № 3–4. С. 153–164.

Слепнев И.Н. Новые рыночные реалии и их преломление в менталитете пореформенного крестьянства // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). М., 1996. С. 215–227.

Слепнев И.Н. Влияние создания железнодорожной сети на товаризацию зернового производства в России (вторая половина XIX в.) // Поволжье в системе всероссийского рынка: история и современность. Чебоксары, 2000. С. 53–69.

Слепцов Е.Я. Материалы Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года как источник по изучению классового разложения сибирского старожильческого крестьянства накануне Октября 1917 года и методика их исследования // Некоторые вопросы расстановки классовых сил накануне и в период Великой Октябрьской социалистической революции. Томск, 1976. С. 115–136.

Слепцов Е.Я. О применении математических методов при изучении разложения сибирского старожильческого крестьянства накануне Октябрьской революции // Некоторые вопросы истории крестьянства Сибири. Томск, 1976. С. 36-64.

Слепцов Е.Я. Использование массовых источников о применении наемного труда для характеристики социальной структуры старожильческого крестьянства Сибири // Классы и партии в Сибири накануне и в период Октябрьской социалистической революции. Томск, 1977. С. 63–79.

Слепцов Е.Я. Старожильческая деревня Западной Сибири (середина 80-х гг. XIX в. – 1917 г.): Дис. … канд. ист. наук. Томск, 1978. 227 с.

Слепцов Е.Я. Аренда земли в старожильческой деревне Западной Сибири накануне 1917 г. // Из истории социально-экономической и политической жизни Сибири. Томск, 1980. С. 175–185.

Смирнов С., Смирнова В. Отечественная историография колонизации восточных районов пореформенной России // Вестн. Челяб. ун-та. Сер. 10, Востоковедение. Евразийство. Геополитика. 2002. № 1. С. 172–186.

Соболев М.Н. Экономическое значение Сибирской железной дороги. Томск: Типолитогр. П.И. Макушина, 1900. 34 с.

Соболев М.Н. Задачи экономической политики в Сибири // На сибирские темы. СПб., 1905. С. 240–247.

Соболев М.Н. К вопросу о реформе крестьянского управления в Сибири // Сибирские вопросы. 1905. № 1. С. 86–99.

Соболев М.Н. Добывающая и обрабатывающая промышленность Сибири // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. СПб., 1908. С. 141–168.

Собственность на землю в России: история и современность. М.: РОССПЭН, 2002. 592 с.

Соколов А.К. Социальная история России новейшего времени: проблемы методологии и источниковедения // Социальная история: Ежегодник, 1998/99. М., 1992. С. 11–52.

Соколова Г.Н. Экономическая социология: Учеб. 2-е изд., перераб. и доп. Москва; Минск: ИИД «Филинъ»: Белорусская наука, 2000. 376 с.

Соколовский А.В. Сельская кредитная кооперация в России в 90-е годы XIX в.: выбор пути // Вопросы истории. 2002. № 3. С. 119–125.

Соловьева Е.И. Из истории становления переселенческих хозяйств Западной Сибири в период столыпинской реформы // Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1996. С. 293–304.

Соловьева Е.И. Переселение крестьян в Сибирь в конце XIX – начале XX века (1893–1905 гг.) // Из истории Западной Сибири. Новосибирск, 1966. Вып. 1. С. 138–167.

Соловьева Е.И. Классовое разложение и социальная структура сибирского крестьянства эпохи капитализма: (К историографии вопроса) // Крестьянство России периода разложения феодализма и развития капитализма. Новосибирск, 1978. С. 64–78.

Соловьева Е.И. Наемный труд в крестьянском хозяйстве Сибири второй половины XIX в. // Крестьянство России периода разложения феодализма и развития капитализма. Новосибирск, 1978. С. 79–98.

Соловьева Е.И. Аренда в крестьянском хозяйстве Сибири во второй половине XIX в. // Крестьянство Сибири периода разложения феодализма и развития капитализма. Новосибирск, 1979. С. 43–60.

Соловьева Е.И. Промыслы сибирского крестьянства в пореформенный период. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1981. 330 с.

Соловьева Е.И. Роль промысловых традиций крестьянства в хозяйственном освоении Сибири эпохи капитализма // Участие крестьянства в освоении окраин России (конец XVII – начало XX в.). Новосибирск, 1990. С. 22–37.

Соловьева Е.И. Влияние переселений на социально-экономическое развитие Сибири в эпоху капитализма: историография, источники изучения проблемы // Влияние переселений на социально-экономическое развитие Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1991. С. 3–26.

Соловьева Е.И. Традиционный промысловый опыт русских крестьян Сибири второй половины XIX в. // Сибирь в XVI–XX веках: Экономика, общественно-политическая жизнь и культура. Новосибирск, 1997. С. 108–118.

Соловьева Е.И., Зверева К.Е. Образовательный уровень крестьянства Сибири (конец XIX – начала XX в.) // Социально-демографическое развитие сибирской деревни в досоветский период. Новосибирск, 1987. С. 78–89.

Соловьева Е.И., Котович Л.В. Сельские общества как источник формирования городского населения // Город и деревня Сибири досоветского периода и их взаимосвязи. Новосибирск, 1988. С. 94–106.

Солдатов В.В. Изменение форм общинного землепользования в Сибири // Вопросы колонизации. 1990. № 7. С. 69–83.

Солодова Г.С. Экономическая культура: воспроизводство и изменение: (Методологический аспект) // Гуманитарные науки в Сибири. Сер.: Философия и право. 2004. № 1. С. 66–70.

Социальные трансформации в российской истории: Докл. междунар. науч. конф. Москва; Екатеринбург: Академия, 2004. 607 с.

Ставровский Я.В., Алексеев В.В. Переселение в Сибирь. СПб.: Изд. Переселенческого упр., 1906. 82 с.

Степынин В.А. Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма. Красноярск: КГПИ, 1962. 565 с.

Столыпин П.А., Кривошеин А.В. Записка председателя Совета министров и Главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Сибирь и Поволжье в 1910 году: Приложение к Всеподданнейшему докладу. СПб.: Тип. газеты «Россия», 1910. 81, III с.

Струмилин С.Г. К вопросу о генезисе капитализма в России // Вопросы истории. 1961. № 9. С. 56–69.

Супоницкая И.М. Колонизация земель: Сибирь и американский запад (вторая половина XIX в.) // Одиссей: Человек в истории. 2005. М., 2005. С. 219–249.

Суслина С.А. Зерновое хозяйство Западной Сибири 1900–1917 гг.: Некоторые аспекты // Историческая традиция. Бийск, 1977. С. 99–104.

Суханов И.А. Обычаи, традиции и преемственность поколений. М.: Политиздат, 1976. 216 с.

Суханов Н. (Гиммер Н.) К вопросу об эволюции сельского хозяйства: Социальные отношения в крестьянском хозяйстве России. М.: [б. и.], 1909. 205 с.

Сухотина Л.Г. Крестьянство Томской губернии в конце XIX – начале XX в.: Дис. … канд. ист. наук, 1963. 371 с.

Сухотина Л.Г. К вопросу о путях аграрного капиталистического развития Сибири в советской историографии // Вопросы истории Сибири. Томск, 1964. Вып. 4. С. 83–90.

Сухотина Л.Г. Формы землепользования, земледельческие системы и орудия труда в сибирской деревне второй половины XIX в. // Вопросы истории Сибири. Томск, 1967. Вып. 3. С. 58–70.

Сущинский П.Г. Экономический быт и правовые отношения старожилов и новоселов на Алтае: (Исследование на месте). СПб.: Тип. А. Пороховщикова, 1898. 39 с.

Сысоев В.Л. Проблемы аграрного капитализма и государственного крестьянства (Советская историография) // Тамбовское крестьянство: от капитализма к социализму (вторая половина XIX – начало XX вв.). Тамбов, 2000. Вып. 3. С. 3–15.

Тарновский К.Н. Проблемы аграрной истории России периода империализма в советской историографии (1917 – начало 1930-х годов) // Исторические записки. М., 1965. Т. 78. С. 31–62.

Тарновский К.Н. Проблемы аграрной истории России периода империализма в советской историографии (конец 1930-х – первая половина 1950-х годов) // Исторические записки. М., 1969. Т. 83. С. 196–211.

Тарновский К.Н. Проблемы аграрной истории России периода империализма: (дискуссии начала 1960-х годов) // Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971. С. 264–311.

Тарновский К.Н. Проблемы аграрно-капиталистической эволюции России: (К дискуссии о путях развития капитализма в сельском хозяйстве) // История СССР. 1970. № 3. С. 60–78.

Теляк Л.В. Столыпинская аграрная реформа: историография (1905–1917 гг.): Учеб. пособие. Самара, 1995. 81 с.

Теляк Л.В. Этические аспекты в аграрной историографии России конца XIX – начала XX в. // Исторические исследования. Самара, 1997. С. 50–57.

Теория культуры: Учеб. пособие. СПб.: Питер, 2008. 592 с.

Терещенко Л.С. Материалы Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. как исторический источник: Дис. … канд. ист. наук. М., 1968. 402 с.

Тихонов Б.В. Переселения в России во второй половине XIX в.: По материалам переписи 1897 г. и паспортной статистики. М.: Наука, 1978. 208 с.

Толстов С.И. Производственно-структурные изменения крестьянского хозяйства Алтайской приписной деревни в 20–50-е гг. XIX в. // Историко-культурное развитие Западной

Сибири в XVII–XX вв.: Материалы науч. конф., посвященной 70-летию исторического факультета Том. гос. пед. ун-та. Томск, 2002. С. 64–69.

Толстов С.И. Социально-экономический строй крестьянского хозяйства алтайской приписной деревни в 20–50-е гг. XIX в.: (Опыт классификации крестьянских хозяйств методами многомерной статистики) // Вестник Томского государственного университета. Бюллетень. Вопросы отечественной истории. 2006. № 94. Нояб. С. 6–14.

Толстов С.И. Крестьянское хозяйство алтайской приписной деревни в 20–50-е гг. XIX в.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Томск, 2007. 31 с.

Толстов С.И., Леонов В.П. Опыт изучения хозяйственного состояния алтайского приписного крестьянства методами многомерной статистики // Новое в изучении и преподавании истории в вузах. Томск, 1994. С. 43–49.

Толстов С.И., Леонов В.П. Социальность приписной деревни 20–50-х гг. XIX века: традиционная для крестьянского общества или капиталистическая? // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспектива развития. Омск, 2002. Ч. 1. С. 107–112.

Томилова Н.К. Переселение крестьян в Алтайский округ (1865–1899 гг.) // Вопросы истории Сибири. Томск, 1967. Вып. 3. С. 71–88.

Томилова Н.К. Переселение крестьян в Алтайский горный округ во второй половине XIX века (1865–1899 гг.): Дис… канд. ист. наук. Томск, 1970. 342 с.

Топчий А.Т. Крестьянские реформы в Сибири (1861–1899 гг.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979. 277 с.

Традиции в современном обществе: Исследование этнокультурных процессов: Сб. ст. М.: Наука, 1990. 346 с.

Традиции и инновации в духовной жизни общества. М., 1986.

Традиционный опыт природопользования в России. М.: Наука, 1998. 527 с.

Тресвятский В. Кооперация в колонизируемых районах Азиатской России // Вопросы колонизации. 1916. № 18. С. 50–74.

Трошин И.П. История развития скотоводства в Западной Сибири. Новосибирск: Изд. Новосиб. сельскохоз. ин-та, 1969. 208 с.

Трудовые традиции сибирского крестьянства (конец XVIII – начало XX в.): Сб. науч. тр. Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1982. 112 с.

Туров С.В. К вопросу о степени адаптации сельского хозяйства Западной Сибири к неблагоприятным природным факторам в XVIII XIX вв. // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. 1999. № 2. С. 161–172.

Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября: (К вопросу о формировании социально-экономических предпосылок социалистической революции). Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1966. 471 с.

Тюкавкин В.Г. Характер аграрных отношений в Сибири в начале XX в. // Сибирь периода капитализма. Новосибирск, 1967. Вып. 3: Общественно-политическое движение в Сибири в 1861–1917 гг. С. 166–190.

Тюкавкин В.Г. Общественно-экономические уклады в сибирской деревне в начале XX века // Научная сессия по проблемам многоукладности экономики в период империализма: (Тез. докл.). Свердловск, 1969. С. 186–197.

Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. М.: Памятники исторической мысли, 2001. 304 с.

Тюкавкин В.Г. Зажиточное русское крестьянство Европейской России в период столыпинской аграрной реформы: новые условия развития и типичные черты // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе. Вологда, 2001. С. 183–189.

Тюкавкин В.Г., Скрябин В.И. Применение машин в сельском хозяйстве России в конце XIX – начале XX века // Аграрная эволюция в России и США в XIX – начале XX века. М., 1991. С. 153–173.

Успенский А. Действительность, а не мечты // Вопросы колонизации. 1908. № 2. С. 1–28.

Ушаков Н.М. Концептуальные проблемы аграрных отношений пореформенной России в современной историографии. Астрахань: Астрахан. гос. пед. ун-т, 1999. 111 с.

Ушаков Н.М. Власть и крестьяне России на путях модернизации (XIX – начало XX века): проблемы историографии. Астрахань: Астрахан. гос. пед. ун-т, 2001. 169 с.

Файн Л.Е. Российская кооперация: Историко-теоретический очерк. 1861–1930. Иваново: ИвГУ, 2002. 600 с.

Федоров В.А. К вопросу о генезисе капитализма в дореволюционной России: (по материалам крестьянских промыслов в Костромской губернии) // Вестн. Моск. ун-та. История. 1964. № 5. С. 55–68.

Фигуровская Н.К. Аграрные проблемы в советской экономической литературе 20-х годов. М.: Наука, 1978. 167 с.

Фигуровская Н.К., Глаголев А.И. А.В. Чаянов и его теория семейного крестьянского хозяйства // Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство: Избранные труды. М., 1989. С. 26–51.

Филиппов И.Т. Сибирское областное совещание статистиков переселенческого управления в г. Иркутске // Статистико-экономические бюллетени. Томск, 1917. № 6. С. 65–77.

Филиппов И.Т. Сельскохозяйственная перепись в Томской губернии // Статистико-экономические бюллетени. Томск, 1917. № 6. С. 16–44.

Формация или цивилизация?: (Материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 1989. № 10. С. 34–59.

Фурсова Е.В. Традиционное природознание: Представления крестьян Западной Сибири о природных явлениях в конце XIX – начале XX в. (по полевым материалам) // Сибирь в XVII–XX веках: демографические процессы и общественно-политическая жизнь: Сб. науч. тр. Новосибирск, 2006. С. 218–228.

Хвостов В.М. Теория исторического процесса: Очерки по философии и методологии истории: Курс лекций. 4-е изд. М.: URSS, 2006. 389 с.

Хвостова К.В. Современные теоретические проблемы информационно-количественного подхода к исторической науке // Новая и новейшая история. 1987. № 6. С. 44–54.

Хвостова К.В., Финк В.К. Проблемы исторического познания в свете современных междисциплинарных исследований. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 1997. 256 с.

Холодков В.В. Духовные основы производственной кооперации в России в отличие от корпорации на Западе // Экономическая история России XIX–XX вв.: Современный взгляд. М., 2000. С. 547–563.

Храмков А.А. Крестьянство Западной Сибири накануне февраля 1917 года: (По материалам Томской губернии): Дис. … канд. ист. наук. Томск, 1956. 311 с.

Храмков А.А. О некоторых вопросах развития капитализма в сельском хозяйстве Сибири в конце XIX – начале XX в. // Особенности аграрного строя России в период империализма. М., 1962. С. 146–159.

Храмков А.А. К вопросу о классовом разложении крестьянства Томской губернии в начале XX в. // Экономическое и общественно-политическое развитие Сибири в 1861–1917 гг.: Материалы по истории Сибири: Сибирь периода капитализма. Новосибирск, 1965. С. 89–96.

Храмков А.А. К вопросу об итогах поземельно-устроительной реформы в Сибири // Из истории Сибири. Томск, 1978. С. 52–68.

Храмков А.А. О применении количественных методов в современной литературе по истории сибирского крестьянства периода империализма // Проблемы генезиса и развития капиталистических отношений в Сибири. Барнаул, 1990. С. 160–174.

Храмков А.А. Вывоз сельскохозяйственной продукции из Западной Сибири в начале XX в. // Предпринимательство в Сибири: Материалы науч. конф. Барнаул, 1974. С. 25–31.

Храмков А.А. Распределение железнодорожных перевозок хлеба в Сибири в 1896–1913 гг. по направлениям их назначения // Предприниматели и предпринимательство в Сибири. Барнаул, 1997. С. 132–147.

Храмков А.А. Земельное обеспечение крестьян Алтайского округа в конце XIX – начале XX в.: Переселенческие аспекты // История. Карта. Компьютер. Барнаул, 1998. С. 136–150.

Храмков А.А. Столыпинская земельная реформа в Сибири: общее и особенное // Актуальные вопросы истории Сибири: Вторые научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. Барнаул, 2000. С. 186–193.

Храмков А.А., Клычников А.Н. Переселенцы и старожилы в селе Анисимово (Боровлянское) Барнаульского уезда: (Опыт анализа Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г.) // Демографическое и хозяйственное развитие алтайской деревни во второй половине XIX – начале XX в.: (по материалам массовых источников). Барнаул, 2002. С. 101–121.

Хрящева А.И. Группы и классы в крестьянстве. М.: ЦСУ СССР, 1926. 172 с.

Худяков В.Н. Наемный труд в сибирском земледелии (80-х – начала 90-х гг. XIX в.) // Вопросы истории Западной Сибири. Омск, 1970. С. 80–90.

Худяков В.Н. Классовое разложение крестьянства Тобольской губернии в пореформенный период (60–90 гг. XIX в.): Дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 1972. 297 с.

Худяков В.Н. К вопросу о классовом разложении крестьянства Тобольской губернии во второй половине XIX века // Науч. тр. Омск. пед. ин-та. Вып. 78: Из истории Западной Сибири. Омск, 1973. С. 19–47.

Худяков В.Н., Когут М.Т. Роль землеустроительных работ в подготовке аграрного законодательства царизма в Сибири в конце XIX в. // Экономические и социальные проблемы истории Сибири. Томск, 1984. С. 86–99.

Чаянов А.В. Участковая агрономия и организационный план крестьянского хозяйства // Тр. Моск. областного съезда деятелей агрономической помощи населению: 21–28 февраля 1911 г. Т. 1. Первая лекция. М., 1911. С. 35–48.

Чаянов А.В. Очерки по теории трудового хозяйства. М.: Изд. Моск. об-ва сельского хоз-ва, 1912–1913. Вып. 1: Соотношение производства и потребления. 1912. 24 с.; Вып. 2: Основы сложения потребительского бюджета. 1913. 91 с.

Чаянов А.В. Очерки по экономике трудового сельского хозяйства. М.: Новая деревня, 1924. 152 с.

Чаянов А.В. Организация крестьянского хозяйства. М.: Кооперативное изд-во, 1925. 215 с.

Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство: Избранные труды. М.: Экономика, 1989. 492 с.

Чаянов А.В. Участковая агрономия и организационный план крестьянского хозяйства // Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство: Избранные труды. М., 1989. С. 52–69.

Чаянов А.В. Очерки по теории трудового хозяйства // Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство: Избранные труды. М., 1989. С. 70–89.

Чаянов А.В. Организация крестьянского хозяйства // Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство: Избранные труды. М., 1989. С. 192–442.

Чаянов А.В. Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. М.: Наука, 1991. 456 с.

Чаянов А.В. Избранные труды. М.: Финансы и статистика, 1991. 432 с.

Чаянов А.В. Бюджетные исследования: История и методы // Чаянов А.В. Избранные труды. М., 1991. С. 25–341.

Чедурова Е.М. К вопросу о роли западносибирской кооперации в начале XX в. // Актуальные вопросы истории Сибири: Вторые научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. Барнаул, 2000. С. 200–204.

Чедурова Е.М. Кооперация Западной Сибири и ее роль в развитии аграрных технологий (1906–1917 гг.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Барнаул, 2000. 26 с.

Челинцев А.Н. Очерки по истории сельскохозяйственной экономии. СПб., 1910.

Челинцев А.Н. Состояние и развитие русского сельского хозяйства по данным переписи 1916 г. и железнодорож. перевозок. Харьков: Изд-во «Союз», 1918. 164 с.

Челинцев А.Н. Теоретические основания организации крестьянского хозяйства. Харьков: Агрономия, 1919. 178 с.

Челинцев А.Н. Русское сельское хозяйство перед революцией. 2-е изд., перераб. и доп. М.: [б. и.], 1928. 239 с.

Черняк Е.Б. Цивилиография: наука о цивилизации. М.: Междунар. отношения, 1996. 384 с.

Чиркин Г.К. К вопросу о происхождении земельной общины в Сибири // Вопросы колонизации. 1907. № 1. С. 105–111.

Чиркин Г.К. О задачах колонизационной политики в Сибири // Вопросы колонизации. 1911. № 8. С. 1–37.

Чистозвонов А.Н. Генезис капитализма: Проблемы методологии. М.: Наука, 1985. 301 с.

Чудновский С.Л. Алтайская поземельная община // Северный вестник. 1888. № 9. С. 96–118; № 10. С. 88–112; № 11. С. 174–189.

Чудновский С.Л. Переселенческое дело на Алтае: (Статистико-экономический очерк). Иркутск: Тип. «Восточное Обозрение», 1889. III, 154 с.

Чудновский С.Л. Очерки народного юридического быта Алтайского округа // Русское богатство. 1894. № 7. С. 25–70; № 8. С. 185–200; № 9. С. 206–224; № 10. С. 190–216.

Чуркин К.А. Природа и крестьянство Сибири. Вторая половина XIX – начало XX в.: Учеб. пособие для студентов педвузов. Омск: ОмГПУ, 1995. 132 с.

Чуркин М.К. Переселенцы и старожилы Западной Сибири: природно-географические, социально-психологические, этнопсихологические аспекты взаимоотношений в конце XIX – начале XX в.: Учеб. пособие. Омск: ОмГПУ, 2001. 116 с.

Чуркин М.К. Системообразующие факторы менталитета российского крестьянства и его проявление в историческом процессе // Материалы научно-практической конференции. Тара: Изд-во ОмГПУ, 2003. С. 86–91.

Чуркин М.К. Переселение крестьян чернозёмного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX в.: детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2006. 376 с.

Шанин Т. Перспективы исследования крестьянства и проблема восприятия параллельности общественных форм (1989) // Крестьяноведение: Теория. История. Современность: Ежегодник. 1996. М., 1996. С. 8–25.

Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905–1907 гг. –› 1917–1922 гг.: Пер. с англ. М.: Весь мир, 1997. 560 с.

Шмелев Г.И. Аграрная политика и аграрные отношения в России в XX веке. М.: Наука, 2000. 254 с.

Швецов С.П. Переселенческое движение на Алтае // Сибирский вестник. 1891. № 7, отд. 2. С. 21–53.

Швецов С.П. Старожилы и переселенцы в Сибири // Сибирский листок. 1891. 14, 21, 28 февр.

Швецов С.П. Крестьянская община: Схема ее возникновения и развития. СПб.: Типолитогр. Д.А. Алексеева, 1906. 28 с.

Шеин А.Б. Тенденция междисциплинарности в исследованиях культуры // Методологические проблемы теоретико-прикладных исследований культуры. М., 1989. С. 91–104.

Шейнфельд М.В. Историография Сибири (конец XIX – начало XX вв.). Красноярск: Краснояр. пед. ин-т, 1973. 399 с.

Шелегина О.Н. Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири: Социокультурные аспекты. XVIII – начало XX в.: Учеб. пособие. М.: Логос, 2002. Вып. 2. 160 с.

Шелегина О.Н. О характере адаптаций в культуре жизнеобеспечения русских крестьян Западной Сибири (XVIII – начало XX в.) // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Культура народов Сибири. 2007. № 3. С. 109–112.

Шелохаев В.В. Столыпинский тип модернизации России // Историк и время. Пенза, 2004. С. 7–32.

Шендерюк М.Г. Моделирование внутренней структуры крестьянского хозяйства Тихвинского уезда Новгородской губернии // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград, 2000. С. 34–39.

Шендерюк М.Г. Сравнительный анализ корреляционных моделей крестьянского хозяйства Тихвинского уезда Новгородской губернии: (по материалам земских переписей 1890 и 1908 годов) // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград, 2003. С. 146–150.

Шендерюк М.Г. Региональные исследования крестьянского хозяйства пореформенной России на основе количественного анализа земско-статистических данных: итоги и перспективы // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград, 2005. С. 90–95.

Шестаков А.В. («Никодим»). Капитализация сельского хозяйства России: (От реформы 1861 г. до войны 1914 г.). М.: Госиздат, 1924. 89 с.

Шестаков А.В. («Никодим»). Очерки по истории наемного труда в сельском хозяйстве России. М.: Красная новь, 1924. Т. 1, ч. 1–2. 234 с.

Шиловский М.В. Оценка Н.М. Ядринцевым характера социально-экономического развития Сибири в 70-е – первой половине 90-х гг. XIX в. // Хозяйственное освоение Сибири в период капитализма. Новосибирск, 1988. С. 190–202.

Шиловский М.В. Областники и аграрный вопрос в Сибири на рубеже XIX–XX вв. // Сибирь в XVI–XX веках: Экономика, общественно-политическая жизнь и культура. Новосибирск, 1997. С. 131–138.

Шиловский М.В. Крестьянское переселение в Сибирь в конце XIX – начале XX в. Организация и социальные последствия // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Омск, 2004. Ч. 1. С. 62–66.

Шиловский М.В. Особенности поведенческих стереотипов сибирских крестьян во второй половине XIX – начале XX вв. // Сибирская деревня: проблемы истории. Новосибирск, 2004. С. 66–74.

Шиловский М.В. Аграрная реформа П.А. Столыпина и Сибирь: К 100-летию указа от 9 ноября 1906 г. // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Отечественная история. 2006. № 2. С. 3–6.

Шиловский М.В. Роль государства в развитии производительных сил Сибири во второй половине XIX – начале XX века: К постановке проблемы // Роль государства в хозяйственном и социокультурном развитии Азиатской России XVII – начале XX века. Новосибирск, 2007. С. 15–25.

Шиша А. Роль иностранного капитала в жизни Сибири. Новониколаевск: Сиб. обл. гос. изд-во, 1922. 92 с.

Шишкина С.Ю. Провинция и война: Тобольская губерния в годы Первой мировой войны (август 1914 – февраль 1917 г.). Тюмень: Тюм. гос. ун-т, 2005. 207 с.

Шкапский О. На рубеже переселенческого дела // Вопросы колонизации. 1907. № 1. С. 112–137.

Шкунов М. Заселение Алтайского округа // Вопросы колонизации. 1911. № 9. С. 91–127.

Штеренберг М.И. Об экономическом и духовном смысле истории // Философские исследования. 1995. № 2. С. 218–231.

Щагин Э.М. Октябрьская революция в деревне восточных окраин России (1917 – лето 1918 г.): Спецкурс. М.: Моск. гос. пед. ин-т, 1974. 369 с.

Щагин Э.М. Фермерское хозяйство, его основные типы на Дальнем Востоке России в конце XIX – начале XX в. // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе. Вологда, 2001. С. 203–216.

Щеглова Т.К. Ярмарки юга Западной Сибири в XIX – начале XX века: Из истории формирования и развития всероссийского рынка. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2001. 504 с.

Щеглова Т.К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке: Устная история. Барнаул: БГПУ, 2008. 528 с.

ЭВМ и математические методы. М.: ИРИ РАН, 1994. 223 с.

Экономическая история: Проблемы. Исследования. Дискуссии. М.: Наука, 1993. 220 с.

Экономическая история России XIX–XX вв.: современный взгляд. М.: «Российская энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. 624 с.

Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд. И.М. Сибирякова, 1892. XXII, 723 с.

Ядринцев Н.М. Сибирь как колония: Современное положение Сибири: Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее // Сочинения. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2000. Т. 1. 479 с.

Якименко Н.А. Аграрные миграции в России (1861–1917 гг.) // Вопросы истории. 1983. № 3. С. 17–31.

Якименко Н.А. О социальном составе крестьян-переселенцев в России 80-х гг. XIX – начала XX века // Отечественная история. 1993. № 1. С. 174–182.

Якимова И.А. Влияние переселенческого движения на эволюцию форм крестьянской общины в Алтайском горном округе во второй половине XIX в. // Историко-демографические проблемы Сибири. Барнаул, 1995. С. 105–126.

Якимова И.А. Общинное самоуправление как элемент социально-нравственной, хозяйственно-бытовой и правовой культуры сибирского крестьянства второй половины XIX в. // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул, 1995. С. 189–191.

Якимова И.А. Традиции коллективной взаимопомощи в крестьянских общинах Алтайского горного округа во второй половине XIX в. // Проблемы аграрного и демографического развития Сибири: Научные чтения, посвящ. памяти проф. Н.Я. Гущина. Новосибирск, 1997. С. 25–32.

Якимова И.А. Традиции уравнительности в крестьянских общинах Алтайского округа во второй половине XIX в. // Актуальные вопросы истории Сибири: Научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. Барнаул, 1998. С. 65–70.

Якимова И.А. Взаимопомощь и милосердие как традиционные черты общинного менталитета российского крестьянства в XIX – начале XX вв. // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Омск, 2002. Ч. 1. С. 74–76.

Якимова И.А. Современники о некоторых особенностях эволюции крестьянской общины в Сибири и Европейской России середины – второй половины XIX в. // Образ Сибири в общественном сознании россиян XVIII–XXI в. Новосибирск, 2006. С. 143–150.

Ямзин И. Переселенческое движение в России с момента освобождения крестьян. Киев: Тип. Акц. об-ва печ. и изд. дела Н.Г. Корчак-Новицкого, 1912. 204 с.

Ямзин И. Переселенческая статистика и хозяйственное положение переселенцев по исследованию Переселенческого управления // Вопросы колонизации. 1914. № 8. С. 73–95.

Яровой И.В. Экономическое расслоение деревни и характеристика основных групп крестьянства Сибири. Новониколаевск: Сов. Сибирь, 1924. 38 л.; 4 л. табл.

Яровой И.В. Экономика сибирской деревни: Материалы. Новониколаевск: Сибкрайиздат, 1926. 64 с.

Яхшиян О.Ю. Собственность в менталитете русских крестьян: (Попытка конкретно-исторической реконструкции на основе материалов исследований русского обычного права литературных описаний деревенской жизни второй половины XIX – первой четверти XX в. и крестьянских писем 1920-х гг.) // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). М., 1996. С. 92–105.

Яцунский В.К. Еще к вопросу о возникновении капиталистического расслоения крестьянства в дореволюционной России // История СССР. 1963. № 1. С. 119–141.

Яцунский В.К. О применении статистического метода в исторической науке // Труды Ленингр. отд-ния Ин-та истории АН СССР. 1964. Вып. 7. С. 26–36.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора ……. 3

Введение …….. 5

Глава 1. Историография крестьянского хозяйства Западной Сибири конца XIX – начала XX в. ……..… 34
1.1. Дореволюционная историография ……... 34
1.2. Советская историография (1917–1980-е гг.) ……... 59
1.3. Современная российская историография (1990–2000-е гг.) ….....… 75

Глава 2. Источники, методология и методика исследования внутреннего строя крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX в. ……..... 94
2.1. Источники для изучения внутреннего экономического строя крестьянского хозяйства региона начала XX в. ……...…… 94
2.2. Методология и методика исследования структуры крестьянского хозяйства региона ……..... 116

Глава 3. Экономический строй крестьянского хозяйства Западной Сибири на рубеже XIX–XX вв. …….. 142
3.1. Состояние крестьянского хозяйства региона на рубеже XIX–XX вв. …….. 142
3.2. Производственный экономический строй хозяйства различных социальных групп крестьянства Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. ……...…….. 167

Глава 4. Внутренний экономический строй крестьянского хозяйства Западной Сибири накануне 1917 г. ……...…. 207
4.1. Общее состояние крестьянского хозяйства региона накануне 1917 г. ……...…..... 207
4.2. Социально-экономический строй хозяйства различных социальных групп западносибирского крестьянства накануне 1917 г. ……...…. 220
4.3. Социально-экономическая природа земельной аренды в хозяйстве западносибирского крестьянства начала XX в. …..…... 248
4.4. Социальная природа наёмного труда в различных типах крестьянских хозяйств Западной Сибири в начале XX в. ……...….. .264

Глава 5. Эволюция внутреннего строя крестьянского хозяйства Западной Сибири в начале XX в. ……..…….. 283
5.1. Развитие внутренней структуры крестьянского хозяйства региона в начале XX в. ……..... 283
5.2. Социокультурная и экономическая природа крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX в. ……..... 301

Заключение ……..... 318

Литература ……..... 331

Научное издание

Никулин Петр Федорович

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТРОЙ КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ НАЧАЛА XX в.

Редактор К.Г. Шилько
Корректор А.Н. Гранкина
Оригинал-макет В.К. Савицкого
Дизайн обложки А.В. Бабенко

Подписано к печати 30.07.2009 г. Формат 64x80 $^{1}/_{16}$.
Ризография. Бумага писчая. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 22,32. Тираж 500 экз. Заказ № .

Отпечатано на оборудовании
ООО «Издательство «ТМЛ-Пресс»
634050, г. Томск, ул. Советская, 33, оф. 01.
Тел. (8+3822)-59-25-75

ISBN 5-94621-279-6

